

ПОЭЗИЯ

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

И СУДИТ МИР ПРОЩАЮЩИЙ ХРИСТОС...

* * *

Дрожит росой небесный белый крин,
Где с милосердьем слита чистота,
Когда монашка с лилией кувшин
Несёт к ногам тишайшего Христа.

И каждый раз — как молния, как стон:
— О, Кто распят был и зачем распят? —
И лилией белеет Твой хитон
В алтарной мгле вселенных и лампад.

Христос мой тихий! Лилия Небес!
По Галилее среди рощ и скал
Ты шёл земной судьбе наперерез
И лилии тяжёлые срывал.

Так мы, беспечно споря о своём, —
Смешная озорная детвора! —
Ромашки и гвоздики вольно рвём
В изрытых поймах старого Днепра.

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске, закончила Смоленский педагогический институт. Работала в библиотеке, в издательстве и газетах. Автор книг “Золотые шары”, “Птицы в городе” и подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы — и ждём
Ответа напряжённой вышины.

Над храмом разорённым — облака,
И город — в новостройках и в пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

И навсегда душа потрясена
Незнамо чем — невнятным сном? лучом? —
И дышит напряжённо глубина,
Где всё на свете знает обо всём.

И снятся нам цветы в накрапах рос —
В них с милосердьем слит поющий прах.
И судит мир прощающий Христос —
И лилия сияет на устах*.

РУССКИЙ ДУБ

1

У Мамврийского дуба в поющем дупле
Блещут царства, и звёзды текут по стволам.
Тыщи лет он стоял на иссохшей земле
Там, где Бога однажды узрел Авраам.

Вспыхнул огненный Свет, порождающий свет,
Заструилось теченье любви и тепла.
И хватило на долгие тысячи лет
Жизни той, что от ангелов трёх изошла.

Вырван вечною силой из тока времён —
Ни старенья, ни смерти ему не узнать.
Льётся Небо по листьям играющих крон,
И течёт по корявым корням благодать.

Крестоносец кичливый давал здесь обет,
Чтил законы раввин, голосил муэдзин.
Византии засохла священная ветвь.
Пал разрушенный Иерусалим.

Но в молитвах, звучавших под кроной сквозной,
Не услышал он жаркой прохлады лучей:
— Пусто, Господи, дубу в глухи мировой
Пить безвкусный настой иссушающих дней!

Вот тогда, жаждой Бога великой томим,
Среди жара пустынь не ища своего,
Из России безвестный пришёл пилигрим,
И три ангела пели в молитве его.

* В мировой символике лилия, исходящая из уст Христа во время Страшного суда, является символом милосердия.

Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над крестами — бездонных небес снеговей,
Под санями — сугробов таинственный хруст —
Потрясла исполина от крон до корней.

Как летит куполами над реками скит!
Что за пламя молитвы вдали от всех!
Как Господь над лесами лучами блестит!
Как поёт благодатью божественный снег!

И за сродство молитвы с единственной — той —
Стал он Русским среди палестинских равнин,
И пригрел монастырь под своею листвой,
И тянулся к России за Богом своим.

Ибо видевший Бога и чующий Дух
Будет Духа искать, не польстившись на прах.
И Россия легла под ветвями его —
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

2

Но века пронеслись, как сметающий вал.
Новый русский явился из шума молвы.
Ветви дуба сломал и кору ободрал,
И продал на крикливых толпучках Москвы.

И настолько он был бездушен и груб,
Так проникся идеями лжи мировой,
Что засох потрясённый безверием дуб
И ветвями скрипел в пожирающий зной:

— Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над тайгой и снегами — Христа тишина!
Дай же я за тебя посильней помолюсь
В нарастающей бездне последнего сна!

И в видении, чьё толкованье мудро,
Вдруг увидел мальчишку. Москвы воробей,
Тот просил подаянья в снегу у метро
И молился в слезах о России своей.

И летел в его шапку сияющий снег.
И о Боге Миров он не знал ничего.
Гнал и гнал беззащитного русского век,
Но три ангела пели в молитве его!

Те же ангелы пели — сквозь грохот и грязь,
Так же пели — в нахлынувшей мерзости лет.
И ожил, долгожданному чуду дивясь,
Русский дуб — и росток появился на свет.

Херувимы поют в его шумных ветвях.
Стаи ангелов гнёзда в листве его вьют.
Нерушимо Престолы таятся в корнях.
Светоносные Силы по жилам текут.

И среди запустенья — Любви торжество,
Ради вечного Духа отвергшая прах, —
Вновь Россия лежит под ветвями его
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

Русский мир! Снизошла на тебя благодать —
Суховей ли шумит или падает снег, —
Ибо каждый, кто Бога стремится узнать,
Будет жив и уже не погибнет вовек.

* * *

И опять упаду я в кислицу и мхи,
И вдохну этот запах, понятный до слёз,
Будто плакал ребёнок, слагая стихи,
Да слова потрясённые ветер унёс.

И пойду я туда, где мурашек следы,
Где погладит черёмуха по голове,
И дурманом фиалки пахнёт от воды,
И пронзительно ландыш запахнет в траве.

Этой речью без слов в трепетанье лучей,
И с Творцом, и с творением соединены,
Пахнут Богу леса на исходе ночей,
Пахнут Богу цветы на исходе весны.

И открыты миры этим духам лесов,
Этой речи без слов, этой вечной любви.
О, как множится в чаще число голосов!
Как свободны в таинственной жизни они!

Брать легко им лучи и легко отдавать
Этот хвоей и прелью дрожащий эфир.
И зачем познавать им и что познавать,
Если в льющемся духе содержится мир?

Если в сторону облака тянутся сны
В переводе со света на запах и цвет,
И всё гуще над бором покров тишины,
Ибо тайн у Творца от творения нет.

ПОХВАЛА АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ

На свет он явился под утро, как Божие диво.
И храбрый, и кроткий, и мудрый душой отродясь.
И лик не опишешь — уж полно собою красивый! —
Каким с колыбели и должен быть воин и князь.

Но я воспою не в хоругвях летящих Победу,
Не меч беспощадный, не плавящий доблестью взгляд,
Не то, как он шёл за тевтонцем и шведом по следу,
Не плащ его алый, как в льдинах Чудского закат, —

Нет, я воспою, что на княжьем столе над Россией
Он церкви украсил смарагдами и кумачом,
Что твёрдой душою он правду поставил над силой,
И кротость — над гневом, и милость — над острым мечом.

И был он смиренным — со свечкой таких не отыщешь
На древних просторах, где рыщет разруха, ярясь.
Любил он крестьян. Раздавал свои житницы нищим.
И хлебушек сеял — как истинный воин и князь.

А дальше явилось крапивное подлое семя
Князей и князьков, растащивших на части страну.
И каждый приблуда возносит себя надо всеми
И в жирное брюхо швыряет миры, как в мошну.

А если с экранов признаться обманутым тыщам,
Что вы поблудили и кровушки попили всласть?
А если раздать всё, что вы понаграбили, нищим?
А если достойным отдать, как положено, власть?

Но если не можете правду поставить над силой —
Смотрите: из ночи гнилых иноземных свобод
Огромное солнце встаёт над замерзшей Россией,
И в рать на Чудском собирается нищий народ.

И огненный плащ развеяная над пеплом пожарищ,
Летит над страной и коня поднимает, ярясь,
И меч вынимает святой Александр Ярославич
На правое дело — как истинный воин и князь.

* * *

*Бессловесная наша словесность
Не такие забыла стихи!*
Светлана Кузнецова

*Этот русский анапест,
что плачет во имя любви...*
Татьяна Глушкова

Опять взойдут, сметая тьму обмана,
Готовя мысли резкий поворот,
Две музыки — Светлана и Татьяна —
Среди навек закрывшихся широт.

Ещё мы пьём, поём и лиц не хмурим,
Как в детстве, беззаботны и легки.
И всё вокруг — затишье перед бурей.
И всё вокруг — звенящие стихи.

Ещё светлей сибирских льдов окраины
Глаза Светланы с правдой о другом.
Ещё черны, как чернозём Украины,
Глаза Татьяны под высоким лбом.

И в их союзе обоюдоостром
Есть что-то свыше — как ни назови.
Две русских музы — в отчём слове сестры —
Два света, две печали, две любви.

Но нет в холодном воздухе спасенья
От тьмы рвачей и ханжества невежд,
И слышен голос близкого крушенья
В трагедиях поломанных надежд.

Они уже так скоро станут солью
Земной России, обращённой в прах,
И без торгов заплатят смертной болью
За родину в руинах и слезах.

Но и тогда, сметая мрак обмана,
Споют святые строки на крови
Две музыки — Татьяна и Светлана, —
Два русских сна о вере и любви.

ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ

...Река сомкнула медленные воды
Над островом с забытой деревушкой,
Над лиственем, над кладбищем, над жизнью
Простых людей, не нужных никому.

Ты помнишь, как мы плакали, читая
Скупую повесть нового потопа,
И ни секунды не подозревали,
Что повторится вечный сон Земли?

...Опять сомкнулись медленные воды,
И, как когда-то тихая Матёра,
Ушла под воду целая эпоха.
А в рукотворных временах морях
Мелькают до сих пор, светя в глубинах,
То Китеж-град, то новая Матёра — Эсэсэр,
И Богородице-на-водах —
Заступнице — Россию сторожить*.

И знаем мы: нерукотворно время,
Но рукотворны дамбы и плотины,
Что перекрыли медленное русло
Природного течения времён.

Так обернулась малая Матёра
Пророчеством скупым о нашей жизни,
О всех, за миг оставшихся без кровя,
Без родины, без детства, без корней.

Прощай, Матёра, Бог тебя храни!

Давно сомкнулись медленные воды
Над Родиной, над правдой, над Победой,
И только тихий Валентин Распутин
Горит свечой на дальнем берегу.

И помним мы: когда входил Распутин,
Досужие смолкали разговоры,
И раскрывалось медленное сердце,
Ведь что-то было в нём всегда такое,
Чего не передать бессильным словом,
Но передать стоустой тишиной.

Прощай же, удивительное чудо!
Рассказ о том, как жить, чтобы остьаться
Среди светил — во времени огромном,
Среди святых — на дальнем берегу.

* Леушинская икона Божьей Матери имеет несколько названий — “Аз есмь с вами и никто же на вы”, “Зашитница России”, “Богородица-на-водах”. Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь, в котором был написан образ, затоплен Рыбинским водохранилищем.

* * *

В коричневых платьицах выше колена
Застыли у школы в сиренях и сини
Морозкина Оля, Крещенская Лена,
Садковская Лена и я вместе с ними.

— Что будет? — спросила Крещенская Лена.
— Всё будет! — Морозкина Оля сказала.
А мне показалась судьба сокровенной,
И я, засмущавшись, в ответ промолчала.

Провинции полдни в проулках таились,
Бросая нам звёзды и взгляды косые.
А впрочем, не слишком ли мы опустились,
Провинцией называя Россию?

И мы, как могли, полюбили округу,
Сложили окрестность, и землю, и воду,
В заботах насущных промчались по кругу,
Повсюду ища бытие и свободу.

Любовью побило, бедою побило,
Судьбой по другим городам разбросало.
Да сколько всего ещё разного было!
А я подглядела и вскользь записала.

Цвели нам сирени, маячили грозы,
Рабочие дни завершала усталость.
Душили проблемы, туманили слёзы,
Но много любилось и много прощалось.

А трудно ли было всё это осилить?
На этот вопрос мы ответим едва ли.
Но жизнь мы прошли и сложили Россию,
Какую мы знали и понимали.

Простую Россию — с недолей и долей,
Охапкой сирени, крестом небосвода,
Со всем, чему вряд ли научишься в школе,
Но это и есть бытие и свобода.

ЕГОРИЙ ХОРОБРЫЙ

Пусто, Господи, поле, и солнце мертвое.
Заблудился в безбрежном буряне закат.
Лишь Егорий Хоробрый коня своего
Погоняет вдоль в землю врастаяющих хат.

Сельсовет, как корабль, потонул средь травы.
В средней школе навеки закончен урок.
Пусты, Господи, реки, и пашни мертвые.
Все давно опочили, отживши свой срок.

Вот оно — пораженье великой земли.
Той землицы, что мы не сумели сберечь.
Пали, Господи, воины, кресты заросли.
О какой же победе заводим мы речь?

Лишь черёмухи вымокшей брызжет покров,
Да на губы летит одуванчиков пух,
И Егорий Хоробрый пасёт соловьёв,
Соловыиного войска небесный пастух!

Там, где тризна-жнея завершила свой труд,
Где осот и крапива взошли на крови,
Там выходят поэты и песни поют
О священной Победе и вечной Любви.

Ведь известно давно — кто посеет печаль,
Тот великою жатвою песни пожнёт.
Что за птицы мы все, коль себя нам не жаль,
Если отчая тризна нам — песенный мёд!

Разве падальщик ты, разве плакальщик ты,
Что поёшь о любви на пиру воронья?
Но огнём самогоночка в кружке дрожит,
И о павших гармошечка плачет твоя.

Ведь вмещает в себя нашей песни печаль
Всю кручину и кровь, все века и поля...
И клокочет, как колокол, древняя даль
В сердце мокрых черёмух, в груди соловья.

Подседай же, Егорий, в редеющий круг,
Подпевай, как враги наши хаты сожгли,
И скажи неутешную правду, сам-друг,
Где хранится Победа великой земли?

За лесами? За звёздами горных миров?
У Творца-Саваофа в мозольной горсти?
Или, можа, у глотках святых соловьёв,
Что ты вышел в черемушных тучах пасти?

Мы пропели на весь межпланетный эфир
Про войну-да-разруху, а снова поём!
Если в Слове творящем запахан весь мир,
Значит, наша Победа посеяна в нём.

Но гниют разорённые сёлы без слов,
И без слов потрясённое сердце болит.
Да и ты, расплескав самогоночку вдов,
С партизанкой столетнею плачешь навзрыд.

ЖРУДИКА

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

“ТЕРПЕЛИВАЯ МУЗА”

О стихах Натальи Егоровой

“Русской провинции свет” – название книги Натальи Егоровой удивительно соответствует смыслу и содержанию этого прекрасного издания. В нём не только поэзия слова, но поэзия жизни русского народа и русского искусства. Сколько бы перестроек, революций, бедствий ни происходило в истории России, в ней незыблемым остаётся русской провинции свет:

*...Свет золотится на лицах,
Сближенных в счастье родства.
Жалует, милует, длится
Праздничный миг торжества.*

*Кто же назвал тебя сонной,
Нищей, убогой, больной?
Светел покой, осенённый
Древней лесной тишиной.*

В. И. Вернадский, говоря об истории нашего народа, подчёркивал удивительные, небывалые его черты: в них “открывается великое творчество, как и русская литература, совершенно забытое, восстановливаемое и оживляющееся, как в эпоху Возрождения из земли возвращалось в своих остатках античное зодчество и культура”. Творчество Натальи Егоровой и представляется мне вот таким культурным слоем почвы, где лежит её “берестяная грамота”. Писать стихи, как древнюю грамоту, – редкость, открытие: вдруг предстаёт перед глазами изумлённого читателя деревня Волоковая, где “тысячу летостояла над озером весь”. Русское тысячелетие – сказание о тысячелетней войне. Литовцы, французы, немцы шли через Волоковую. И тысячу лет сидела у вечного огня, горящего в вечной печи, небывалая древняя старуха, Вечная Матерь, вечная и современная русская крестьянка:

*И сколько жила ты —войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты все ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.*

Тысячелетие русской истории встаёт и в стихотворении о современных дорогобужских мещанах, которые торгуют луком на базаре и “гоняют бешеных собак”. Когда-то здесь жил разбойник, который “грабил всех, плавивших в греки, по вольным пастващам Днепра”, а сейчас в захолустном городке такая тишина, что даже воздух засеян “мятой и укропом”. Но неожиданное воспоминание о прошлом разверзает трагические глубины бытия, и провинциальный городок с его тихими жителями предстаёт совсем в другом свете: “Он грабил с пользой: вслед хоромы настырный выстроил купчина. // Здесь было сто церквей со звоном! – Да вот нагрянула война. // И дядя Митя с дядей Пашей дошли до самого Берлина, // И тётя Таня с тётей Машей на хлеб сменяли ордена”… А в, казалось бы, сугубо личном лирическом стихотворении “Пойдёт снегопад. С колокольни зимы позабытой...” вдруг неожиданно и ясно предстаёт русский характер: “Я свечку зажгу и себя позабуду, и стану // В снегу у церквушки молиться за всех и за вся!”. Вот именно, русский человек способен себя позабыть за всех и за вся! И это в данном случае не вселенская отзывчивость, это наконец-то осознание своего, русского мира, за который пришла пора постоять. Такое небывалое состояние русского духа в наше постсоветское время родилось не вдруг, оно долго копилось, отстоялось и вот – проявилось. В стихотворении “Девяносто третий” небывалость эта в сравнении: “Тихо спит Москва убитая, // Обмотав бинтами ширь, // Как во поле после битвы // Васнецовский богатырь”. Недолго будет спать богатырская сила народа, алый крест уже горит в небе, напоминая о смерти и воскрешении. Небывалая же нищая и голодная старуха – ну, кто их не видел в наше время! Научились уже и не замечать их, и отбирать последнее, и натравливать полицию на их незащищённую и забывчивую старость. В стихотворении глаз старухи “смотрит косо // Не в мир, не в ночь, а в глубь себя самой...” Но “цветут под мокрым снегом розы // На вдовьем поле чёрного платка”, и случайный прохожий шепчет:

— Слезами вдов дорог скрепляя глину,
Под шелест вьюг, под грохот батарей
Она дошла до самого Берлина.
...Подайте же милостию ей!

Это творение останется в русской поэзии навсегда, оно существует как живой свидетель времени и нравов. Оно должно быть в школьной программе. Тесная связь исторического и религиозного звучит эпически значимо и ясно в стихотворениях “Всенощная”, “Одигитрия Смоленская”, “Нищенка с голубями”. Вместе с преданьями древних времён весомо и зримо утверждается русское самосознание в стихах “Сини очи бабушки моей”, “Русская тройка с разбегом”.

Наталья Егорова знает в поэзии толк, она умеет соединить прошлое и настоящее и каким-то неведомым чутьём предугадать будущее “с любовью к истокам”. Пушкин в работе “Юрий Милославский, или Русские в 1612 году” заметил: “Добрый наш народ – бояре, казаки, монахи, буйные шиши – всё это угадано, всё это действует, как должно было действовать в смутные времена”. У Егоровой действующими лицами нашего времени становятся самые простые люди. Например, школьная уборщица, гоняющая ребятишек, из стихотворения, написанного в 1986 году: “Самовольно добытою призрачной властью // Упивалась всерьёз ты и всласть – // Стороной обходило обычное счастье, // Но хоть в этом-то жизнь удалась”. К концу стихотворения самоуправство тёти Фени приобретает вселенские масштабы: “Сотни звёзд слюдяных разбивая в лепешки, // Заметалась по небу метла”. Поистине верно угаданная картинка из наших дней с их бесконечными самоуправством и жаждой власти. В стихотворении “Лампа Гагарина” мальчик Юра Гагарин под немецким обстрелом играет в землянке с крестьянской керосиновой лампой. Как напоминает это судьбу детей на юго-востоке современной Украины! Но Гагарин у поэтессы сродни былинным русским героям: он, как Святогор, обладает сверхъестественной силой и даже ребёнком “в мир выводит из творческой тьмы // Звёздный космос, плывущий лавиной // Над фонтаном военной зимы”. Звёздный космос, по желанию крестьянского мальчика с особой силой вспыхнувший над Россией в военное лихолетье, горит над нашими головами и сейчас: “Всё больше созвездий. Всё больше неведомых снов. //

Всё больше над миром горящих огнями миров”. Над миром – миры, а не жерла грозящих орудий! Героями русской жизни становятся Ефрем и Исаак Сирины, из вещих сиринов превращающиеся в русских снегирей: “Два снегирия за белою горой // В сирийском сне над Русью вековой”. Говоря о древних святых, поэт думает о нашем времени: “И в драме мировой из года в год // Совсем другой сюжета поворот”. И хотя о современных событиях в Сирии поэтесса не упоминает, стихотворение о духовных поисках и вере неожиданно оказывается остро злободневным. Вместе с тем становится ясно: в наши смутные времена вместе с весной появляются смелые души, которые хотят воскреснуть и думают о бессмертии. И не только в поэзии, но и в жизни. В этом – тоже предугаданное у Натальи Егоровой.

Но видит поэт и современность. Современный мегаполис властно входит в поэтическую ткань. В чём-то он противостоит свету русской провинции. Это область разрушения традиции, генов, самих основ бытия, область отчуждения. В стихах появляются и путана, и алкаш, и бомжи, и гаишники, и ворон, кричащий над городской свалкой, скрывающей убитых неизвестно кем жениха и невесту, и русалочка-мутант, живущая в грязных каналах столицы, которой даже матросы бросают крошки с баржи и кричат, боясь задеть её... Но живо и действенно имя Божье и в смути, и в отчаянье, и в просьбе о любви. Роковое признание поэтессы: “Я пропала с тобой, не кори меня зря. // Я хотела с тобою пропасть”, – рвёт струны сердца. И становится жаль, что “мужской покоряющей воле // Неподвластны простые слова”. Но человек не знает, что просит у Бога. Потому на просьбу о любви и поэтическом даре следует на первый взгляд неожиданный, в глубине же смысла – единственно возможный ответ Неба: “Белый дом запылал посреди тишины. // И узнавши, что люди – не братья, // Я пошла по руинам великой страны, // имя Бога твердя, как заклятье”. Всё так: дар слова и любви надо заслужить.

Трагедия одиночества человека в современном городе у Егоровой написана запредельно жёстко, и вместе с тем – в стихах правда жизни, они отражают реальные судьбы тысяч людей. Но и запредельная жёсткость перерастает в такое всепрощение – мощное подкрепление любви и счастья, – что нельзя не привести одно из её стихотворений целиком:

*Никто не позовнит, пока никто не умер.
От старых похорон до новых похорон
Гудит из тьмы времён отбой мой старый зуммер.
Молчит во тьму времён мой старый телефон.*

*Мне не с кем разделить судьбы обман и горе —
О бренном пощутить, о вечном порыдать.
Тревожит только смерть людской надежды море —
А жизнь её давно устала волновать.*

*Я трубку положу. Я не отвечу миру.
Забывший обо мне — зачем мне нужен он?
Я плакать научу свою шальную лиру.
Я помнить научу свой старый телефон.*

*Я попрошу: “Звени отбой сильнее, зуммер!
Будь песней бытия в тоске земных орбит!
Ведь это хорошо, что вновь никто не умер,
И хорошо, что мне никто не позовнит!*

Такие же запредельные чувства в стихах: “Гулки, гулки улицы пустые...”, “Дай мне руку твою, мне уже не помочь!”, “Брошу плащ на диван полусонный...”, “Всё меньше их, детей русоволосых...”, “Где твои дети?” Мир современного города – предапокалиптический. И современная, увы, мысль о том, что “в новом пространстве свободы // Прежней не будет любви”, заставляет поэта задать жёсткий вопрос новому поколению: “Сам ты проснёшься ли прежней // Тварью – с единой душой?”

Современна и беспощадна поэтесса в горском сказании “Ночь”, напоминающем пушкинское романсовое и драматическое стихотворение “Чёрная

шаль". Но у Егоровой красавая чеченка "выпьет кубок – под двуликой, // Смерть несущую звездой" не за любовь, не за трагедию ревности, а "за кривду сечи злой". Героиня этой баллады в чём-то – полная противоположность дошедшей до Берлина старухи, как противоположна священной народной войне жестокая бойня, ведущаяся современными ваххабитами. Красота и сила этого стихотворения-предупреждения делает его классическим. Но опять, задавая справедливые вопросы сегодняшнему времени, поэт с укоризной напоминает будущим поколениям о нашей славной истории: "Будто с первоходцем апостол Андрей // На собачьей упряжке не шёл сквозь тайгу, / Не вошли мы в космос своих кораблей, // Не построили царство на вечном снегу". Здесь и гордость, и горечь, и пророчество в свете освоения Россией Северного полюса в окружении "кривды сечи злой".

В "Отзывах о поэтах" Александр Блок размышлял: "В стихах каждого поэта девять десятых, может быть, принадлежит не ему, а среде, эпохе, ветру, но одна десятая – всё-таки от личности". Читая книгу Егоровой, можно сказать, что народное самосознание плавно перетекает в личное и обратно. В её "Царевне-лягушке" не просто фольклорный образ, а две величины – мужик и царевна, – кажется, несовместимы. Но вот спросит он: "Как звать тебя, царевна?" – и услышит: "Сказочная Русь". А сказка-быль всё продолжается и длится в стихах "Этим летом я богом была для лягушки, живущей в колодце...", "Сирень", "Гжатск", "Белый бант, коричневое платье...". Всё общее, всё личное и всё – поэзия! Поистине – Бог дышит, где хочет. О правде жизни в поэзии Натальи Егоровой нельзя сказать сухим и беспощадным словом реализм. Её писания, изображения, её зрение, в котором даже звёзды – "древнерусские", прошли через призму истории. Чутьё поэта преломляется во всём богатстве и силе русской жизни, и я назвала бы это состояние более зримым словом, чем реальность, – это ЯВЬ, где "солнца глаз – горящий муҳомор – // Диктует явь разрушенным просторам", где поэтесса сама задаёт вопросы земле и небесам и сама отвечает: "Встану на тёмном крыльце посредине скорбей..." Это разговор с живым небом, Мировой Душой, в безбрежной огромности повторяющей человеческую душу. Лирический накал строк предельно силен: "Вся я раскрылась и молча стою пред тобой". Такое одиночество женщины перед космической бездной явлено в русской поэзии, пожалуй, впервые. Это гениальная песнь одиночеству. И всё-таки всё возвращается на круги своя: "Снова ты думаешь, сильное Небо, за нас, // Быть иль не быть нам? – и властно диктуешь своё". Но и на этот апокалиптический вопрос есть у поэтессы твёрдый и уверенный ответ. Мировоззрение поэта не останавливается на внешнем. Недаром же в мирозданье главное для неё – "космос лиц, очерченных страданьем, // Сожжённых светом, ослеплённых тьмой".

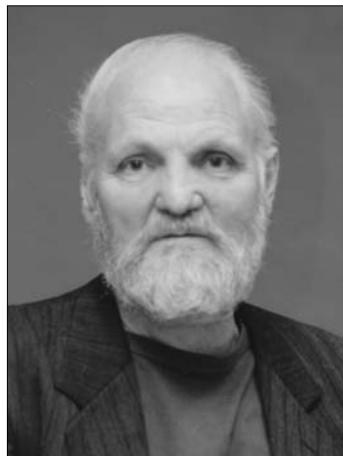
"Терпеливая Муза" Натальи Егоровой исполнена тайны, она хранит "свой ребячий секрет", как Божий дар. Поэтесса сама, как в стихотворении, посвящённом Юрию Кузнецovу, – пролетающий "над судьбой и сияющим мраком // Мирозданья неузнанный гость". Когда-то Татьяна Глушкова в критическом запале предрекала Юрию Кузнецову "разом и неординарность зрения поэта, и неизбежный тупик. Тупик философский, тупик духовный, омертвление души, холостой ход мрачного стиха, повторяющегося, не движущегося в однообразно-безвыходном пространстве". Но можно ли назвать тупиком осознание одиночества поэта, в таком же запале сказавшего: "Звать меня Кузнецов. Я – один. // Остальные – обман и подделка". Поэт, да и не поэт – всегда один в мирозданье, и не одиноким он оказывается, только "согревая просторы Отчизны // Несдающейся песней любви". Это прекрасно осознают и сама Наталья Егорова, и её поэтические предшественники – герои стихотворений: и Светлана Кузнецова, и "одинокий пророк" Николай Тряпкин пришли в поэзию, "чтоб Песней стать однажды и всерьёз". Потому-то и очевидно Егоровой, что "сбережённая память откроет" таланты всех помянутых поэтов, и каждый из них "сверкнёт как самородок". Каждый настоящий Поэт всю свою жизнь, все свои духовные и физические силы отдаёт Поэзии. Не потому ли в одном из стихотворений возникает образ поэта, распятого на лире земных страстей: "Руки прикованы к звёздам, // Ноги прибиты к земле". Это земное, грешное распятие, но и грешный поэт у Натальи Егоровой обладает поистине космическими силой и мощью.

Наталья Егорова с напряжённым постоянством вслушивается в пространство, время и вечные заветы предков: “Пространство – слушай, времени – внемли, // Лишь кротких ждёт наследие земли”. И в берёзовой роще на холме, мимо которой всё ещё пыхтит старый трактор, вновь за всех поёт душа поэта: “А что до смерти – да кто ж подскажет?// Виши – Русь стоит на холме пологом...” “Русь – древнее, но всецело живое и сегодня название нашей страны. Его происхождение... до сих пор не разгадано до конца (согласно строке Александра Блока: “И в тайне ты почиешь, Русь”.). В течение XVI-XVII веков “Русь” постепенно заменяется названием “Россия”, которое исходит из византийского (курсив мой. – Е. К.) варианта произнесения (“рос” вместо “рус”). В этой замене выразилось, по-видимому, стремление утвердить статус страны на всемирной сцене. Слово же “Русь”... – поэтическое имя Отчизны” (В. Кожинов “История Руси и русского слова”). Поэтесса как бы подтверждает слова мыслителя: “Это – глубже меня, это – дальше земли, // Это знанье древнее, чем свет. // Мы пришли из России и канули в Русь, // След оставил и песнь на земле”. Такие стихи хочется расписать на каноны и петь под гусли. Очень скоро стих Натальи Егоровой наполняется силой и мощью Руси уже в мировом плане: “Эту нищую землю никто не спасёт...”, “Вселенская церковь”, где над заброшенной, нищей дрогивающей деревенской церквушкой “восходят Царства – вечные, святые, // Не знающие тлены перемен. // И сам Христос, продрогший в ветхой раме, // Сквозь дождь и мрак несёт Благую Весть, // Чтоб знали все в забытом этом храме, // Что центр мира – пребывает здесь”. Не оставляет поэта и живое, органическое начало русской природы, отчего “часто-часто бьётся сердце, // Близко-близко дышит Бог”. А ещё есть здесь поэтические народные легенды: “Богородица и листопад”, “Трапеза”, “Угодники”, где образы Богородицы и Христа по-есенински сливаются с природой и дышат истинной народностью: “В рощах вётелей и берёз // Весь в цветах и юной зелени – // Мой Возлюбленный Христос”. Природа естественно перетекает в Слово, Мысль, Любовь, Доверие. Сюда же, в природу, врывается древнерусский “Днепр-Словутич” (автор не случайно предлагает древнерусское написание через “о” – ведь так это слово пишется в “Слове о полку Игореве”) – повествование лиро-эпическое, я бы сказала, поэма.

В книге Натальи Егоровой “Русской провинции свет”, совсем недавно удостоенной Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского Санкт-Петербургской Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, столько глубинного смысла истории и современности, старины и новизны, что вместе с поэтом любишь и веришь в духовное воскрешение и величие Руси-России.

ПРОЗА

ВЛАДИМИР КРУПИН

НЕДЕЛЯ В РАЮ

РАССКАЗ

Великорецкие крестоходцы

Опять год прошёл, опять мы вместе

Доехали по асфальту только до поворота. Свернули на просёлок, сразу сели. Машину еле вытащили. Ещё одну на трассе тормознули, перегрузили вещи и... тоже сели. Опять вытаскивали. Больше на колёса не надеялись, всё навьючили на себя: еду и питьё, лопаты, топоры и поплелись знакомой дорогой. Двенадцать километров. Грязища. Идём опять мы, как и ходили все эти годы: бригадир наш крановщик Анатолий и Толя, поэт, идут работяги, два Александра, один с бородой, другой без, идёт, опять же поэт, Лёша, а с ним впервые идёт сыночек-семилеток Вания, инженер Володя, писатель и поэт Николай, молчаливый Леонид, он заикается, иду и я, аз многогрешный. Год не виделись. Год, а как его и не было, этого года. Ибо главное в нашей жизни — Великорецкий Крестный ход.

Уже и годы смешались в нашей памяти. Что в том году было, что в по-затом, путаем. Да и не важно. Важно, что возрождается место, бывшее село Горюхово, где Крестный ход останавливается на длительное время — три часа. Тут и молебны, и погружение в купель, и набирание воды в дорогу из чудотворных источников.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной педагогический институт. Автор многих повестей и рассказов, романа "Спасение погибших", путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор "Православной азбуки", "Детского церковного календаря", книги "Русские святые". Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

Идём, идём. Тянет поклажа плечи, но душа ликует и сердце поёт. А какой лес по сторонам, какие просторы. Но надо же отметить радость встречи. Как без этого? Русские же люди!

— Бригадир! — взываем мы. — Год не виделись! Ведь мы же фактически ещё и не встретились! Ведь пока не грешно: Крестный же ход ещё из Вятки не вышел.

— А где присесть? — резонно отвечает он. — Мокрота же. Не отмечать же на ходу.

— А что особенного, — говорит Толя-поэт, — Хемингуэй работал стоя и никогда не знал простоя. Вон лесок впереди. Под ёлочкой-то как хорошо.

Анатолий назидает, уводя в сторону:

— Маргаритушка прошла семьдесят раз, у меня посоха для зарубок не хватит. — У Анатолия на посохе зарубки, обозначающие количество Крестных ходов. — Вот Ванечка сможет пройти много раз. Хорошо, что ты с этих лет пошёл. Да, Иван?

Ваня пока стесняется говорить, жмётся к отцу. Тот называет его мурено:

— Дружище, отвечай: к тебе глаголют. Мы входили в веру через терния и потери, через сомнения, а ты можешь войти органически, через радость.

— Лёша, от сына отстань, — советует Толя и говорит Ване: — Скажи папаше резко, Ваня: “В такую грязь, в такую рань меня, папаша, не болвань”. Ведь верно, Ваня?

— Ой, ребёнки, — смеётся Анатолий.

— Толя! — вскрикивает Саша. Подскакивает к Толе и достаёт у него из-под ног пёстрого шмеля. — Шмелик какой хорошеный красивый, мирное какое животное. Лапками умывается. Полетел!

На возвышенном месте посуще, идти полегче. Анатолий назидает:

— Кто без покаяния умирает, а паче того — без отпевания, двадцать мытарств проходит. Весь мир будет их проходить. Что видим в мире? Безпредел, ужас! Что видим: воровство, пьянка, разврат! — Он останавливается. — Ребёнки, мы так не дойдём. Надо Акафист святителю Николаю читать. Крестный-то ход Никольский.

Передышка

Останавливаемся, снимаем с плеч груз. Читаем Акафист святителю Николаю. Пытаемся даже петь, но иногда не очень согласно.

— Ничего. В прошлом где так же, не сразу спелись. А вы, ребёнки, за зиму сколько хоть раз Акафист читали?

— Чего с интеллигентов спрашивать? — вопрошает Толя. — Пойду солому поджигать.

Толя вообще поджигатель и разжигатель костров. Вскоре от оставленных груд соломы начинает идти густой серо-белый дым. Его ветром несёт на нас. Задыхаемся, сердимся на поэта, он хладнокровно объясняет:

— Это дымовая завеса, я вас маскирую, скрываю. С самолёта, чтоб не видно.

— От Бога ты нигде не скроешься, — наставляет Анатолий.

— Смотрите! — Толя весь озаряется. — Впервые такое вижу! Целое поле анютиных глазок. Да-а. Где бодрый серп гулял и красовался колос, теперь... — запинается.

— Теперь простор везде, и российские поля уже не рождают быстрых разумом Платонов, — привычно поддевает Лёша.

— Вот у этого затона я прочёл всего Платона, — отбивается Толя.

Оба Александра и Ваня рвут цветы. К иконе Казанской Божией Матери. Образ Её сохранился в Городове на стене колокольни.

Саша оцарапал палец. Толя — он врач — перевязывает:

— Тут операция нужна, тут надо обработать спиртом. Ты понял, бригадир? Тебе нужны здоровые работники или как? Я хирург. А хирург — это

взбесившийся терапевт. — И снова подговаривается к вышивке: — “Сжёг я средь поля сырье сноны и только за стопку сойду со стопы”. Нам не для пьянки, а чтоб форму не потерять.

— Лучше сойди со стопы и сядь, в ногах правды нет, — уклоняется Анатолий, — вся правда в Евангелии. Отдохнём и дальше пойдём. Молча. Каждый читай про себя молитву Иисусову.

Идём дальше

И в самом деле, много раз замечашь на Крестном ходу, что, когда идёшь и отвлекаешься на разговоры, то ноги тяжелеют, а когда идёшь и молишься, идти сразу легче.

Шагаем. Дождя уже нет. Ветерок обдувает, сушит. Ещё и то хорошо при ветерке, что он отгоняет от нас всяких крылатых насекомых. А когда ветерка нет, то и жарко, и комары, оводы всякие нападают, впиваются, пьют кровь. Место укуса долго потом зудит и чешется. Даже и лучше, когда бывает холодно. Тогда этих тварей нет.

Всякая погода бывала в эти годы, ведь уже скоро двадцать лет как ходим. И жарища египетская бывала, и холод. Да такой, что трава покрывалась инеем, а закрайки у реки Великой обледеневали. Всегда бывали и дожди, и град обрушивался. Но всегда и радуга выгибала небо. Иногда даже тройная. И всегда бывала радость. Этого не понять не верящим и не ходившим на Великую. Лупит град, крестоходцы голову закрывают, сами ликуют: так нам и надо, так нас, Господи! Накажи и прости!

И вот уже увиделась вдали гороховская колокольня. Плечи расправились, пошли повеселее. Радостно запели “Царю Небесный”. Сил прибавилось. Знакомый пригород, низина, кладбище, снова вверх. Дошли.

Пришли

В Горохово “обходим владенья свои”. Купели, конечно, исчезли, смыты водополицей. Ничего, наладим, на то и посланы. У родника сделаны три трубы. Из двух льются хорошие струйки, из крайней к лесу — чуть-чуть. С радостью пьём, умываемся — благодать! Вершинки леса осветились — это солнышко пробивается к нам сквозь тучи. У Саши прямо сияющее лицо.

— Толя, помнишь в прошлый год, ты не хотел погружаться в источник?

Саша напоминает случай из нашей жизни в прошлый Крестный ход. Мы оборудовали купели и погружались по очереди. А Толя потерял образок святителя Николая и сказал, что это ему знак — запрещение. “Без него не пойду”. Мы всё осмотрели, обыскали — нет образочка. А вечером вернулись — глядим — да вот же он, над источником! Чудо!

— Да, — кряхтит Толя, — не очень-то я был рад этому чуду, боялся холода. Но! Пришло! Зато доселе жив! Перезимовал.

Соображаем, чем займёмся в первую очередь. Потом во вторую и третью. Много надо успеть до прихода паломников.

Конечно, и работаем, и жизни радуемся, и о многом успеваем наговориться у костра.

Как начиналось

Нашу бригаду или артель, как угодно, сдружил и сплотил Великорецкий Крестный ход — это главное чудо вятской земли. Да разве только вятской! Уже идёт этим ходом вся Россия, всё Зарубежье. Ходу свыше шестисот лет. Наши предки дали обет каждый год носить чудотворную икону святителя Николая из Вятки на реку Великую, туда, где она была обретена.

Выполняя этот обет, мы вместе с другими ходим с иконой много лет. Помним, как шло нас человек двести, все друг друга знали, а сейчас идёт по пятьдесят тысяч и больше. Кто откуда. Вятских, в сравнении с другими, мало. Но вятские выполнили главное дело — сохранили Крестный ход. Вот и наша

бригада вся вятская. Все по происхождению сельские, то есть умеющие всё делать: и копать, и пилить, и стены класть, и круглое катить, и плоское таскать. И на земле спать, и клещей не бояться.

Нашу бригаду уже давно батюшки благословили уходить заранее вперёд, готовить встречу Крестного хода в Горохове. Там, на третий день пути, большая остановка с Акафистом святителю Николаю, с двумя молебнами, с погружением в купели, с общим обедом. Но ведь и купели, и обед надо кому-то приготовить. В церкви, пусть она ещё без куполов, тоже прибраться.

Горохово было огромным селом: сельсовет, средняя школа, больница, но большевики и сменившие их коммунисты, ненавидя Православие, уничтожили его. В прямом смысле. Как фашисты. Жители были насильно изгнаны, переселены, а все избы, все постройки сожгли. Сгребли бульдозерами в одно место и подожгли. Дым, как крик о помощи, восходил к небесам. И услышал Господь. Увидел наши малые труды и дал сил на дальнейшие. Диву сами даёмся, что было и что постепенно становится. В прошлом году разбирали фундамент школы, поражаясь его размерам. Разбирали, потому что нужен кирпич для возрождения церкви. Её тоже взрывали, но взорвать до конца не смогли.

Трудовые будни

Возвращаемся к костру. Закат перемещается к востоку встречать восход. Щедрый к ночи бригадир разливает, говорит Толе: “Пей первым, ты больше видел горя”.

Ночью изжога, бесконница. Выходит. Так хорошо дышится. Светлая прохлада. Комары молчат. Скрипит коростель. Из домика выскакивает бригадир, хватает полешко и с криком: “Получай, фашист, гранату”, — швыряет её в кусты. Коростель рад такому вниманию, усиливает звук.

Под утро оживил костёр, поставил чайник. Заходжу в избушку с романом: “Утро туманное, утро холодное, вставай, бригада, вставай, голодная”. Толя, просыпаясь: “Меня оставьте, чтоб не думать о Канте. Я хранил?” — “Хранили все, кроме тебя”.

Идём к роднику. Роса, холод. Шли только умыться. Но пришли, стали работать. И вот интересно: то ли так рады встрече, то ли труд наш очень нужен для участников Крестного хода, но здесь любая работа — в радость, а не в тягость. “Нам денег не надо, работу давай”, — это бравый бригадир. Меня гонит делать завтрак.

— Чай будешь заваривать, — наставляет он, — воду не прокарауль. До кипения не доводи. Слушай шум. Зашумит, как пчелиный улей, — заваривай. Смородины добавь.

Иду через густо-зелёный луг с полянками золотых купавок, с ароматной белизной черёмухи. Поднимешь глаза — лес, ели — как остроконечные шлемы древнего воинства. О, как весь год рвалось сюда сердце, и так хочется вновь надышаться ещё на год.

Завтрак тороплив — некогда чаи распивать, хоть и смородиновые: работы много.

За год купель истратилась, приходится заново восстанавливать. В неё лезут те, кто в сапогах, — Лёша и Саша. Мы на подхвате. Ваня оказывается незаменимым. Бегает то за тем, то за этим к домику, помогает и мне. Может посуду, да так, что за ним перемывать не надо.

У купели делаем бревенчатый настил на тонком месте, ступени на склоне, перила к ним. Изготовили и устанавливаем арку при подходе к источнику. Над ней — Крест. Кто ходил на Крестный ход, обрадуется новым свершениям, кто пойдёт впервые, будет думать, что так оно и было. А пойдёт неисчислимое море людей, и все будут погружаться в купель, набирать воду после водосвятного молебна.

Горбатимся, копаем, идёт синяя глина, целебная, лечебная, но такая тяжеленная. Ещё ходим за осинами, спиливаем, притаскиваем, разделяем по размеру. Не рассчитали, приходится опиливать. Но опильши, чурбачки идут в дело — выкладываем ими подходы к источнику.

Дерево осина чем хороша? Не гниёт. И вообще дерево замечательное, она же не виновата, что на ней Иуда повесился. И когда осина трепещет листочками, даже в ясную погоду, без малейшего ветерка, почему говорят, что она трясётся от ужаса, — она жизни радуется. Осина неженка: осенью первая желтеет, краснеет, оранжевеет и так оживляет лес, опушки, что даже не страшно думать о близкой зиме.

Дно купели выстилаем ровными, тонкими осинками. Прижимаем их сверху срубом. Другая часть бригады прочищает дорогу к роднику. И в прошлых годах вначале прорубали, потом расширяли тропу, но людей идёт всё больше, нужна уже не тропа, дорога, улица в лесу. Ваня полюбил топор: очищает стволы осинок от сучьев.

— Дружище, — говорит отец Лёша, — ты осторожней.

— Давайте все усыновим Ванию, все будем наставниками, — предлагает бородатый Саша.

Ваня уже освоился и смеётся громче всех:

— Дядя Толя, вы правда сегодня не храпели?

— Нет, дружище, как глаголил бы твой папаша, это не я храпел, это просто ты крепко спал, — отвечает Толя.

— А кто меня ночью потащил? — спрашивает Ваня.

Тут мы все начинаем смеяться. Ночью именно я, проснувшись, захотел что-то под голову подложить. Пощупал: у стены телогрейка. Потянул её к себе, а телогрейка как закричит! Это Лёша укутал сына в телогрейку, уложил его за общим изголовьем.

— Вания, — советует Толя, — будешь писать сочинение: “Как я провёл лето”, обязательно в конце припиши: “Марья Ивановна, всё было хорошо, вот только работать подушкой больше не хочу”.

Ой, до чего же здесь хорошо!

Да, как радостно, что мы здесь, тут мы молodeем, освежаемся телом и духом. И, как говорили древние, возгреваем православные чувства.

Готовлю обед, но решаю, чтоб сэкономить своё время для работ на источнике, заодно готовить ужин. Кастрюль хватает, нанесли их за эти годы. Разошёлся, начистил ведро картошки. И спохватился: кончилась картошечка, много на себе не притягиваешь. А ведро за обед и ужин скушаем. Ещё бы, при такой-то работе на свежем воздухе какой у всех аппетит! Ничего, завтра перейдём на каши. Я уж знаю, кто какую любит. Крупы много.

Раскочегарили с Ваней печурку, крышки кастрюлок дребезжат. В самой большой закипает вода. Завариваем, как велено, смородиновым листом. И, конечно, ещё и пачку листового.

— Вания, ты и костровым был, и посудомойщиком, а теперь, ноги в руки — будешь посыльным. Аллпор три креста за работниками!

— То есть быстро бежать?

— Нет, надо ещё быстро стоять и долго спрашивать.

Вания помчался. А я тарелки, кружки, ложки на артельном столе подготовил. Хлеб нарезал. Идут мои братики. Саша сияет:

— Всё цветёт, всё благоухает! А птицы! Рай! Рай! Ванечка, запомни!

— Продолжаю диктовать сочинение “Как я провёл лето”, в нём напишешь: “Я был в раю, там меня жрали комары и клещи, а в речке плавали лещи”, — советует Толя.

— Стоп! — восклицает бригадир. — Раздеваемся! Немедленно! Надо это было сделать перед сном.

Бригадир совершенно прав, ибо клещи похожи на радиацию: их не видно, не слышно, но они есть. И вот — у Саши на шее, под бородой клещ. Хорошо — рано хватились. Смазываем укус растительным маслом. Бригадир ниточкой обвязывает клеща и начинает потихоньку как бы выкручивать его из тела против часовой стрелки. Не дай Бог, оборвётся. Но всё, слава Богу, обошлось.

— Надо в баночку и на экспертизу, — говорит Саша без бороды.

— Много клещу чести. Экспертиза! Клещ и слова такого не знает, — говорит Толя. — Он уже не жильтц, развязите и отпустите.

Я стучу ложкой по кастрюле и возглашаю: “Отче наш...”.

После обеда, перед новыми трудами читаем Акафист святителю Николаю. Поём всё лучше. Умилительны наши молитвы. Саша всегда плачет и оправдывается: “У меня слёзы сами текут и текут”. Он старается всегда выбрать время, чтобы прибираться в храме, выносить мусор, подметать пол. Пол, которого пока нет, — утоптанная земля. А что было-то! Всё было завалено мусором, горами удобрений. Голыми руками выгребали. А запах какой шёл от удобрений! Молодым женщинам становилось плохо — аммиак. Но вятские старухи и тут не сдавались. Помню, меня поразило то, что я собирал кучи битого стекла, ссыпал в старое ведро, и тоже голыми руками, и ни одной даже царапинки.

Молимся всем миром, а будет так, что и места в храме не будет. Говорим о том, что Крестный ход двинулся из Вятки. Знаем даже по часам, где они теперь.

— К Бобино подходят.

— Нет, ещё часа через два. У нас, в Горохово будут послезавтра, часам к девяти утра. Выйдут из Монастырщины в три часа ночи.

Ставим Крест между источником и купелью. Делали его из молодой сенки. Снимали нежную подкорку, вспоминая это лакомство детства. И сейчас тоже в самый раз. Всё в нас оживает. Особенно от воды источника. Её хочется пить всё время.

Чуть больше суток здесь, а кажется, живём тут давно.

Работаем, и комаров замечать некогда. А их тучи.

— Ещё, Ваня, — советует Толя, — напиши в сочинении: “На Крестном ходу меня удивляло то, что комары совсем не кусали старух, а кусали меня и девочек. Дядя Толя объяснил: старухи железные, а девочки живые, а это разная степень вкусности”. И сообщи граду и миру, что одна девочка тащила с собой целый пакет всяких антикомаринов, дезодорантов, и её всё равно жрали круглосуточно. Запомнишь?

— Запоминай, дружище, — советует Ваня Лёша.

Бригадир, как всегда авторитетно, просвещает:

— Комаров создал Бог для питания птиц и для обновления крови. Убавляется крови, начинают работать кроветворные органы.

— Комарихи любят пьяных мужичков, — в тон ему продолжает Толя. — Я же сам таков. Алкоголь входит в кровь, которую комары пьют. Балдеют, сами становятся алкоголиками, начинают на всех нападать, кусают даже машины и трактора. Ваня, запиши.

Опять мы промерились с длиной жердей для настила. Переделываем.

— Ничего, — утешает бригадир, — трудов напрасных нет.

— Есть бесполезная работа, сказал поэт, трудясь до пота. — Это Лёша.

— Может, когда сюда и Патриарх приедет, — мечтает Саша.

— Вначале архиерей, — решает Анатолий. — А я, братья, видел архиерея. Лично. Возил документы от храма на подпись. Батюшка говорит: меня могут не пустить, ты пройдёшь. Прошёл. Попросил благословения, подал прошение. И не забыть подпись его: одна треть страницы — это прошение, а две трети его подпись. А вот вы, умники, скажите, почему — меня спросили в приходе — у Патриарха охрана, он ведь человек Божий, его Бог охраняет? Почему?

— Да если бы не было охраны, я бы первый стал его охранять, — заявляет Саша. — Столько сейчас психов, ненормальных, сектантов.

— Это не ответ. Его же Бог бережёт.

— Так вот, Бог и поставил охрану.

— Да, — восклицает Анатолий, — так мне и надо было ответить.

Вания неожиданно спрашивает:

— А почему кружки после чая не надо мыть?

— Как так?

— Да, не надо, это я распорядился, — говорит вождь. — В немытой кружке вкус нарастает. И вообще, в закопчённой сверху и чёрной внутри кружке есть что-то партизанское, фронтовое.

Приходится соглашаться.

— Не мыть — так не мыть, — говорит повар. — И в самом деле,

есть же великая вятская пословица: “С грязного не треснешь, с чистого не воскреснешь”.

— Это от Писания, — сообщает бригадир. — Фарисеи чаши очищают, а сами полны нечистот.

Скоро снова в дорогу

Когда заканчивается Крестный ход, то уже думаешь о следующем. Прикидываешь, чего надо взять, а что нынче не пригодилось, зря носил, то не надо. Становишься потихоньку опытным, незаметно меняешься. Но не меняется тяга к собратьям, к нашей бригаде.

Год на год не походит, так же и Крестный ход. Каждый раз разный.

— А помните, составляли инструкцию для крестоходцев, но не записали, жаль, — говорит Саша. — Меня спрашивают, что взять, во что одеться.

— Тут главное — во что обуться. Пластыря взять против мозолей. И зелёные, она сушит. Носки запасные, шерстяные. И чтоб синтетики ноль целых ноль десятых. Свитер. Голову чем прикрыть, — перечисляет бригадир. — Из еды, что полегче, меньше всяких банок. Изюм, он лёгкий и питательный. Горький шоколад. Сухари! Обязательно ржаные. Мелкие. Идёшь, сухарик во рту как конфетка.

— Какие там инструкции — раз пройти и всему сам научишься, — заявляет Толя. — Главное — взять благословение. Взял иди, иди, иди.

Нас всегда веселит воспоминание, как на одном из наших первых ходов пошла женщина в годах, а её батюшка не благословлял. И она сильно занемогла. Упала. Что делать? Тогда никаких врачей с нами не шло. Бросать нельзя. Надо тащить. Сделали носилки. А чтоб её нести, нужно восемь мужчин. Несут по четверо, меняются. И вот её уложили на носилки, пошагали. Она кричала на весь лес: “Ой, простите меня, дуру старую! Ой, бросьте меня! Ой, закопайте!”

— Кайся, кайся, — говорил батюшка. — Не ухаживали за тобой враз восемь кавалеров, вот на старости лет порадуйся. Им-то во спасение, тебе за непослушание во грех.

И когда мы вспоминаем этот случай, то вспоминаем и то, что на Великой она исповедалась, причастилась, и обратно шла со всеми своими ногами. Но уже взяв благословение.

В распутьи

Под холодющим дождём пришлось идти и в этот раз. Думали, машина довезёт. И опять же, забуксовала. Вытаскивали. Ещё попытались ехать, вообще сели. Снова вытаскивали. Все в глине. Дождь хлещет. Вещи разобрали, надо идти.

— Господь труды любит, — говорит вождь. — А вы комфорта хотели. Как Маргаритушка говорила: грешить-то погоду не выбирали!

Никто иначе и не думает. Не идём, а ползём. Не до разговоров. Усталость полезна. Молитва усиливается. Отдых под деревом. Знаем, в вещах не только продовольствие, топоры, лопаты, пила и гвозди, но и лекарство от простуды. Вождь, выдержав мхатовскую паузу, отмеряет по полпорции. Читаем “Отче наш”. Малостью подношения не оскорбляемся. Это только начать.

— Между первой и второй перерывчик небольшой, — сообщает вождь. — Это научно доказано, потому что процесс гидролиза начинается в организме в первые минуты принятия дозы, и надо ему помогать.

— А чтоб между второй и третьей пуля не пролетела, — это, конечно, поэт.

Как в дом родной пришли

В Горохово, как всегда, доползли измученные. Сразу видно, что после этой зимы снова всё заилилось, ступени к источникам размыты, подходы к купели заросли. И это за один год. А когда пятнадцать лет назад, после

пятидесятилетнего запустения, тут прорубались, пропиливались, каково было? Нет, нынче всё фруктово. Хотя пришли, конечно, уставшие. Может, ради первого дня посидим у костра? Да где там с нашим вождём!..

Костёр, конечно, запылал — моя работа, они пошли начинать что-то делать к источнику. Праздничный обед — салат, картофель с тушёнкой, гречка, чай-чай-чайце с мёдом — обеспечу за два часа. Тушёнку надо съесть сегодня, так как завтра начинаем поститься перед причастием.

Завтра вдобавок будет парадная гороховица в Горохове. Лёня каждый год приносит мешочек отборного крупного гороха. Замачиваю в котелке.

Всё! Кастрюли, большая и маленькая, в горячей золе, огромный чайник закипел и чай заварен, тарелки, ложки, вилки разложены, кружки расставлены. Где народ? Иду за народом. А народ разработался. Включаюсь и я. Но мне же хочется, чтобы братья горяченького поели. “Отец Анатолий, благослови на сегодня шабашить”.

Разгибается: “Запиши: тот зря прожил жизнь, кто не был на Великорецком Крестном ходе”.

Идём к костру. Радуга над храмом, он под ней — как картина на выставке в полукруглой раме. И вдруг — глаголы небесные! — долгий тихий гром.

Да, все мы, все будем с тоской и радостью вспоминать праздник Великорецкого Крестного хода. Да, праздник. Он, как и Пасхальная Светлая Седмица, недельный.

— Братья! Мы знаем, что такое рай: мы каждый год неделю живём в раю.

Передай по цепи кирпич

Каждый год много надо делать. Особенно нынче: перетаскать штабеля старых кирпичей. Мы же в прошлые годы их выкапывали из фундаментов бывших зданий, село же было. Сложили, погордились, а вот, оказывается, штабеля не на том месте. Записка от реставратора Андрея: “Перетаскать ближе к колокольне”. Кирпичи старинные, большие, сырье. Друг друга осаживаем: “Не бери враз больше четырёх”. Идёшь — руки оттягивает. Тогда умная чья-то голова: “Давайте в цепочку встанем”. Встали. Передаём из рук в руки. Дело пошло! Да ещё молитвы запели. И ожили. И когда меня стали гнать, чтоб я шёл еду готовить, мне из цепочки уходить не хотелось.

О рюкзаках

Самый устрашающий по размерам и по весу рюкзак — у Володи. Рюкзак он называет “смерть туриста” и “счастье паломника”. Спросите, чего у него нет, если даже есть походная складная плита, пассатики (?), набор приправ, всякие тяжеленные банки консервов. Мы свои банки стараемся поскорее выложить на общий стол при каждом привале, а Володя не успевает освобождаться от тяжестей, ему же надо распрячься от своей поклажи, расстегнуть всякие пряжки на всяких ремнях. Так что тащит бедняга свой груз дальше. Прямо как добровольные вериги. Жалея его, забираем у него по паре банок. На следующем привале я стараюсь их поскорее высунуть на общий стол. И свои прибавляю. Вроде того, что я очень такой добрый и хороший. Но на самом деле это эгоизм: без груза легче идти.

Конечно, было эффектно, когда Володя в первый раз на привале в пять минут на своей плите согрел чай в литровой кружке. Кружка из тонкой стали с припаянной ручкой, которая совсем не греется. Это же такая роскошь — сидеть на поляне среди леса и подставить под струйку кипятка свою кружку, и сыпнуть в неё щепотку опять же Володиного целебного чая.

Ой, чего только не было

У костра часто вспоминаем начальные наши хождения на Великую и труды в Горохово.

— А Крест поднимали, помните?

— О-о-о! — произносят все. И все крестятся.

Да, это незабываемо. Крест устанавливали Борис. Он и верхолаз, и альпинист, и опять же — как без этого! — поэт. В епархии он знаменит тем, что ремонтирует, красит купола, стены. Полжизни между небом и землёй.

С утра он всё готовил к подъёму креста. Поднялся на купол, установил блок, перекинул через него тонкую прочную верёвку, сбросил её концы к нам. Мы привязали к одному концу крест и взялись за другой. Погода была спокойная. Но что такое католическая злоба к орудию нашего спасения: как только Борис сверху дал команду, и мы стали поднимать крест, рванул ветер. Крест мотало в воздухе.

— Молимся, братья, молимся!

Запели: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко”. И много-много раз пели. Крест достиг вершины. Его принял Борис. Теперь уже вся надежда была на Бориса. Надо было укрепить крест в приготовленной для него гнездовине. Ветер превратился в штормовой. Мы кричали:

— Может, в другой раз?

— Молитесь! — кричал Борис.

И снова, и снова: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко”, — и Борю снизу вверх крестили. Вот-вот уже вроде вставил крест, а ударом ветра его сшибает. И опять молимся, и опять Борис старается укрепить крест.

— А не помните, за сколько установили?

Кто говорит — час, кто — полтора, кто — два. Не помним. А сколько раз молитву спели? Сто, двести, триста? Тоже не помним. Но вот он, крест, плывёт в облаках. А когда долго глядишь, то и сам начинаешь плыть, как на плоту.

Приснилась Маруся

Приснилась Маруся Распутина. Весёлая, красивая: “Говорю папе: “Я стихи сочинила, вот какие, — и читает: — Мы вышли из леса на поле пшеницы...”

Вспомнил, так как идём Крестным ходом и как раз вышли из леса на бывшее поле, но только не пшеницы, не ржи, не гречихи, не овса — сурепки. Оно вроде и красиво, так ведь и татарник красив.

Да ведь ещё же и сам Распутин приснился. Сидит вполоборота. Его кто-то спрашивает: “Валентин Григорьевич, а вы причащались?” Он не отвечает, но понятно, что причащался.

А ещё при его жизни был сон, который ему рассказал: будто мы встречаемся с царём Николаем, будущим страстотерцем, и с наследником престола отроком Алексеем. Валентин идёт впереди с царём, я — с царевичем. Рассказал, спросил: “И о чём ты с императором говорил? — Пусть он тебе ещё приснится и сам расскажет”.

Женщина идёт рядом: “В городе живёшь, в городе воздух в горле стоит, а здесь так вольно, так грудь наполнена. Но так тяжело: идёшь — идёшь, так грустно, так пусто, нет деревень, а раньше-то как! Столы выносили, ведёрные самовары, квасу наварят, плюшки-ватрушки. И их отсюда выжимали, налогами душили, сажали, на целину угоняли со своей целины”.

Поле кончается, снова входим в лес.

Изгнание беса

— Вылечил я своего соседа от беса, — говорит на привале во время Крестного хода Анатолий. — Как? Он мне всё время: бесы, бесы, всё они ему карзились, казались. Видимо, пьянка догоняла, пил раньше крепко. А когда отстал от пьяники, то бесам-то, конечно, в досаду. Опять тянут. Всё у него бесы. И жена уже не смогла с ним жить, ушла к матери. Звал его в церковь — ни за что не идёт, не затащишь. Одеся я тогда, прости, Господи, самочиние, в беса. Вечером, попоздней вывернул шубу, лицо сажей вымазал и к нему. В коридоре грозно зарычал, потопал сапогами, дверь рванул, вlamываюсь. Боже мой! Он в окно выпрыгнул. Я скорей домой, умылся. Рубашка, курточка. К нему. Он во дворе, еле жив, в дом идти боится.

И мне, главное, ничего не рассказывает. В дом зашли вместе. Я у него в первую ночь ночевал. А потом в церкви батюшке повинился. “Ну, Анатолий, — батюшка говорит, — ну, Анатолий! А если б он умер от страха?” — Говорю: “От страха бес из него выскочил” — “Мог вместе с ним выскочить”. А я каюсь и скорей голову под епитрахиль сую. И что? И не являлись ему больше никакие бесы. Я к жене его сходил, уговорил вернуться.

Разговоры разговариваем

Когда на Крестном ходе идёшь, то надо одно — молиться. Зачем же и шёл, если не молиться? Молишься и идти легче. А увлёкся каким разговором или пристал кто, уже ноги тяжелеют, плечи от лямок рюкзака немеют. Опомнившись: “Прости, Господи”, — и опять за молитву. И, глядишь, вскоре пошагал, и дышится легко, и люди все какие хорошие, и природа вокруг какая свежая, и комары вроде не жрут.

Но на привале почему не поговорить? Тем более обязательно разговоры — как обмен опытом.

— Меня, — рассказывает Саша, — поставили прямить гвозди. Их много надёргали из старых досок, когда разбирали пристрой к церкви. Гвозди большие, прямятся плохо. Я день промучался, а назавтра пошёл в хозяйственный магазин, купил на свои деньги новых гвоздей, принёс настоятелю. Думал, похвалит. А настоятель вздохнул и говорит: “Саша, конечно, и эти гвозди понадобятся. Спасибо. Но дороже мне старые гвозди, которые ещё послужат. Ты не гвозди прямил, ты себя выпрямлял”.

— А хоть и ругают батюшки за праздные разговоры, да только и сам много не поболтаешь, всё равно пешие труды прошибают. Не зря же говорят про Крестные ходы: молитва ногами. Солдаты на марше. Идёшь когда каждый день часов по шестнадцать, то усталость очень полезна.

— А вот, братья, я ходил на Царский Крестный ход в Екатеринбурге, так то совсем иначе, чем на Великорецком. У нас неделя, там один день. Как и Курский Коренной. А на Урале — никогда не забыть! — пошёл первый раз, говорят, что идти около двадцати километров. Ну, я опытный крестоходец, так считаю, думаю: значит, это три привала, дойдём часов за пять. С вечера служба, потом Литургия, причастились, чаши, наверное, десять выносили — море же людей. Пошли. Идём. Владыка Викентий впереди. Идём, идём. А там же не как в Вятке, там вся дорога — это асфальт. А я ещё именно в тот год шёл, когда огромная эстакада над железной дорогой, железобетонная, зашаталась. В резонанс вошла. Это да. Под ногами ходят тысячи тонн бетона. Страшно. Если б не Крестный ход, что бы тут было? Крики, визги, истерики, паника. А тут молитвы зазвучали, и всё громче и громче. Все были уверены, что Господь и Царственные страстотерпицы беды не попустят. И успокоилась эстакада. А она метров пятьсот. Да, но что надо сказать. По сравнению с нашими там женщины идут нарядные, они же свои сарафаны в болоте, в луже не запачкают, в лесу не изорвут. Модницы там прямо исключительные. Но наши лучше. Да, так я же о чём. Идём и идём. Ну, думаю, наверное, только две остановки. Опять идём и идём. Иисусову молитву поочерёдно поём. Вначале братья, потом сёстры. И опять братья, и опять сёстры. Идти легко. Архиерей впереди. Думаю: ну, уральцы! Значит, только один привал. И вот, когда уже вышли к железной дороге, увидел указатель “К Ганиной яме, к монастырю Царственных страстотерпцев”, понял, что вообще не будет отдыха. Вот Владыка!

— Так многие с того хода и на наш приезжают.

— Да. Стальными становятся. Это гвардия православная куётся в таких походах.

“Мне голос был”

Как-то мелькнул в Горохово, но запомнился такой Виктор. Капитально бородатый, идёт один. Вождь сурово допрашивает:

— Ты взял благословение идти одному?

— Мне так Бог сказал: иди один.
— А еда есть у тебя?
— Я Святым Духом питаюсь. Главное у меня — борьба с плотью, с самим собой. Есть надо то, что не разжигает плоть.
— А семья у тебя есть?
— Семья мне мешала спасаться.
— И ты решил её загубить?
— Как?
— Кормить же детей надо.
— Большие уже.
— То есть, как у цыгана: маленькие были — грудь сосали, подросли — воровать научились? Садись давай с нами, окрошкой плоть не разожжёшь.

Виктор садится к столу, перекрестясь перед тем на храм. Сел на пенёк.
— Я из смирения на скамью не сяду.
Поел окрошки.
— Вот тебе ещё каша овсянка. Тоже не разжигает.
Посели, попили, прочитали молитвы. После вечернего правила вождь наказывает Виктору:

— С утра вымоешь хотя бы один котёл. Вон крайний.
Размеры котла, видимо, ужаснули Виктора.
— Я на северах на океанских судах ходил. Там движки в пятьдесят тысяч лошадок. В цилиндр, как в этот котёл, можно было залезть.
— Вот и залезай.
Но утром, ещё до нашего пробуждения, Виктор ушёл. Спасаться пошёл, бороться с плотью или не захотел котёл мыть, не знаем.

Мальчик Володя

В конце первого дня Крестного хода подошёл ко мне мальчик, сказал, что он Володя, и попросился идти вместе со мной. Он остался один. Они шли с товарищем, а родители товарища догнали их и увезли сына обратно. А Володя с ними не поехал. “Я дальше пойду, я хочу весь ход пройти”.

Да, нагружочка, думал я, намучаюсь. А оказался Володя таким славным, был он не только не в тягость, а в радость. Всегда молчал, шёл рядом, на остановках приносил или травы кисленки, или травы, корни которой мы называли репой и ели. Также ели мы с ним сосновую и еловую кашку, молодые побеги — будущие шишки.

Никогда Володя не заговаривал первым. Только всего и было, когда открылся с горы далёкий зелёный горизонт: “Лес-то какой большой. — Потом, подумав: — На запад идём. Ой, нет! На юг: солнце недавно взошло”. И ещё: “Чайкам-то, видно, негде на реке жить, обмелела, сюда прилетели. Будут, как вороны”.

Володя всегда шёл рядышком. Прямо как любимый внучек шёл. Никогда ничего не просил, не жаловался, всегда старался в чём-то усердить. Но ги натёр в резиновых сапогах — даже не сказал. “А тебя не будут искать? — Нет, я с бабушкой живу, она отпустила. Она раньше и сама на Великую ходила. Говорит: принеси мне травы батюшки Серафима. — Сныти? — Да. Сейчас не буду собирать, завянет. Уж ближе к концу”.

Именно к Володе привязался большой рыжий пёс. Бежал с нами от Великорецкого. Его любили, и он не голодал. Но всегда возвращался к Володе. Володя ему очень радовался, дал имя Пират и считал своим. “Бабушка ругать не будет, он хороший”.

Но покинул нас Пират. Видно, не хотелось ему возвращаться, но что делать — служба. Подпрыгнул перед Володей, положил лапы на плечи и помчался обратно. Ночевали в Мурыгино. Постелили нам на полу. Я лёг с краю, быстро уснул. Сплю я беспокойно, одеяло всегда сползает, и я слышал, как Володя всё время поправляет его.

А назавтра Володечка ушёл. Уже начались окраины Вятки. Он увидел автобус: “Ой, мой номер. — И жалобно добавил: — Я ведь поехал, дядя Вова”. — И убежал.

Очень мне стало без него грустно. Ничего не знаю о нём, неловко было расспрашивать. С бабушкой живёт, траву-сныть батюшки Серафима ей понёс. Рада будет.

Резиновый сапог

Резиновый сапог на что годится? Недалеко от переправы через Грядовицу есть родник. Старухам к нему не подобраться. Молодой парень говорит: "Сейчас Медянский бор, большой будет переход, пить захочется, пойду, воды наберу. Кому принести?" Старухи обрадовались, тянут ему бутылочки. По литру, по полтора. Он покрутил головой: "Ладно, чего-нибудь придумаем". Ушёл с другом. Минут через двадцать возвращаются, тащат в руках каждый по резиновому сапогу. Видно, что тащат с усилием, ещё бы, в каждом сапоге литров по десять родниковой воды. "С песком промыли, ополоснули пять раз. Подходи, получай фронтовые сто грамм".

Разливают воду в бутылочки. К каждому очередь.

Снова привал, снова разговоры

Женщина показывает фотографии:

— Вот с какими бесами работаю, специально взяла показать.

— Дальше не неси, закопай. Или сожги, или утопи. Конечно, и за них молись.

Другая:

— А у меня! Соседка читает мне про секту, специально приходит. От церкви отговаривает. Мол, у них лучше. Лечат болезни. Делают испускание ключей на восток. Я прямо плонула: всегда на запад надо делать испускание.

Старик:

— На фронте, на марше, сколь пить захотел, увидел огромную лужу, выскочил из строя, упал к краю лужи и внападку стал пить. Вдруг на меня гуси. Испугался сколь. А как пить не захочешь, когда на голове — рама пулемёта, на плечах — колёса. Да я ещё катки потерял, пришлось вернуться. Нашёл. Присел, лучше б не сидеть, а то сразу кинуло в сон. Очнулся от пальбы. Догонять! Догнал. Там не поймёшь, что было, кто стрелял. Темно уже. Окопались, пристреливаемся. Они кричат: "Не стреляйте, сдаёмся!" — Выходят, сдаются. Я так курить хотел — уши пухнут. — "Раухен", — немецу говорю. Он угощает. И сам курит. Я и автомат забыл — курю... Да-а. Меня два раза в звании повысили, два раза разжаловали. Раз опять послали с термосом за ужином. Навыочился на кухне, возвращаюсь — заблудился. Пришёл... к немцам. Слышу: гыр-гыр-гыр. Под самый нос пришёл. Потихоньку, потихоньку — в сторону. Тут наши как хватили по этому месту, ударили. Думаю — всё! Сел на землю, достал ложку из сапога, хоть перед смертью поем. Каша не сильно горяча, съел с котелок. Поел и обстрел перестал. Пришёл.

— Так это мы по тебе стреляли? Так как ты жив? — Мне бы признаться, что кашу ел, а стыдно, вроде как украдкой поел. Говорю: "В воронке пролежал". Тут возчик капусту гнилую везёт, вся расплзается, а пленные у него хватают с воза и в штаны прячут, штаны мокрые. Их кормили. Один дорвался, ведро киселя выпил, живот схватило. После ранений я фронты менял: Третий Белорусский, Первый Прибалтийский, Второй Прибалтийский. В хуторах подземелья, из домов подземные ходы. Когда успели нарыть? Значит, знали, что придёт Красная армия.

С нами идёт бледная, красивая Катя. Не ест ничего совершенно. И ни с кем ни слова. Зоя ей говорит:

— У тебя сапожки рваные, а у меня запасные есть, возьми, пожалуйста.

Катя надменно:

— Вы всё сказали? Я могу уйти? — И ушла.

— Да она блаженная!

— Не блаженная — блажная. Если даже батюшку не слушает. Она же “святая”, где нам до неё!

— Ой, не осуждай!

— Прости, не буду.

— Летом с ребятишками одни тревоги. Иду на работу, знаю, что всё равно на речку убегут. Прошу: вернитесь хоть пораньше, чтоб я видела, что вы не утонули. На работе всё сердце изорвётся.

— А вот, вроде как шутят, когда наказывают: утонешь — домой не приходи. А ведь утопленники чаще всех других покойников приходят. И у Пушкина то же, у Гоголя.

— Старик плёл лапти. Да какие! Воду не пропускали. Двадцать шесть пар наплёт, конфисковали, увезли в передовой колхоз “Красный Октябрь”. А старик какой был знаменитый: и гончар, и печник. Горшки у него были, сейчас они вообще на вес золота. А печи клал! Уже изба вся разрушилась, сгнила, а его печь стоит под всеми дождями-снегами — подходи, затапливай! Когда лапти отобрали, он сказал: “Всё, больше на дядю не работаю”. И слёг. И не встал.

— А я ещё ходила, когда нас гоняли. Уже у Великорецкого сцепали и в машину покидали, в кузов. У меня сумочку из рук вырвали. Там туфлёнки да кофтёшка. И ведь отобрали. Завезли в лес: “Вылезайте”. Мы вылезли, уже темно. “А куда идти, где дорога? — Пусть вам Бог дорогу укажет”. — И уехали. А так и вышло: мы нисколько не заблудились, а у них машина заглохла. Их комары всю ночь шпиговали, они ж городские, непривычные.

Нам же и жаловались. Говорят: нас заставляли. А сами? Да. Вот я заметила по жизни: кто строил дома на месте кладбищ, в тюрьмы пошли, а кто безвинных сажал, те спивались и с ума сходили. На хлыновском кладбище постройки. Священник из собора Александра Невского сколь был против строительства. Посадили. Татьяну, дочь его, я старухой помню, рассказывала мне, что её носили на руках на свидание. Он ей все пальчики переколвал. Больше не видела.

— Ой, для смеху расскажу. Одного запугали, что в Медянском бору медведи, да они и были раньше, он поверил, взял с собой, ведь всю дорогу с собой таскал, какой-то шокер, им, говорит, демонстрации разгоняют. И ещё газовый пистолет. Тяжело же. А не выбросишь.

— Какие там пистолеты, одну молитву надо с собой брать.

— А вот расскажу: у мамы был сарафан из ненашего шёлка, подарили ухажёр. А её-то мать, моя бабушка, спряла сама и выткала льняное полотно и из него сарафан спишила. И по нему вышила розы, голубые и алые. Все ахнули, вот какой сарафан. “Носи, дочка”. Так мама больше разу не надела тот, иностранный.

— Ухажёру вернула?

— Не знаю, врать не хочу.

— Ты говоришь, милиция гоняла. Так она какая ни есть, а своя. А вот иностранные фотографы — эти страшней. Чем? Идём через лес, много вязовника было, тогда ещё не расчищали. Еле прокрарабкиваемся. И вот эти бесы, прости, Господи, с фотоаппаратами заходят вперёд и подстерегают, когда женщина или там девушка будет через дерево перешагивать. Когда ногу поднимет, тут старается щёлкнуть. До какого сраму эта Европа дошла! Или вот идём через кочки. Какая старуха и упадёт. Другой бы мужчина подбежал поднять, а этим одно надо: кадр.

— Ну да — русские в болоте. Им только это и интересно. Или вот в Горюхове погружались, они снимали, в кустах прятались. Хорошо, теперь сделали ограждения.

— Да и архиерей распорядился: без разрешения не фотографировать.

— Они русских, как туземцев, снимают. У них и Пасхи-то нет, что с них взять, несчастные. Надо читать за них акафист “Умягчение злых сердец”.

— Жадных.

— Новый акафист написать: “О просвещении глупых европейских умов”.

— Да и свой-то просветить не худо.

— Неверующему говорит батюшка: “У тебя пять детей, один слепой. Кого больше всего жалко? Слепого? Конечно! Так и тебя больше всего жалко. Скажи, как без Бога жить, как тыкаться в потёмках и умереть в обидах? Говориши: пробовала молиться, и ничего в жизни лучше не становится? Да ты молись, чтоб хотя бы хуже не было!”

— Осипов, знаете? Алексей Ильич говорит, что жизнь земная не курорт, а больница. Я вот тоже думаю, что грехи надо не грехами называть, а болезнями. Только вот он зря вроде как успокаивает, что ада нет. Есть. Я за одно объядение попаду. Удержаться не могу, ем многовато. Вроде и постное, а всё же еда. Конечно, болезнь. Думаю, какие бы таблетки.

— Голод придёт, быстро вылечишься.

— Без храма не спастишься. Тело моют в бане, душу моют в храме. И молиться всегда. Стол без молитвы — это стойло для скота. И работать без молитвы — это в робота превращаться.

За столом с батюшкой

В Медянах позвали за стол. С нами батюшка — отец Анатолий. Торопится поесть и встать. Зоя:

— Ты чего, батюшка, из-за стола рвёшься? Ты сиди, разъедайся, солидность наращивай. С нами поговори. Вот почему свечки такие дорогие?

Батюшка отвечает:

— Может, это восковые. Конечно, они дороже. Горят аккуратно, неслышно, тихо, запах медовый, а химические трещат, воздух травят. Свиной жир в них добавляют. Нет, я поросенку в церкви жечь не дам.

— А вот, батюшка, у нас отец благочинный, прости, Господи, всё всем разрешает: и самоубийцу отпевать разрешает, и давленых, и травленых, и топленых.

— Этого я не знаю, не видел, не слышал и обсуждать это не буду и вам не советую. Нравится священник — молись за него, не нравится — тем более молись.

— Эдак, эдак, — поддерживают старухи.

— А вот, батюшка, говорят: для глаз очень полезно при вставании солнца на него смотреть.

— Пойдём завтра до солнышка и проверим. — Подходит к окну: — Луна ещё — видите? — в ореоле. Жарища будет, а если зимой так — к морозу. На природу мы обращаем внимание, и от этого к Богу приближаемся, мы же ею, Божиим творением, дивимся.

— Да, да, идём по природе, молимся, а от этого и в церквях легче молиться.

— А вот чего это, батюшка, нынче чересчур очень много говорят о деньгах. Нам-то что говорить, при наших-то капиталах.

— Чего вы бедности стесняетесь? — говорит отец Анатолий. — Всё ваши жертвами только и держитесь. Какой богатый для показухи отстегнёт и чванится. Так это разово. А прихожане — копеечки, пусть маленькие, но на каждой службе. Это надёжнее.

— А вот, батюшка, скажу: хорошо, что вы по улице в облачении ходите. А то встретила отца, имя не буду говорить, встретила, а как благословение просить, он в пиджаке, вроде чиновник.

— Не осуждать! — сурово говорит отец Анатолий. — Идёшь в рясе — больше искушений. Ко мне тут парень подскочил: “А у вас борода не бутафорская? Можно подёргать?” — “Дёргай!” — говорю. Всё-таки постеснялся.

Мужчина (до того молчавший):

— Менты гонят на “Вольво”, прут на красный. Гляжу — ни за кем не гонятся, а прут. Я их машину перекрестил, и машина у них заглохла.

Банный час

Спасибо Андрею: нынче уже и баня. Сан Саныч натопил. Радуемся, ибо намёрзлись, да и ночь впереди трудная: матрасы после холодной весны влажные. Негде было просушить. Хвалим Сан Саныча. Он:

— Я люблю, когда меня хвалят.

Плохо видит. Толя его подковыривает:

— А как же ты женщин различаешь?

Отшучивается:

— Я наощупь!..

— Это что такое, такие разговорчики! — кричит вождь.

Баня крохотная, но троих вмещает. Первая партия пошла. Толя садится на чурбак: “Я в кресле, даже под дождём, себя восчувствовал вождём”.

Оба они, Толя и Саша, прыгали с парашютом, есть что вспомнить. Саша:

— Не спал я всю ночь, перенервничал. Прыгнул. Вслед кричат: “Красная строка!” Я всё забыл. Учили говорить: “Пятьсот один — два — пятьсот три”. Дёргать кольцо. А страшно: вдруг не раскроется. А земля на меня несётся, дёрнула от страха — парашют раскрылся. До этого прыгали на пятки. Со стола. Стол на стол и ещё стул.

— Парашют сам собираешь, — рассказывает Толя. — Пиши расписку: за мою безопасность никто не отвечает. Ничего себе, думаю, — неминуя приходит. Расписку написал, насторожился. И всё кажется, что парашют не так собрал. Нам говорят: бросят против ветра, это красиво. А прыжки уже идут, одного уже закрутило, хлопнуло. И уже кричат нас. Говорю другу: “Юр, мы же неправильно собрали”. Кричат ещё раз: “Гребнев, Сафонов!” Пошли. А Сафонов тяжелее меня на пятнадцать килограмм, первый должен прыгать, чтоб меня потом не погасил. Самолёт АН-2. Лётчица — баба, курит “Беломор”, глядит презрительно. Мгновенно заволокла в высоту. Юра сел у люка, спустил ноги, глядит жалобно. Баба папиресу сплёвывает, кричит: “Прыгай!” Он молчит. А самолёт крохотный, люк — рядом с лётчицей. Она Юрку ногой выпихивает. Рассердилась на него: надо же делать ещё круг, керосин тратить. Юра нырнул. Теперь я. Ноги свесил, их ветром так сгибает, кажется, что в колене сломит. Боюсь. Но ведь всё равно выпинает. Полетел, строны дёргаю, ничего не запомнил, велели ноги вытягивать, я вроде вытянул, но сел не на две точки, а на одну, сидячую. Язык до крови покусил. Подбегают: “Как?” Мычу, встать не могу, кровью плююсь.

Пора и нашей смене в баню.

Баня ах как хороша! Вот это русское “оно”, оно из “Василия Тёркина” — не по зубам для переводчиков. То есть достигнуто искомое температурное состояние, когда тело в истоме, когда кожа становится от счастья и просит веника. А веники у нас двухсоставные: пихта и берёза.

Одеваемся. Саша:

— Меня бабушка учила: “Ходи баско, говори бастенько, не омыляйся”. Другой Саша:

— А у меня бабушка ни копейки за так не давала. Прошу пять копеек на кино. Она: вот возьми поленья в сенях и принеси к печке. И пятак даёт уже как заработанный.

Как хорошо после бани в мокром лесу! У избушки разводим костёр. Вождь у нас Анатолий. Несмотря на Андрея, по-прежнему зовём вождём Анатолия.

— Дуйте, дуйте! — кричит вождь, падая на колени перед костром.

— Уроды, — кричит, пробегая, Андрей-диктатор. — До сих пор котлы не вымыты! Рахиты!

— Ад себе готовит, — говорит вождь. — Молитесь за него. Нельзя же, грех, называть человека уродом. Слабо знает Писание. Не знает, что ему грозит.

Рассуждения у котла

— Вот вам наглядная иллюстрация к теории Джона Локка о чувствах. Они обманчивы, — это повар философствует. — Лёне кажется — много соли, мне — вроде в самый раз, Лёша соли не хватает. А кто управляет чувствами? Разум? Это Кант. Да и разум может врать. А им кто управляет? Правильно, дети, воля, тут Ницше и Шопенгауэр. А рядом уже фашизм. Ибо появился племянник английской королевы Дарвин. Он спрыгнул с дерева, он разился от инфузории-туфельки, встал на ноги, изобрёл станок Гутен-

берга, и что? Надо же дальше, надо же от человека идти к сверхчеловеку. А это, дети, как мог бы сказать Заратустра, фашизм.

— И как это женщины всю жизнь у плиты, с ума сойти, я бы повесился, — рассуждает Саша. — А вообще вот что скажу. Все говорят: жёны декабристов, жёны декабристов. Да любая русская женщина, которая с алкоголиком живёт и не бросает, и вытягивает его, выше любой декабристки. Если б не русская женщина, полстраны бы умерло под забором.

— А как эта пословица: какие девушки хорошие, откуда же злые жёны берутся? — спрашивает Лёша.

Толя прекращает разговоры частушками:

— Ой, подружка дорогая, до чего ты хороша: ведь природные румяна и открытая душа. И — хором! Наша Вятка серебристая, на песочке камешки. Наши девушки гуляют, не ругайте, мамушки. — И вполголоса, от имени противоположного пола: — Хороши, хороши в нашей реченьке ерши. Парни любят понарошку, ну, и мы не от души.

— Вот ещё, пока не начали работать, случай расскажу, — говорит Саша. — Едут русский, чукча, грузин, хохол. Скучно ехать. Давай играть. А как? Карт нет. “Давай так, — говорит грузин и ставит бутылку коньяку: — Дама”. Хохол шлёпает шмат сала: “Король!” Чукча хлопает балык: “Туз!”. Русский говорит: “Мне крыть нечем. Снимаю”. И всё сгрёб.

— Что это? — вопрошает Лёша. — Москальская шутка или великороджавный шовинизм?

— Какой там шовинизм, — возмущается повар. — Вспомни пословицу: не вспоивши, не вскормивши, врага не наживёшь. “Москаль зывил твоё сало”. Много ты его у них съел? Мне вообще больше белорусское нравится. А лучше всего вятское.

— А на Крестный ход много приезжает с Украины и из Беларуси, — говорит Саша. — Из Риги целый вагон.

Скоро придут. Пришли!

Много уже прибежало помощников из Крестного хода. Вряд ли их благословили обгонять Крестный ход. Покаются. Говорят, что нынче идти тяжело. Ещё бы — глина, грязь внизу, дождь сверху. Но это всегда так. Испытывает Господь. Не бывает Крестных ходов курортных. Дождь, град, снег бывал в эти годы. А уж дожди всегда. А то и жара-жарища. Холод, кстати, лучше, чем жара: комаров меньше. И вообще, Крестный ход — это трудности. А мы всё удобства всякие изобретаем. Помним, Маргаритушка назидала: “Санаторию захотели? Грешить-то погоду не выбирай!”

Пришли! Колокола! Море людей, море дождя. Море горящих свечей. Акафист в храме. Люди радостные, хотя и приморённые, шатаются даже от усталости, мокрые.

Горы записок на столах, которые мы утром поставили, протёрли. Толя знакомой женщине, Наташе: “Услышав колокола звуки и не во сне, а наяву, я вытер трудовые руки о восходящую траву”. Её, что совершенно понятно ценителям поэзии, восхищают слова “о восходящую траву”: тут и рост травы, и весна, и стремление ввысь, и чистота: трава мокрая, моет руки.

У источника — полчища людей. Нашей бригаде немного грустно — уходим отсюда. Выслушиваем слова благодарности за оборудованные купели, за ступени к источнику. Вождь вещает:

— Нам благодарность в погибель. Вся слава Богу. Мы много живой природы загубили, проход прорубали.

— Зато как стало хорошо-то проходить, — благодарят те, кто помнит прежние годы. Ведь с чего начинали!

Мы поминаем, нас помнят

Пригодились наши длинные столы для молебна, они завалены записками-памятками. Прочитанные батюшками паломники опять берут себе, чтобы и на следующем молебне положить для нового прочтения. Поминание

родных и близких — это одно из главных на Крестном ходу. О, сколько же имён! Если идёт пятьдесят тысяч, и хотя бы половина пишет памятки, то ведь пишет не по два-три имени, десятки родных поминает! Это сколько?

И нами расставленные тяжёлые железные корыта на ножках тоже во всю работают. Они заполнены песком. Это подсвечники. Вдоль стен. Целая лента пылает. А свечи всё добавляются.

И мы уверены, и это много раз подтверждалось, что, когда мы кого поминаем в молитвах, то те, кого поминаем, вспоминают нас.

Задуманное коллективное погружение не состоится: много работы. Ещё приготовить место для стоянки знакомых паломников, натаскать дров для костра и, опять же, побольше воды. Бегу к источнику, придумав уважительную причину — набрать воды для последнего здесь в этом году чаепития. И торопливо ахаю в купель. Троекратно. Чувствительно. Освежающе. Укрепляюще. Ободряюще. Заряжающе. Воскрешающе!

А вот староверы уже прошли. Никак не хотят ходить с нами.

Разговор о них. Выстоят, если в Православие обратятся. А они считают, что мы должны вернуться в их веру. Но какая вера? Считают, что только они правы. Но так и любые сектанты считают. Поговори поди с баптистами, адвентистами, всяким свидетелями Иеговы — так только они и правы. Но староверы — наши! Наши братья.

Арсенька и другие. Снова привал

Вождь учит:

— Ловить рыбу надо на нытьё. Как? Червяка насадить на крючок, закинуть и начинать ныть: “Вчера ты, рыба, не клевала, с утра не клевала, скоро обед, а ты всё не клюёшь”. И всё равно клюнет.

Разговор на привал.

— У нас Арсенька так-то ловит на нытьё, — замечает паломница.

Да, уж этот Арсенька. Видно, и он послан нам для терпения. Он именно ноет: как ему тяжело жить, как на работе над ним издеваются, не платят, нечем за свет заплатить, еды нет, только картошку ест да кильку. Конечно, куда денешься от русской жалости, подают ему. Всё равно ноет. Когда кто-то не выдерживает, особенно мужчины, бывшие военные, и винчают ему, что недостойно мужчины побираться, Арсенька тут же обороняется: “Все вы тут Чапаевы да Будённые, один я рядовой. Не учите жить, помогите деньгами”.

— У матери деточки ушли за ягодами. День прошёл — нет и нет. И вечер уже. Побежала в церковь — закрыто. Тогда и на паперти, и у алтаря молилась. Пришли, рассказывают, что заблудились, а встретили старичка, дедушка такой седенький, он им дорогу показал. Святитель Николай, некому больше.

— Град-то в прошлом году был, помните, конечно? Перед Великорецким. Как лупило, о-о! И целлофан на всех теплицах изорвало. А мы шли с соседкой Наташей. Идём мокрые, голову прикрываем. Ну, думаем, пропали наши теплицы. Вернулись. Так — поверите? — наши только теплицы и уцелели. А Дуся, тоже участок рядом, говорит:

— Да как же это, этакое чудо: будто кто заворожил ваши участки! У всех все грядки выбило, у вас уже у огурцов по два цветка. Пойду, говорит, с вами на будущий год. Так чего-то не вижу, пошла или нет.

— Из Макарья женщина пошла, забыла дом закрыть. Спохватилась к концу дня. А, не буду возвращаться, как Бог даст. Вернулась, в доме парень небритый, кидается к ней в ноги: “Всё верну, что поел из холодильника, только выпусти. — Иди, кто тебя держит? — Старичок держит. Я иду к дверям, он встанет на пороге, я боюсь”. Всё батюшка наш!

— Самоубийцы прямой наводкой идут в ад. А солдаты убитые — в рай. Идут в рай без мытарств.

— А вот, женщины, как рассудить? Сменщик у меня был. В церковь ходил. Не часто, но ходил. Правда, пил. А как началась эта горбачёвщина, стало всё горбатиться, как стали народ спаивать, убивать этими спиртами, “роялями” всякими, мужиков ещё “роялистами” обзывали. И я ему говорю:

“Не бери в киоске, это гибель”. А он взял, налил сто, выпил и сидит с открытыми глазами. Я чего-то говорю, он молчит. “Ты что молчишь?” Взял за плечо, он и повалился. Готов. Так это самоубийство или его убили?

— Еврона убила. Её и судить.

— А вот я бы американского президента спросила: “Зачем тебе везде надо свою власть? Деточка, ты же лопнешь”.

— Все обвалы, хоть у отдельного человека, хоть у народа, начинаются с гордыни. Заносишься? Значит, мордой в грязь всё равно сунешься.

— Говорят, трудно ли рыбачить? А что там трудного? Наливай да пей. И трудно ли в Крестный ход идти? А чего там трудного — бери с собой ложку иди, и ешь. Кормят же везде. И в Великорецком, и в Медянах, и в Мурыгино, и в Гирсово.

— Шутка шуткой, а сколько идёт очень бедных людей, они рады хотят бы неделю поесть.

Победила комаров

“Марьяна — юбка портня”. Так в шутку называли совсем юную студентку Марию. Красавица. Тряслась над своей красотой, боялась комаров до смешного. Тащила полсумки всяких препаратов от кровососущих насекомых. На привалах намазывалась. Но ведь жарища, от этих мазей тем более лицо потеет. Становилась некрасивой, страдала. На привале салфетками снимала остатки препаратов, заново оптикутурировалась. Клавдия всё подщучивала. “Ох, Марьяна — юбка портня”. И вот — исцеление. Сама, сама! Мария вышивырнула всю косметику в кусты, и сообщила, что дарит её лисе-моднице. И пошагала! Да ещё так похорошела! И никакие комары не смели к такой красоте подступиться.

Вятские улыбаются

— А как же вятским не улыбаться! Обязаны москвичи, — поддерживает повар. — Спасские ворота Кремля названы по обретённой в Вятке иконе Всемилостивого Спаса. До того они были Константино-Еленинскими. А в соборе Василия Блаженного есть церковь Святителя нашего, Николая Великорецкого. И вообще собор восемидесят лет назывался Никольским.

— И вообще Москва стоит на земле вятичей. Однозначно! То есть, если кто её начинает наводнить без приглашения, то вятичи имеют право сказать ему: “Куда прёшь, холоп?”

— Ну-ну-ну! — осаживает вождь.

— А что ну-ну? Вот ты нукаешь, вот все мы такие скромняшки, а часовня деревянная в Слободском на сто лет старше знаменитых Кижей, и она же — самое древнее русское крепостное сооружение. Вот и “ну-ну”! “Гордиться славой предков не только нужно, но и должно”, товарищ вождь!

Бояться только Бога

— Бояться ничего не надо, даже Страшного Суда, — заявляет повар. — Как? Конечно, он Страшный, но можно обезопасить себя от страха, воздвигнуть вокруг себя “стены иерусалимские”. Страшный Суд — это же встреча с Господом. Мы же всю жизнь чаем встречи с Ним. Пусть страшатся те, кто вносил в мир мерзость грехов: насильники, педерасты, лесбиянки, развратники, обжоры, процентщики, лгуны массовой информации, убийцы стариков и детей, пьяницы, завистники, матершинники, ворюги, лентяи, непочётники родителей, все, кто знал, что Бог есть, но не верил в Него и от этого жил, не боясь Страшного, неизбежного Суда. Вот они-то будут “издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою многою”. Это у апостола Матфея. Так что увидим Господа, для встречи с которым единственно живём.

— Может, курящих пожалеет, — мечтает Толя.

Погружение

Женщин тут нет в округе самое малое двенадцати километров, так что самый подходящий костюм для омовения — костюм Адамов. Даже забыли, что тащили жребий очерёдности погружения. Прочли “Символ веры”, “Отче наш”, “Богородице, Дево”, тропарь святителю Николаю и — с Богом! Троекратно, паки и паки заново крестясь, во имя Отца и Сына и Святого Духа! Совсем не зябко, а радостно ощутить светлую холодную воду.

Прощай, милый источник, прощай, животворящая купель, прощай, по крайней мере, на год. А уж потом — как Бог даст.

Тихонько идём обратно. Конечно, все наши разговоры о единственной нашей, любимой России. Опять повар:

— Когда на литургии слышу Блаженства, особенно вот это: “Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как безчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах”, — то я всегда не только себя к этим словам примеряю, а вообще Россию. Смотрите, сколько злобы, напраслины льётся на нашу Родину. Великая награда ждёт нас. Есть и ещё одно изречение: “Не оклеветанные не спасутся”, — а уж кого более оклеветали, чем Россию? Так что спасёмся.

— Да, братья, быть русским — сейчас самое трудное. Но ничего. У всех менталитет, у русских душа.

— А ещё мне нравится о русских: русские умные, а их считают за дураков, а остальные дураки, а притворяются умными.

— Один такой умный, когда мы уходили, говорит: “Зачем же пешком почти двести километров? Ведь можно же на машине”. Говорю ему: “На машине едешь — грехи с собой везёшь, а идёшь пешком, они от тебя отцепляются”.

Они идут, а я тут, в Москве

Нынче не пошёл на Великорецкий Крестный ход. “Отходили мои ноженьки, отпел мой голосок, а теперь тёмной ноченькой не сплю на волосок”. Да, в общем-то и прошёл бы. Но больны мои родные, а дети в отъезде. Но ещё причина — в людях, в тех, что идут впервые или недавно. Им надо со мной поговорить. Отшёл один, подошёл другой, стережёт третий. Когда молиться? И уклониться нехорошо. “А помните, мы с вами..?” Но неужели я вспомню сотни и сотни встреч?!. Хорошо бы, но голова не держит уже. Неужели это такая искомая многими известность? Я знаю сто человек, а меня знает тысяча. Вот и всё измерение известности. А как в детстве, отрочестве, юности мечтал, о! “Желаю славы я, чтоб именем моим...” Но это всё жалобы турка. Лекарство — молитва и уединение.

Не пошёл, но всю неделю “шёл” с ними. Знаю же каждый поворот, все дороги, изучил за двадцать лет. Особенно Горохово и Великорецкое. Без конца то им звонил, то они мне, братья во Христе, наша славная бригада: Саша Чирков, Саша Блинов, Лёня Ермолин — это костяк, гвардия, а уже как много было за эти годы новых крестоходцев в нашей бригаде! Николай Пересторонин, Александр Громов, Алексей Смоленцев, Борис Борисов, Роман — фамилию не знаю. А и что знать, мы же по именам поминаем друг друга... А вот вождь наш Анатолий — уже не вождь, диакон — и вот что-то приболел.

И всегда в Москве, молясь за них, обращаюсь к востоку. С востока свет!

Был на каком-то выступлении. Выступил, побежал домой. На улице лиvenirь. Московские улицы, машины — как торпедные катера. Ещё и они оказывали. Всего исхлестало, даже майка мокрая. Но радовался: хоть немного получил ощущения Крестного хода, особенно третьего дня, когда перед Великорецким омыает водичкой с небес. Потом всегда бывает радуга.

Последний день. Сейчас они подходят к церкви Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

У меня питание в телефоне ослабло, и зарядника нет. Но всё ясно так вижу, знаю, как дальше пойдут, как будут в последний раз читать Акафист святителю Николаю.

И как будут жалеть, что Крестный ход закончился. Да, все искусанные, измученные, ноги в мозолях, а такие счастливые!

И вся дальнейшая жизнь наша — ожидание следующего Великорецкого Крестного хода.

Настоящее и будущее — они как коромысло на плечах. Несём. Не сами торопимся — будто кто подталкивает. И дорога — настоящее — из-под ног уходит. Какое настоящее: чай пил пять минут назад, и чай в прошлом уже.

Шагаем. Левой! — в прошлое. Правой! — в будущее. То в одном застягнешь, то в другом. То прошлое перевесит, то будущее. В детстве мы рвались в будущее, в старости греемся прошлым. А будет ли будущее после конца света? Конечно, да для кого только? Ощущение конца света есть уничтожение прошлого. Листья желтеют, умирают, осыпаются. Но они же остаются листьями.

Надо просто жить. Уравновесить в себе два времени. И всё.

А Крестный ход этому учит, в нём соединение времён.

— Солдаты в походе — вот что такое Крестный ход. А молитвы в церкви — солдаты в казарме, готовящиеся к боям за свою душу, за Отечество. Мы идём — ад трепещет, — в который раз говорит отец Матфей. — И никаких таких знаков не надо искать. Мироточения эти. Да, знак. Но знак чего? Почему вы думаете, что к радости? Может, это предупреждение об испытаниях. Или пришли женщины: “Батюшка, мы на горелой сосне видели образ Божией Матери”. На горелой! Да, если взглянуться, то везде можно любое увидеть. Образ им явился! Да кто мы такие, чтоб нам Образ явился?

Солнце встало — вот нам образ! Скворцы прилетели! Картошка взошла, что ещё? Дождя долго нет — наказание, дождь пошёл — награда за молитвы, за добрые дела. В детстве в мороз увидел кольцо вокруг солнца, прибежал в избу: “Мама, мама, мама, посмотри!” Она: “Сыночек, солнышку сегодня тоже холодно, и ему Боженька ружавичку послал”. И всю жизнь помню. Вот какое чудо мама открыла. Чудес хотят. Вот чудо — черёмуха цветёт! Благодарить надо за всё это, благодарить! А мы просим и просим, клянчим и клянчим. А благодарить — один из десяти. Своими ногами идёшь — слава Богу! С костылями идёшь — слава Богу! На четвереньках ползёшь — лишь бы к Богу ползти. И не думать, что Бог не простит, не примет. Разбойнику на Кресте, а он за дело был приговорён, два часа хватило первому в рай войти. Но это же надо великую глубину покаяния и сокрушения. Учитесь сейчас и каждый день жить в мире и умирать для мира. Всё время себя проворачивать: как жил, как живу, как надо жить.

Жить, как жили до нас крестоходцы. Помните же старух, которые уже не ходят. Упали, как солдаты в бою. Нам эстафету передали. Никто за нас не пойдёт, надо самим. Идти и за собой тащить. Сим победиши!

ПОЭЗИЯ

ВИКТОР ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ

Я ВИЖУ ХРАМ НА СКЛОНЕ ЭТОЙ НОЧИ...

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Не стихи — маета. Муза спит во дворе:
Тесно женщине пьяной в моей конуре.
На столе — кавардак, он прекрасен.
(У поэта всегда на столе кавардак.)
Кто-то скажет: “Дурак”. Ну, а я не дурак.
Я рассержен и очень опасен.
В подкидного со мною играет сентябрь
(Мне не надо побед, вдохновенья хотя б...
Пусть оно нынче ночью приснится).
Вновь влюбиться хочу — я такой же, как все:
Убегаю в закат по вечерней росе,
Чтобы утром с рассвета свалиться.
Отцветает любовь. (Расцветает душа.)
Наплевать, что в карманах теперь ни гроша...
Но смогу ли, оставшись без денег,
Людям всем угодить — и своим, и чужим,

Виктор ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ — участник Совещания молодых писателей России весной 1996 года, которое проходило в г. Владимире (семинар В. В. Кожинова и Ю. П. Кузнецова), член Монреальского отделения Международной ассоциации писателей-публицистов. Работал в региональных литературно-художественных изданиях — от члена редколлегии до главного редактора. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Дон”, “Новая Немига литературная” (Белоруссия), “Бег”, “Уральский следопыт”, “Литературный Иерусалим” (Иерусалим), “Русский писатель”, “Плавучий мост” (Германия), московской газете “Слово” и других изданиях. Автор 11 поэтических книг и книги прозы.

Уезжая из общего в строгий режим
Чередою смертей и рождений?
Пахнет рыком овчарок мой утренний сон,
Он от лая людей лаем псов обнесён...
Разве в жизни такое бывает?
Не хочу под откос! Вздрогну, дёрну стоп-кран!
Смерть потащит во гроб, жизнь метнёт на диван,
Но похоже, что жизнь побеждает...
Белый голубь, как флаг на тюремном окне.
За решёткою зэк улыбается мне,
Произносит какие-то фразы...
Никого не боюсь, ничего не боясь,
Я душою чистейшою тыкаюсь в грязь —
Все мы, смертные, вышли из грязи.

ПЕТЕРБУРГ. СЕНТЯБРЬ

Петербург. Сентябрь. Ненастье.
В ЖКХ весь день аврал.
Я опять “ненастье-счастье”
На беду зарифмовал.

За окном — проспект Московский.
Здесь мой дом. Здесь смерти жду.
Кум приходит — Глеб Горбовский —
И дудит весь день в дуду.

А потом кричит: “Позволь-ка
Мне залезть на пьедестал...”
Вот бы денег было столько,
Как стихов, что он читал!

УСТАЮ ОТ СЛОВ ТВОИХ

Устаю от слов твоих, от взгляда,
От стихов, что бьют меня, как плеть.
Я родился возле Ленинграда,
Чтоб под Петербургом умереть.
Не по блату жив на этом свете
Среди прочих русских горемык.
Я с Рубцовым жил в одном столетье
И к простым стихам его привык.
Память из былого не отпустит,
Душу будоража... Ну, и пусть!
Если нынче не умру от грусти,
То умрёт сама от грусти грусть.
Я печаль от глаз чужих не скрою...
Не в аду и даже не в раю,
А в селе за Вологдой-рекою
Эти строки людям допою!

НА СЕННОЙ ПЛОЩАДИ

На старой площади темно и — ни души...
Как одинока в эту ночь Сенная.
А в небе месяц светит, хоть пляши,
Спеша в рассвет, дорог не выбирая.

Здесь по ночам пустынно и мертво,
Как будто вечность в сеть времён попала.
И крепко спит закрытое метро
На месте церкви той, что здесь стояла.

Тревожит душу вечный непокой,
И, небо петербургское вздымая,
Явилась церковь Спаса-на-Сенной,
В земную твердь родимую врастая.

И снова у Вселенной на руках
Я вижу храм на склоне этой ночи,
А белый ангел о шести крылах
Судьбу народу новую пророчит.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ХРИСТОС ТАНЦУЕТ

РАССКАЗЫ

ПРЕСТАРЕЛЬЙ ДОМ

В последние годы бабушкиной жизни мы жили с ней вдвоём в Измайлово, в двухкомнатной квартире, из которой в 1972 году ушёл на Николо-Архангельское кладбище мой дед Тимофей Степанович, а в 1983-м — моя мама Нина Тимофеевна. Смерть дочери так придавила бабушку, что мне казалось, она задыхается от горя. Серебряная цепочка, на которой она носила крестик, в те дни оказалась чёрной, и её пришлось долго отчищать. Я боялся, что бабушка недолго протянет, но, русская деревенская женщина, она выбралась из завалов страданий, чтобы ещё пожить, походить по лесу, хотя бы по такому бестолковому, как Измайловский.

В русском языке есть слова “бездетный”, “бессердечный”, “безголовый”, “безденежный” — эти понятия знакомы. А про лес не говорят: “безгрибный”, “беззайный”, “безлисый”, “бесчерничный”. Русский человек не может себе представить, чтобы в лесу не было грибов, зайцев, лис, черники, земляники.

— Об одном мечтаю, — говорила бабушка, — пособирать бы грибов на-последочек.

Но ехать в родные смоленские леса наотрез отказывалась:

— Помирать со дня на день, а я разъезжать стану. Не приведи Бог, в дороге копыта откину.

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. Прозаик и кинодраматург. Автор книг “Похоронный марш”, “Страшный пассажир”, “Державный”, “Русский ураган”, “Поп”, “Господа и товарищи”, “Митрополит Филарет” и “Алексий II” (серия ЖЗЛ) и многих других. Живет во Внуково.

И тут начиналась игра в смертушку.

Бабка у меня была игручая. Ляжет эдак, руки на груди — померла. Я веду беседу с похоронным агентом:

— Гробик, пожалуйста, самый хороший. Но не самый дорогой, покойница бы этого не одобрила. Венок один, пожалуйста, на ленте напишите: “Дорогой бабушке от любящего унука”. Нет, нет, не внука, а именно унука. Она слово “внук” только так выговаривала. Так... Что ещё? Машина. Грузовик с откинутыми бортами. Я в кузове сяду, и чтоб видно было — Клавдия Фёдоровна на Николо-Архангельское едет. Оркестр. Пять человек, не больше. Труба, кларнет, гобой, геликон обязательно, большой барабан обязательно.

Потом приходили соседи, и я им говорил:

— Отмучилась. Тихонько отошла в мир иной. Вечером покушала селёдочки с картошечкой, попила чайку с подушечками, дочитала “Робинзона Крузо”, уснула, а утром не проснулась. Вот так.

А соседи моим голосом:

— Ой, всем бы такую смерть! Как же ты теперь, Саша, без бабушки будешь? Скучно тебе без неё станет. Она у тебя весёлая была, заводная. Все её любили. Отпевание-то будешь заказывать?

— А как же! Чай, она была верующая, православная христианка.

— Что приготовить, мы поможем, говори, не стесняйся. Чтоб ни в чём не было недостатка. Блины там, мёд, кутья...

— Да я сам всё приготовлю, вы только приходите обязательно на поминки.

Приносили последнюю пенсию.

— Вот, распишитесь, тут в тройном размере. Бабушке вашей, как заслуженному работнику страны, напоследок троекратную пенсию от государства выплачивают. Уж такая у нас страна. Своих героев ценит.

Приезжал Горбачёв:

— Я на одну минуточку, так сказать, оказать почесть. Вот и Раиса Максимовна тут... Да, жаль, не дожила старушка до плодов нашей перестройки.

Тут бабушке надоедало быть мёртвой, она оживала и приступала к разбору полётов:

— Ну, какой тебе Горбачёв приедеть? Думай хотя бы головёнкой-то своей. Да ешё с Раисой. Да и больно он мне нужон, трепло едакое. И про пенсию, что в троекратном размере, это уж ты, унучек, загнул. Хотя б какую напоследок выдали, и на том спасибо. Ты на мою пенсию всё и устрой, и поминки, и похорона. И нечего разбрасываться! Всё он сам приготовить! Ишь ты, богач какой! Пусть приносят, если кто хочет принести. Ты, что ли, блинов напекёшь? Холодец умеешь варить? То-то же. Теперича дальше: гроб. Самый дешёвый бери.

— Здрасте!

— Не здрасте. В дорогой не лягу.

— Это как это ты не ляжешь?

— Руки растопырю.

— Не растопыришь, не бойся. Дед говорил, что встанет, когда отпевать его принесёшь, так не встал же.

— И венок. Ну, зачем он нужон? Просто цветочков нарви где-нибудь, да и ладно. Люди всё равно цветов принесут. Про отпевание — молодец. Только много попам тоже нечего баловать. Они и без тебя хорошо живут. На “Чайках” ездят. Не все, конечно, есть и честные. К отцу Виктору меня определи, пусть он отпевает. Я ему однажды пятьдесят копеек сунула, так он мне двугривенный назад отдал. Хороший поп. У нас такой в Сережани был. Гундосый. Хоть и гундосый, а хороший. Понимал людей. Теперича про оркестру. Ну, какая тебе оркестра! Я что тебе, полковник? Подумай хорошенечко, прежде чем делать.

— Ладно, оркестр не буду заказывать. А хороший гроб и красивый венок — извините, Клавдия Фёдоровна, это вы мне не запретите!

Тронутая хорошим гробом и красивым венком, бабушка сменяла ironичный тон на сентиментальный:

— Ты же ж мой унучек дорогой! Дай же ж я тебя поцелую!

Другая любимая игра была в престарелый дом. Начиналась она с очередного бабушкиного косяка. Допустим, вернувшись домой с работы, я окунался в зловонный быт погорельца:

— Ну, бабушка! Опять ты сковородку сожгла!

— Хотела картошечки пожарить к твоему приходу, да и забыла, молодость села вспоминать и...

— Не надо ничего к моему приходу. Я сам всё готовлю и тебя кормлю. Ну, как теперь весь вечер этой гарью дышать?

Тогда бабушка садилась на свой диванчик и, тяжело вздохнув, заявляла с полной ответственностью:

— Ну что же, сдай меня в престарелый дом. Узнай, как там и чего охормляется. И не думай, что я шучу. Сдай, и всё тут.

— В престарелый дом? Ладно. Только завтра, ладно?

— Завтра? Я согласна.

Утром я будил её в семь утра:

— Вставай, бабка, чего разлеглась! Тут тебе не дома. Тут тебе престарелый дом.

— Ой, — вскакивала Клавдия Фёдоровна. — А сколько времяя?

— Сколько времяя ей! Твоё времяя давно уж кончились. Небо только коптишь, да и только! Садись чай пить, ископаемое! Где твоя кружка?

— Стойти, а умыться-то можно хотя бы?

— Умыться ей! Её обмывать давно пора, а она — умыться. Ладно уж, иди умывайся. Да долго там не плескаться, ты тут в престарелом доме не одна. Целая поляна божых одуванчиков.

Видно было, как же ей такая игра нравится! Она робко шла умываться, из ванной возвращалась покорная, опустив глаза долу, брала свою кружку, чайную ложку, садилась за стол завтракать. Я наливал ей кипятка, в который падали две-три капли заварки, выдавал одну печенинку.

— Щевой-то щаёк у вас в престарелом доме жидковат, — поднимала она робкий бунт.

— Щаёк ей жидковат! — возмущался сатрап. — Ты что, дома у себя? Жила бы в своём доме, да и пила бы крепкий. У нас, знаете ли, в престарелом доме не разгуляешься.

— А сахару?..

— Один кусочек полагается, не больше.

— А печенье тоже одно только?

— А сколько же тебе, два?

— А конхветку?

— Чего? Конфетку? Может, тебе ещё торт вафельный?

— Неплохо бы.

— Сиди уж, пей свой чай, а то и это отберём.

Довольная игрой, Клавдия Фёдоровна растягивала удовольствие, медленно съедала печенье, запивая пустым чаем. Со вздохом перемещалась на свой диванчик, а если по пути включала телевизор, тотчас слышалось грозное:

— Кто разрешил? Что за самоуправство?

— Так, кинцо бы посмотреть...

— Кинцо? На вас что, государство должно электроэнергию тратить?

Пусть вам родственники на батарейках телек покупают, смотри, сколько влезет.

Погулять на улице и то из престарелого дома её с трудом отпускали и не надолго. На обед подавали суп, в котором, кроме риса, лука и моркови, ничего не водилось.

— Щевой-то у вас суп — одна вода?

— А как вы хотели? Вода, вода, кругом вода.

— Мясца бы кусочек.

— Мясца? Не выросла овца!

— А на второе что?

— Картошка. Радуйся, бабуся, сегодня пюре.

— Туда бы селёочки кусочек...

— Может, ещё осетринки? Извините, не наловили.
Вечером в престарелом доме назревал бунт:
— Везде хоть сколько-то, а разрешают телевизор показывать.
— А мы вас тут и не держим, ваше величество. Ступайте на все четыре стороны.
— Куда же ж я пойду, коли меня в престарелый дом сдали?
— Уж не знаю. Многие старики в чистом поле живут, на помойках.

А она тут в тепле, в сытости и недовольна.

— Хоть бы на ужин селёдочки дали, а то опять картошка голая.
— Опять двадцать пять! Селёдочка у нас за отдельную плату.
— Сколько?
— Три рубля порция.
— Жулики вы тут в этом престарелом доме.
— Жизнь такая, бабуля. Детей чем-то кормить надо. Вот и крутишься.

Ладно уж, включу тебе на полчасика телевизор, я добрый сегодня.

— Яблочка бы ещё...
— Яблочка? Может, ананасов? Яблочки пусть тебе родственники привозят. У тебя родственники остались хотя бы?
— Унук есть. Саша.
— Ну, и где он?
— А вот скоро приедет и заберёт меня отсюда.
— А чего ж он тебя сюда-то сбагрил?
— Я сковородки жгла, потоп в ванной делала, селёдочными руками стулья пачкала...

— Вот как тебе твоя селёдочка-то боком вышла.
— Это уж точно.
— Может, всё же простит тебя внук, заберёт отсюда?
— Хорошо бы. А то уж больно у вас тут в престарелом доме говёнико.

На следующее утро я будил её с радостной вестью:

— Вставай, бабка, внук за тобой приехал. Домой забирает. Очень уж он у тебя добрый.
— Унучек мой! Сашенька! Приехал! Прости меня за усё!
— Да ладно тебе, бабушка. Поехали уж домой.

Она весело шагала умываться, возвращаясь из ванной радостная.

— Ну, вот я и дома. Нельзя ли чайку хорошего? А то там, в престарелом доме, поили какими-то ополосками.

— Ага, знаешь теперь, каково в престарелом доме!
— Знаю, унучек. Не приведи Бог там дни свои доживать.

И на столе перед ней появлялись бутерброды с докторской колбасой, чай душистый, печенья целая ваза, варенье, мёд. Позавтракав, она шла гулять, сколько захочет. На обед — курица, на ужин — желанная селёдочка. Телевизор — пожалуйста, включай, смотри.

— Ну что, в престарелом-то доме лучше тебе было?
— Какой там! Страшно вспомнить! Не то, что телевизор, книжку не дают почитать. Где там мой “Робинзон Крузо”?

Шедевр Даниэля Дефо она читала целый год. Однажды сказала:

— Щевой-то я читать умею, а до сих пор ни одной книги не прочитала. Дай-ка мне какую получше.

И стала читать. Медленно, по странице в день. Прочтёт и обдумывает прочитанное, вздыхает, сопереживает.

— Вот как у людей жизнь складывается...
Когда одолела, я предложил:
— Ну, какую тебе теперь книгу посоветовать?
— Не надо. Хватить.
— Как? Всё??
— Типерича я знаю, что книги — это не дурь какая.
— Ну, так и бери другую.
— А вдруг она плохая?

Так и не стала другие книги брать, и все её литературное образование ограничилось “Робинзоном Крузо”. Было у неё собственное Евангелие,

но его она не читала, а держала при себе рядом, как некий прибор, который действует благотворно, если находится под боком. В церковь ходила постоянно, подавала записки о здравии и упокоении, которые я ей писал заранее во многих экземплярах, а она мне диктовала имена, кого надобно помянуть. К христианским понятиям она относилась с уважением, но и с некоторыми примечаниями и сносками.

— Говорят, Дева Мария родила от Святого Духа. Как это?

— Ну так, — пожимал плечами я. — Божественное чудо. Ведь у Иисуса Христа Отец — Бог.

— Вот в это я щёвой-то не верю. Сколько живу, нигде такого не видывала и не слыхала.

— Ну, потому что это и не должно быть широко распространено. Ясное дело — чудо. А в то, что Христос воскрес, веришь?

— Верю.

— Почему же в непорочное зачатие Богородицы не веришь, а в Христово воскресение веришь?

— Потому что в церкви всегда кричат: “Христос воскрес!”

— Железная логика!

Думаю, что она, как многие, принимала христианство не умом, а сердцем, что гораздо важнее и сильнее, нежели умом без сердца, хотя в полноте должны быть и сердце, и ум вместе.

Бабушка жила больше не по Евангелию, а по церковному календарю. На Крещенье рисовала на двери мелом крест, который потом через несколько дней смывала. На Благовещение выпекала жаворонков — печенье в виде птичек, у которых вместо глаз изюминки. На Пасху пекла кулич и красила яйца луковой шелухой и кусочками материи — синие, красные, желтые, зеленые. Хотя я больше всего любил и всегда люблю луковые, особенно когда они с трещинкой и вкус луковой шелухи ощущается сильнее. Ни один из праздников она не пропускала, зная, что в какой надо сделать или сказать.

— Петр-Павел час убавил. Илья-пророк два уволок.

— Сегодня Сретенье. Кого на улице встретишь, всем добра пожелай.

— Нонче Никола Угодник. Положено всем людям угоджать.

— И сволочам?

— Нонче сволочей не бывает.

— Как это не бывает? Очень даже бывает!

— Сам не будь сволочью, и вокруг тебя сволочей не будет.

Во многом Клавдия Фёдоровна проявляла настоящий крестьянский pragmatism. Иногда у неё ни с того, ни с сего начинала идти носом кровь. Тогда она вставала над раковиной в кухне и капала туда кровью, пока той не надоедало литься.

— Это у меня избыток крови.

Меня удивляло её постоянное стремление всё делать самой — подметать, мыть пол, посуду, готовить, чинить, шить, стелить кровать.

— Кто сам всё делает, дольше проживёт. А кто за других всё делает, и вовсе дольше всех проживёт.

Бабушка прожила восемьдесят шесть лет. Однажды утром не смогла встать, руки и ноги почти не слушались. Затем началась сильнейшая диарея, и пришлось вызвать “скорую”, которая увезла бабушку в больницу. Там я дежурил при ней два дня. Она была почти без сознания. Когда я в очередной раз подмывал её, она очнулась и весело сказала:

— Вот здорово! Когда-то я унуку попу мыла, теперь он мне.

Через пару дней диарею как-то победили, бабушка впала в забытьё, и врачи разрешили мне поехать домой. Утром я снова приехал в больницу, и мне сказали, что за час до моего приезда она скончалась. Очень душевная медсестра поведала мне, как это было.

Клавдия Фёдоровна всегда просыпалась на рассвете:

— Кто рано встаёт, тому Бог даёт, — говорила она.

Вот и перед своей кончиной она проснулась с первыми лучами солнца. В глазах у неё сверкала радость. Медсестра подошла к ней, спросила:

— Как вы себя чувствуете, Клавдия Фёдоровна?

— Хорошо, — ответила моя бабушка. И добавила: — Скоро за мной унук приедет. И забереть меня отсюда. Из престарелого дома.

И с этими словами душа её радостно полетела домой. Но не в московскую квартиру, а совсем домой, домой-предомой — туда, откуда она прилетела восемьдесят шесть лет назад, чтобы поселиться в маленькой девочке Клаве, родившейся в селе Высоцком Вяземского уезда Смоленской области.

Я не знаю, как она выглядела в детстве и юности. Самая ранняя из её сохранившихся фотографий относится к 1931 году. Лето, она уже беременна моей мамой, на коленях держит моего дядьку и крёстного, Александра Тимофеевича, а справа от неё — мой дед Тимофей Степанович, моя прабабка Анастасия Васильевна, мой дядя Фёдор Тимофеевич и какая-то неизвестная девочка. Дяде Саше здесь три года, дяде Феде — восемь, бабушке — двадцать восемь, дедушке — тридцать шесть. Благополучное для всей их семьи лето. Зимой 22 декабря родилась Нина, моя мама. 27 января 1932 года её крестили в честь равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Тимофей Степанович и Клавдия Фёдоровна вели своё добротное крестьянское хозяйство, про которое уже говорили, что оно кулацкое, хотя батраков они никогда не имели — всю работу исполняли сами.

Через несколько лет им пришлось бежать от раскулачивания в Москву, бросить своё хозяйство, долгое время жить без своего угла, ютиться, где придётся. И лишь когда дед устроился в Метрострой, они получили комнатёнку в бараке. Дедов брат, милиционер Павел Степанович, устроил бабушку уборщицей в отделение милиции. В 1939 году произошло страшное событие с участковым милиционером из этого отделения. Вскрылось, что он и его жена по ночам грабили и убивали пьяных и проституток. На их счету скопилось множество убийств. Они бежали в свою деревню и там долго отстреливались, пока и его, и её не пристрелили. На летней жаре тела быстро стали разлагаться. В доме у них был накрыт богатый стол и лежала записка: «Помяните нас!» Односельчане собрались поминать — выпить и закусить всем хотелось, немногие были богаты. Но как только подняли первую рюмку, вдруг под потолком взорвалась лампочка, и осколки разлетелись по всему столу. Люди так и бросились врассыпную — кто в дверь, кто в окно. Эту историю бабушка потом любила часто рассказывать как весьма назидательную. И один из моих первых рассказов был написан именно на этот сюжет.

Наступил страшный 1941 год. Мой дядя Фёдор Тимофеевич за свой высокий рост имел прозвище Федь-достань-воробышка. В первые дни войны он ушёл на фронт воевал в мотоциклетных войсках. В августе и сентябре отступал вместе с нашими войсками, всё больше приближаясь к своим родным местам. В конце сентября линия фронта стала между Ярцевым и Сафоновым, а 2 октября началась Вяземская оборонительная операция, целью которой было как можно дольше сдерживать врага, рвущегося на Москву. В ходе битвы немцам удалось прорвать оборону советских войск, 7 октября танковые группировки противника соединились под Вязьмой, совершив окружение наших. Образовался котёл окружения от Сафонова до ближних подступов к Вязьме. В этом котле оказались и родные места Кондрашовых, где рождались и росли мои предки. А моему дяде Фёдору Тимофеевичу суждено было погибнуть там, где он родился. Незадолго до этого он побывал в родном селе и сказал, что все горят решимостью драться насмерть. Так что вернее всего полагать, что он погиб в этом страшном вяземском котле, хотя в скорбной повестке, полученной дедом и бабкой значилось, что их сын Фёдор пропал без вести. Бабушка конечно же надеялась что он попал в плен и выжил, и лишь в старости она стала говорить:

— Нет, наверное, погиб мой Федечка тогда же, у сорок первом.

Вяземская операция стала первым сражением на дальних подступах к Москве, враг продолжал рваться к сердцу России, немецкие самолеты бомбили Москву. Бомбили и Измайлово. Во время одной из бомбардировок в начале ноября погиб мой прадед Степан Семёнович Кондрашов. Он отказывался идти в бомбоубежище, говоря: «Я на своей земле и никуда не хочу прятаться». Он сидел у самовара и пил чай, когда осколок бомбы пробил две стены

дома и попал ему в голову. Похороны состоялись 9 ноября на Измайловском Рождественском кладбище.

Моя бабушка Клавдия Фёдоровна тоже участвовала в битве за Москву — всю осень она доблестно трудилась на создании оборонительных рубежей. В январе 1942 года битва за Москву была выиграна окончательно. Враг получил первое сокрушительное поражение.

— Я тоже в битве за Москву участвовала, — с гордостью говорила моя бабушка.

Москва, конечно, не блокадный Ленинград, но и в ней нечего было есть. Чтобы как-то ещё подкормиться, люди выбирались из города и ездили по полям, подбирали недоубранную картошку, морковь, свёклу. Набрать несколько килограммов считалось огромной удачей. Однажды милиционер задержал мою бабушку с добычей.

— Дай Бог ему здоровья! — искренне желала здравия этому милиционеру Клавдия Фёдоровна, рассказывая мне впоследствии. — Такой хороший оказался! Картошку забрал, а меня не стал арестовывать, отпустил.

И всё же кое-как жизнь налаживалась. Дети вновь ходили в школу, помогали родителям раздобывать пропитание. С этого года в Москве стали отмечать артиллерийским салютом все крупные победы наших войск над незванными гостями.

В 1944 году Клавдия Фёдоровна была награждена медалью “За оборону Москвы”. Так оценили её самоотверженный труд на строительстве оборонительных сооружений. О ценности награды свидетельствует то, что всех награждённых ею было немногим более тысячи человек.

И вот наступил 1945 год, долгожданная Победа!

В 1946 году моя бабушка Клавдия Фёдоровна получила ещё одну награду — медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”. В отличие от первой эта медаль — самая распространённая награда, за эту войну ею было награждено 16 миллионов человек.

Кондрашовы по-прежнему жили в бараке — на всех одна большая комната, где, кроме дедушки, бабушки, мамы и дяди Саши, постоянно обитали какие-нибудь бабушкины или дедушкины родственники. Тимофей Степанович наконец тоже получил советскую награду — медаль “800-летие Москвы”. Ею, кстати, было награждено не так уж много москвичей — всего полторы тысячи человек.

Барак, где жили Кондрашовы, располагался на Измайловской площади напротив Дома культуры строителей. Площадь стала называться Измайловской в 1949 году, а Дом культуры построили в 1951-м. В том бараке на Измайловской площади я провёл первые два года своей жизни, которые совершенно не помню.

Счастливейший 1961 год! В день моего рождения полетел Гагарин, а летом в нашей семье произошло радостное событие. Мы расстались с бараком на Измайловской площади, который был обречён на слом, и переехали в блочную пятиэтажку на Третьей Прядильной улице. В двухкомнатной квартире поселились мои бабушка, дедушка, мама и я. Мой отец к этому времени окончательно исчез. Они с мамой развелись. Мой крестный дядя Саша с женой Светланой и сыном Андрюшой получили в нашем же доме однокомнатную квартиру в соседнем подъезде на третьем этаже. Тридцатая — так мы её называли: “Пошли в тридцатую!”, “Завтра в тридцатой гости”...

Когда мы поселились на Третьей Прядильной, там ещё оставались деревянные дома, деревенские, ведь некогда тут была деревня Измайлово. Точнее — село, потому что имелся храм. Церковь так и называется — храм Рождества Христова в селе Измайлово. В эту церковь бабушка ходила постоянно, в ней и меня крестили совсем ещё маленького. По настоянию бабушки, которая по своим крестьянским понятиям считала, что крестить младенчика надо как можно быстрее, дабы не умер некрещёным. В деревнях же смертность была высокая.

Бабушка Клава оставалась в моей семье единственной хранительницей крохотного огонька Православия. Всю жизнь она ходила в церковь по пра-

здникам, подавала записки о здравии и о упокоении. Дед и мама время от времени спорили с ней, будучи неверующими.

— Ну, ты что, всерьёз веришь, что Дева Мария могла родить от Духа Святого?

— В это я не верю, — вздыхала бабушка. — А в Бога верю!

— Ну, где Он, твой Бог? — возмущался дед. — Космонавты уж сколько летают, а до сих пор никакого Бога на небе не встречали.

— Так Он прямо там сидить и ваших космонавтов ждёт, — сердилась бабушка. — У него делу без них хватает.

— Ну да, записки твои читать!

— Не хочу и слушать вашу щепуху!

Странное дело — если мой дед, Тимофея Степанович, вполне освоил московскую нормативную речь, то моя бабушка, Клавдия Фёдоровна, ни единым звуком не поступилась, и прожив в Москве всю вторую половину жизни, даже больше — пятьдесят один год из восьмидесяти шести, отпущенных ей Господом, — она до последних минут своей жизни говорила на исконном смоленском наречии, представляющем собой нечто среднее между московским и белорусским произношением. В словаре Даля оно подробно описано, но со времён, когда словарь писался, смоленское наречие претерпело значительные изменения, утратив многие белоруссизмы. Исчезло дзеканье, предлог “с” перестал произноситься как “з”, аканье перестало быть столь приторным, как о нём писал Даль, исчезла замена мягкого “ль” твердым “л” в таких словах, как “пальцы”, “кольцо”. Но многие черты, обозначенные Владимиром Ивановичем, сохранились. Буква “г” перед гласными осталась придыхательной, осталось сильным яканье, дожила до двадцатого века “ӯ” — “у” краткая, как в белорусском языке.

Вот краткий словарь моей бабушки: петух — пятух, не хочу — ня хочу, меня — мяне, вторник — аўторник, озеро — ўозера, Петров — Пястроў, Великий пост — Вялікій пос, он — йон, его жена — явоная жана, чай — щай, испеку блинков — спяку блинкоў, четверг — щетверых, умный — ўмный, утро — ўтро, лежит — ляжыць, Фёдор — Хвёдор, Тимофея — Тимохвей, всегда — ўсягда, Клавдия — Клаўдя, идиот — ѹедиот, свиньей — свиннёй, с тещей — с тещы, еврей — яўрэй, в Вязьме — у Вязьме, внук — унук, ночью — ноччуй, её муж — яёны муж, их дети — ѹихние дети, Одинцовская церковь — Іигитриўская церква, с Витей — с Вітой, чепуха — щепуха, девка — деўка, встреча — аўстреша, шесть — шесь, семь — сем, восемь — ўосем, завтракать — заўтракаць, вишня — вишенье, ножницы — ножни, сейчас — щычас, плакать, хныкать — брюнзы складывать. Мама очень сердилась, когда бабушка говорила “тиятр” или “сиямская кошка”, заставляла бабушку учиться произносить правильно, и бабушка ходила по квартире, громко и нарочито повторяя: “те—Атр”, “си—Амская”!

В детстве она любила рассказывать мне “Бременских музыкантов”, но только в своём, вяземско-смоленском варианте. Ещё я любил слушать одну её песню, которую потом использовал в “Страшном пассажире”, но здесь хочу воспроизвести в бабушкином произношении:

*Пошла Уоля в лес гулять-лять-лять,
Да цветочки собирасть-ратъ-ратъ,
Тихо все в лесу молщишь-щить-щить.
Лишь кукушушка крищить-щить-щить.
“Ты, кукушушка, скажи-жи-жи,
Ую прауду доложи-жи-жи.
Сколько лет еще вясной-ной-ной
Поўстращаемся с тобой-бой-бой?”
Стала птицка кукувать-вать-вать.
Стала девушка считать-тать-тать:
“Двадцать, тридцать, сорок, сто-сто-сто,
Ай, спасибо и за то-то-то!”
Во дворе слущилася драка-драка-драка,
Гусь поссорился с свиней-ней-ней.*

*Куры ў драку уступили-пили-пили,
И пошёл кровавый бой-бой-бой.
Аўдруг откуда ни возьмися-мися-мися
Щернобурая лиса-са-са.
Куры с гордостью спросили-сили-сили:
“Вы откуда, господа-да-да?”
“Мы — сестрички-молодишки-дицки-дицки
Стару гусю молодцу-цу-цу,
У няво была пярушка-рушка-рушка
И поминки по отцу-цу-цу...”*

Такая странная песня, особенно в своей второй половине, где про драку во дворе. Вероятно, бабушка просто не помнила некоторых связующих смысл куплетов и пела лишь то, что сохранялось в памяти.

Потом, когда я учился в Литинституте, нам было дано задание на лето: отправиться в какую-нибудь глухомань и там собрать особенности языка местных жителей. Я и отправился — сел напротив бабушки Клавы и заставил её говорить, рассказывать, петь, вспоминать всякие прибаутки. В итоге, когда я осенью сдал свою работу, преподавательница языкоznания Людмила Александровна Качаева особенно выделила мой труд:

— Большинство из вас отнеслись к заданию халатно. А вот Александр Сегень, видно, что объездил всю Смоленскую область и собрал, в итоге, богатейший материал!

Ещё было одно очень смешное слово, которым она меня называла, — “кындрик”. Этимология такова — от немецкого Kinder.

Есть такая песня:

*В селах Рязанчины, в селах Смоленчины
Слово “люблю” непривычно для женщины.
Здесь, беззаветно и сильно любя,
Женщина скажет: “Жалею тебя!”*

Это верно. Моя бабушка Клавдия Фёдоровна всегда говорила мне:

— Как же я тебя жалею. Сашулечка, унучек! Жалкий ты мой!

И “жалкий” означало “любимый”, а отнюдь не “вызывающий жалость”.

На Смоленщине и впрямь все так и говорили. А на Смоленщину мы ездили в моём детстве каждое лето. Там жил бабушкин любимейший племянник Михаил Михайлович Петров. Он служил егерем в охотхозяйстве. Замечательный, можно даже сказать — выдающийся человек. В детстве он подорвался на мине, ему оторвало правую руку и страшно сожгло грудь и лицо. При первой встрече с ним любой испытывал естественное отвращение, но стоило пообщаться с дядей Мишей, как в первые же пять минут уродство куда-то улетучивалось. Не имея правой руки, Михаил Михайлович Петров был весьма ловким и умелым человеком, он здорово пользовался коротенькой култышкой, оставшейся от руки, всё, что можно, зажимал ею под мышкой — патроны или спичечный коробок, к примеру, а левой рукой орудовал так, как мало кто орудует обеими верхними конечностями. Он великолепно стрелял, работал всеми инструментами, водил плуг, плавал быстрее всех, лихо водил машину. Очень смешно бывало, когда кто-либо спрашивал его:

— Михалыч, а в какую сторону ехать, чтобы попасть туда-то?

А у него и рука занята и подмышка под култышкой. И он, нисколько не смущаясь, мог указать босою ногой, используя большой палец ноги в качестве указательного:

— Во-о-он у ту сторону.

В жёны дядя Миша взял женщину с двумя сыновьями, Геной и Славой, и тётя Таня родила ему ещё двух — Валеру и Юру. Валера был на год мения старше, а Юра — на год моложе. Они стали моими деревенскими друзьями. Валера был черномазенький, за что носил кличку Цыган. Поговаривали, что, когда дядя Миша женился на тёте Тане, она уже была беременна от

какого-то залётного цыгана. И дядя Миша, когда гневался на Валеру, обзывал его цыганом с обидной интонацией в голосе. Юрка был ему ближе и похож на него. За излишнюю плаксивость и капризность Юрку прозвали Гуней.

Деревня очень много давала мне, моему здоровью. Здесь я забывал про обувь и целыми днями бегал босиком. Взрослые брали нас в ночное, где мы сиживали и спали у костра. В Вязьме-речке водилась рыба, которую мы ловили самодельными удочками, в основном это были окуньки, плотвички, карасики, гораздо реже — щучки и подлещики. Не помню, чтобы кто-нибудь из нас хоть однажды поймал крупную рыбку, — всё мелочовка.

Из Якушкина я возвращался, полный запахов сельской жизни. Что это была за жизнь! Бесконечная череда событий и всяческих наиважнейших предприятий. Сенокос, грибы, рыбалка, земляника, черника, малина, путешествия к родственникам...

Питались мы простой и грубой, но необыкновенно вкусной едой, приготовленной Клавдией Фёдоровной. Самым любимым блюдом являлась картошка. Закрывая глаза и посейчас остро чувствуя её дивный аромат! Делалась она так: варёная картошка разминалась со сливочным маслом и яйцами и выкладывалась в большую сковороду, сверху ещё обмазывалась яйцом и ставилась в печь. Через некоторое время из печи выходила она — её величество Картошня, дымная и ароматная. Как торт, её нарезали на дольки и раскладывали по тарелкам. Кусок картошки и кружка парного молока — вот вам завтрак и обед. На ужин обычно были макароны с домашней или магазинной тушёнкой — это тоже очень вкусно. Да, ну и, конечно, щи да каши. Здоровая деревенская пища. По воскресеньям резали курицу и делали наваристый куриный суп. В хозяйстве у дяди Миши водились овцы. Овцу или барана резали на Петров день 12 июля и в праздник Смоленской Божьей Матери 10 августа.

В семействе Петровых особо почитали день Петра и Павла, хотя в Петровский пост совсем и не постились. Но рано утром ехали на погост украшать могилки и поминать предков. Ехали на телеге. У Петровых было два коня: один — молодой и сильный, для работы, классический гнедой конь Орлик, а второй — старый, унылый, для медленной езды на телеге. Этот был белый в серых яблоках и звали его красиво — Альбом. Бывало, едешь, а он то и дело оттопыривает хвост и пускает ветры. А бабушка, по грубоости своей, непременно скажет деду:

— У тощности как ты, Тимох. Такой же старый пярдун!

И смеётся. А дед сердится, но тоже улыбается.

Погост располагался километрах в пяти от Якушкина, на высоком холме, под которым течёт Вязьма-река. От храма остались лишь два нижних яруса колокольни. В 1941 году немцы, ликвидируя Вяземский котёл, бомбили засевших на колокольне пулемётчиков Красной армии. Кто знает, может, среди этих пулемётчиков был и мой родной дядя Федя.

Это место, где погост и остатки храма, когда-то называлось Сережань. Там располагалось село, полностью уничтоженное гитлеровцами. В Сережани стоял храм Рождества Пресвятой Богородицы, построенный ещё в 1780 году. Бабушка Клава рассказывала мне, что в храме служили два священника, один — высокий и красивый, другой — некрасивый и гундосый, по прозвищу Гундяй. И большинство прихожан по праздникам стремились попасть на исповедь и причастие к красивому, и лишь немногие — к отцу Николаю. Однажды во время Пасхальной службы к отцу Николаю прибежали с дурной новостью — горит его дом.

— Бегите скорее тушить!

Но он ответил:

— Сейчас мой дом здесь, и он не горит, а радуется Христову Воскрешению.

Под утро он вернулся из храма к пепелищу, а на Светлой седмице попросил у людей коня и телегу, объехал все окрестные деревни и сёла, и всюду ему щедро подавали милостыню. Насобирал так много, что заново отстроился лучше прежнего. И все ему помогали возрождать жильё. После этого случая его стали так крепко уважать, что говорили:

— Чего это раньше нам казалось, что он гундосый! Не гундосый он никакой, хорошо служит, чисто поёт.

И почитателей у отца Николая стало с тех пор больше, чем у красивого священника. И даже Гундяем его перестали за глаза называть, а лишь с превеликим почтением: “Батюшка отец Николай”.

Про Сережань бабушка Клава пела, когда долго шёл дождь:

*Дождик, дождик, перестань!
Я поеду в Сережань.
Богу помолюся,
Христу поклонюся,
Свечечку поставлю,
Грехов поубавлю.*

— А когда ходили у Сережань, — рассказывала она мне, — то дед, бывало, сапоги — за спину и идёт босиком, а только когда у храм входит, тогда надевает. Оттого у него сапоги подолгу держались.

Стало быть, в молодости дедушка Тимоша всё-таки в церковь хаживал по праздникам и лишь потом, под влиянием старших братьев, стал безбожником. Креста не носил ни в какую. Так же и мама. Хотя бабушка время от времени страшала их.

12 июля 1967 года мы вернулись из Сережани, и я стал свидетелем убийства барана. Помню это так живо, будто видел вчера. Зрелище было жуткое, но больше всего меня поразило то, с какой покорностью баран шёл на смерть. Он почти не сопротивлялся, не противился, не возмущался. Возможно, если бы он рвался и кричал, я бы потом месяц не мог бы уснуть ночью. А так, при всём ужасе картины, я не пережил эту смерть как трагедию. Даже обезглавленные и куролесящие по двору окровавленные куры производили более жуткое впечатление.

Потом, когда уже сели есть этого барана, я услышал из уст бабушки Клавы историю про её деда. Он в молодости сильно страдал от болей в печени. И вот однажды стал резать барана, перепилил ему ножом горло, а баран вдруг вырвался и побежал прочь. Добежал до колодца и прыгнул туда, в колодец. И тогда бабушкин дед почему-то решил:

— Отныне больше не буду есть барапину.

Перестал её есть, и вскоре у него исчезли печёночные муки. Так всю жизнь не ел барапного мяса и дожил до девяноста лет.

А в Якушкине из барана бабушка Клава приготовляла волшебные лакомства! Прежде всего, на сковородку, смазанную маслом, резала много репчатого лука, его заливала свежей барапней кровью и ставила в печь. Получалась вкуснейшая кровяная запеканка с луком. Потом — кишки. Их тщательно очищала, резала на трубочки длиной с палец, клала в большой горшок или котел, заливала молоком и долго томила в печке. Вспоминаю — и слони рекой текут! Ну, а уж потом из остальной требухи и мяса приготовляла всякую всячину — густой барапний суп, шашлык, фаршированный желудок, тушёнку и запечённую в печи печень. Отдельно что-то делала из головы, но я этого не пробовал — брезговал, как ни странно, хотя не брезговал ни кровью, ни кишками.

Вторым праздником, когда резали овцу или барапа, было 10 августа, праздник Смоленской иконы Божией Матери, именуемой “Одигитрия” — “Путеводительница”. На Смоленщине этому дню придают наиважнейшее значение. “Одигитрия” здесь, пожалуй, третий праздник после Пасхи и Рождества, а в сельской местности и вовсе, наверное, самый главный день в году. Деревенские жители называют праздник “Одигитрии” на свой лад — “Игитрия” или “Йигитрия”. И всем им это слово кажется красивым, величественным, неземным. Во всяком случае, во второй половине XX века это было именно так. А ведь тогда религиозные праздники отмечать не вполне разрешалось. И дажеказалось, вот-вот и их снова запретят, как бывало в тридцатые и пятидесятые годы.

Сенокос запомнился из детства как нечто одновременно и радостное, и тягостное. Запах свежескошенного сена восхищал до умопомрачения, на-

дышавшись им в детские годы, я мог хоть как-то компенсировать ущерб от городских ядов в будущем. Радостно было, что все участвуют в общем труде-празднике, что все трудятся весело, будто пляшут. Косить мы, конечно, только пробовали, а кидать и ворошить скопченное нас заставляли по полной программе, без скидок. Мы уставали, особенно младшие, но поблажек не получали, работали до мозолей и дальше. Когда сено высыхало, его начинали копнить. Тут уж для нас особенное развлеченье — по новеньким коннам ползать. Потом конны начинали стоговать — ещё лучше. Наконец, готовое сено свозили домой и забивали в сараи. Получался свежий сеновал, на котором мы спали. Особенно помнится, как весело работал Слава, — он всё время смеялся и неустанно двигался, будто стараясь наработать больше всех, махая косой или вилами. Самый старший, Гена, в это время служил в армии, и Слава будто хотел и за него отработать. Он всегда был золотой парень — со всеми добрый, весёлый и ласковый.

После окончания сенокоса мы ездили в гости к родственникам. Больше всего запомнилось путешествие в Алфёрово, где жила с мужем и дочерьми бабушкина племянница тётя Ниура. В 1942 году её увезли в Германию, в рабство. По пути она пыталась бежать с поезда, и немец-конвой прикладом ружья выбил ей все передние зубы. Потом, в Германии, хозяйка, у которой тётя Ниура была рабыней, за хорошее поведение вставила ей железные зубы. «Хорошая она была, добрая», — вспоминала тётя Ниура о своей рабовладелице-немке. После победы она вернулась домой, и не сказать, чтобы её особо преследовали за то, что она работала в Германии. В Алфёрове тётя Ниура работала заведующей столовой. Треугольные мясные котлетки, которыми она меня потчевала, были такие вкусные, что я мог поглощать их без счёта.

Вообще немцы оставили о себе скверное впечатление на Смоленщине — грабили, зверствовали, издевались. Никто не поминал их добрым словом. Мы, играя в лесу, купаясь в реке, часто находили немецкие каски, в большинстве своём ржавые, но однажды я нашёл в Китайке — притоке Вязьмы — особенную каску. На ней сохранилась серебристо-голубая краска и белый щиток с двумя черными эсэсовскими молниями. Возможно, она сохранилась благодаря особой щелочной глине, которой славилась Китайка. Из этой глины можно было делать мыло, оно мылилось и пузырилось почти как настоящее. Странно, что советские каски мы находили раз в десять реже, чем гитлеровские. Пойдём, бывало, по ягоды или по грибы — обязательно кто-нибудь с каской возвратится. Немецкие каски мы ставили на палки и расстреливали камнями или из рогаток.

Однажды около Якушкина, расположенного на автостраде Москва—Минск, притормозил автобус, из которого по всей деревне рассыпались наглые немецкие туристы. Они принялись щёлкать фотоаппаратами, выбирая самые неказистые строения. Особенно много фотографировали Юрку, потому что он был тощим, как скелет, и его можно было выдать за голодающего советского ребёнка. Гуня не замедлил отомстить — одна из наиболее жирных туристок принялась живописать небогатое Якушкино на холсте, и Юрка, подкравшись к ней из-за спины, ляпнул на холст огромный кусок грязюки. Валера тоже привлёк внимание туристов, они сунули ему в руку жвачку, он развернул её, положил в рот, пожевал, нарочито скривился и сплюнул с самым гадливым выражением лица. Напоследок, когда немчура садилась в автобус, мы забросали незваных гостей шишками. Знаё наших!

Старый и тощий конь Альбом тоже был многажды зафотографирован интуристами. В другой раз он спас меня и Гуньку от неизбежного наказания за куренье. Однажды Гунька стащил у отца папиросу, мы отправились с ним на Китайку и там выкурили её без какого-либо удовольствия, но старательно делал вид друг перед другом, какое это счастье. Потом мы долго полоскали рты, наивно полагая, что так отобъём запах. Когда вернулись домой, моя мама тотчас всё учудила и разразился скандал. Никто не собирался за нас заступаться.

— Ах вы, гадины негодные! — возмущалась бабушка Клава. — Ну уж щищац Нина вас выжарит!

Но когда моя мама появилась с ремнем, случилось происшествие с Альбомом. Старика так сильно ужалил слепень, что конь, запряжённый для какой-то надобности в телегу, взвился и понёс. Об пеньки телегу расхрипала вдребезги, мы долго ловили Альбома по лесу, а когда поймали, успокоили и привели домой, про наш грех все позабыли.

— Помнишь, бабушка, Альбома? — спрашивал я много лет спустя, когда мы с ней жили вдвоём в её последние годы.

— Коня-то якушкинского? Помню, а как же ж. На твоего деда Тимоху был чем-то похож.

— Скажешь тоже! А помнишь, как мы с тобой сено косили, коров пасли?

— Кто ж такое забудеть... Эх, хорошо бы коровок напоследок попастить... А помнишь, как меня Ночка лягнула?

— Конечно. Ты ей всегда перед дойкой кусок хлеба давала, смоченный в молоке. А один раз забыла.

— И она меня ка-а-ак лягнула! — со смехом вспоминала бабушка.

И так мы, бывало, сидели с ней и смеялись, вспоминая счастливые мгновения жизни, большинство из которых было связано с деревней.

— Щёвой-то мы с тобой смеемся много, не пришлось бы плакать, — наконец говорила бабушка. И ей становилось грустно:

— Ну вот, их теперь уже нет на свете. Ни доченьки моей Ниночки, ни племянничка Мишеньки, ни деда Тимохи. Сёстры мои все уже там... Одна я задержалася, никак не помру. Ты, молодой, живёшь тута со старухой. Сдал бы ты меня в престарелый дом.

— Опять?

— Я не шучу.

— Завтра?

— А хоть бы и завтра. — Она стряхивала с себя грусть, предвкушая, как завтра начнётся игра в престарелый дом.

— Ладно. Завтра так завтра...

ХРИСТОС ТАНЦУЕТ

Мама с детства приучала меня быть галантным мужчиной. Когда мы с ней куда-то ходили вдвоём, я учился подавать ей руку, выходя из автобуса или вагона метро. Иногда днём шли с ней в ресторан, чтобы я осваивал искусство ухаживания — придвигал маме стул, подавал меню, наливал напитки, накладывал в тарелку салат и закуски, сам расплачивался. Разумеется, деньгами, которые заблаговременно она мне выдавала, и сдачу по возвращении домой я ей возвращал.

А вот что делать, если возникнет конфликтная ситуация и надо будет заступиться за честь женщины, мама в точности не знала. Просто говорила:

— Ты должен идти грудью на врага, невзирая ни на что. Честь главное всего.

Когда я окончил четвёртый класс, мы с мамой вдвоём поехали на три недели в Одессу. Там жила одна её знакомая, она помогла нам снять за небольшую плату комнату в большом богатом доме на Китобойной улице. Мне очень нравилось название — Китобойная. Хотя по здравом размышлении смешно. Одесский юмор. Ну, какие в Чёрном море киты? Какие в Одессе китобои?

Ещё когда мы отправлялись из Москвы, случилось чудо. Я впервые летел на самолёте. Это уже возбуждало меня. А тут ещё такое! Появился какой-то пассажир, которому крайне срочно надо было лететь. И маму попросили, чтобы я уступил ему место. А меня — о Боже! — взяли в кабину пилотов. И мало того — посадили в стеклянный нос Ту-104. Я сидел впереди всех, в клюве самолёта! Разве что дети лётчиков могут похвастаться таким, да и то, полагаю, что далеко не все. Я был как заворожённый, не обращал внимания на то, что заложило уши. Правое отлегло через неделю, а левое оставалось заложенным целый месяц и стало нормально слышать только в Москве.

Итак, мы прибыли в Одессу. Рано поутру мы шли на пляж. Накупавшись, отправлялись завтракать. Приходилось минут двадцать выстаивать

в очереди в столовку, отчего аппетит повышался, и запах сосисок дразнил слону. Потом снова пляж, а днём — обед, обязательно в одном облюбованном нами ресторане у моря, где нам очень нравились котлеты по-киевски по пятьдесят копеек порция. После обеда — посещение достопримечательностей. Вечером — опять пляж, с которого мы возвращались усталые. Ужинали дома. Бутерброд с колбасой, мои любимые кабачковая икра или консервы “Частик в томате”, чай. Мы ходили в Одесский театр на “Сказку о царе Салтане”. В археологическом музее меня ужаснула египетская мумия. Чёрная, в серебряном гробу. До такой степени, что я ещё полгода потом видел её перед закрытыми глазами, ворочаясь перед сном.

Однажды мы стояли на лесенке в очереди в ресторан. За нами оказался южного вида красавец, он стал приставать к маме, причём как-то нагло, без сомнения в своей привлекательности. Мама не выдержала и сказала ему:

— Да отстань ты от меня, что привязался!

Он опешил и некоторое время стоял обиженно, молчал. Но через минуту злобно прошипел:

— Если нэ пайдешь со мной — заррррежу!

Не знаю, как мама, но я сильно испугался. Так сильно, что едва не писнул в штаны. И в следующий миг, сам того от себя не ожидая, выпалил:

— Да я тебя сам зарежу!

От собственной смелости мне стало ещё страшнее. Но тут нашего агрессора кто-то окликнул, и он оставил нас в покое.

Потом я несколько дней постоянно озирался, не появится ли этот монстр. И он появился. Мы шли по набережной около белых шаров Ланжерона. И вдруг он. Нам навстречу в обнимку с какой-то девицей. Я затаил дыхание. Но при виде нас он не разозлился и не бросился меня бить, а вдруг усмехнулся и задорно подмигнул мне. А маме сказал:

— Здравствуйте.

Возможно, вспышка той трусливой смелости явилась моим первым мужским поступком в жизни. Гораздо позже, бывая в местах, где шла война, я спрашивал парней, насколько им страшно. И оказалось, что всем страшно, но в минуты боя изнутри, из самых глубин страха, рождается смелость, которая ведёт человека сражаться.

В Одессе мне очень нравилось фруктовое мороженое в шоколадной глазури, мелкие креветки, которых там называли раками и щелкали вместо семечек, покупая в кульках по пятакчу, нравились стройные прямые улицы с красивыми европейскими фасадами домов, бульвары, фонтаны, запах множества цветов. Нравилось героическое прошлое этого города. Мы с мамой ходили на экскурсию в катакомбы, и я восхищался тем, как люди могли жить там и продолжать сражаться с врагами.

В детстве моя мама росла очень боевой девочкой. Родилась в деревне, в Москву семья, состоявшая из моей бабушки Клавдии Фёдоровны, деда Тимофея Степановича и троих детей — Феди, Саши и Нины, — переехала перед войной. Когда, бывало, кто-то дерзнет дразнить мою маму: “Дярёвня! дярёвня!” — она бросалась с кулаками и побивала любого. И за ней закрепилось прозвище — Нинка-ой-ёй-ёй. А дядю Сашу за его страстную любовь к халве прозвали Халва.

Когда моего деда взяли на работу в Метрострой, семья стала жить в Измайлово. Самое яркое воспоминание мамы о войне — как она бежит по улице, а за нею рвутся бомбы. Измайлово бомбили, поскольку там располагались подземные ангары с танками. И бункер Сталина, о существовании которого немцы, возможно, знали.

Но самое-самое яркое — Победа, которую мама пережила в тринадцатилетнем возрасте и всю жизнь несла в своём сердце радостный огонь этого великого дня.

В пятнадцать лет она уже работала монтажницей, доучиваясь в вечерней школе. С детства любила литературу, знала наизусть много стихов, в год 150-летия Пушкина заняла призовое место в конкурсе чтецов. В восемнадцать лет в её жизнь навсегда вошла пишущая машинка. Знать машинопись тогда для девушки, желающей найти хорошую должность, было столь же

необходимо, как сейчас владеть компьютером. В аттестате об окончании курсов машинописи у неё стоят оценки: машинопись — 5, биография И. В. Сталина — 5, русский язык — 5. И это не пустые оценки. На машинке она печатала с рекордной скоростью, не заглядывая в клавиши. Грамотность у неё была стопроцентная, острейшее чутье на правописание и пунктуацию. Биографию Сталина она и впрямь знала назубок, хотя любила вождя не так горячо и безумно, как мой отец, который лез его целовать в гробу. К Иосифу Виссарионовичу мама относилась сдержаннее остальных членов моей семьи, и неспроста. День рождения у неё приходился на 22 декабря, а у Сталина — накануне. Все собирались 21 декабря, поднимали тосты за него, за нашу несокрушимую Родину, за полководцев, с помощью которых Сталин разгромил врагов... И где-то под занавес торжеств вспоминали:

— Да, у нас же ещё у Нинки завтра день рождения! Давайте за Нинку выпьем! Ниночка, за тебя!

И как таковой её собственный день рождения на завтра уже не праздновали, он съедался и выпивался вприкуску к Сталину на самый десерт.

— Вечно этот Иосиф Виссарионович передо мной влезал! — ворчала потом мама.

В июле 1951 года мама из рабочего класса перешла в разряд интеллигентии — стала работать картотечником отдела по регистрации и учёту награждённых канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. И, разумеется, с лёгкостью всем говорила:

— Где работаю? В Президиуме Верховного Совета.

Через год Нина Тимофеевна Кондрашова — уже не картотечник, а делопроизводитель.

Она была очень весёлая, обожала танцевать до упаду, на всех молодых фотографиях — на лице улыбка, в глазах задор и даже некая шалость. Бабушка рассказывала, как однажды мама вернулась домой пьянейшая, она хотела её побить, но мама так смешно пела про Трансвааль, что рука не поднялась.

*Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...*

Сразу же оговорюсь, что я в своей жизни видел маму пьянейкой, но никогда пьяной.

Верховный Совет, Верховный Совет, а платили немного, и мама всегда подрабатывала. Одно время по вечерам продавала билеты на карусель в Измайловском парке.

— А что, здорово! Всегда видишь радостные лица людей в предвкушении катания. Особенно дети. Они так и трепещут, как птички. Глазки горят, от нетерпения подпрыгивают...

На эту карусель занесло и моего отца. Он тогда крутился с двумя сестрами-близняшками Ниной и Людой, не мог выбрать, которая ему больше нравится. Пришёл с ними кататься на карусели и вдруг увидел красивую шатенку с лучистым взглядом серых глаз. И влюбился. А сестры-близняшки отвалились, как два крыла, которые принесли его к моей маме и теперь стали ненужными.

Нина и Люда впоследствии станут знаменитыми. Нина Ерёмина — баскетболистка, чемпионка мира, затем спортивный комментатор. А Люда — известный хирург-онколог. По иронии судьбы, когда через много лет моя мама заболеет, то окажется в центре Блохина в отделении, которым руководила Людмила Ерёмина.

— Я Юра, а ты? — спросил мой отец.

— Нина.

Он отлучился и принёс ей мороженое с выбитым на вафле именем “Нина”. Так они познакомились. В те годы всех завораживала красота актрисы, сыгравшей Любаву в “Садко”, Анну в “Анне на шее”, Оливию в “Двенадцатой ночи”. Алла Ларионова родилась в том же 1931 году, как и моя мама. И была на неё похожа всеми чертами лица. Нос, губы, уши, очертания

скул, подбородка. Только волосы у моей мамы темнее, лоб более утончённый и глаза совсем другие. Вроде бы такие же, но, как бы помягче сказать... Честнее.

И отец мой был неплох собой, считал себя “масторожиистым”, пробовался на “Мосфильме”, даже играл в эпизодах. Ему бы очень подошла роль прожигателя жизни, повесы, сумасбродца. Но таковых не подвернулось, и актерские дарования Юрия Лукича Сегеня канули в безвестности.

Итак, они сошлись. Смесь получилась гремучая — пиво с шампанским.

— Познакомились на карусели, так карусель у нас и получилась, — вздыхала потом мама.

Отец поступил на курсы судовых операторов при Московском учебно-курсовом комбинате Министерства рыбной промышленности СССР. Здесь уж он учился хорошо — ему хотелось жениться на Нине Кондрашовой, и надо было проявить себя.

Маму зачислили на должность делопроизводителя канцелярии Главной военной прокуратуры при Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. Отец страшно ревновал её, потому что вокруг умной и хорошо образованной красавицы всегда вертелись другие претенденты. Но летом он все-таки добился её согласия, и они поженились. Маме было двадцать три года, отцу — двадцать два. Отец неплохо закончил курсы, получив тройки лишь по английскому языку, радиомонтажной практике и морскому делу, четвёрки — по географии, электротехнике, радиотехнике и электровакуумным приборам, передающим устройствам и электропитанию, приёмникам, типовой приёмно-передающей аппаратуре, приему на слух, уставу рыбопромыслового флота и правилам радиосвязи и даже две пятёрки — по истории КПСС и по передаче на ключе.

Всю осень и зиму он проходил практику в Новороссийске и в будущем намеревался плавать “по морям — по волнам, нынче здесь — завтра там...” А потом — возвращение домой, к истосковавшейся жене...

Весной 1956 года отец вернулся в Москву. Очень счастливый год в их жизни с мамой. Все именно так, как видел свою жизнь Юрий Лукич. Он уезжал в длительные командировки, потом возвращался домой к любимой и любящей жене. Впрочем, он её страшно ревновал, изводил ревностью, подозревал в неверности.

Мама по-прежнему работала в Главной военной прокуратуре. В её трудовой книжке есть любопытная запись: “Клятвенное обязательство дано 26 мая 1956 года”. Вероятно ей были поручены какие-то секретные дела. Вот бы увидеть, как она давала это *клятвенное обязательство*. И какое.

Потом отношения между моими родителями резко ухудшились. Нередко бывало так, что она ночевала в бараке у своих, а он — в “трамвае” на Петровке. Трамваями тогда назывались узкие и длинные комнаты в коммуналках. Петровка дом 20 квартира 42 — такой был адрес Сегеней. Барак, где жили Кондрашовы, располагался на Измайловской площади напротив Дома культуры строителей. В дни примирений мои родители жили то у Кондрашовых, то у Сегеней. Конечно, они мечтали о собственном жилье, а оно всё не светило им и не светило.

В июле 1957 года маму уволили из Прокуратуры по сокращению штатов, и ей пришлось устроиться продавщицей в магазин головных уборов и меха. Какой удар по самолюбию! Осенью между моими родителями произошёл разрыв. Они даже договорились о разводе, только ни он, ни она пока не брали на себя разводные хлопоты. Лукич опять отбыл в Новороссийск.

Однажды в магазин заглянул командировочный латыш молодой инженер из Риги по имени Бруно. Он так влюбился в красавицу продавщицу, что сразу сделал маме предложение. И она поехала с ним встречать Новый год на Рижском взморье. Они много гуляли по Риге и Юрмале, он фотографировал её, и ей нравилось, как он ведёт себя, — и с обожанием и вежливо. По сравнению с Сегенем Бруно казался положительным героем, будущим надёжным мужем, интеллигентным европейцем.

Вернувшись в Москву, мама всю весну переписывалась с Бруно, но всё оттягивала с ответом на его брачное предложение. Латыш писал, что летом приедет и повезёт её на юг в предсвадебное путешествие, умолял развестись

с мужем. Но в мае мой отец примчался к моей маме, и она поняла, что всё-таки любит этого непутёвого и взбалмошного человека, по сравнению с которым Бруно уже выглядел излишне правильным, без искры, попросту — скучным. И она отправила ему письмо, в котором просила прощения и сообщала, что снова сошлась с мужем.

Трудно даже представить, что я мог родиться в Риге. Латышом! И потом, как дурак, носился бы со своим национальным самоопределением, обвинял “русских оккупантов” во всех бедах янтарной Прибалтики... Мурашки по коже!.. Нет, это никак не должно было произойти.

А для моей мамы лето 1958 года стало счастливейшим в её жизни с моим отцом. Она уже работала инспектором по кадрам и машинисткой в комбинате питания. В начале июля они отправились все вместе на Смоленщину в деревню Якушкино — отец, мама, бабушка Клава и дедушка Тимоша. В Якушкине жили бабушкины и дедушкины родственники — Кондрашовы, Петровы, Карпушкины. Там на сеновале в середине июля 1958 года я был зачат моими незабвенными и дорогими мамой и папой.

Отец дал слово больше не уезжать, расстаться с морем, найти другую работу. Осенью он поступил на водительские курсы при Центральном телеграфе. Некоторое время жили на Петровке, но бабушка Софья, отцова мать, была очень недовольна возвращением своего сына к Нине, потому что перед этим она пыталась свести его с другой женщиной, казавшейся ей куда более подходящей, чем моя мама. Новый год мои родители праздновали в бараке на Измайловской площади.

Год от Рождества Христова 1959-й я встречал в животе у мамы. Мне плоду шёл шестой месяц. Как там было, я, сколько ни силюсь, припомнить не могу. Незадолго до Нового года по совету врачей моя мама перестала работать машинисткой и в декабре, январе, феврале и марте работала поваром на фабрике-кухне № 11 Сталинского района. Возможно, поэтому мне так нравится готовить еду, ведь в период внутриутробного развития я вместе с мамой большую часть времени пребывал в атмосфере приготовления пищи.

Сталинским районом тогда называлось Измайлово. И это при том, что культ личности был уже вовсю разоблачён и развенчан. У меня и в свидетельстве о рождении сказано, что я родился в Сталинском районе. И даже улица сбоку от Измайловской площади называлась улицей Сталина.

В отличие от первых последние месяцы беременности мама переносила тяжело — у неё начались неприятности с почками и щитовидной железой. Вплоть до того, как я появился на свет, врачи опасались за жизнь моей мамы. Но всё, слава Богу, обошлось благополучно. И я родился, и мама осталась жива-здорова.

Отец в эти дни в очередной раз помирался с мамой. Настолько, что она даже хотела меня назвать Юрий в его честь. Был бы Юрий Юрьевич! Нечто уж очень юркое. Но когда мама меня впервые увидела, она по каким-то ей одной известным признакам распознала во мне Сашу:

— Да нет, какой же он Юра? Он Саша.

Из роддома на Благуше нас выписали на Страстной неделе, и потому мама впоследствии уверяла меня, будто я родился в Светлое Христово Воскресенье. И в этом заблуждении я прожил до сорока лет, говоря всем, что родился в Пасху. И лишь в 1995 году с помощью формулы Гаусса я вычислил пасхалию 1959 года, подарив себе разочарование. Ведь до чего же лестно было тешить себя сознанием, что ты родился в главный православный праздник.

Вскоре меня окрестили в Измайловском храме Рождества Христова. Верная деревенским обычаям бабушка настояла на том чтобы совершить обряд как можно быстрее, и меня крестили двухнедельного.

Ровно через два года после рождения я разделил судьбу мамы в отношении дней рождения. 12 апреля 1961 года день моего рождения стал Днём космонавтики, и с этих пор, когда собирались друзья и родственники, они поднимали бокалы за Гагарина (за Юру!), за всех наших космонавтов, за всю нашу космонавтику, за Циолковского, за дальнейшее освоение космических пространств и так далее, а уж потом:

— Давайте не забывать, что у нас ещё сегодня у Сашки день рождения.

А вот о Сталине с каждым годом вспоминали всё реже и реже, 21 декабря перестали собираться, отныне собирались 22-го, и мама была довольна:

— Наконец-то он прекратил мне день рождения своим заслонять!

Эх, с отцом они вскоре после моего появления на свет развелись. Он теперь работал дальнобойщиком, возил грузы аж до Дальнего Востока и обратно, в Хабаровске познакомился с некой Ларисой и, разведясь с мамой, женился на ней.

— Нашёл себе хабалку из Хабаровска, — естественно, говорила мама.

А как раз в это время условия жизни всей нашей семьи улучшились. Дед, бабушка, мама и я получили двухкомнатную квартиру в хрущёвке, а мой крестный дядя Саша с женой Светой и сыном Андрюшкой — однокомнатную в том же доме, только в соседнем подъезде. Теперь мои мама и папа могли бы иметь свою комнату, а я жил бы с бабушкой и дедушкой, но — увы...

Когда мы поселились на Третьей Прядильной, там ещё оставались деревянные дома, деревенские, ведь некогда тут была деревня Измайлово. Точнее — село, потому что имелся храм. Церковь так и называется — храм Рождества Христова в селе Измайлово.

Вселение в новую квартиру, обживание её было таким счастьем, что этим летом мы никуда не уезжали из Москвы. Ещё от той весны осталось в воспоминании, как мама нарядила меня в новый костюмчик и красный в белую крапинку берет, похожий на мухомор, и в этих обновках меня вывели во двор фотографировать, а потом я, играя во дворе, так утваздал новый костюмчик, что мама меня отпустила. Вообще, когда я шалил, мама и бабушка били меня по жопе, спрашивая: “Мало попало?” И я потом, кряхтя, почёсывал жопень: “Мало попало!” У бабушки Клавы ладонь была, как разделочная доска.

Телевизора у нас не было, и по вечерам мы с мамой ходили на пятый этаж к тёте Вере Феоктистовой смотреть “Спокойной ночи, малыши”. Возвращаясь, я пел на весь подъезд: “Спят усталые игрушки...” Вообще я с детства любил петь и в три года знал много песен. Любимыми были “Заправлены планшеты в космические карты...” и “Подмосковный городок”, причём в последней я, к неизменному хохоту взрослых, пел: “Незамужние ткачики подставляют большинство” вместо “составляют”. Вместо “Куба — любовь моя!” Это поют барбудос...” — “...Это поёт заблуда”. Меня всегда хотели видеть в маминых компаниях, потому что я обязательно веселил всех своей детской чепухой. Я выучивал все песни с пластинок и исполнял их перед гостями, когда кто-то приходил к нам или когда мы с мамой ходили куда-то. Все бывали в восторге, особенно от того, как ловко я изображал мимику разных исполнителей, которых показывали тогда по телевизору. Я даже по-иностранныму выучивал песни, например, популярнейшую тогда “Марину”. Разумеется, приблизительно. И получалось примерно так: “Марина, Марина, Марина, ивольо кумпресто сеза. Дунья беломоре ноно ми лашари, номиренто ло-минаре, о но-но-но-но-но-но!”

Меня ставили на табуретку и просили спеть. Я пел про ткачих, про Марину, про заблуду и так далее, пока всем не надоедало. Меня снимали с табуретки, которую уносили на кухню, но не тут-то было, я возвращался, ставил табуретку, залезал на неё и снова пел. Наконец, уже кто-нибудь возмущался:

— Да уберите же его! Ни поговорить, ни анекдот рассказать.

В декабре того счастливого года я едва не умер от воспаления лёгких, пережил кризис, когда врач сказал, что к утру я либо начну поправляться, либо надо ждать худшего. Мама, бабушка и дедушка сидели всю ночь у моей кровати. Удивительно, но я очень ясно помню, как бредил, как всю ночь метался, как под утро мне стало лучше, и я сказал: “Хочу чаю”, — а потом добавил: “И бегемота”. У меня тогда был любимейший резиновый бегемот, сделанный, как настоящий, тяжеленький такой, величиной с ладонь. Помню, как мама заливалась счастливыми слезами, а я с наслаждением пил чай и вокруг меня лежали мои любимые игрушки.

Летом 1963 года мы ездили на Чёрное море. В таком составе: я с мамой, мамина подруга тётя Лена с сыном Колей лет пятнадцати и моя крёст-

ная Тамара. Снимали домик в Очамчире у старой аджарки, которую все дружно называли ведьмой. Помню, я страшно полюбил сыр сулугуни, особенно поджаренный на сковородке. И ещё инжир, которым я однажды так объелся, что меня долго рвало. Море произвело на меня огромное впечатление. Я из него не вылезал. Поскольку Коля был значительно меня старше, я подружился со своими сверстниками. Один был турок, другой — аджарец. Каждый из нас разговаривал по-своему, но никакого отсутствия взаимопонимания не было.

Коля однажды совершил во имя меня подвиг. Я лепил что-то из пластилина, у меня плохо получалось, и я капризничал. Мама рассердилась, собрала пластилин в коробку и как зашвырнет её в море! А Коля пожалел меня, поплыл, стал нырять и принёс мне мой пластилин. Очень был хороший, этот Коля. Одно ухо у него было с рождения недоразвитым — только мочка, а раковина отсутствовала.

Вообще моя мама была скорая на расправу, и я ей за это очень благодарен. Однажды я видел, как какой-то мальчик, не получив желаемое мороженое, упал на спину и стал колотить об землю ногами и руками. Тотчас ему было куплено и принесено мороженое. “Ага, — смекнул я, — надо будет этим воспользоваться”. И при случае повторил приём капризного мальчика. Мама спокойно принесла дедушкин ремень и так меня выжарила, что пару дней было больно присаживаться. Зато я навсегда усвоил, как отвратительны подобные фортели. В другой раз я был бит за то, что долго не шёл со двора по зову мамы, а когда, наконец, соизволил подойти, спросил нагло: “Ну, чего тебе?”

Забавный случай произошёл однажды, когда мама взяла меня в гости к какому-то дядя Лёше. Покуда поднимались по лестнице к нему домой, взрослые говорили о нём: “Этот Леша такой проходимец!” И вот открывается дверь, и я объявляю:

— Здравствуйте, дядя Лёша-проходимец!

Разумеется, вечеринка была безнадёжно испорчена. Меня отругали, но потом любили вспоминать про этот случай и, щекоча, говаривали мне: “Здравствуйте-здравствуйте, дядя Лёша-проходимец!” А я-то был уверен, что проходимец — это что-то очень героическое, человек, который через всё проходит, первопроходец. К тому же, у дяди Лёши была изумительная фамилия — Ягодкин.

Однажды у меня чуть было не появился отчим. Причём такой, какого я очень хотел. У мамы завязался роман с дядей Колей Голавлёвым. Дядя Коля был очень красивый, мужественного вида человек с перебитым боксёрским носом. Он и впрямь когда-то был боксёром. Впоследствии я вспоминал Голавлёва, когда видел в американских фильмах актёра Кевина Кэстнера, очень похожего на него.

Голавлёв меня любил, много уделял мне внимания, играл, возился со мной, и я обожал его добрые светлые глаза, весёлую улыбку, сильные мускулистые руки. Он учил меня драться, бегать, прыгать, стрелять в тире, учил ничего не бояться.

Вдруг оказалось, что он женат, у него есть дети, развестись он не может. Помню, перед самым Новым годом я сидел у мамы на работе, пришёл Голавлёв, и они с мамой долго, очень долго о чём-то тягостно говорили, и я время от времени возмущался:

— Ну, хватит вам!

А когда Голавлёв ушёл, мама заплакала и сказала:

— Больше у нас не будет дяди Коли.

И впрямь, больше я никогда его не видел.

Исчезновение Голавлёва я переживал, быть может, не меньше, чем мама. Однажды никого не было дома, кроме меня, когда появился мой отец. Он позвонил в дверь, я подошёл и спросил:

— Кто там?

— Это я, твой отец, — сказал он. — Открывай, Сашок.

— Я не могу открыть, — сказал я. — Никого нет дома, и мне не велено никому открывать.

— Не валий дурака, открывай, это я, твой папа.

— У меня нет папы, — горестно ответил я и ушёл в комнату.

Когда маму спрашивали, куда делся Голавлёв, видится ли она с ним, где он и что он, маму аж передёргивало:

— Не спрашивайте меня о нём! — И добавляла со злостью: — Иудушка Голавлёв!

Хотя, конечно, на персонажа Салтыкова-Щедрина дядя Коля не был похож нисколечко.

Когда я пошёл в школу, мама устроилась на новую работу — в трест “Мосремстроймонтаж” старшим инспектором по кадрам. Она купила себе чёрную шубу, которую я очень любил нюхать, когда мама приходила домой с морозца.

Вскоре у неё появился новый жених — Соколов. Почему-то я не помню, как его звали. Он был высокий и красивый; правда, не такой мужественно-красивый, как Голавлёв. Он появился у нас в доме в Первомай. Мы пошли с ним и мамой гулять в Измайловский парк, и он носил меня на плечах, высоко-высоко. Потом он спросил меня, хочу ли я быть его сыном, и я сразу ответил:

— Хочу.

— Договорились, — сказал он таким тоном, что отныне не должно уже было оставаться никаких сомнений.

Отныне я стал называть себя Сашей Соколовым. К тому же и этот подлец Соколов раззадоривал меня:

— Красиво звучит: Александр Соколов. Почти как “Шампанское”!

Он, как и Голавлёв, оказался женатиком, у него была дочь Юля, и он спрашивал:

— Хочешь, чтобы у тебя была сестрёнка Юля?

Я хотел. И когда в школе мы учились писать заглавную букву Ю, я с какой-то особой сладостью в сердце красиво выписывал: “Юля”. Однако тогда же мечты и рухнули. Когда мама поставила вопрос ребром, Соколов с трагическим видом вернулся в свою семью.

Снова я стал для неё не только сыном, но и спутником по кинотеатрам, театрам, выставкам, музеям и паркам. Чаще всего мы, конечно, ходили в кино. Тогда появились “Операция Й” и “Кавказская пленница”, на которые мы ходили раз по двадцать, и всякий раз обхоятывались до колик в животах. В театр ходили реже, но тоже довольно часто. Несмотря на это, театром я не стал. В ТЮЗе и Детском театре меня раздражали тётки, игравшие мальчиков. В особенности на всю жизнь я возненавидел Лилю Ахеджакову, в те годы как раз имевшую амплуа травести. В шестидесятые годы она играла советских пионеров, в девяностых она же будет с кровавым оскалом требовать от Ельцина, чтобы тот убивал советских людей, а при Путине — чтобы украинские фашисты убивали русских в Новороссии.

С 1968 года мама работала на должности инженера труда и заработной платы в производственном объединении “Тракторремстроймонтаж”. Здесь она проработает почти до конца своей жизни.

В тот год погиб Гагарин. В это не хотелось верить. Все кругом плакали. Я впервые в жизни ощущил, что погибла какая-то часть меня. Я долго ещё потом всё ждал и ждал, что обнаружится ошибка, что погиб не Гагарин, а кто-то другой. И мне не хотелось, чтобы своим Днём космонавтики он не заслонял мой день рождения. Пусть заслоняет сколько угодно!

Мне кажется, именно с этого дня началось медленное разрушение СССР. Юрий Алексеевич унёс с собой в могилу всю эпоху наших великих побед.

В Одессу мы с мамой ездили в 1970 году, и вскоре у мамы появился новый “человек”. Именно так она мне, помнится, сказала:

— У меня новый человек появился.

Мне это жутко не понравилось. И тоже женатый. Куприянов. Мама почему-то считала, что это изумительно красивая фамилия. Может быть, потому, что тогда зачитывалась Куприным, которого мы получали по подписке. Бунин и особенно Куприн стали её любимцами. Куприянов был кудрявый, за что я про себя прозвал его Кудрияновым. Он со мной почти не общался.

И как-то заведомо уж было понятно, что от своей семьи, чтобы жениться на моей маме, он не уйдёт. Мама тайно и безнадёжно встречалась с ним года два. Это было грустно.

В те времена я стал увлекаться живописью. Началось всё с посещения Третьяковки, после которой я распотрошил все залежи журнала "Огонёк", вырезав из них репродукции картин, они там печатались из номера в номер. Репродукции я развешивал и расставлял, где только можно, превращая наше жильё в картинную галерею.

В Третьяковку мы ходили много раз. Однажды мама надолго остановилась перед картиной Крамского "Христос в пустыне". Потом сказала:

— Как же ему больно!

Я внимательно взгляделся и действительно увидел, что Ему больно. Образ Христа впервые вонзился в моё сердце.

А потом мы стали ходить в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, и там случилось моё второе познание Христа. Однажды мама замерла перед копией "Преображения" Рафаэля. Смотрела, смотрела, вдруг улыбнулась и промолвила:

— Смотри, а Христос танцует!

Меня это почему-то покоробило, хотя я был пионер и атеист, ещё не так давно выбросивший свой крестильный крест, потому что боялся, как бы кто не увидел его, ведь тогда меня могут, чего доброго, и не принять в пионеры! Но тут что-то кольнуло во мне. Ещё сильнее, чем перед картиной Крамского. Там Ему было больно, а тут Он танцует... Можно ли вообще сказать о Христе: "танцует"? Танец и боль соединились в моей душе, и получился зародыш веры.

А мама сказала:

— Вообще-то я верю, что Что-то есть. И в Христа верю. Но не в то, что Он Сын Божий, а что это был самый лучший Человек.

Мама всю жизнь искала Человека!

Обнаружив во мне ещё один талант — к рисованию, она напряглась и купила мне отличный набор масляных красок, не дожидаясь моего дня рождения. Но если акварелью у меня ещё что-то получалось, то с маслом я ничего не мог поделать. Акварель — другое дело. Помню, моя акварель "Лето в Якушкине" заняла одно из первых мест на конкурсе детского рисунка в "Тракторремстроймонтаже", и мне достался какой-то зелёный железный паровоз. Это была моя первая в жизни премия! Да и в школе преподаватель рисования, Николай Николаевич Заболоцкий, в первое время был мною очень доволен, но, когда мы стали изучать перспективу, тут выяснилось, что мой талант к живописи весьма ограничен. И Ник-Ник разочаровался.

Моё третье постижение Христа оказалось ещё более странным. В старших классах я увлёкся всевозможной рок-музыкой, среди которой затесалась и рок-опера Эндрю Ллойд Вебера на либретто Тима Райса "Jesus Christ Superstar".

— Что тебе может в этом нравиться? — удивлялась мама.

— Вот послушай, — пытался я привлечь её на свою сторону. — Вот это Христос поёт.

И включал ей арию "Poor Jerusalem", где Ян Гиллан красиво сокрушался о судьбе Иерусалима.

— Это, по-твоему, Христос поёт? — с иронией спрашивала мама.

А я только пожимал плечами. Почему Он танцевать на картине Рафаэля может, а петь в рок-опере — нет?..

За пару лет до этого у меня произошло полное разочарование в Ленине. Как бы это ни было смешно. До тридцати лет я был убежденнейшим коммунистом, верил, что идеи Ленина рано или поздно восторжествуют, что в СССР, наконец, будет построено идеальное коммунистическое общество. На столе у меня стоял глиняный белоснежный бюстик Ленина. И вот я стал требовать от Ленина, чтоб он помогал мне с математикой. Уходя утром в школу, я угрожал ему:

— Если окажется, что опять за контрольную двойка, я тебя разобью об батарею!

Однажды, вернувшись из школы с очередной, пятой или шестой подряд, двойкой по математике, я восстал против вождя пролетариата, схватил его и с криком “Добился своего, лысый!” кокнул бюстик об батарею центрального отопления. Он рассыпался вдребезги, а вместе с ним и моя вера в идеалы коммунизма. Хотя, конечно, это слишком красиво. Я ещё долго верил в незыбломость идеи построения совершенного общества на основе ленинского учения. Ведь через год я добьюсь того, что стану одним из первых комсомольцев в классе. Но как в божка с тех пор я в Ленина уже не верил.

И вот, после Крамского, Рафаэля и Бебера, появился Спаситель. Я взял свои масляные краски и на доске собственноручно изобразил Голгофу и три креста на ней на фоне лазурного неба. Икону своего производства я повесил над своей кроватью.

— Теперь молись ей, — сказала мама.

Но молиться я не умел, и Голгофа висела рядом с фотографиями рок-музыкантов — “Deep Purple”, “Pink Floyd” и так далее.

Потом я окончил школу, и началась моя самостоятельная жизнь, без мамы. То есть мама оставалась, но я уже не был её кавалером, её галантным ухажёром, с которым она могла бы пойти в ресторан, кино, картинную галерею. Я и дома-то редко жил, всё больше где-то, с кем-то... Маму и бабушку навещал, иногда на неделю-другую оставался с ними и снова исчезал из дома.

На пятидесятилетие я впервые подарил ей настоящие французские духи. А вскоре после этого она заболела. У мамы на внутренней стороне предплечья, возле локтевого сгиба, много лет была доброкачественная опухоль. Однажды она её нечаянно сковырнула, опухоль стала расти, а мама никому об этом не говорила, пока не стало ясно, что надо срочно обследоваться. Врачи сказали, что опухоль требует хирургического вмешательства, необходимо устраиваться в институт онкологии на Каширке. Но там заявили, что места нет и не предвидится до самого лета. Онкологический центр, созданный академиком Блохиным, считался самым привилегированным институтом для больных раком. Мало кто получал из него путёвку в жизнь, большинство пациентов лишь недолго оживали, но потом всё равно уходили в мир иной, и в народе сие медицинское учреждение прозвали Блохинвальдом. Однако там были хорошие условия, а главное — прекрасные врачи, которые постепенно двигали науку и в итоге добились того, что в XXI веке рак перестал быть таким безнадёжно страшным, как в предыдущие столетия.

Лечасшим врачом в том отделении, где мама лежала, являлась одна из сестёр Ерёминых, за которыми когда-то давно ухлёстывал мой непутёвый отец. А непосредственным врачом мамы был какой-то неприятный молодой парень, весь в прыщах. Он смотрел на меня насмешливо и постоянно намекал на подарки. Я возил ему грузинский и армянский коньяк, который он презрительно ставил в шкафчик, где можно было увидеть бутылки с более престижными французскими коньяками. В конце февраля он провёл операцию по удалению опухоли, но это не дало положительного результата. Маму недолго выписали, но в начале марта положили снова, стали готовить к повторной операции.

Мне никогда не забыть эту жуткую дорогу от метро к центральному входу в Блохинвальд. В феврале и марте она насквозь продувалась ледяным ветром. Врач требовал, чтобы я привозил маме всякие дефицитные продукты — греческие орехи, натуральные соки, чёрную икру. Однажды, отхватив где-то три банки греческого грейпфрутового сока, я нёс их по дороге сквозь ветер и не смог удержаться от соблазна откупорить одну банку и выпить ее. Я пил, и слёзы катились из глаз от стыда за то, что я, такая сволочь, ворую у мамы одну из трёх банок с вкуснейшим соком... Очень живое страшное воспоминание!

Ещё хорошо помнится, как я, получив стипендию, пришёл в ресторан “Якорь” и спросил, нельзя ли мне купить полкило красной икры. На меня посмотрели с отвращением, велели сесть за столик и заказать икру порционно, да не только икру, а что-нибудь ещё. И мне пришлось заказать несколько порций икры и суп. Икру я сгрёб в заготовленную банку, суп съел, рас-

платился и ушёл под презрительные взгляды официантов. Этот трофей я довёз в целости, не украв ни икринки.

В марте моей маме сделали вторую операцию, ампутировали руку по локтю. Она тяжело приходила в себя, я утешал её, что теперь зато опасность миновала. В начале апреля маме стало вновь хуже, врачи начали готовить её к третьей операции. Она очень боялась признаться себе, что у неё рак, хотя это уже было очевидно. Бедная мама! Если случалось так, что я в какой-то день не мог приехать в Блохинвальд, она обижалась на меня, не хотела разговаривать, говорила обидное:

— Можешь вообще не приезжать!

Вскоре ей сделали третью операцию, отрезали руку теперь уже полностью. Затем провели сеансы облучения и в конце апреля выписали домой умирать, потому что метастазы поразили внутренние органы. В мае она ещё кое-как вставала, ходила, даже иной раз силы позволяли ей выйти погулять. Но к концу мая начались такие сильные боли, что она стала кричать на весь дом. Я с тех пор, как её привезли домой, поселился в Измайлово, ухаживал за ней. Когда боли сделались невыносимыми, стала приходить медсестра и колоть маме омнопон — сильнодействующий успокаивающий боль наркотик. Медсестра показала мне, как делать инъекции, и я сам стал их делать. Сначала четвёртую часть ампулы, к концу июня — половину, а потом уже и по целой ампуле. Мама засыпала и стонала тихо во сне. Проснувшись, могла некоторое время разговаривать, но потом боль возвращалась, она начинала стонать, потом кричать, и нужно было вновь делать инъекцию.

Последний месяц был самым невыносимым. Мама спала под наркозом, а когда просыпалась, начинала кричать от боли уже через две-три минуты. Уколы приходилось делать всё чаще.

Когда я сидел у смертного одра матери и вглядывался в лицо умирающей, мне начинало казаться, что лицо смерти прекрасно, и что после ухода мамы я тоже должен уйти в мир иной. Мир этот стал казаться мне совершенно пустым. Я решил, что если останется омнопон, то через некоторое время после смерти мамы вколо его себе и покончу счёты с жизнью. За несколько дней до ожидаемой развязки я нарисовал мамино лицо, и оно, искалечённое мукой и дыханием смерти, казалось мне прекрасным.

Мама умерла 2 августа 1983 года. Утром я сделал ей укол, но прежде, чем уйти в забытьё, мама посмотрела на меня ясным взором и сказала:

— Вот теперь я всё поняла! Дай мне... — И она указала на свою шкатулочку, в которой у неё хранились все без исключения драгоценности — золотой перстень с алебандитом, серебряное колечко да золотая цепочка с эмалевым медальончиком, на котором была изображена Богородица с младенцем. Маленькая такая шкатулка, покрытая чёрным лаком, внутри — красным, а на крышке — скачущая тройка, в ней гармонист, лихие парни и румяные смеющиеся девушки. Мама открыла шкатулку и вынула из неё цепочку с медальоном, а я помог ей её надеть на шею. Потом она долго-долго смотрела на тройку, гармониста, парней и девушек, прощаясь с ними навсегда. Они примчатся куда-то, выскочат из саночек и будут танцевать, танцевать... Без неё.

Она уснула, а через час я сказал бабушке:

— Бабушка, ну, что ты сидишь тут, иди погуляй.

Бабушка послушалась меня. Уходя, сказала:

— Ну, я пойду чуть-чуть погуляю.

И вдруг из забытья раздался мамин голос:

— И я гулять!

При этом она оставалась без сознания. Эти слова “И я гулять!” оказались в её жизни последними. В полдень она очнулась, стала кричать, я сделал укол, она успокоилась. И вскоре ушла от меня навсегда.

Мне хотелось, чтобы было отпевание, но почему-то я не собирался везти маму в церковь, а сам встал при гробе и вслух читал Псалтирь. При этом надел на себя костюм и галстук. Я читал и читал Библию почти до самого утра, в каком-то полубезумном состоянии. И это был ещё один мой шаг ко Христу.

Похороны состоялись прямо в день рождения отца, который приехал и всё вздыхал:

— Эх, братцы, если бы вы знали, какая у нас с ней была любовь!

В первые две недели после похорон я сочинял скорбные элегии на смерть матери и вдруг вспомнил про омнопон. Посмотрел на мамин портрет, сделанный мною карандашом за несколько дней до её смерти, и теперь увидел ужас смерти, отшатнулся, устрашился его. Остававшиеся ампулы я не мог сдать обратно в поликлинику, потому что уже оставил расписку, что медикамент полностью израсходован, и меня могли привлечь за укрытие наркотика. Я просто закопал ампулы в Измайловском лесу глубоко в землю. Смерть стала отходить от меня.

На мамином надгробии я заказал вырезать ветку кленовых листьев. Она очень любила по осени набрать охапку и поставить в вазу. Говорила, что нет ничего красивее осенней листвы, особенно кленовой. Я любил приезжать на её могилу один, подолгу стоял и ждал знака — исчезла ли мама или она есть где-то в другом мире теперь. Однажды стояла снежная зима, и я сказал маме:

— Дай мне знак!

И вдруг почувствовал, что она стоит у меня за спиной. Резко оглянулся. В то же мгновение птица вспорхнула, с ветки обрушился ворох снега, и в этом снеге я на секунду увидел прозрачный силуэт.

Спустя годы я тоже сказал себе:

— Вот теперь я всё понял! Дай мне...

Купил крестик, серебряную цепочку, и стал носить символ закляния Спасителя во имя всех нас. На родные могилы поставил памятники с крестами. Стал соблюдать церковные установления. Сложным путём — через живопись и музыку, страдания и радости, обретения и утраты — я пришёл из тьмы неверия к свету и увидел, что если во тьме не заметно тёмное, то на свету оно обнаруживается. Без света нет тени.

Мама учила меня видеть прекрасное, понимать мир как нечто неповторимо величественное и великолепное. Она никогда не проходила мимо и всегда замирала:

— Саша, посмотри, как красиво!

— Какое бесподобное облако!

— Какое море сегодня необыкновенное!

— Ах, как это хорошо!

Несмотря ни на что, она никогда не унывала, всегда хотела гулять, танцевать, радоваться жизни, которая не слишком-то её баловала. И я верю, что ей все простились, что, отчитавшись перед Всевышним, она обрела сладость утоления жажды прекрасного. И ей позволено увидеть, как...

...Христос танцует...

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

ЗОЛОТАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ЗВОНИЦА

ЗЕРНО

Казалось бы, дело простое —
упавшее ради ростка,
Прозябло зерно золотое,
Прозревшее ради цветка.

Казалось — оно ещё дремлет,
Забывшись в домашнем тепле.
Но вот уже землю объемлет.
И солнце в распаханной мгле.

Дорогу на ощупь приемлет, —
Такого не видеть нельзя! —
Как тянется к небу, подъемлет
Тяжёлые капли дождя.

Погибло за дело святое,
В земле, как в темнице, темно...
Прозябло зерно золотое,
Как солнце восходит оно.

НЕЖДАНОВ Владимир Васильевич родился в 1950 году в подмосковной деревне Криевцово Солнечногорского района. Служил в армии. Работал редактором в изда-
тельстве “Современник”. В настоящее время служит священником в храме Рож-
дества Пресвятой Богородицы в селе Льялове Московской области. Автор пяти
стихотворных сборников. Член Союза писателей России. Живёт в подмосковном
посёлке Менделеево.

ЗВОННИЦА

Дрогнул колокол за околицей,
Звон пошёл, а за ним звон другой.
И сама она, будто звонница,
Всех зовёт и зовёт за собой!

Как легко же друг друга находят
Эти звоны окрестных церквей.
Величаво по облаку ходит
Тот, что старей других, но живей!

И на каждом возгорке я вижу,
Как на звонницах солнце горит,
Как само оно — кажется, слышу,
Оглашая округу — звонит!

Не смолкает тот звон за околицей,
Весь уходит в простор голубой,
Золотая пасхальная звонница
И небесного времени бой!

УХОДИЛО СОЛНЦЕ...

Уходило солнце медленно по травам,
По орешнику, по листьям, по дубравам.

По текущей по течению воде,
По холмистой, в дымке призрачной гряде.

По полям и по лесам, и по долинам —
И по всем просторам, всё ещё былинным.

По рассеянным по небу облакам,
Уходило тайно в вечность — по векам...

На закате тихо уходило солнце
Через двор соседа и его оконце.

Ветерок закатный тянет — зябко-зыбкий,
Вот скользнуло, медля, по твоей улыбке...

По тому, где прежде проходило мимо,
По всему, что в мире всё ещё любимо...

СЛУЖБА

Облачаюсь. Стою у Престола.
Звон воскресный в раскрытом окне.
Запах сена доносится с поля —
Запах ладана слышится мне.
Пенье клира церковного хора
С голосами родного простора.
Вот запел соловей в тишине!..

НИКОЛАЙ АГАФОНОВ

СТОЯНИЕ

ПОВЕСТЬ*

*Светлой памяти моей дорогой мамы
Чащиной Любови Николаевны
посвящается*

Застолье в доме начальника Ленинского райотдела милиции Михаила Фёдоровича Тарасова по случаю присвоения ему очередного звания подполковника завершилось за полночь. Гости расходились шумно, даже с криками “ура”. Проводив всех, Тарасов не спешил возвратиться домой. Он прислонился к дверному косяку плечом и с наслаждением вдыхал свежий морозный воздух. Зябко передёрнув плечами, он подумал: “Ещё пяток годков потяну лямку, получу полковника и на пенсию. А тогда даже дня в городе не останусь. Как там говорил классик: “В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!..” Буду рыбачить, охотиться, книжки почитывать”. Тарасов мечтательно вздохнул и пошёл в дом.

Телефон, словно дожидаясь возвращения хозяина, разразился продолжительной трелью. Поморщившись, подполковник всё же снял трубку и сердито буркнул:

— Тарасов у аппарата.

В трубке раздался взволнованный голос лейтенанта Мельникова:

* Печатается в сокращении. Полностью выходит в издательстве Московского Сретенского монастыря.

Протоиерей Николай АГАФОНОВ родился в 1955 году на Урале. Окончил Московскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. За миссионерскую деятельность награждён Патриархом Алексием II орденом Святителя Иннокентия 3-й степени. Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия.

— Товарищ майор, ой! Простите, товарищ подполковник, у нас на участке ЧП.

— Докладывай, — сохраняя недовольный тон, сказал Тарасов, хотя и понимал, что в столь поздний час его по пустякам тревожить не станут. Неурочный звонок мог означать и такое, что случилось убийство, да не простая бытовуха, а что-нибудь этакое, о чём ещё придётся докладывать выше...

— На улице Чкалова в доме 84 застыла девушка с иконой в руках... Проще сказать, окаменела.

— Слушай, Тарасов, а ты сам, часом, не того?..

— Михаил Фёдорович! — в голосе Мельникова зазвучали нотки обиды. — Вы же меня знаете, я не пью, а на дежурстве — тем более...

— Я не об этом, а о том, не тронул ли ты умом, лейтенант?

— Да от того, что увидел, пожалуй, можно и тронуться...

— Ладно, а чего мне-то звонишь? Ну, окаменела баба, с кем не бывает. Протрезвится и помягчеет. А если кому-то плохо, тогда "скорую" вызывай, а не баламуть начальство.

— Товарищ подполковник, вам лучше самому посмотреть. "Скорая" уже была, да от этого толку мало. Считаю, что обстановка может выйти из-под контроля. Уже сейчас здесь народ кой-какой ошивается, в дом пытаются проникнуть. А с утра, когда слухи разнесутся по городу, я и сам не знаю, что тут будет... Словом, необходимы ваши личные указания.

— А... — досадливо махнул рукой Тарасов, — всё равно в толк не возьму, чего ты там городишь. Жди, разберёмся на месте.

Через полчаса он входил в райотдел милиции. Его встретил дежурный по отделу лейтенант Пётр Мельников. Вид у него был до того потерянным, что Тарасов вместо пожатия руки просто похлопал парня по плечу:

— Ладно, пойдём в кабинет, там всё и расскажешь.

В небольшой комнате, уставленной шкафами с папками, Тарасов, не снимая шинели, сел к письменному столу на шаткий стул и бросил на стол свою шапку. Затем достал портсигар, закурил папиросу и посмотрел на лейтенанта. Тот нервно теребил портупею.

— Чего стоишь? Садись.

Мельников присел напротив и тоже снял свою шапку, но на стол не положил, а мял в руках.

— Закуривай, — Тарасов пододвинул Мельникову портсигар.

Мельников машинально взял портсигар, но тут же положил обратно.

— Спасибо, товарищ подполковник, не курю.

— Молодец, значит, здоровеньkim помрёшь, — мрачно пошутил Тарасов и вздохнул, — мне бы тоже бросить, да фронтовая привычка... Ну, давай всё по порядку, только кратко, воды, сам знаешь, не люблю.

Выпустив папироcный дым в сторону от лейтенанта, он вновь глянул на него и в удивлении присвистнул:

— Ого! Ты чего это с волосами сделал?

Мельников машинально провёл по голове рукой и непонимающе уставился на начальника.

Тот протянул к нему руку. Мельников смущился, но головы не отдернулся. Перебирая пальцами седую прядь волос двадцатишестилетнего лейтенанта, Тарасов покачал головой:

— Доводилось такое видеть, но то было на войне... Да что у вас тут творится?..

— Значит, так, — начал Мельников, массируя себе виски. — В двадцать три часа восемнадцать минут минувших суток к нам поступил сигнал со станции "скорой помощи". Сообщили, что в доме № 84 по улице Чкаловской, где проживает гражданка Болонкина Клавдия Петровна, находится восемнадцатилетняя девушка в непонятном состоянии. То ли мертва, то ли жива, они установить затрудняются. Я взял с собою сержанта Котина, и мы направились по указанному адресу. То, что мы увидели в доме... Короче, лучше бы этого совсем не видеть.

— Так всё же, что вы там увидели? — прервал Мельникова Тарасов, закуривая новую папиросу.

— Разрешите? — Мельников взял со стола графин с водой и, наполнив стакан, залпом выпил.

— Там, товарищ подполковник, посреди комнаты стоит девушка с иконой в руках. Вначале я подумал, что это статуя. Ну, одели в платье и поставили. Дотронулся до её рукой, а она живая. Вы представляете, живая статуя. Уж поверьте мне, зрелище жуткое. Сержант Котин, так тот, как глянул, так и вовсе из дома убежал. Потом мне заявил: “Пусть меня из органов увольняют, но в комнату с каменной бабой не пойду”.

— С чего же ты решил, что она живая, может, действительно кто-то статую в дом принёс, — усмехнулся Тарасов. — Какой-нибудь умник решил подшутить над родной милицией.

Мельников посмотрел на своего начальника удивлённым взглядом.

— Что же я, живого человека не распознаю?

— Если живая, так чего же она стоит?

— Так она же окаменела, товарищ подполковник!

— Ну, ты брось мне сказки рассказывать! Как это можно окаменеть?

Ты сам-то что выяснил? Откуда эта каменная девка взялась?

— Если коротко, товарищ подполковник, то из опроса свидетелей можно понять, что дело обстояло следующим образом. В квартире гражданки Болонкиной собралась компания отметить Старый Новый год. Самой хозяйки дома не было, она ушла к подруге в гости, а дом предоставила для молодёжи. Гостей принимал её сын Вадим Сергеевич Болонкин.

— Постой, постой, а не тот ли это Болонкин, что проходил у нас по делу о карманных кражах?

— Тот самый, Михаил Фёдорович. Недавно вернулся из мест заключения. Это его вторая ходка, первая ещё по малолетке была. Среди блатных кличка Умник.

— Шибко умный что ли? — полюбопытствовал Тарасов.

— Книги любит читать, вот и прослыл умником.

— Ладно, чего там дальше?

— Собрались у этого Умника парни и девчата. Посидели, выпили, включили патефон и стали танцевать. У одной из девушек, Зои Карнауховой, нормировщицы с трубного завода, не пришёл её парень. Вот она от обиды и взяла с божницы икону Николы Угодника, вроде парня её тоже звали Николай, да и пошла с этой иконой танцевать. Во время танца, как утверждают свидетели, произошло что-то невероятное. Некоторые вроде гром слышали. Кто-то видел свет, как от молнии, а в квартире так, наоборот, свет погас. Впоследствии выяснилось, что это выбило пробки. Когда же свет включили, то увидели, как эта самая Зоя стоит, словно окаменевшая, посреди комнаты с иконой в руках. Ну, они, естественно, испугались и выскочили из дома на улицу. Потом всё же сообразили в “скорую помощь” позвонить. Медики приехали и тоже впали буквально в шок от увиденного. Стоит эта девушка, как мёртвая, а сердце послушали — бьётся, значит, выходит, жива, да и дыхание есть. Попытались сделать уколы, но мышцы тела до того сжаты, что иголка гнётся или ломается, но в тело не проходит.

— Погоди, лейтенант, а чего же они тогда её в больницу не увезли?

— Пытались, так от пола не смогли оторвать. Она словно к нему присосла.

— Да это же бред! Цирк, да и только! Ну, прямо “шапито”! Фокусы! Я тебе, лейтенант, вот что скажу: головы вам заморочили. — Тарасов решительно встал. — Пойдём разбираться на месте. Надо выяснить, кто всё это подстроил. Тут, как я посмотрю, не только милицию, но и даже нашу советскую медицину ввели в заблуждение.

Напротив дома 84 по улице Чкалова стоял автомобиль “скорой помощи” с включённым двигателем. В кабине “скорой” мирно дремал шофер. Возле самого дома стояла небольшая группа людей, что-то бойко обсуждая между собой. Завидев подходившего лейтенанта с начальником районной милиции, они наперебой стали просить:

— Дайте нам взглянуть на каменную бабу. Почему нас непускают?

— Не положено. Идите на своих каменных баб любуйтесь, — зло пошутил Тарасов, — а здесь смотреть нечего.

Люди зароптали, но расходиться не стали. У дверей дома стоял сержант Котин. Отдав честь Тарасову, он успел шепнуть Мельникову:

— Товарищ лейтенант, подмога требуется. Народ прямо с ума сходит, уже через окно пробовали забраться.

На кухне сидела уже не молодая, слегка полноватая женщина — хозяйка дома Клавдия Петровна Болонкина. Врач мерила ей давление. Увидев вошедшего подполковника, Болонкина испуганно глянула на него припухшими от слёз глазами и сразу отвернулась. Врач, закончив измерять давление, вопросительно поглядела на начальника милиции.

Ещё с войны Тарасов трепетно относился ко всем медицинским работникам, а потому сразу же поспешил вежливо представиться:

— Начальник Ленинского райотдела милиции подполковник Тарасов.

— Калашникова Анна Павловна, врач “скорой помощи”, — вставая с табурета, представилась женщина и указала рукой в сторону двери в горницу, — пойдёмте, я вас провожу.

Она вошла в комнату первой, а за ней прошёл Тарасов. В одной половине горницы стоял сдвинутый к стене стол с остатками праздничного ужина и початыми бутылками водки и вина. В другой половине спиной к ним стояла девушка в крепдешиновом платье голубого цвета. Её густые светлорусые волосы волнами спадали на плечи, и Тарасов, ещё не видя лица девушки, подумал: “Наверное, красавица”. Он обошёл её кругом. Девушка действительно оказалась красивой, но Тарасова больше всего поразил её взгляд. Широко открытые глаза были устремлены на икону, которую она держала в руках. Во взгляде читались одновременно и испуг, и удивление.

Тарасову захотелось тут же выйти, как будто в комнате не хватало воздуха, но он, пересилив себя, спросил:

— Что с ней? — Голос его был хриплым и прозвучал глухо.

— Сами понять не можем, — тут же отозвалась врач и тоже негромко, как обычно стараются говорить при покойниках, — такой общей спазмы мышц в медицинской практике никогда не наблюдалось.

— А почему не вынули из рук икону? — Тарасов и сам не заметил, как тоже перешёл на шёпот, словно боясь, что его услышит застывшая девушка.

— Пробовали. Не получилось. Хотели в больницу увезти, но не смогли оторвать от пола, словно она к нему приросла.

— Каким образом?

Врач развела руками:

— Один Бог ведает, каким.

— А вы что, в Бога верите?

Врач ничего не ответила.

— Может быть, каким-то kleem ноги и туфли намазаны? — не то спрашивая, не то размышляя вслух произнёс Тарасов. Врач молча пожала плечами.

Простояв с минуту, словно что-то обдумывая, Тарасов вышел из горницы. Проходя мимо кухни, он поманил Мельникова рукой, чтобы тот следил за ним.

— Вот что, лейтенант, — сказал Тарасов, когда они вышли в сени, — ты оставайся пока здесь, утром пришлю замену. В дом никого не пускать. Хозяйке скажи, чтобы пожила временно у родственников, а я буду звонить начальству, пусть сами кумекают, что со всей этой мистикой делать.

Анастасия Егоровна Карнаухова всю ночь так и не сомкнула глаз — ждала, когда вернётся дочь. Расстались они со скандалом. Мать была категорически против таких поздних вечеринок, но дочь вспылила:

— Мама, ну, сколько можно меня “пasti”? Я, между прочим, уже взрослый человек. Что же мне, всю жизнь подле тебя сидеть прикажешь? Имею я, в конце концов, право погулять в свой выходной или нет?

— Имеешь, доченька, имеешь, да только почему так поздно? Рано тебе по ночам гулять, — пробовала возразить Анастасия Егоровна. Но дочь, ничего не ответив, хлопнула дверью и ушла.

Присев к столу, Анастасия Егоровна поплакала немного, утёrlа слёзы уголками повязанного на голове платка и, подперев правой рукою щёку, грустно задумалась.

Дочь родилась 19 декабря 1938 года, через два месяца после проводов мужа Павла в Красную армию. Уже перед самым расставанием на сборном пункте он попросил: “Коли у нас родится сын, назови его в честь моего отца — Афанасием”. “А если девочка?”, — сквозь слёзы улыбнулась Анастасия. “Тогда пусть будет Зоей”, — ответил Павел. “Почему Зоя? — удивилась она. — У нас никого в родне нет с таким именем...” — “Потому что это имя означает жизнь, пусть наша девочка живёт счастливо”.

Когда Зое исполнилось полгода, из Саратова приехала свекровь. Узнав, что её внучка до сих пор некрещёная, она деятельно принялась разыскивать хоть какого-нибудь попа. Дело в том, что в единственном православном храме города в честь святых апостолов Петра и Павла служба не совершалась уже в течение года из-за отсутствия духовенства. В 1937 году епископа, всех священников и церковный актив арестовали, а вскоре и расстреляли. Не избежало мученической смерти даже обновленческое духовенство Покровского собора. Теперь в Куйбышеве не осталось ни одного действующего храма.

Священник вскоре отыскался. Отбыв срок на строительстве Беломорканала, отец Василий приехал в Куйбышев и устроился работать в горхозе истопником общественной бани. Просьбы о крещении или отпевании совершил с опаской и только через проверенных людей.

Сговорились о крещении на квартире одной из духовных дочерей отца Василия, но в тот день батюшку так и не дождались. На следующий день узнали, что священника арестовали вновь.

Анастасия страшно испугалась, подумав, что могут арестовать и её. Она проплакала весь день, а к вечеру вернулась свекровь. Она молча прошла к столу, села и, скинув с головы платок, обхватила седую голову руками. Какое-то время сидела, словно в забытье, а затем стала ритмично раскачиваться со стороны в сторону и вдруг заголосила:

— Сыночек мой родненький! Да на кого же ты меня, старую, оставил?..

У Анастасии потемнело в глазах, а в ногах появилась слабость. Она кое-как добрела до постели, на которой поверх покрывала лежала спелёнутая дочь, и легла, прижав малышку к себе. Крепко зажмурив глаза, она молча слушала жалостливые подывивания свекрови, а из её глаз даже сквозь сомкнутые ресницы сочились крупные слёзы.

Несколько слезинок упало на лицо маленькой Зои, и та, недовольно морщась, завертела головой, а потом, проснувшись, задала такого рёву, что сразу же перекрыла им причитания своей бабушки.

Гибель мужа на финской войне словно изменила весь мир вокруг Анастасии. Ей казалось несуральным и даже обидным, что люди продолжают куда-то спешить, что-то делать, о чём-то разговаривают, спорят, ссорятся, смеются. “К чему это всё, — думала она, — если нет Паши”.

Свекровь, видя такое состояние невестки, испугалась за неё.

— Ты, Настя, по мужу-то плачь, но и не забывай, что у тебя ребёнок. О дочери подумай.

Но она и о дочери не думала.

Словно от забытья очнулась Анастасия, когда заболела малышка. Девочка угасала с каждым днём и даже плакать от слабости не могла. Врач, осматривая её в больнице, вздыхал и на расспросы матери отвечал однозначно: “Пока ничем обнадёжить не могу. У ребёнка двухстороннее воспаление лёгких. Мы сделали всё, что могли, но организм слабый. Вот наступит кризис, тогда всё и решится”.

В этот же вечер Анастасия схватила дочь, накинула телогрейку прямо поверх больничного халата и побежала к Петропавловскому храму. Почему именно туда, она этого объяснить не могла. Ноги сами несли её, и остановилась она только на пороге церкви, где на двери висел большой амбарный замок.

В спускавшихся на землю сумерках ещё была различима икона Божией Матери, висевшая над входом в храм.

Прижимая к себе укутанные в одеяльце малышку, Анастасия опустилась на колени и стала горячо молиться. Ещё в детстве со своей мамой она выучила две молитвы “Отче наш” и “Богородице Дево, радуйся”. Теперь она их и шептала, добавляя к ним свои просьбы о даровании дочери выздоровления от хвори. При этом в голове крутилась неотвязчивая мысль: разве могут помочь молитвы за некрещёную?

Как подошла незнакомая пожилая женщина и встала с нею рядом на колени, Анастасия не заметила, а заметив, испуганно замолчала. Незнакомка осенила себя крестным знаменем и неожиданно запела приятным грудным голосом: “Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, приятилице сирых и странных представительнице, скорбящих радосте, обидимых покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну...”

Невольно прислушивалась к словам молитвы, Анастасия думала: “А ведь это всё обо мне. Это я скорбящая, это я обидимая...”.

“Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши; яко не имам иныя помощи разве Тебе...” — пела между тем женщина, и Анастасия тихо заплакала. Это были уже не горькие слёзы, а какие-то благодатные, успокоительные.

Закончив петь, женщина встала с колен и протянула руки. Анастасия, не колеблясь и минуты, передала в её руки дочь и встала сама. Женщина направилась к церковной сторожке, а Анастасия последовала за ней. В сторожке женщина молча положила малышку на широкую лавку и ловко распеленала ее.

— У твоей девочки сильный жар, надо сбить температуру, — это были первые слова, произнесённые женщиной.

— Как сбить? — почти простонала Анастасия. — Я убежала из больницы. Я теперь только на Бога надеюсь, только на него.

— Это хорошо, что на Бога. Больше сейчас не на кого надеяться, — при этих словах женщина взяла из шкафа бутылку уксуса.

Она развела уксус водой и, помочив в нём тряпку, стала протирать тепло малышки.

— Ребёнок некрещёный? — спросила женщина, продолжая отирать девочку уксусом.

— Мы не смогли найти батюшку, чтобы окрестить, — робко ответила Анастасия.

— Найти трудно, но теперь надо самим крестить.

— Как это самим?

— Меня зовут Вера, — вместо ответа представилась женщина, — для тебя тётя Вера буду. Я здесь при церкви и за сторожа, и за просвирню была. А когда милиция пришла священников и церковников забирать, я как раз в больнице лежала. Вот меня одну и не взяли. Почему так получилась, сама не знаю, видно, воля Божия о том. А ребёнка, коли опасность смертная, а священника нет, может крестить любой христианин. Это я точно знаю. А коли выживет дитя, то потом батюшка всё по правилам церковным докончит. А уж коли не выживет, то христианином помрёт, и за его душу ангельскую можно быть спокойной.

— Тётя Вера, помогите, Христа ради, окрестите доченьку, раз это можно.

— Можно, родимая, вот только сейчас водички святой достану. Каким именем крестить будем?

— Зоей назвали.

— Хорошо назвали. Зоя — это жизнь. Милостив Господь, может, и будет жить ваша доченька. Надо молиться.

Капитан Сергей Анатольевич Плетнёв, сотрудник Четвёртого Управления КГБ по Куйбышевской области, внимательно выслушал по телефону распоряжение своего начальника, подполковника Панина, и коротко сказал: “Есть, товарищ подполковник. Приму меры и доложу”.

Положив трубку, Плетнёв глянул на наручные часы и задумался. Было четверть второго ночи. Уж если начальство не поленилось позвонить ему в такой час, то надо срочно выезжать на объект. Он позвонил в ведомственный

гараж дежурному водителю и распорядился насчёт автомобиля. Затем обзванил сотрудников своего отдела. Надо обязательно иметь трёх-четырёх помощников. Подняв ребят с постели, приказал им тут же выдвигаться к восемьдесят четвёртому дому по улице Чкалова. Младшему лейтенанту Козыреву велел пройти прямо в дом, а двоим скрытно наблюдать за обстановкой на прилегающей территории и ждать его прибытия.

Служебную машину Плетнёв остановил, не доехав квартала до объекта, и пошёл пешком. Шёл специально по нечётной стороне улицы, внимательно оглядывая дома напротив. Вот и интересующий его дом. Своих топтунов Плетнёв срисовал сразу. Стояли грамотно. Сделал им незаметно знак, чтобы оставались на месте.

Возле калитки дома № 84 торчали трое субъектов в явном подпитии. Плетнёв приблизился к ним, стараясь не обнаружить себя. Этому он научился, ещё когда сержантом служил в наружке*. Да, собственно, близко и не надо было подходить, мужики разговаривали во весь голос.

— Да я сам видел, сам лично, — буквально кричал один из них.

— Чего ты мог видеть, тебя, что, в дом пропустили?

— Я видел ёщё до того, как милиция пришла, ты понял?

— А и чего ты там видел?

— Бабу окаменевшую видел, вот чего видел.

— Прямо окаменевшую?

— Вот именно. Стоит вся белая, как мрамор, и не шелохнётся. Окаменела, короче.

— А чего окаменела-то?

— Так я же толкую: она с иконой танцевала, вот её Бог и наказал.

— Да брось ты заливать, никакого Бога нет, выдумки это.

— А ты откуда знаешь, что Его нет? А может, и есть.

— Вот деревня! Да каждый школьник знает, что нет. Наука давно всё доказала.

— А раз доказала, так иди и потанцуй с иконой. Сам и проверишь, нет Бога или есть Он.

— Нашёл дурака, чтобы на себе проверять! Что-то там всё же есть, — и сомневающийся мужик направил указательный палец в серебрящее зимним рассветом небо, — только не нашего ума это дело.

В разговор вмешался третий:

— Нашли о чём спорить! Вы бы лучшие мозгами раскинули, где нам бухла раздобыть.

Дальше Плетнёв уже не слушал. Для него было ясно: сплетен не остановить, а с очевидцами события надо работать, чтобы эти сплетни не подогревались. Уже не таясь, он направился к группе мужчин.

— Товарищи, а что здесь случилось? — с самым невинным видом задал вопрос Плетнёв.

Услышав такое обращение, мужики с удивлением уставились на него, но разглядев в Плетнёве человека интеллигентного, при галстуке, снисходительно ответили, кивая в сторону дома:

— Там девка с иконой танцевала и окаменела.

— Прямо сейчас придумали? — издевательски хмыкнул Плетнёв, наблюдая, как у мужиков, которые сами ёщё недавно сомневались, от возмущения вытянулись физиономии.

— Вали-ка ты отсюда, коли честным людям не веришь.

Плетнёв, ожидая подобной реакции, не оскорбился, а, улыбнувшись, спросил:

— А разве кто-нибудь видел?

— Ну, я видел, доволен? — Очевидец, отделившись от друзей, угрожающе приблизился к Плетнёву.

Но тот не стушевался:

— Это вам просто показалось, дорогой товарищ.

* Служба наружного наблюдения.

Опешив от такой наглости, мужик уставился на Плетнёва, не зная, как на это реагировать.

— А если по мусалам, за оскорбление недоверием? — наконец, нашёлся он.

Капитана это предложение николько не смущило. Ему надо было этого человека как-то отделить от компании и поговорить по душам, пока тот не успел смыться, — ищи потом ветра в поле!

— По мусалам можно, но лучше давай спорить на бутылку, что там никакой окаменевшей бабы нет, — предложил неожиданно Плетнёв.

Все уже с интересом и даже с уважением посмотрели на интеллигента, повернувшегося к ним неожиданной стороной, такой понятной и близкой, и дружно загадали:

— Давай, Семён, спорь! Видишь, выпивка к нам сама подкатила.

Один из друзей разнял руки спорщиков.

— Ну, пошли, — кивнул в сторону дома Плетнёв.

— А мусора?

— А я знаю волшебное слово.

— Во как, — засмеялся мужик, — тогда пошли.

Перегородившему дорогу сержанту Плетнёв сунул под нос удостоверение в раскрытом виде и вошёл в дом, пропуская впереди себя спорщика.

Вышли они минут через пятнадцать уже втроём, вместе с Козыревым. Плетнёв дружески хлопнул мужика по плечу:

— Иди, Захаров, да повинись перед своими дружками, что разыграл их. И помни: будешь болтать — поедешь так далеко, что туда даже письма не доходят.

— Да понял я, — буркнул мужик и поплёлся к своим товарищам.

Плетнёв в задумчивости почесал переносицу и весело посмотрел на Козырева:

— Ну, что младший лейтенант, впечатлила тебя картина?

— Да уж, — глубокомысленно произнёс Козырев, — но как такое может быть?

— Что и говорить, мир полон загадок. Но ты не ломай себе голову, у нас с тобой сейчас задача банальная: законопатить дыры.

— Какие дыры? — не понял Козырев.

— Чтобы корабль течь не давал, — хохотнул Плетнёв. — Поехали к смежникам, а нашим передай моё распоряжение: пока пусть здесь потопчутся.

То, что случилось в эту ночь, Вадима Болонкина не просто потрясло, а буквально перевернуло ему всю душу. Жизнь человеческая теперь представлялась ему этакой космической карточной игрой. Карты человеку раздаёт сам сатана. ИграТЬ с ним бесполезно, потому как сатана играет нечестно, передёргивает. Как ни старайся, а у тебя обязательно будет или недобор, или перебор. А это означает только одно: смерть. И смерть не только тела, но и души. То, что душа у человека есть, Вадим не сомневался. Болеть может только то, что есть на самом деле. А душа, она ведь и болит, и радуется, и тоскует. Разве может болеть, например, идея или выдумка?

Вот сегодня в его доме и случился перебор. Взять с божницы икону и пойти с нею танцевать — это явный перебор. Для Вадима было непонятным не то, что Зоя застыла с иконой, окаменела, а то, что при этом она осталась жива. Потусторонние силы не испепелили девушки. Они пожалели её. Вот это и потрясло Вадима до глубины души. Что же это выходит? Значит, Бог не хочет погибели даже грешников, а хочет, чтобы они вразумились. А вот дьявол-то, наверняка, желает одного — погибели человека.

Такие мысли бродили в голове Вадима Болонкина по кличке Умник, когда они с Ларисой шли домой к матери Зои, чтобы поведать ей о случившемся. Полтора часа их задержали в отделении милиции. Снимали показания и составляли подробные протоколы всего происшествия. Потом отпустили, но предупредили, что они могут ещё понадобиться для уточнения каких-нибудь деталей.

Вадим Болонкин хоть и слыл среди уголовников Куйбышева козырным пацаном, но как-то не очень вписывался в их блатную компанию. Какая-то

“неправильность” в нём замечалась. Дело даже не в том, что Болонкин любил читать книги, за что и получил кличку Умник. Странности у любого блатного могут быть. Так, например, Филин, знатный домушник*, был просто помешан на музыке. Да только не на блатных песенках, а классику любил. На этом один раз и погорел. Залез в квартиру директора театра Оперы и балета, а там патефон с пластинками. Филин не удержался, поставил реквиемом Моцарта, да так заслушался, что взяли его, голубчика, тёпленьким, прямо возле патефона.

У Умника была другая странность. Карманником он был классным. Просто мастер своего дела. Лопатник** у лоха стырит на раз, а на два сунет назад в тот же карман, но уже очищенный от купюр. Вот только очищал он исключительно солидных клиентов, а старушек-пенсионерок не трогал. Такая избирательность ворам была непонятна. Щипать жирных гусей и сложнее, и опаснее, чем старух. С ними всё просто: бритвой по сумке чиркнул, и кошель сам тебе в руки валится.

Вторая же странность, замечаемая за ним, состояла в том, что он совсем не ругался матом. По фене Умник ботал***, как заправский уркач****, но матерщины не любил. Вот до чего доводит чтение умных книг!..

Вадим шёл молча, а Лариска всё причитала:

— Ну, зачем, зачем она это сделала? Я же ей говорила: “Зойка, что тытворишь? Бог ведь накажет!” А она: “Вот пусть и накажет, если Он есть!” Да разве нам дано знать, что там есть, а чего нет? Разве можно с такими вещами шутить? Ой, глупая девка, глупая! Ну, подумаешь, парень не пришёл! Да при её-то красоте таких можно хоть сотню закадрить! Что мы теперь Анастасии Егоровне скажем? Она ведь с ума сойдёт от такого. Вадим, да что ты всё молчишь, мне страшно, а он молчит!

Болонкин остановился и задумчиво посмотрел на подругу.

— Слушай, Лариса, а ты молнию видела?

— Не помню. Я от страха чуть сама не умерла. А что?

— А я видел, сверкнуло что-то, а потом вроде гром. У меня тогда мысль промелькнула, что Зойка твоя горит, а вместе с нею и все мы.

— Да Бог с тобою, — испуганно проговорила Лариса, — мы-то за что? Мы с иконой не танцевали.

— Тоже мне, святоша нашлась. У тебя хотя бы крестик на груди есть?

— Нет, — испуганно схватилась Лариса за грудь.

— Не тушуйся. У меня крестик есть, да грехов не счастье. Это, Лариска, нам предупреждение.

— Вадик, ты меня опять пугаешь. Какое предупреждение?

— А такое, что надо бы в церковь сходить.

В окнах дома, где жила Зоя Карнаухова, горел свет.

— Видишь, — прошептала Лариса, — не спит Анастасия Егоровна, ждёт. И что мы ей скажем?

— А что есть, то и скажем, — Вадим решительно направился к двери.

Стучать долго не пришлось. Дверь тут же распахнулась. Анастасия Егоровна увидела Ларису с незнакомым молодым человеком и в испуге прижала обе руки к груди:

— А Зоя где? Что с ней?

— Она в его доме стоит, — растерянно ответила Лариса, показывая на Вадима.

— Стоит? — удивлённо переспросила Анастасия и перевела взгляд на Вадима.

Тот, решительно отстранив Ларису, шагнул к двери.

— Да вы не волнуйтесь, мамаша. Ваша дочь жива. А почему стоит, мы вам сейчас расскажем.

* Домушник — квартирный вор.

** Лопатник — бумажник, кошелёк.

*** Ботать по фене — разговаривать на воровском жаргоне.

**** Уркач (урка, уркаган, уркан) — опытный уголовник.

— Ой! Да что это я? Проходите, пожалуйста, — спохватилась Анастасия Егоровна.

Они прошли и, не раздеваясь, присели к столу. После того как Вадим заверил Анастасию Егоровну, что они ей всё расскажут, Ларису буквально распирало от нетерпения рассказать всё самой. Боясь, чтобы Вадим не опредил её, она торопливо начала:

— Так вот, Анастасия Егоровна, собрались мы, значит, отмечать Старый Новый год у него в дому, — она указала на Вадима, — а Зоин ухажёр, мастер-практикант из нашего цеха, не пришёл. Хотя до этого обещал, я сама слышала. Ну, мы, как полагается, посидели за столом, а потом и танцевать стали. Мы танцуем, а Зоя одна сидит. Вижу, переживает девка. Ну, я Вадима и попросила, чтобы он Зойку тоже танцевать пригласил. У меня-то что, убудет разве? А подругу жалко. Вадим к ней и так, и этак, а она ни в какую. Николая, говорит, своего буду ждать. Ну, и сидела так весь вечер, ждала. А потом вдруг вскочила, побегает к божнице, хватает икону и говорит: «Если ко мне тот Николай не пришёл, так я с этим Николаем танцевать буду». Только один круг с иконой и прошла, а потом как громыхнет что-то и свет погас. Мы чуть со страха не померли. Друг Вадима, Олег, тот сразу сообразил, что пробки выбило. Так оно и оказалось. А когда свет включили, смотрим, стоит наша Зойка с иконой и не шелохнётся. Мы к ней, а она, ну, вот как есть, каменная.

Прибыв в Ленинский райотдел милиции, Плетнёв с Козыревым первым делом изучили протоколы опроса участников злополучной вечеринки. Картина сразу прояснилась. Вместе с Зоей было всего пять человек. Болонкин Вадим и его подруга Крапивина Лариса, упаковщица 8-го цеха трубного завода. Вторая пара: Буланов Олег, электрик из РСУ-7 и его подружка Пряжкина Галина, формовщица хлебобулочного комбината. Шестым, как следует из опроса Крапивиной, должен был быть Николай Трошкин, мастер 8-го цеха трубного завода. Интересно, почему же он не пришёл? Надо бы выяснить.

Плетнёв выписал в блокнотик домашние адреса всех участников вечеринки и тут же отправил Козырева по адресам Буланова и Пряжкиной. Затем попросил лейтенанта Мельникова снять копии со всех протоколов и поспешил к месту проживания Ларисы Крапивиной. Там он рассчитывал встретить и Вадима Болонкина.

К его разочарованию, Ларисы дома не оказалось, а значит, непонятно, где разыскивать Болонкина. Поразмыслив над этой задачей, Плетнёв пришёл к выводу, что эта парочка могла пойти к матери Карнауховой Зои. Коли Лариса подруга Зои, то постарается навестить мать, чтобы сообщить о случившемся с её дочерью несчастье.

Подоспел он вовремя. Анастасия Егоровна с Вадимом и Ларисой как раз выходили из дома. Обрадованный такой удачей, капитан, не таясь, пошёл им на встречу.

— Здравствуйте! Вы мама Зои Карнауховой? — и, не дожидаясь ответа, тут же добавил: — Я вас подвезу к дочери, если не возражаете.

Вся троица в недоумении взорвалась на Плетнёва и, хотя Вадим уже догадывался, из какого ведомства нарисовался этот улыбчивый субъект, всё же спросил:

— А, собственно, кто вы такой будете?

У Плетнёва было хорошее настроение, и он продолжил в том же духе:

— Умный вопрос, гражданин Умник, то есть простите, гражданин Болонкин. Вот прибудем на место, вам всё и разъясняю.

— Чего разъяснять? Мы всё рассказали в милиции, под протокол.

— Протоколы я читал, но надо бы кое-что уточнить.

— Никуда я не пойду, я спать хочу, — насупился Вадим.

— Я к вам, Вадим Сергеевич, по-доброму, а вы сразу в отказ, нехорошо, — Плетнёв осуждающе покачал головой, — я же и по-другому могу, только зачем это вам?

По дороге к дому на Чкалова Плетнёв всё обдумывал, как же ему поступить с матерью Зои. С Болонкиным всё ясно, урка — он и есть урка. Такого

можно, не церемонясь, упрятать, коли будет на то необходимость. Да и с его подругой, Лариской, сложностей нет. А вот как быть с матерью? В своём материнском горе разве будет она молчать? Нет, не будет. Обязательно станет искать, чем дочери помочь, и первым делом к попам пойдёт.

Проблема, над которой ломал голову Плетнёв, неожиданно разрешилась сама собой. Увидев Зою, стоящую с иконой, Анастасия Егоровна тут же лишилась чувств.

Плетнёв такой удобный случай не упустил. Он вызвал “скорую” и отправил Анастасию Егоровну в больницу, да не простую, а в такую, где она будет под постоянным надзором.

В это раннее воскресное утро секретарь Куйбышевского епархиального управления, Андрей Андреевич Савин, бодро шагал по улице Чкалова, направляясь на службу в храм. Свою секретарскую должность он неизменно сочетал с иподиаконским служением при Куйбышевском епископе Иерониме. Сегодня владыка должен был служить в Петропавловской церкви, вот Андрей Андреевич и спешил в храм, чтобы загодя подготовить всё к встрече архиерея.

Обычно улица Чкалова в семь утра, да ещё и в воскресный день была малолюдна, а потому толпа людей у дома напротив зеркального цеха весьма удивила епархиального секретаря. Он пригляделся внимательно, не горит ли дом. Но пожара не наблюдалось. Может быть, похороны? Так и для них вроде бы время раннее. Как ни торопился Андрей Андреевич, но любопытство взяло вверх, и он остановился, чтобы выяснить, по какому случаю собрались люди.

Прислушиваясь к разговорам в толпе, Андрей Андреевич пытался понять, что же здесь произошло. Тут он заметил Пелагию Петровну, певчую левого клироса Петропавловской церкви. Подойдя к ней сзади, он наклонился к уху женщины и вполголоса проговорил:

— Доброе утро, Пелагия Петровна. Вы меня не просветите, что здесь происходит?

Женщина вздрогнула от неожиданности и обернулась. Увидев секретаря епархии, просветлела лицом.

— Ах, батюшки, Андрей Андреевич, это вы. Тут такая страсть происходит, что у меня аж мурашки по коже.

— И что же это за страсть?

— Да самая что ни на есть натуральная страсть, — Пелагия Петровна понизила голос чуть не до шёпота. — Вот в ентом доме святотатство приключилось. Но, слава Тебе, Господи, святой Никола Угодник чудо явил...

При этих словах Пелагия Петровна перекрестилась, боязливо оглядываясь по сторонам. Затем певчая, хоть и сбивчиво, поведала о том, что сама слышала от людей.

Рассказ Пелагии Петровны на Андрея Андреевича произвёл двоякое впечатление. Хотелось бы верить в произошедшее чудо, да в то же время одолевали сомнения: может, люди что-то напутали или изрядно приукрасили, а на самом деле всё обстоит гораздо проще, если не сказать банально. Ну, выпила молодёжь лишку и стала куролесить. Могли и икону взять, а в это время кому-то плохо стало, вот и пошли разговоры.

В конце концов, Андрей Андреевич решил, что дыма без огня не бывает, и раз охраняют дом с милицией, то действительно произошло что-то из ряда вон выходящее. С этими тревожными думами он и направился в храм.

О случае на Чкаловской секретарь поведал владыке только после причастия. Епископ воспринял услышанное с нескрываемой тревогой.

— Я тебя, Андрюша, вот о чём попрошу. Ты поговори, пожалуйста, с каждым священником отдельно. Бог весть, что там произошло, может, и ничего, а может, ещё того хуже — провокация какая. Словом, чтобы ни один священник и близко к тому дому не подходил. Да ещё накажи, пусть языком лишнего чего... Ну, ты меня понял.

— Благословите, владыка, поговорю с каждым. У нас, слава Богу, духовенство понятливое, — заверил архиерея Андрей Андреевич.

Архиерей проводил Савина тёплым взглядом. Своего тридцатипятилетнего секретаря епископ Иероним любил, как сына, и полностью доверял ему. Об Андрее Андреевиче он знал всё: и что тот воспитался и вырос в благочестивой православной семье, и что он уже с семилетнего возраста прислуживал в храме. А в четырнадцать лет стал иподьяконом в единственном оставшемся православном храме Оренбурга. Когда же в 1937 году арестовали Оренбургского епископа Алексия (Кононова) и всё духовенство, бесстрашный юноша поехал в Москву выпрашивать для Оренбурга священника.

В 1938 году Оренбург переименовали в Чкалов и закрыли последний действующий храм в городе. Андрей Андреевич успел вынести из храма и спрятать икону Божией Матери “Семистрельная”, шесть ковчежцев с мощами, антиминс, два серебряных креста, Евангелие, кадило, серебряные архиерейские триклий и дикирий, посох и облачения.

В 1940 году Андрей Савин окончил Чкаловский трехгодичный учительский институт и был призван в армию. Началась война, и он оказался на Ленинградском фронте. Прошёл всю войну. В каких только переделках не побывал, но остался жив, получив лишь лёгкую контузию. Спасала молитва. В гимнастёрку Андрей зашил нательный крестик, а под обложкой англо-русского словаря спрятал образок Иверской иконы Божией Матери.

В мае 1945 года Андрей Андреевич возвратился домой с орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени и медалью “За отвагу”. Ни минуты он не колебался, какой ему выбрать жизненный путь, — только служение Богу.

Работу со свидетелями необычного происшествия Плетнёв закончил лишь к восьми утра. Устал страшно, но был крайне доволен, что справился. Расписки о неразглашении взял со всех, даже с врачей “скорой помощи”. Вот только с работниками милиции вышла осечка. Подполковник Тарасов заартасился.

— У тебя, капитан, своё начальство, у меня — своё. Решат между собою, тогда и будем бумажки писать. А пока я всех своих и так предупредил о служебной ответственности. Если сотрудникам милиции не доверять, то тогда кому ещё? Мы своё дело знаем, нам и самим тут лишний шум не нужен.

Хотел уже Плетнёв ехать докладывать начальству о проделанной работе, да тут вспомнилось ему, что на вопрос, откуда Болонкин звонил в “скорую”, тот ответил, что звонил со служебного телефона зеркального цеха, что напротив их дома.

“Надо бы и сторожа допрашивать”, — устало подумал Плетнёв и, тронув шофёра за плечо, сказал:

— Давай, Петя, снова на Чкаловскую.

В двери зеркального цеха пришлось стучать долго. “Спит, небось, ханырок”, — сердито подумал Плетнёв и вновь забарабанил кулаком. За дверью раздался сердитый голос:

— Ну, чего стучишь? Слышишь. Хромой, но не глухой, только вот всё думал, когда же надоест тебе о двери кулаки чесать.

— Открывайте, Комитет государственной безопасности.

— А по мне — так хоть министерство путей сообщения. Написано же на двери — “Воскресенье — выходной день”. Завтра будет начальство, вот и приходите. А я всего лишь сторож, понятно?

Плетнёв несколько обиделся, что его ведомство сравнивают с каким-то министерством путей сообщения. Обычно при упоминании комитета безопасности люди испытывают если не страх, то, по крайней мере, уважительное внимание. А тут на тебе — никакого питетата!

— Вот вы мне как раз и нужны.

Наступила пауза, затем щёлкнула задвижка, и дверь слегка приоткрылась. На капитана в щель смотрел строгий взгляд усатой физиономии.

— Покажите удостоверение, — сказал усач, продолжая сверлить взглядом капитана.

Плетнёв достал удостоверение, раскрыл его на мгновение и снова убрал в карман.

— Не так быстро, — спокойно сказал сторож, — я читаю вдумчиво. У вас служба, и у меня служба, а может, вы налётчик какой, зеркала хотите умыкнуть или ещё чего.

Плетнёв досадливо крякнул и снова полез за удостоверением.

— И пальчик уберите, а то фамилию прочесть не могу.

“Да он просто издевается надо мной”, — возмутился про себя Плетнёв, но волю чувствам давать не стал, а как можно мягче сказал:

— Ну, теперь вы меня впустите?

— Не имею права на охраняемый объект впускать посторонних, — с лёгким смешком ответил сторож.

— Что, и даже из министерства путей сообщения? — в тон ему парировал Плетнёв.

Усатая физиономия сторожа при этом расплылась в улыбке.

— А ты шутник, капитан, уважаю. Заходи, — и Кузьма Петрович раскрыл дверь.

В зеркальном цеху Плетнёв просидел двадцать минут. За это время он успел составить протокол опроса свидетеля, который Кузьма Петрович, не обинуясь, подписал. А вот давать расписку о неразглашении сторож наотрез отказался.

— Я, товарищ капитан, такой бумаги подписывать не буду. Опрос — это одно дело, это законно. Давать же расписку о неразглашении не вижу причины. Какая тут может быть государственная тайна? Я и так вам могу обещать, что болтать лишнего не буду. Служил в полковой разведке, молчать умеем.

— Вот ты бывший разведчик, герой войны, так сказать, а человек несознательный. Да пойми ты, Кузьма Петрович, та война закончилась. Сейчас другая идёт — за души людей, ты это хоть понимаешь?

— Трудно тебя понять, товарищ капитан, — с иронией ответил Кузьма Петрович, — ты же в душу не веришь, а говоришь, что за души война идёт?

— Да это так, выражение такое. Ну, не за души, так за умы людей. Подумай сам, как этот случай могут использовать церковники и прочие несознательные элементы? Скольких неокрепших соблазнят на путь религиозного дурмана.

— Эх, капитан, капитан, молод ты ещё! Я лично — человек, далёкий от религии, хотя мама моя в этом, как ты изволил выразиться, “религиозном дурмане” пребывала всю свою сознательную жизнь и при этом была добрым и честным человеком. Все её уважали: и соседи, и на производстве.

— Так это же от неграмотности! Тут вины твоей мамы нет. Но мы-то с тобой люди грамотные, думать должны.

— А маршал Жуков как, по-твоему — человек грамотный?

— Без сомнения, — ответил капитан, удивлённо посмотрев на сторожа.

— А знаешь ли ты, что, когда мы Киев у немцев взяли, а кровушки там много русской пролилось, так маршал Жуков первым делом повелел попам молебен по случаю освобождения Киева служить. Сам лично в храме стоял со всем своим штабом.

— Ну, это же для политики, — поморщился Плетнёв, — чтобы людей, замученных в оккупации, поддержать морально. Да и к чему ты эту речь ведёшь?

— А к тому, капитан, что по мне так религия никому не мешает.

— Нет, Кузьма Петрович, мешает. Религия уводит нашего советского человека от деятельной жизни, от борьбы за светлое будущее всего человечества. Ну, давай не будем дебаты устраивать. Ты должен понять, что это я не сам придумал. С меня тоже начальство спросит, почему я расписку о неразглашении с тебя не взял.

— Да так и скажи начальству, что я отказался.

— И не боишься неприятностей?

— Эх, капитан, я уже своё отбоялся.

— Ну, смотри, тебе виднее, — Плетнёв встал со стула и направился к вешалке за пальто.

— Капитан, — обратился ему в спину Кузьма Петрович, — помоги девушке.

— Чем я ей помогу? — удивлённо спросил Плетнёв, обворачиваясь к сторожу.

— Не знаю, чем. Может быть, какого-нибудь медицинского светилу позвать, ну, раз наши врачи не справляются. В конце концов, что-то же можно сделать, она ведь страдает.

Плетнёв внимательно смотрел в глаза Кузьмы Петровича. “А ведь этот одногий переживает так, словно его родная дочь там стоит. Странно. Постой, а ведь он наверняка был в доме и видел девушку, однако для протокола скрыл этот факт. А вот мы сейчас этот вопрос и проясним”.

— Так чего же ты, Кузьма Петрович, не сказал мне, что побывал уже в доме?

— Так ты и не спрашивал о том, — с невинным видом пожал плечами Сапожников.

— Так говоришь, в полковой разведке служил? Верю. А кем тебе эта девушка приходится?

— А что, если не приходится, так и пожалеть нельзя?

— Пожалеть можно. И мысль твоя про светило науки верная. Надо же как-то всё это непонятное явление объяснить с научной точки зрения, а иначе бред какой-то получается.

После ухода Плетнёва Кузьма Петрович сидел ещё некоторое время в глубокой задумчивости. Этой ночью он действительно побывал в доме Болонкина ещё до прибытия “скорой помощи”. Долго вглядывался в неподвижное лицо девушки, пока не понял, что она не только жива, но и видит, и слышит, и очень мучается. Очень! При этой догадке сердце старого солдата сжалось от сострадания, и он, протянув руку, дотронулся до её головы. Волосы были мягкими. Кузьма Петрович погладил их своей шершавой ладонью и с состраданием произнёс:

— Бедная девочка, что же ты наделала над собою?

У него самого детей никогда не было. Да и жены, собственно, тоже. До армии жениться не успел. Затем финская, потом Великая Отечественная. Несмотря на то, что вернулся с фронта калекой, находилось немало женщин, которым он нравился. Но семы так и не сложилось.

Написав отчёт, Плетнёв позвонил полковнику Панину домой. Тот выслушал доклад и коротко бросил:

— Ко мне с отчётом в понедельник, а пока держи обстановку под своим контролем. Отвечаешь за всё головой. Продолжай работать, а выходные дам тебе после закрытия дела по “Стоянию”.

“Вот так, — подумал Плетнёв, положив трубку, — уже и название делу определили”. Он придинул к себе папку с протоколами и отчётом и крупно написал на её обложке “СТОЯНИЕ”, взяв это слово в кавычки. Затем набрал по телефону номер уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Куйбышевском облисполкоме Никифорова Ильи Прокопьевича.

— Я слушаю, — раздался в трубке солидный голос.

— Здравствуйте, Илья Прокопьевич, это Плетнёв. Извините, что беспокою в выходной день, но надо бы встретиться, обсудить одно обстоятельство.

— Это по слухам на Чкаловской?

— Вы уже в курсе? — удивился Плетнёв.

— А ты как думал? Тебе ли не знать, Сергей! Ладно, давай подгребай ко мне на работу, минут этак через пятнадцать.

Никифоров когда-то был непосредственным начальником Плетнёва, а потому даже теперь, выйдя в отставку в звании полковника КГБ, к своему бывшему подчинённому относился начальственно-покровительно, по-отцовски обращаясь к нему на “ты”.

Плетнёв прошёл по ворсистому ковру до середины кабинета и только тогда Никифоров, до этого барственно сидевший в кресле с резными подлокотниками, как бы нехотя встал и сделал два шага навстречу капитану, чтобы пожать тому руку.

Просторный и светлый кабинет уполномоченного, с большим письменным столом и старинным книжным шкафом, всегда приводил Плетнёва в чувство мечтательной зависти. «Хорошее местечко к пенсии выбил себе Илья Прокопьевич, — думал Плетнёв, пожимая руку хозяина кабинета, — попов строить — дело нехитрое».

— Давай, Сергей, присаживайся к столику на диван, потолкуем.

Поскольку день был не рабочий, то в отсутствие секретарши Никифоров сам демократично стал накрывать на стол нехитрые закуски в виде порезанной кружочками копчёной колбасы и ломтиков сыра. Подойдя к сейфу, он вынул из его железного нутра бутылку армянского коньяка.

— С этим напитком лучше думается, — щёлкнул Никифоров пальцем по этикетке с пятью звёздочками, — а подумать, Серёжа, есть над чем.

Никифоров присел к столу и, открыв бутылку, разлил коньяк. Взяв свою рюмочку, он отвалился на спинку дивана и пригубил немного коньяка.

— Чувствую, вся эта история осложнит нам жизнь. Тут к бабке не ходи.

Он выпил свой коньяк, не чокаясь, и, как бы спохватившись, предложил, указывая на стол:

— Ты давай не стесняйся, выпивай, закусывай.

Плетнёв, не чинясь, выпил и стал закусывать, а Никифоров, как бы между прочим, спросил:

— Сам-то ты что обо всём этом думаешь?

Пережёвывая закуску, Плетнёв сделал вид, что задумался, хотя ответ у него уже был готов заранее:

— По моему мнению, произошло непонятное для науки явление, которое может быть использовано религиозными фанатиками для своей пропаганды.

— Правильно мыслишь, товарищ Плетнёв, — усмехнулся Никифоров, вновь разливая коньяк, — но не это меня сейчас беспокоит. Непонятное, да и Бог с ним. Только больно неудачное время выбрала эта Карнаухова для того, чтобы окаменеть. Областная партийная конференция через три дня, а тут словно диверсия, понимаешь ли. Самое гнусное во всём этом деле то, что застывшую девку невозможно увезти из дома. Хотя я твоему Панину подкинул идею: со всех очевидцев взять подписки о неразглашении, да вряд ли это сильно поможет. Слухи по городу всё равно расползутся. А значит, нездоровый ажиотаж среди населения нам обеспечен.

Уполномоченный посмотрел на свою рюмку с коньком, а затем перевёл взгляд на Плетнёва.

— Слушай, Сергей, может, в вино этой девице что-нибудь подсыпали, а? Ты проверял? — белесые глаза уполномоченного смотрели на капитана, не мигая.

— Вино и закуски уже на экспертизу отправили, результаты завтра будут. Но у меня вот ещё какая мысль, Илья Прокопьевич. Надо бы вызвать какого-нибудь крупного учёного, чтобы он мог с научной точки зрения объяснить, что же произошло на самом деле.

— Об этом я уже думал. Учёного мы найдём и всё объясним. Только вот невежественным массам, обуянным жаждой видеть чудо, эти объяснения учёного, что мёртвому припарка. Им, Серёжа, вообще никаких объяснений не надо. Им вынь да подай каменную девку, а уж объяснение они сами найдут. Кстати, сколько там сейчас народу кучкуется?

— Человек тридцать-сорок. В основном жители близлежащих домов, — ответил, не задумываясь, Плетнёв.

— Ясно. «Сарафанное радио» начало свою работу, но диапазон ещё невелик. А почему?

— Так ведь сегодня воскресенье.

— Правильно мыслишь, товарищ капитан. А вот завтра, когда эти люди придут к себе на работу, оно и начнётся. Руку даю на отсечение, что к вечеру этот случай на Чкаловской станет достоянием всей Безымянки*, а во

* Безымянка — народное название промышленных районов Куйбышева, где в ВОВ был построен эвакуированный из Воронежа авиационный и другие заводы.

вторник об этом уже будет судачить весь город. Вот тогда-то и наступят для нас весёленькие деньги. Соберутся у того дома такие толпы народа, что мама не горюй. И что тогда прикажешь первому докладывать? Что мы ему скажем? Извините, мол, товарищ Ефремов, но произошло незапланированное чудо, которое, по авторитетному мнению учёных, вовсе и не чудо. И куда он нас с тобою пошлёт с этими объяснениями?

— Тогда, Илья Прокопьевич, надо как можно быстрее найти способ увезти подальше эту Зою Карнухову, а до того держать дом под усиленной охраной и принять все меры против скопления народа.

— Под охраной дом можно держать сколько угодно, но вот насчёт народа я сильно сомневаюсь. Логика-то простая: охраняют, значит, там действительно есть что скрывать.

— А что мы можем ещё сделать? — устало сказал Плетнёв, отваливаясь на спинку дивана.

— Работать, Серёжа, работать. Ты устрой контрпропаганду, ну, что мне тебя учить! Зашли в толпу своих людей, пусть говорят, что всё это выдумки, что, мол, они сами видели, что нет там никакой каменной девки. Ну, и всё в этом ключе. А насчёт научного объяснения учёного я уж сам позабочусь. Есть у меня в Москве один очень хороший знакомый — профессор Нижегородский. Это тебе не хухры-мухры, а настоящий учёный, материалист до мозга костей. Вот мы ему командировочку через общество распространения научного знания и выдадим. Пусть здесь, на месте и кумекает, как всё это объяснить согласно науке. Главное же, как нам эту девку из дома убрать. В крайнем случае, можно будет епископу позвонить. Чтобы он с амвона объявил народу, будто всё это выдумки, а на самом деле там никто не стоит. Это будет, пожалуй, самый продуктивный контраргумент.

— А епископ согласится? Ведь этот случай церковникам на руку.

— Иероним-то? А чего ему возражать? Не в его интересах. В своё время наш почтенный архиерей четыре года на Беломорканале киркой махал. Надеюсь, это весьма способствует здравомыслию.

В этот раз, перед тем как выпить, они чокнулись. Никифоров пососал дольку лимона и вдруг неожиданно рассмеялся. На вопросительный взгляд Плетнёва махнул рукой.

— Да так, вспомнил, как мы пару лет назад с этим профессором Нижегородским в Москве спорили. Он мне говорит: “Для меня, Илья Прокопьевич, не существует никакого явления, которого я не смогу обнаружить с помощью современных приборов. Значит, и Бога для меня не существует”. А я ему говорю: “Так выходит, для тебя, Константин Фёдорович, и любви не существует, ведь её тоже никакими приборами нельзя обнаружить”. А он мне, знаешь, что отвечает?

— Что? — заинтересованно переспросил Плетнёв, пережёвывая бутерброд с сыром.

— И любви, говорит, тоже не существует, это просто физиологическое влечение полов. Вот уж рассмешил меня профессор, — самодовольно рассмеялся Никифоров. — Я-то хорошо помню, как он сам, ещё будучи студентом, страдал от неразделённой любви. Да, кстати, его студенческая пассия нынче в нашем мединституте преподает.

Сказав это, он вдруг озорно подмигнул Плетнёву:

— А вот возьму я, Серёжа, да и устрою им встречу здесь. Пусть меж собой и поговорят о том, что любви не существует.

Какое-то время Никифоров сидел молча. Плетнёв тоже молчал.

— Впрочем, всё это лирика, — сказал Никифоров, вставая из-за стола, — расслабляться нам не след. Давай, капитан, работай и держи меня в курсе. Одно дело с тобой делаем.

Весь оставшийся воскресный день 15 января для сторожа зеркального цеха Сапожникова Кузьмы Петровича прошёл спокойно. Он несколько раз выходил покурить на улицу и видел, как на противоположной стороне улицы собираются группами люди и что-то горячо между собою обсуждают. Однако никаких особых эксцессов не наблюдалось, хотя к вечеру народ запрудил

почти всю улицу. Да и самому Кузьме Петровичу было не до этих людей. Он всё вспоминал девушки, застывшую с иконой в руках.

Как ей помочь? Что может он, коли врачи ничего не смогли сделать? А может, не смогли потому, что от медицины здесь ничего не зависит? Но если это так, то от кого тогда зависит?

Ответ напрашивался сам собой: зависит от Того, Кто чудесным образом остановил этот безумный танец с иконой. Но Кузьме Петровичу трудно было принять такой ответ. Безбожником он себя не считал, да и верующим тоже. Верующий в его понятии был не тот, кто просто верит в существование Бога, а тот, кто ходит в храм, молится, постится. Ничего этого Кузьма Петрович не делал. Существование Бога он вполне допускал, но как-то отстранённо. Бог для него был где-то очень далеко. Так далеко, что Ему нет никакого дела до человека с его мелкими земными заботами. Теперь же это непостижимое происшествие с девушкой словно устранило расстояние между Богом и человеком.

Кузьма вспомнил, как в детские годы мама водила его в церковь на причастие. Сердце сладостно защемило от этих далёких воспоминаний. Утомлённый бессонной ночью и тревожными дневными раздумьями, Кузьма Петрович не заметил, как задремал.

В сне он продолжал идти с мамой за руку в церковь. При этом он был уже взрослым мужиком сорока пяти лет, а радовался, как ребёнок, что идёт с матерью. Он понимал, что это сон, и боялся только одного: как бы ему не проснуться. Хотелось как можно дольше побывать с мамой. Они шли молча. Мама поглядывала на его протез и улыбалась, а Кузьма Петрович почему-то стеснялся своего вида. Вот такой сон...

В церкви Петра и Павла вечернее богослужение уже подходило к концу. Вначале Кузьма Петрович долго не решался войти и в какой-то момент даже собирался развернуться назад, но в это время двери храма раскрылись. Вышла женщина. Пока она выходила, он успел увидеть в дверном проеме мерцающие перед иконами лампады. Это почему-то придало ему решимости, и он вошёл в церковь.

Почти весь храм был заполнен людьми. Заметив прилавок свечного ящика, Кузьма Петрович протиснулся к нему и взял три свечи. Шёпотом спросил у свечницы, где икона Николая Угодника. Она ему указала рукой. Кузьма Петрович стал протискиваться между прихожанами в нужном направлении. На него недовольно оборачивались, но, замечая протез, тут же с готовностью отступали, давая дорогу.

Пробравшись к иконе святителя Николая, Кузьма Петрович с огорчением увидел, что весь подсвечник уже занят горящими свечами. Он повертел свои свечи в руке, не зная, как поступить. Пожилая женщина в тёмном платке заметила его и тут же сняла с подсвечника несколько почти дрогревших свечек.

Кузьма Петрович стал поджигать свои от других свечей. Делал он это неумело. Свеча не загоралась, да и тушила те свечи, от которых он пытался её зажечь. Женщина у подсвечника сердито наблюдала за ним. Потом, не выдержав, взяла у него свечи, ловко зажгла и поставила на подсвечник. Он облегчённо вздохнул.

Вечерняя служба закончилась, народ выходил из храма, а Кузьма Петрович всё стоял перед иконой. Молитв он никаких не знал, а потому просто стоял, решив, что пусть его стояние и будет молитвой. Та женщина, что поставила ему свечи, теперь чистила подсвечник, смазывая его лампадным маслом. Она косилась на него, но уже не сердитым, а сочувственным взглядом. Наконец спросила:

- Умер у тебя кто али заболел?
- Заболел, — вздохнув, ответил Кузьма Петрович и заковылял к выходу.
- А как имя-то?
- Моё? — остановился Кузьма Петрович, повернувшись к женщине.
- Зачем твоё? Того, кто заболел.

— Не знаю, — растерянно ответил он.

— Вот чудак-человек! За кого же ты молился, коли имени не знаешь?

— Он знает, за кого, — указал Кузьма Петрович на икону святителя Николая.

Женщина растерянно посмотрела на икону, потом на Сапожникова и, перекрестившись, осуждающе покачала головой.

В понедельник Лариса на работу не пошла. Ещё ночью в воскресенье Плетнёв заставил её написать заявление о предоставлении трёх выходных дней в счёт отгулов. Взяв у неё заявление, Плетнёв настоятельно потребовал у Ларисы неходить на завод, а сидеть дома, пообещав при этом, что выходные он сам утрясёт с её начальством.

Трубный завод имени Масленникова выполнял военные заказы, потому капитану КГБ было нетрудно устроить выходные Ларисе через особый отдел. Однако в понедельник уже с самого утра слухи о необычайном ночном происшествии ходили по трубному и без участия Лариски.

В обед Хазин разыскал Николая Трошкина. Комсорг был явно не в себе. На его бледном лице выступали капли пота, которые он то и дело смывал носовым платком.

— Ну что, Трошкин, — начал он с ходу, даже не поздоровавшись, — как я понял, ты моё товарищеское предупреждение проигнорировал. Тогда извини, будем разбирать твоё персональное дело на бюро, со всей пролетарской строгостью...

— Постой, — опешил Трошкин, — что я проигнорировал?

— Не притворяйся, тебе это не поможет. Я же тебя предупреждал, чтобы ты не ходил на посиделки в этот воровской притон. А ты...

— Ты о чём это? — возмутился Трошин. — Если насчёт приглашения отпраздновать этот, как его, Старый Новый год, так я не ходил.

— Точно? — с подозрением посмотрел на него Хазин.

— Честное комсомольское...

— Только вот не надо сюда комсомол приплетать...

— Слушай, Хазин, — озлился Трошкин, — что ты тень на плетень наводишь? Раз говорю — не ходил, значит — не ходил. Что случилось-то, в конце концов?

— Я думал, ты мне это объяснишь, — озадачился Хазин. — Тут человек из КГБ пришёл и потребовал у меня комсомольские характеристики на тебя, твою Зою и эту её подругу Лариску. Ну, я и подумал: всё, кранты Трошкину, влив парень. Кстати, тебя этот комитетчик в моём кабинете ждёт. Да смотри, лишнего чего не наговори. Я тут, сам понимаешь, с боку припёку. Тебя, между прочим, отговаривал идти, бдительность, так сказать, проявил. А этих девок я, собственно, мало знаю. Комсомольские взносы вроде платили вовремя, — Хазин с беспокойством посмотрел на Трошина. — Впрочем, — как бы спохватившись, добавил он, — в этой Лариске какая-то мелкобуржуазность всё же просматривалась. Вечно хи-хи да ха-ха. Твоя Зоя Карнаухова, так она, между прочим, у нас недавно работает.

— Почему моя, — встрепенулся Трошкин, — мы с ней тоже недавно стали встречаться.

— Вот и хорошо, — похлопал его по плечу Хазин, обрадованный тем, что не один он трясит. — Иди и скажи об этом товарищу из органов. Я так, например, давно уже чувствую, что пора нам ряды комсомола чистить, ох, как пора...

В небольшой кабинет комсорга Трошкин входил с замиранием сердца. За столом сидел мужчина в строгом тёмно-сером костюме, белой рубашке и галстуке.

— Проходите, товарищ Трошкин, — сказал он приветливо и широким жестом указал на стул возле стола.

Доброжелательный тон, а ещё больше обращение “товарищ”, а не “гражданин” несколько успокоили Трошина. Правда, комитетчик не подал для приветствия руки, но это ничего. Может это у них и не положено.

Плетнёв, а это был он, некоторое время молча разглядывал Трошкина, от чего тот снова стал нервничать и, наконец, не выдержав, спросил:

— Вызывали?

— Нет, зачем же, — улыбнулся комитетчик, — не вызывал, а пригласил. Побеседовать надо.

Он достал из внутреннего кармана удостоверение и на мгновение развернул его перед лицом Трошкина:

— Капитан Комитета государственной безопасности Плетнёв Сергей Анатольевич, — представился он. — Вам представляться не надо, мы и так о вас всё знаем.

“А что, собственно, они могут знать? — панически подумал Трошкин. — Ведь ничего противозаконного я, кажется, не делал”. И тут же мелькнула несуразная мысль, что *они* о нём знают всё, и даже то, чего он сам о себе не знает. Мысль была до того абсурдна, что Трошкин, несмотря на страх, охвативший его, невольно улыбнулся. Улыбка не получилась, а вот горькую усмешку на его лице капитан Плетнёв про себя отметил и поспешил успокоить:

— Мы не только о вас, мы обо всех всё знаем. Такая уж у нас работа — беречь государство от внутренних и внешних тайных врагов. Дело очень даже непростое, и нам бы с ним никогда не справиться, если бы не помочь сознательных граждан, а особенно таких комсомольцев, как вы. А потому...

— А что нужно? Я готов. — Обрадованный неприкрытой лестью капитана, Трошкин даже не заметил, что не дал тому договорить.

Плетнёв неприятно поморщился.

— Об этом мы ещё поговорим. Давайте для начала проясним окончательно вопрос, почему вы всё же не пошли в гости к Болонкиным?

— Да, собственно, я до этого и не знал, кто такие Болонкины. Меня о них товарищ Хазин предупредил, вот я и решил не компрометировать себя общением с такими социально-опасными элементами.

— Правильно решили, — одобрил Плетнёв, а про себя зло подумал: “Вот ведь сучий потрох нашёлся. Ему социально-опасные элементы, а нам теперь расхлёбывай эту кашу”.

— Хорошо, давайте поступим так. Сейчас вы, товарищ Трошкин, подробно напишете всё о своём знакомстве с Зоей Карнауховой.

— А что с ней? — не удержавшись, спросил Трошкин.

— С вашей подругой редчайший в медицине случай. Общая судорога мышечных тканей, ну, что-то вроде столбняка. Транспортировать в больницу пока противопоказано медициной, вот народ разную чушь и мелет. Находятся и такие, что используют любые предлоги для клеветы и распространения самых невероятных слухов. Вы пока пишите, только постарайтесь не упустить каких-либо деталей. А потом я вам расскажу подробнее.

Трошкин старательно скрипел пером и исписал аж целых три листа. Плетнёв тем временем терпеливо ждал, изучая какие-то свои записи в блокноте. Когда Трошкин закончил, Плетнёв подал ему другой лист бумаги.

— А вот здесь напишите заявление о добровольном сотрудничестве с Комитетом государственной безопасности. Сейчас я вам его продиктую. Да, кстати, заявление надо подписать каким-нибудь псевдонимом, которым вы в дальнейшем будете подписывать все ваши сообщения. Выбирайте сами.

Трошкин задумался. Он уже мнил себя разведчиком, засланным в тыл врага, а потому псевдоним должен быть каким-нибудь необыкновенным. Но Плетнёв опустил его на грешную землю.

— Чего долго думать! Ну, хотя бы, к примеру, какая девичья фамилия вашей бабушки?

— Сахарова.

— Вот и не ломайте голову, будете подписываться Сахаровым. Кстати, не вздумайте поделиться с кем-нибудь информацией о нашем с вами разговоре, даже с вашим товарищем Хазиным.

Уходя с трубного завода, Плетнёв брезгливо подумал: “Однако эти, Хазин с Трошкиным, ребятишки с гнильцой. Только вот выбирать не приходится... С кем тогда прикажете работать?”

Во вторник 17 января утром, едва Плетнёв вошёл в свой кабинет, зазвонил телефон.

— Привет, Серёжа! Как ты там, ещё не устал бороться с мракобесием? — раздался в трубке чуть ироничный голос Никифорова, уполномоченного по делам Русской Православной Церкви.

— Спросите, Илья Прокопьевич, что-нибудь полегче. Народу, как вы и предполагали, существенно прибавилось. Вчера вечером уже стояло без малого семь-восемь сотен человек, а сегодня, несмотря на раннее утро, не менее трехсот пятидесяти стоит. Что-то ещё к вечеру будет?

Никифоров грязно выругался, помолчал.

— Правильно мыслишь. Это ещё цветочки, а ягодки впереди будут. Я тебя хочу попросить, как говорится, не в службу, а в дружбу встретить на вокзале профессора Нижегородского. Сам понимаешь, в этом деле лишних людей привлекать нежелательно.

— Хорошо, Илья Прокопьевич, встречу.

— Вначале отвези его в гостиницу "Советская", там забронирован номер. Пусть с дороги пёрышки почистит и сразу ко мне. Пообедаем вместе в обкомовской столовке и на Чкаловскую.

Нижегородский оказался высоким, дородным мужчиной сорока пяти лет. "Натуральный барин", — подумал Плетнёв, глядя на холёное, чисто выбриданное лицо профессора с крупным, чуть с горбинкой носом, на котором восседали очки в тёмной роговой оправе. Пыжиковая шапка и бобровый воротник на дорогом драповом пальто довершали образ учёного мужа.

После того как они представились друг другу, Нижегородский сразу же спросил:

— Девушка пребывает в том же состоянии, что и прежде?

— В том же, — ответил Плетнёв.

— Это хорошо, — сказал профессор, при этом глаза его хищно блеснули. "Что же в этом хорошего?" — неприязненно подумал Плетнёв.

Когда уже сели в служебную "Победу", профессор вновь задал вопрос:

— А скажите мне, любезнейший Сергей Анатольевич, кто наблюдает за этим необычным явлением природы?

"Вот так!" — развеселился про себя Плетнёв. — Кому — чудо, а кому — необычное явление", — но вслух сухо ответил:

— В доме постоянно дежурит медсестра, а сам дом охраняется милицией.

Профессор как-то неопределённо хмыкнул, не то одобрительно, не то осуждающе, и до самой гостиницы вопросов больше не задавал.

Никифоров и Нижегородский встретились как старые добрые друзья. Долго трясли друг другу руки и шутили, вспоминая что-то своё. Затем выпили по рюмке коньяка за встречу и направились обедать в обкомовскую столовую. После обеда поехали на Чкаловскую.

Был полдень, но, несмотря на рабочий день, улица возле восемьдесят четвёртого дома была запруженна людьми. Машину оставили на углу улицы Братьев Коростелёвых и пошли пешком. Медсестра сидела на кухне и о чём-то переговаривалась с сержантом милиции Котиным. Завидев начальство, оба вскочили. Плетнёв ещё в первый день добился того, чтобы внутрь дома было допущено ограниченное количество людей. В доме постоянно дежурил лишь сержант Котин посменно с другим сержантом, а остальные милиционеры были лишь в наружном охранении. Медсестр Плетнёв подобрал из своих внештатных сотрудниц, чтоб было надёжней.

Нижегородский разделся, вынул из саквояжа белый халат с белым колпаком, надел всё это и стал тщательно мыть руки. Затем так же тщательно вытер руки поданным медсестрой полотенцем и прошёл с нею в горницу. Идти в комнату с окаменевшей Зоей Никифоров с Плетнёвым не пожелали. Оба уже успели там побывать, а Плетнёв так и не один раз, но оба чувствовали себя в той комнате очень неуютно. Сержант Котин, воспользовавшись ситуацией, вышел во двор дома подышать свежим воздухом.

Нижегородский почти с минуту стоял напротив Зои, слегка покачиваясь с пятки на носок и о чём-то сосредоточенно думая. Потом он взялся за икону

и потянул её из рук Зои. Вытянуть икону не получилось, хотя было заметно, что профессор напрягает для этого силы. Оставив эту попытку, он пощупал её запястье. Потом открыл свой саквояж, вынул оттуда обыкновенные медицинские ножницы и подал их медсестре.

— Разрезайте и снимайте.

— Что разрезать? — испуганно спросила сестра, чуть не выронив ножницы.

— Платье и бельё! Надо же пациента освободить от одежды. Как же я буду её осматривать?

— Всё? — переспросила медсестра.

— Конечно, всё. И нижнее бельё тоже. А после осмотра прикроете тело простынями.

Медсестра принялась за работу, а Нижегородский вышел из комнаты.

Никифоров с Плетнёвым посмотрели на него ожидающе. Профессор поднял руки:

— Ничего не скажу. Осмотр пока чисто визуальный и какие-либо выводы делать рано. Сейчас приступлю к основательному обследованию, тогда и можно будет высказывать какие-либо предположения.

— Да что нам от этих предположений, — досадливо поморщился Никифоров. — Ты, Игорь Львович, в первую очередь реши проблему, как нам её отсюда убрать, а уж потом и обследуй, сколько твой душа угодно.

— Тут, Илья Прокопьевич, спешить опасно. По всей видимости, мы столкнулись с неизвестной доселе формой диффузии.

— Что ещё за диффузия? Говори проще.

— Это, дорогой мой друг, процесс взаимного проникновения молекул или атомов одного вещества между молекулами или атомами другого. А проще сказать, тело девушки и пол, на котором она стоит, стали чем-то вроде единого организма.

— Да как такое возможно? — удивился Никифоров.

— Необъяснимых тайн у природы ещё много. Обычно перенос вещества происходит из области с высокой концентрацией в область более низкой концентрации, а здесь...

Никифоров замахал руками:

— Пожалей, Игорь Львович, у меня и так голова пухнет от проблем, а тут ещё диффузия эта... Ладно, оставайся, работай, мешать не будем, а машину за тобой пришлём, как закончишь.

— Мне бы сегодня сдать кое-какие анализы на обследование.

— Тогда сделаем так. Как всё закончишь, поезжай в наш медицинский институт, я их предупрежу. Тебя в лаборатории будет ждать доцент кафедры криминальной судмедэкспертизы Мышинская Елеонора Станиславовна.

— Алина здесь, — удивлённо вскинул брови Нижегородский.

— Здесь, — засмеялся довольный Никифоров. — Мужа три года, как схоронила, и до сей поры эффектная женщина.

— Да о чём ты говоришь, — смутился профессор, — при чём здесь это?

— Ни при чём, — продолжал веселиться Никифоров, — просто Алина помнит старую дружбу и готова содействовать всем, чем только может, — при этих словах уполномоченный подмигнул Нижегородскому.

К вечеру вторника 17 января пришлось отменить движение общественного транспорта по улице Чкалова. Народ стоял плотной массой от Арцыбушевской и до улицы Братьев Коростелёвых, а люди всё продолжали прибывать. В толпе было постоянное движение. Собирались группами и бурно обсуждали ходившие по городу слухи. Кто-то верил, кто-то нет, но тем и другим хотелось всё увидеть собственными глазами, а потому в стоявших в оцеплении милиционеров из толпы неслись обидные оскорблении.

Уставшие и злые милиционеры с неприязнью смотрели на толпу, но на провокации не отвечали. Среди народа шныряли карманники, радуясь неожиданно свалившемуся фарту. Здесь же, в толпе, не привлекая к себе особого внимания, курсировали сотрудники КГБ. Они останавливались возле какой-нибудь группы спорщиков и внимательно вслушивались в разговоры.

Если их что-то особо интересовало, то делали условный знак рукой, и из окна соседнего двухэтажного дома на группу людей направлялся мощнейший объектив фотоаппарата.

Среди народа было немало и внештатных сотрудников КГБ, которым Плетнёв поставил задачу сеять дезинформацию. Агенты Плетнёва громко рассказывали, что вчера, мол, уже побывали в том доме и ничего там не видели. Другие рассказывали, что в этом доме гуляла молодёжь, все перепились, и одной девушке стало плохо. Вызвали "скорую". Врачи, мол, приехали, а она без чувств, словно окаменела, отсюда и пошли гулять нелепые слухи. На некоторых эти "откровения очевидцев" действовали, и они уходили, посмеиваясь над своей легковерностью. Но народу не убавлялось, так как подходили другие, чтобы отстоять свою вахту в надежде увидеть чудо.

С утра среды 18 января к городским любопытным стали прибавляться жители окрестных сёл, слухи докатились уже и за пределы города. К вечеру по поводу опасного скопления народа в главке областного управления милиции собирали срочное совещание.

Заслушали доклад начальника Ленинского РОВД подполковника Тарасова Михаила Фёдоровича. Тот кратко доложил обстановку, а затем устало добавил:

— Одни мы, товарищ генерал, не справимся. Нужна помошь людьми из других райотделов милиции. Неплохо было бы задействовать и конную милицию.

Начальник Кировского РОВД полковник Криворучкин предложил подогнать к Чкаловской улице пару пожарных расчётов, чтобы, если ситуация выйдет из-под контроля, можно было бы горячие головы остыть холодной водой из шлангов.

— Ты что ж это, Василий Андреевич, предлагаешь воспользоваться опытом капиталистических стран, где демонстрации трудящихся, борющихся за свои права, из водомётов разгоняют? — с сарказмом заметил начальник областного управления генерал Плотников.

— Так там за свои права борются, а у нас толпа зевак. Можно сказать, человеческая стихия, она непредсказуема, — развёл руками полковник.

Всё же решили подогнать пару пожарных машин и держать их наготове недалеко от улицы Чкалова. И конное подразделение милиции генерал разрешил задействовать с утра 19 января.

Подполковник Тарасов встретил уполномоченного с хмурым видом. Никифорова он знал ещё по прежней его работе в органах. Пару раз встречались на праздничных застольях и несколько раз — на совместных заседаниях в управлении МВД области. Близкими друзьями не были, но и для неприязни поводов тоже не случалось. Однако за последние четыре дня Тарасов так вымотался, что его раздражали любые посторонние люди.

Молча пожали друг другу руки. Никифоров, не дожидаясь приглашения, сам пододвинул стул к столу и присел, одновременно расстёгивая своё кашемировое пальто и снимая шарф.

— Звёздочку обмыл уже? — неожиданно спросил Никифоров, глянув на погоны Тарасова.

— Намёк понял, — ухмыльнулся тот и достал из стола два стакана и початую бутылку водки. — Извини, Илья Прокопьевич, но вот с закуской у меня скучновато, — и, пошарив ещё раз в столе, вынул одно яблоко. Разломив его руками пополам, подполковник подал одну половинку Никифорову и разлил водку.

Никифоров, взяв стакан, встал.

— Бог любит Троицу, значит, выпивая за твою вторую звёздочку, желаю получить и третью.

— Тут бы вторую не потерять, — мрачно пошутил Тарасов.

Они выпили и сели.

— Вот скажи мне, Илья Прокопьевич, как же так получается, что в Бога мы не верим, а постоянно его поминаем. Вот и ты сейчас сказал про Троицу.

— Да это так, — махнул рукой Никифоров, — больше для красного словца. Как можно современному человеку в Него верить, коли всё наукой доказано.

— Какой наукой? — горько усмехнулся Тарасов. — Девка с иконой застыла, а мы прячем её! И где тут наука?

— Наука разберётся и с этим явлением. Погоди, дай срок.

— А если не разберётся?

— Постой, Михаил Фёдорович, неужели ты веришь, будто действительно произошло чудо?

— Да я уже не знаю, чему верить. Факт один: девчонка стоит с иконой, а мы её всей милицией охраняем. А всё почему? Да потому, что она с этой иконой стала танцевать.

— А Бог её наказал, — с ехидством в голосе подхватил Никифоров. — Так, что ли, выходит?

— Причинно-следственная связь говорит, что так оно и выходит, а наука пока ничего не говорит.

— Я тебе, Михаил Фёдорович, без всякой науки могу доказать, что икона здесь ни при чём. В тридцать девятом я служил здесь, в Куйбышевском НКВД. Петропавловская церковь к тому времени уже второй год не работала, вот и решили её окончательно ликвидировать как культовое учреждение. Прислали комиссию изъять из храма церковную утварь, а мы обеспечивали охрану этого мероприятия. Могли быть эксцессы. Стали выносить из храма иконы, подсвечники, ну, и другую церковную рухлядь. Прихожан понабежало много, так что наше охранение было как нельзя более кстати.

Была в Петропавловском храме икона Божией Матери, которую местные жители считали чудотворной. Вот они и стали эту икону просить, чтобы её не увозили, а передали хотя бы в Покровский собор, который к этому времени уже был открыт. Комиссии по изъятию церковной утвари помогали описывать имущество два диакона из Покровского собора. Оба из обновленческой церкви. Вели себя эти дьяконы ещё хуже, чем наши сотрудники. Ходили по храму с цигарками во рту, ругались и смеялись над Петропавловскими прихожанами. А когда те стали просить забрать чудотворную икону, хотя бы себе в Покровский храм, дьяконы им ответили: “У нас и самих столько икон, что девать некуда”.

Накануне прошёл дождь, вот у порога храма и образовалась лужа. Чтобы удобней было выносить из храма утварь, наш начальник велел положить мостики. Досок поблизости не нашлось, тогда взяли эту чудотворную икону Божией Матери и положили её прямо в грязь.

Признаюсь тебе, подполковник, честно: когда первый раз наступал на эту икону, то небольшой мандраж был. Думалось, а кто его знает, может, сойдёт огонь небесный да поразит нас, святотатцев. Не сошёл. Я и раньше в Бога не верил, а тут окончательно понял, что всё это выдумки поповские.

Ну, как тебе мой рассказ? Где, по-твоему, причинно-следственная связь сильней? Тогда, когда мы чудотворную икону втащивали в грязь, или теперь, когда эта девка всего-то лишь с простой, домашней иконой танцевала?

— Ладно, оставим эти разговоры, — махнул устало рукой Тарасов, — меня убеждать не надо, я коммунист и в Бога не верю. Устал я. Веришь ли, Илья Прокопьевич, даже на фронте было легче. Там перед тобой враг, и всё ясно. Закон один: бей врага до смерти, и правда на твоей стороне. Кто их, фашистов, сюда звал, на нашу землю? Здесь же свои, пусть и неразумные, но не преступники же. Нет таких законов, чтобы запрещать гражданам приходить на ту или иную улицу. Словора тоже нет. Нет зачинщиков. Просто услышали о чуде, вот и идут посмотреть. Что с этим народом прикажешь делать? Начальство требует разогнать, а вот ответственности на себя брать никто не желает. Всё с оглядкой: кабы чего не вышло. Со стороны руководства области нет никаких прямых указаний. Чего они там ждут? А народ, между прочим, всё прибывает. Сейчас уже до трёх тысяч насчитывается. При таком скоплении людей, сам знаешь, всё может произойти. Про Ходынку, надеюсь, в учебниках истории читал, и что было на похоронах товарища Сталина, знаешь. Вот я и думаю, случись что здесь, на Чкалову,

крайнего найдут быстро. Рикошетом всем прилетит, и генералу тоже, но крайним-то я окажусь. И на заслуги не посмотрят. Чует сердце, завтра, девятнадцатого, жаркий денёк будет.

Никифоров молча жевал яблоко и слушал Тарасова, а на душе было скверно. Верно говорит подполковник. Крайнего найдут, и он, уполномоченный по делам Русской Православной Церкви, тоже может оказаться крайним. Третьего секретаря обкома Темникова Захара Никитича, ответственного за идеологию, Никифоров поставил в известность об инциденте на Чкалова ещё в понедельник. Но что-то молчит третий. Наверняка первому не доложил, а всё спустил на завотделом религиозных культов ОК КПСС Алексина. Не до того сейчас в обкоме. Все силы брошены на подготовку к областной партконференции, пора слишком горячая, чтобы обращать внимание на какое-то там «чудо». Но народ... Слишком много его на Чкалова, чтобы это можно было игнорировать там, наверху. Рано или поздно начнутся разборки, вот тогда и полетят головы. И не факт, что ему, Никифорову, удастся удержать своё тёплое местечко. Быть же простым отставником-пенсионером — ох, как не улыбалось. Надо звонить епископу, его слову народ поверит. Пусть на деле докажет свою лояльность к советской власти. Это решение несколько успокоило уполномоченного.

К вечеру 18 января лейтенант милиции Пётр Мельников едва держался на ногах от усталости. Как только ему на смену пришёл капитан Ракитин, Мельников сразу отправился домой с одной мыслью: лечь в постель и хорошоенько выпеняться. Но пока шёл домой, его не оставляло ощущение, что кто-то идёт следом за ним. Пройдя два квартала, лейтенант не выдержал и обернулся. В густившихся вечерних сумерках он явно различил женский силуэт. Незнакомка тоже остановилась. Странно. А может быть, наоборот, ничего странного. Просто идёт женщина своей дорогой, а ему уже мерещится, что преследуют.

Отбросив всякие подозрения, лейтенант вновь пошёл, но уже быстрым шагом. Женщина побежала вслед за ним. Он повернулся к ней так неожиданно, что она чуть было не налетела на него.

Женщина была молодая, лет двадцати трёх — двадцати пяти. Миловидное лицо с чуть курносым носом выражало явное смущение.

— Что случилось, гражданка? — строго спросил Мельников, удерживая даму под локоток.

— Ничего... просто хотела спросить... Там что, действительно девушка с иконой стоит?

Лейтенанту эта ситуация показалась до того комичной, что он невольно фыркнул.

— Да вам-то что от этого, стоит или не стоит?

— Я с мамой поссорилась из-за веры и крестик с себя сняла, — на глазах девушки выступили слёзы. — А если стоит, тогда я очень виновата перед мамой...

У самого Мельникова мама умерла два года назад. Умерла неожиданно, от сердечного приступа. Словно предчувствуя свою скорую кончину, она просила его в тот день не уходить из дома, а побывать с нею. Но Мельников спешил на стадион, ведь должна была состояться ответственная игра его любимой команды «Крылья Советов». Ну, почему мама не может побывать без него один вечер? Тем более дома остаётся сестра. Уже уходя из дома, он обернулся к матери. Она лежала в постели и смотрела на сына полными любви и слёз глазами. Как бы он хотел повернуть это время вспять! О, тогда бы он не пошёл на стадион, а остался с матерью. Сидел бы рядом с нею, держал за руку и говорил бы, говорил о том, как он любит её, как она ему нужна и что значит в его жизни.

Он смотрел на девушку и понимал, что не может сказать ей правду, но и не может соврать. И тогда он снял перед ней шапку, обнажив свою подседевшую голову.

— Да, я был в том доме, но ничего вам сказать не могу, смотрите сами.

— Я все поняла, — ахнула девушка и перекрестилась. А потом вдруг неожиданно поцеловала в щёку совсем опечившего лейтенанта и побежала

по улице в обратную сторону. Мельников посмотрел вслед девушке, и ему тоже почему-то захотелось перекреститься. Но так и не перекрестившись, он вздохнул, надел шапку и пошёл дальше своей дорогой.

Когда вечером 19 января Мельников пришёл сменить капитана Ракитина, тот сидел на кухне в расстёгнутой шинели, а шапка валялась на полу. Ракитин был выпивши.

— Ты чего это, Паша? А если Плетнёв заявится? Попрут со службы.

— Не попрут, Петя, я с Плетнёвым и выпивал. Он ничего мужик, хоть и гэбешник. Мы с ним сегодня вместе стояли, так сказать, грудью против народных масс, — капитан пьяно засмеялся.

— Жарко было? — поинтересовался Мельников, присаживаясь к столу.

— Не то слово. Тут такое творилось, что просто охренеть и не встать. Народ словно с ума сошёл. Прятало прямо на наших ребят, а как их остановишь? Хорошо, хоть конное подразделение было, а то бы вообще труба. Хотели уже пожарные расчёты вызывать, обошлось, правда. Сейчас Шура закусь принесёт, выпьешь с нами?

— Что за Шура?

— Да медичка, дежурит здесь.

— Понятно. Ты же меня знаешь, я не пью.

— Эх, Петя, не пойму я тебя. Парень вроде нормальный, а пить не пьёшь.

— Я же спортом занимаюсь. Кто на межрайонных соревнованиях будет за вас всех отдуваться?

— Слушай, Пётр, а тебе не страшно здесь находиться? — Капитан мотнул головой в сторону дверей, ведущих в горницу, где стояла Зоя.

— Да как сказать. Что это, страх или нет, но только мне здесь не по себе.

— А мне страшно. И ведь не трус вроде. Десять лет на оперативной работе. Всё приходилось, и под пули... А тут сижу ночью, а в голову разные мысли лезут. Что, если она оживёт и выйдет ко мне?

В это время пришла медсестра Шура. Положив на стол колбасу с хлебом, она ту же подключилась к разговору.

— Тебе, Павел Афанасьевич, чего? Тебе здесь сидеть, а мне каждые два часа осмотр проводить. В морге не так страшно, там все мертвяки, а здесь, почитай, живой мертвец стоит. Я, прежде чем туда заходить, крещусь и молитву читаю.

— Вот, пожалуйста, — усмехнулся капитан, наливая себе в стакан водки, — комсомолка, а крестится и молитвы читает, а я вот, беспартийный, водку пью, потому как молитв не знаю, да и креститься не умею. К чему мы придём? Может, мы, Петя, зря с религией боремся? А может, нам Боженька подсказку даёт, что неправильно мы живём, а? — капитан вновь кивнул в сторону двери в горницу.

Мельников в разговор не вступал, зная из опыта, что с пьяным разговор начать легко, а закончить трудно. Ракитин закусил водку бутербродом с колбасой и стал прощаться.

Подошла на смену и другая медсестра. Пришёл и сержант Котин.

— Ты вот что, Борис Семёнович, — отвлёк в сторону сержанта Котина Мельников. — После двенадцати часов, как народу поубавится, подойдёт моя сестра с другой, я их обещал в дом провести.

— Вы, товарищ лейтенант, начальник, сами и смотрите, кого пускать, кого нет. А моё дело выполнять ваши приказы и помалкивать, — при этих словах сержант подмигнул Мельникову.

Тот молча пожал руку Котину и пошёл делать обход наружного охранения дома.

Дуня и Маша пришли на Чкаловскую к половине первого ночи. Народу на улице уже не было. Мельников встретил их возле калитки и провёл в дом. Войдя в дом, девушки заробели. Но когда лейтенант прошёл мимо кухни к двери горницы, любопытство пересилило страх, и Дуня с Машей последовали за ним. Перед дверью Мельников остановился.

— Сейчас я открою дверь, глядите, но в комнату не заходите.

Последнее он мог бы и не говорить. Объятые каким-то непонятным страхом, девушки вообще уже жалели, что пришли сюда. Лейтенант открыл створки дверей. Дуня и Маша увидели посреди комнаты что-то, покрытое белой простины. Под простины угадывался человеческий силуэт.

— Ну, всё, — сказал Мельников, закрывая дверь, — посмотрели и будет.

Так и не произнеся ни слова, девушки вышли из дома. До калитки их проводил сержант Котин. Они шли молча по улице Чкалова в сторону улицы Братьев Коростелёвых, потрясённые тем, что увидели. Маша заговорила первой.

— Дуня, ты слышала там какой-то непонятный звук? Что это?

— Слышала вроде, словно зудящее гудение какое-то.

— Вот-вот, и я слышала. Многие бы уверовали в Бога, коли такое уви-дели.

— Я не думаю, что многие, — возразила подруге Дуня. — Христа вон сколько людей видело и чудеса Его, а уверовали немногие. А мы с тобой и в храм ходим, и молимся, и причащаемся, а много ли чудес видели?

— Да какие там чудеса! Я и без чудес себе жизни без храма, без службы не представляю. Даже удивляюсь, как это другие живут без Церкви. Это же так скучно, так неинтересно. Жалко этих людей...

Котин, проводив девушек до калитки, постоял какое-то время на крыльце дома, подышал свежим воздухом, а когда повернулся, чтобы зайти в дом, то вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял статный старик с окладистой седой бородой.

— Дед, да ты как тут оказался? Не положено здесь. Уходи.

Старик улыбнулся какой-то обезоруживающе доброй улыбкой.

— Так-то другим не положено, а нам с тобою, Борис, сын Семёна, по-ложено.

“Какой странный дед, — подумал Котин, — и имя моё знает, и отца моего тоже, как видно, знает. Уж не родня ли какая?” Что-то в этом старике было знакомо Котину, вроде он даже его видел ещё в детские годы.

— Ты, дедушка, не из Берестянки?

— Эта та Берестянка, в которой храм в честь Покрова Божией Матери? Бывал и там. Я, Борис, много где бывал. Так впустишь меня в дом?

“Может, он странник, ходит по деревням и сёлам. Хороший дед, почему бы не пустить? Вон товариц лейтенант свою сестру с подругой провёл, и ничего. А я дедка пущу, он никому не повредит”.

— Ладно, заходи, только недолго, а то подведёшь меня под служебное несоответствие.

— Спаси тебя Христос, Борис, сын Семёна.

Старик зашёл в дом, а следом за ним шёл сержант Котин, сам себе удивляясь, почему он пустил этого старика. А старик, между тем, уверен-ной походкой направился прямо к комнате, где стояла с иконой окаменевшая девушка. Сержант шёл за ним по пятам. Старик открыл дверь и вошёл. Котин хотел было тоже зайти, но старик обернулся к нему и приложил палец к губам:

— Ты, Борис, здесь постой, я ненадолго.

И опять удивился себе сержант: почему он послушался этого деда и остался за дверью? Вскоре он услышал ласковый голос старика:

— Ну, что, милая, устала стоять? Знаю, устала. Потерпи ещё немного. Милостив Господь...

Из кухни вышел, протирая глаза, лейтенант Мельников. Он только что дремал, сидя на стуле.

— Ты чего это, Котин?

— Тихо, товариц лейтенант, там дед с нею разговаривает.

— Какой ещё дед? — удивился Мельников.

Он подошёл к двери, открыл её и заглянул в комнату.

— Никакого деда там нет. Тебе что, уже мерещиться начало?

— Да как же нет? — удивился Котин. — Куда же он мог деться?

— Да ты сам посмотри, — предложил лейтенант.

Когда сержант вышел из комнаты, удивление его было настолько искренним, что Мельников с подозрением посмотрел на него.

— Так ты что, действительно кого-то сюда впустил?

Все ещё пребывающий в растерянности сержант молча кивнул головой.

— А ты можешь его описать?

— А что описывать? Ну, старик, статный такой, борода седая.

— Да, описание хоть куда. А какие-нибудь особенности заметил? Во что он одет, например?

— Постойте, товарищ лейтенант, в этом и особенность. Не пальто на нем и не шуба, а какая-то одежда непонятная, как у попов.

— Так может, это поп и был?

— Нет, поповскую одежду я знаю. Может, это странник какой? Говорил мне, что во многих местах бывал.

— Слушай, Котин, тебе отдохнуть надо, а то ещё и не то привидеться может.

— Да не привиделось мне это, товарищ лейтенант, вот как вас сейчас вижу, так и старика того видел. А главное, мне показалось, что я его и раньше видел, а где, хоть убей, не припомню.

— Ладно, или, подремли малость, а я подежурю. Ещё неизвестно, какой завтра день будет. Хорошего ничего не жду.

Утром 20 января делегаты тринадцатой областной партийной конференции наполняли Куйбышевский театр оперы и балета. Событие для всей номенклатурной верхушки области, несомненно, очень значимое. К нему шла подготовка весь 1955 год, в течение которого одна за другой проходили районные партийные конференции. Вся страна готовилась к Двадцатому съезду КПСС. И вот теперь первые секретари райкомов чинно раздевались в гардеробе театра и шли прогуливаться по фойе с видом победителей. Они сделали своё дело и сделали хорошо, а сегодня их роль незамысловатая: слушать, рукоплескать и голосовать. Передовики производства и знатные хлеборобы жали другу руки и шутили с раскрасневшимися от смущения почётными дядями. Все понимали, что ничего сверхординарного произойти не должно. Всё будет согласно повестке: отчётный доклад обкома и выборы делегатов на XX съезд партии.

Такого благодушного настроения не разделял только один человек — первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС Михаил Тимофеевич Ефремов. Он тоже считал, что сегодня всё будет согласно повестке, но, в отличие от простых делегатов, был в курсе, какие страсти разгораются там, на вершине власти в Москве.

Вопрос в ЦК поднимался серьёзный: о роли культа личности товарища Сталина в репрессиях 30-х годов. И зная об этом, Ефремов все последние дни мучительно размышлял, как ему быть? Кого поддержать? Ясно, что хотят свалить всё на покойного вождя. В роли осла, решившего лягнуть мёртвого льва, выступает сам первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв. Его поддерживают такие тяжеловесы, как Булганин, Микоян и Каганович. Но и противники не на слабых позициях: Молотов, Маленков, Ворошилов. Чья сторона взъмёт? Не ошибиться бы.

К трибуне, отбросив на время все свои тревоги и волнения, Ефремов вышел бодрым шагом под бурные аплодисменты депутатов. В перерыве, когда вся верхушка обкома собралась в кабинете директора театра на чай, Ефремов властно протянул руку к третьему секретарю, который собирал записки с вопросами из зала. Тот, словно нехотя, раскрыл папку и подал записки.

Ефремов читал записки и всё больше хмурился. Часть записок он откладывал в сторону. Потом подсчитал отложенные записки и поднял на третьего секретаря взгляд, не предвещавший ничего хорошего.

— Что это ещё за “чудо”? Почему половина записок о какой-то девушки, застывшей с иконой в руках? Почему на улице Чкаловской столпотворение накануне важнейшего государственного мероприятия в области? Это что, диверсия? Почему я узнаю об этом только сейчас и от делегатов, а не от вас,

своих помощников? Ладно, с этим будем разбираться потом и оргвыводы соответствующие сделаем. Сейчас ко мне в обком всех, кто может дать вразумительные разъяснения. Обед для делегатов прошу продлить.

В кабинете Ефремова собрались, кроме второго и третьего секретаря, ещё и заведующий отделом религиозных культов ОК КПСС Алексин, полковник КГБ Панин и генерал МВД Ермаков с начальником Ленинского райотдела милиции подполковником Тарасовым, а также уполномоченный Никифоров с профессором Нижегородским. Остальные чины поменьше остались ожидать в приёмной.

После подробных докладов, как и что случилось, уполномоченный подал Ефремову краткий отчёт профессора медицины Нижегородского. Ефремов быстро прочитал отчёт и фыркнул:

— Какая ещё, к лешему, диффузия? И это всё происходит накануне съезда партии? Я вам такую диффузию устрою, мало не покажется. Короче, чтобы мне сегодня, ещё до окончания заседания конференции, доложили, что на Чкаловской никого нет и посты милиции сняты. А завтра для всех желающих депутатов надо устроить экскурсию в тот дом. Ясно?

Когда все покинули кабинет, Ефремов продолжал задумчиво сидеть в своем кресле. Попробовали бы они товарищу Сталину оправдаться диффузией! Он бы им устроил не диффузию, а контузию, лет так этак на десять. Нет, надо всё же ставить на Никиту. Надо что-то менять.

От принятого решения Ефремову стало немного легче, но полностью тревога с души не ушла. Почему-то вспомнился декабрьский номер газеты “Волжская коммуна” с портретом Сталина на четверть страницы. “21 декабря у вождя день рождения, всё закономерно. И всё же надо главному редактору намекнуть, чтобы впредь от печатания портретов генералиссимуса воздержались”, — с этой мыслью он встал и решительно направился из кабинета.

Получив от первого нагоняй, все участники совещания перешли в кабинет третьего секретаря Темникова Захара Никитича, ответственного за идеологию, чтобы обсудить, как лучше выполнить приказ начальства.

— Ну, хорошо. Пусть не нравится вам вполне научное слово “диффузия”, — горячился профессор Нижегородский, — но как тогда увезти из дома эту девушку, если невозможно оторвать её от пола, ноги ей, что ли, прикажете рубить?

— Зачем ноги, — невозмутимо возразил хозяин кабинета Темников, — рубить надо пол.

Все ошарашенно уставились на третьего секретаря. В наступившей тишине торжественно прозвучал голос уполномоченного:

— Вот, товарищи, учитесь у Захара Никитича. Мы тут все ломаем голову над этой проблемой, а оказывается, что всё гениальное просто.

— Ну, а раз просто, — тут же подхватил его слова польщённый похвалой Темников, — то время терять не будем. Я, товарищи, — на заседание конференции, а вы — на Чкаловскую. И помните, на всё про всё у вас не более трёх часов.

После ухода Темникова стали разрабатывать план проведения всей операции. Наконец, распределили между собой роли и выехали на Чкаловскую.

В 15 часов 23 минуты в дом, где стояла Зоя, вошли уполномоченный Никифоров, капитан КГБ Плетнёв, его помощник, лейтенант КГБ Козырев и профессор медицины Нижегородский.

Когда вошли в горницу, Козырев сразу достал топор. По кивку Нижегородского он с размаху вонзил его в доски пола у ног стоящей Зои. После второго удара Козырев пробурчал:

— Чего это с досками, от воды, что ли, набухли?

— Что там у тебя? — спросил Плетнёв.

— Да тут, товарищ капитан, вода в полу какая-то. Весь топор залила, — он провёл рукой по топорищу и недоуменно уставился на свою ладонь.

— Что это? Боже мой, да это же кровь, — вдруг заорал он и в ужасе отбросил от себя топор.

— Ты чего? — возмутился Плетнёв. — Крови никогда не видал? Надо дальше рубить.

— Кого рубить? Я что, мясник, по-вашему? — чуть не плача, вскричал Козырев. — Вы же видите, я весь в крови!

При этом он кинулся было к двери, но Плетнёв успел его перехватить. Однако тот уже бился в истерике, повторяя одно и то же:

— Боже мой, я весь в крови, весь в крови...

Плетнёв закричал медсестре:

— Дура, чего стоишь, коли ему успокоительное! — и он потащил всё ещё вырывающегося из его рук Козырева на кухню. Медсестра трясущимися руками вскрыла ампулу. Глубоко вздохнула, успокаиваясь, и наполнила шприц.

В это время раздался протяжный стон. Нижегородский с Никифоровым вздрогнули и уставились на Зою. Стон исходил от неё.

— Что с ней? — хриплым до неузнаваемости голосом проговорил Никифоров, отступая к двери.

— Господи, да она же оживает! — прокричал Нижегородский и шагнул к Зое, чтобы подхватить выпадающую из её рук икону. Как только икона оказалась в руках Нижегородского, Зоя рухнула на пол.

— Валя, — крикнул Нижегородский медсестре, — давай сюда ребят с носилками.

Профессор быстро открыл свой саквояж и достал оттуда контейнер со шприцами.

Заседание партийной областной конференции подходило к концу, протокол был весь исполнен. К столу президиума буквально на цыпочках из глубины сцены пробрался заведующий отделом религиозных культов Алексин и стал шептать что-то на ухо Темникову. Третий секретарь выслушал его и покровительственно кивнул головой, отпуская Алексина. Затем он стал что-то строчить на бумаге. Исписанный листок Темников положил перед первым секретарём. Ефремов прочитал и одобрительно хмыкнул.

В завершении заседания Ефремов вышел к трибуне:

— Товарищи, есть и ещё один вопрос, который волнует некоторых делегатов нашей конференции. В городе Куйбышеве широко распространены слухи о произошедшем якобы чуде на Чкаловской улице. Записок по этому поводу штук двадцать. — Ефремов сделал внушительную паузу. — Да, произошло такое чудо, позорное для нас, коммунистов, руководителей партийных органов. — Первый секретарь строгим взглядом обвёл притихший зал и продолжил. — Какая-то старушка шла и сказала: “Вот в этом доме танцевала молодёжь. Одна охальница стала танцевать с иконой и окаменела”. После этого и стали говорить: “Окаменела, одеревенела...” И пошло... Начал собираться народ, потому что неумно поступили руководители милицейских органов. Видно, и ещё кто-то приложил к этому руку. Тут же выставили милицейский пост, а где милиция, туда и глаза. Мало оказалось милиции, так как народ всё прибывал, выставили конную милицию, а народ, раз так, — все туда. Некоторые даже додумались до того, что вносили предложение послать туда попов для ликвидации этого позорного явления. А по существу это самая настоящая глупость, никаких танцев, никаких вечеринок в этом доме не было, живёт там старуха... К сожалению, наши органы милиции здесь не сработали и не выяснили, кто распространял эти слухи. Бюро обкома рекомендовало виновников строго наказать, а товарищу Страхову, редактору “Волжской коммуны”, дать разъясняющий материал в газету в виде фельетона. Кстати, товарищи, бюро обкома уже дало указание снять все наряды и посты, убрать охрану — нечего там охранять! Как только убрали наряды и посты, так народ и стал рассеиваться. Сейчас, как мне докладывали, почти никого нет.

Элеонора Станиславовна Мышинская, доцент кафедры криминальной судмедэкспертизы Куйбышевского медицинского института, нервно ходила из угла в угол по своей просторной гостиной. Круглый стол, покрытый бело-

снежной скатертью, был сервирован на двоих. Она ждала в гости своего однокашника по Московскому университету профессора Нижегородского. Тот опаздывал уже более чем на час.

“Это просто выходит из всех рамок приличия. — Мышинская остановилась перед зеркалом и нервно поправила прическу. — Всё, ждать больше не буду...” В это время в прихожей раздался звонок, и Мышинская тут же села в кресло, взяv в руки книгу. Раскрыв её наугад, она сделала вид, что углубилась в чтение, но сама с бьющимся сердцем прислушивалась к звукам из прихожей, где домработница Глаша встречала гостя.

Наконец, двойные двери гостиной распахнулись, и на пороге, смущённо улыбаясь, возник Нижегородский с букетом цветов в одной руке и бутылкой шампанского в другой. Мышинская, не вставая с кресла, демонстративно отвернулась и холодно проговорила:

— Это в Москве так принято опаздывать — аж на полтора часа?

— Алина, дорогая, ну, не сердись, пожалуйста. Уверен, что, когда услышишь объяснения причины моего опоздания, простишь сразу. Пока скажу коротко: наша пациентка вышла из состояния, если так можно выразиться, паралича, и я был вынужден срочно проводить реабилитацию всех функций жизнедеятельности её организма. Потому и опоздал.

Он поставил шампанское на стол, а Мышинская, отложив книгу, поднялась с кресла ему навстречу.

— Игорь, ты полностью оправдан, — взволнованно сказала она, принимая букет из рук Нижегородского. Демонстративно вдыхая аромат роз, она кокетливо проворковала:

— Оправдан, но ещё не прощён.

— Как это не прощён? — подхватил игру Нижегородский. — И чем же мне прикажете заслужить прощение?

— Целуй, — Мышинская коснулась указательным пальцем своей щеки. Нижегородский не ограничился одной щекой, но поцеловал и вторую.

— Если таким образом заслуживают прощение, то я готов всегда быть пред тобою виноватым.

Оба довольно засмеялись.

— Присядем к столу, — предложила, всё ещё смеясь, хозяйка, — и я с нетерпением жду двух вещей: когда ты разольёшь по бокалам вино и когда подробно мне всё расскажешь.

— Ничего не утаю.

Отпив вина, они принялись за ужин. Мышинская почти ничего не ела, а, пригубливая маленькими глотками вино, с загадочной улыбкой смотрела на Нижегородского. Тот с удовольствием, не торопясь, ел и так же, не торопясь, рассказывал. Когда он дошёл до того момента, как стали рубить пол и пошла кровь, Мышинская не выдержала и удивлённо воскликнула:

— Этого же не может быть! Наверное, кровь текла с самой девушки и попадала на пол и топор.

— Нет, я всё проверил. Невероятно, но факт: кровь сочилась из пола.

— На анализ взяли?

— Обижаешь, Алина! Всё собрал. Мы, кстати, даже доски выпилили, чтобы отвезти на экспертизу. Так что завтра у тебя в лаборатории работы будет много.

— А что с самой Зоей?

— Мы сделали всё, что могли, но ситуация остаётся тяжёлой. Сейчас она преображает в коматозном состоянии. Инъекции глюкозы, искусственная вентиляция лёгких, — словом, мы сделали всё, что в этом случае полагается, но полной уверенности, что она доживёт до утра, у меня нет. Это прискорбно, ведь для моих научных исследований важно знать, что сама девушка ощущала во время этого так называемого “стояния”. Да, кстати, я принёс ту самую икону, что она держала в руках.

Нижегородский встал и, выйдя в прихожую, вскоре вернулся с завёрнутой в полотенце иконой. Он развернул полотенце и поставил икону на комод.

— Вот она, виновница всех этих удивительных метаморфоз, ещё неизвестных науке.

— Что я слышу! — засмеялась Мишинская. — Учёный человек, убеждённый атеист — и верит в чудеса! Это невероятно! Надеюсь, это просто шутка. И зачем ты принёс сюда эту икону?

— Убеждённым атеистом я быть не перестал. Но вот насчёт того, что я пошутил, тут ты, Алина, ошибаешься. Я действительно считаю, что икона сыграла определённую роль, но не мистическую, а вполне материалистическую.

— Что и говорить, — развела руками Мишинская, — умеешь ты, Игорь, заинтриговать. Давай, выкладывай, хватит испытывать женское любопытство.

Нижегородский встал с кресла и прошёлся по комнате.

— Не тебе мне объяснять, дорогая Алина, что для врача первостепенная задача — установление правильного диагноза, тогда можно приступать к лечению.

— Ты мне ещё, дорогой профессор, прочитай лекцию для первокурсников медицинского института.

— Прости, Алина, мне так проще подойти к самой сути. Поэтому я скажу ещё одну банальность. Для меня как врача не только важно правильно выявить диагноз, но и увидеть причины, которые привели к болезни. Как ты прекрасно знаешь, самое эффективное лечение — это устранение причин болезни. К чему я всё это говорю? А к тому, что для меня уже в первые дни моего исследования был ясен диагноз: общая спазма мышечных тканей, притом не всех. Например, внутренние мышечные ткани функционировали. Сердце работало, значит, шло кровообращение. Глаза видели, поскольку зрачки реагировали на свет. Слух также функционировал — я исследовал барабанные перепонки. Если в истории медицины не зафиксировано случая такого обширного спазма мышц, это совсем не значит, что подобного никогда не случалось в природе. Просто это очень редкое явление. Вот и всё.

Исходя из вышеизложенного, я поставил перед собою задачу: установить причину, приведшую к подобной спазме мышц. Согласно медицинской карте Зои Карнауховой, у неё не было серьёзных заболеваний, если не считать пневмонии в раннем младенчестве. Изучив досконально все самые незначительные детали случившегося в ту ночь, я выстроил следующую рабочую гипотезу. Первый фактор — это то, что девушки находилась в большом эмоциональном напряжении, так как на вечеринку не пришёл её любимый парень. Когда наступила кульминация этого психологического напряжения, она и схватила икону. Это был жест отчаяния. Но поскольку девушка росла в семье религиозной — её мать фанатично верующая, — то к её эмоциональному напряжению добавился страх перед высшими силами. Подсознательное ожидание наказания от потусторонних сил. Это второй фактор. Третий фактор — это икона. Надо заметить, что икона под стеклом, и на самой иконе — медная риза... Во время танца с иконой в руках в доме произошло короткое замыкание. Лампочка, вспыхнув необыкновенно ярко, погасла. Но эта вспышка отразилась от стекла и оклада, кстати, начищенного до блеска. Вспыхнувшая ярким светом икона сыграла роль детонатора для взрыва всех накопившихся эмоций. Подсознательный религиозный страх усилил этот эффект, вызвав фантастические галлюцинации в мозгу бедной девушки. Что представилось её воображению, пока можно только гадать. Но, по всей видимости, эта была очень страшная картина. Всё вместе это имело такое сильное воздействие на психику и весь организм девушки, что привело к общей спазме мышц. И вот тут наступает пока самое необъяснимое явление — диффузия. Ты помнишь нашумевшую статью австрийского врача Вильгельма Райхо о биоэнергии человека, соединяющей его со всем природным миром?

— Да, что-то слышала. Западные исследователи говорят ещё и о биополе человека. Но это мне кажется мистификацией.

— Я тоже относился скептически к этому направлению в науке, но сейчас, под давлением фактов, готов поменять свои взгляды. Если девушка выживет, я хочу забрать её в Москву для исследования этого необычного феномена природы. Под это дело можно целый научно-исследовательский институт организовать.

— И, конечно, этот институт возглавишь ты, — засмеялась Мышинская, — а мы здесь, в провинции будем прозябать.

— Зачем прозябать? Если пожелаешь, то можешь тоже переехать в Москву.

— В качестве кого?

Нижегородский нервно откашлялся и, поправив галстук, чуть охрипшим голосом сказал:

— Алина, ты знаешь, что я испытывал к тебе в студенческие годы. Сейчас, когда прошло столько лет, эта неожиданная встреча словно воскресила во мне юношеские чувства. Нет, пожалуй, сейчас это глубже... Это как доброе вино, которое с годами становится ещё крепче, ещё ароматней... Не знаю, что ещё сказать, но если тебе не безразличны мои чувства, если ты сама... Ну, словом, ты меня понимаешь... Я не смею надеяться, но был бы рад... нет, был бы счастлив, чтобы ты поехала в Москву в качестве моей супруги.

— А ты, оказывается, романтик и, знаешь... — в глазах женщины блеснули слёзы. Чтобы не потекла тушь, она стала кончиком салфетки промокать глаза. Но слёзы продолжали струиться. — А, да всё равно! — Мышинская отбросила салфетку и взяла бокал с вином. — Давай выпьем и забудем всё, что было прежде... Пусть теперь всё будет по-другому. Мне хочется жить, мне хочется любить, даже несмотря на свои сорок пять...

— Сорок пять, сорок пять — баба ягодка опять, — Нижегородский озорно подмигнул, чокаясь своим бокалом с Мышинской.

— Фу, как грубо, — засмеялась Мышинская, отпивая вино из бокала. — Давай танцевать, сегодня наш праздник.

Она поставила на патефон пластинку. Нижегородский галантно взял её под руку и вывел на середину залы. После танца они снова выпили. Мышинская вновь поставила пластинку.

— Дамы приглашают кавалеров, — объявила она и, смеясь, протянула руки.

— Милая, пощади, я сегодня устал, — взмолился Нижегородский.

— Хорошо, хорошо, мой дорогой, сиди, набирайся сил, они тебе ещё пригодятся, — при этих словах Мышинская счастливо засмеялась и крутнулась на одном месте. Остановившись, пьяно качнулась, ухватившись руками за комод. Её взгляд упал на икону святителя Николая.

— А вот сейчас мы проведём научный эксперимент, — игриво сказала она, беря в руки икону. — Я буду танцевать с этой иконой, и ничего не случится, потому что Бога нет.

— Алина! — с нескрываемой тревогой в голосе произнёс Нижегородский. — Зачем это? Оставь, не надо.

Но Мышинская уже закружилась в вальсе с иконой. Она танцевала и смеялась. А когда музыка закончилась, поставила икону на комод и повернулась с победным взором к Нижегородскому.

— Ну что, товарищ профессор, теперь вы убедились, что икона здесь ни при чём? А теперь спать. Потом в Москву, где я буду тебя любить, где я буду о тебе заботиться. О, Игорь! Если бы ты знал, как женщине необходимо о ком-то заботиться, а иначе для чего всё... иначе тоска смертная...

Вечером 20 января Кузьма Петрович вновь заступил на дежурство в зеркальный цех. Выпив крепкого чая, он вышел покурить на крылечко у входа в цех. Сквозь скопившуюся на улице толпу медленно продвигалась машина "скорой помощи". Милиция открыла ворота, и машина въехала задом во двор прямо к дому Болонкиных. "Что же там случилось? — взволнованно подумал Кузьма Петрович. — Что-нибудь с Зоей? А может, девушка наконец-то ожила? А если с нею что плохое случилось?" "Скорая помощь" простояла недолго, минут двадцать, а затем медленно выехала со двора, но как только миновала толпу, включила сирену и быстро умчалась.

Через некоторое время Кузьма Петрович угостил табачком одного милиционера из оцепления дома и, как бы между прочим, спросил:

— А чего "скорая" приезжала?

— Да говорят, вроде одному нашему сотруднику стало плохо, вот и увезли в больницу. Нам-то начальство ничего толком не сообщает. Даже не знаем, что мы тут охраняем, если в доме никакой девушки с иконой нет. Нам толкуют, что мы оберегаем покой живущих здесь граждан от несознательных элементов. Темнят, наверное. Ну, да это не нашего ума дело.

Разъяснения милиционера не очень успокоили Кузьму Петровича. На улицу он вновь вышел часа через полтора и удивился, что не обнаружил милицейского оцепления. Толпа народа сильно поредела. Петрович закрыл дверь в зеркальный цех и перешёл улицу. Заглянул во двор и увидел, как два парня заколачивают досками окна дома. Кузьма Петрович заковылял к ним. Парни хмуро на него покосились, продолжая работать молотками. Кузьма Петрович подождал, когда они доколотят гвозди, и спросил:

— А хозяева где?

— Сбежали хозяева, — ухмыльнулся один парней, — вот от таких, как ты, любопытных и сбежали, а окна велели заколотить, чтобы кто в дом не забрался.

В цех Кузьма Петрович вернулся ещё более встревоженным. Но не знал, что делать, — ночное дежурство не оставишь. Среди ночи раздался стук в дверь. Кузьма Петрович, сидевший всё время в напряжении, вздрогнул от неожиданности и поспешил к двери.

— Кто там? — срывающимся от волнения голосом спросил он.

— Это мы, Петрович, открывай, — раздался за дверью голос Вадима Болонкина.

Кузьма Петрович тут же распахнул дверь. Перед входом стояли Вадим, Лариса и ещё какой-то худенький мужичок.

— Это Филин, он с нами, — представил мужичка Вадим.

— Заходите, — пригласил Кузьма Петрович, даже и не думая о нарушении инструкции.

Вся троица быстро прошла в цех.

— Что с Зоей? — тут же в нетерпении задал вопрос Кузьма Петрович.

— Погоди, Петрович, мы сами ещё не до конца разобрались, — Вадим без приглашения присел на лавку, — тут непонятки одни. Дом закрыли и окна заколотили. Матери сегодня сказали, что дадут ей пока комнату в коммуналке, а потом квартиру выделят. Я Филина пригласил, они там свой замок повесили, а он мастер по замкам. Как стемнело, мы к дому пробрались, Филин замок открыл.

— Да чего там открывать, фуфло, а не замок, — самодовольно вставил свое слово Филин, — такой замок и ребёнок вскроет.

— Ты, Филин, погоди. Короче, прошли в дом, а там пусто. На месте, где Зоя стояла, доски новые настелены.

— Это что же получается, — охнул Кузьма Петрович, — они её вместе с досками увезли?

— Сегодня всё узнаем. В Пироговке есть больничный корпус с охраной для подследственных. Мы туда маляву отправили, ждём ответа.

В это время на улице кто-то свистнул.

— А вот и ответ, — обрадовался Вадим и кинулся к двери.

Вернулся он, читая на ходу клочок бумаги.

— Там Зоя, лежит в реанимационном отделении под охраной, но не на половине, где уголовники, а где расконвоированные. Это хорошо, там охраняют не сильно. Кстати, там и её мать, в отдельной палате. К дочери её допускают, но только ненадолго. — Вадим задумался. — Надо бы маляву отправить, чтобы Анастасия Егоровна поведала, что там и как. Короче, так, Петрович, если мы что-то узнаем, сразу сообщим. Ты до какого часа дежуришь?

— Утром в восемь, как смена рабочая придёт, я свободен.

— Если до утра не придём, то жди дома.

Вадим пришёл к зеркальному цеху утром, когда Кузьма Петрович уже сдавал ночное дежурство. Они вместе пошли к трамвайной остановке. Вадим был явно в возбуждённом состоянии.

— Так вот, Петрович, — говорил он на ходу. — Мать сообщает, что дочь очень слаба, но её собираются везти в Москву для научных опытов.

— Это что, как кролика какого? — возмутился Кузьма Петрович.

— Я не знаю, что там за опыты, но матери профессор сказал, что её тоже возьмут с собою, и будут они жить в санаторных условиях. Мать очень боится и считает, что, если Зою оттуда не забрать, она умрёт. Короче, Анастасия Егоровна умоляет вывезти их оттуда хоть как-нибудь. Вот мы и решили их оттуда выкрасть, чего бы это ни стоило. Ты как, Петрович, в деле с нами?

Кузьма Петрович остановился. Глаза его блестели от влаги, но смотрели уже с каким-то хищным прищуром.

— Я, сынок, бывший полковой разведчик. Пусть калека, но за такое дело готов душу положить. Предлагаю и моего друга, Михеича, подключить к проведению операции. Он сегодня на своей кляче молоко, сметану и пропущенную ерунду в город привозит. Кстати, и в Пироговку, в детское отделение тоже.

— Вот это здорово, транспорт нам будет очень кстати. Теперь надо решить, где Зою будем прятать.

— А чего тут решать? Лучше, чем в Рождествено у Михеича, места не найдёшь. Там у нас и фельдшер есть, его дочка. А потом, как утихнет всё, я их с матерью увезу к себе на родину в Алтайский край. Там у меня родная сестра живёт. Эх, знал бы ты, какая там красотища! Горы, озёра, леса. А рыбы-то, грибов, ягод — ну, всего в изобилии. Проживём.

— А можно нам с Лариской тоже к вам на Алтай? — тихо проговорил Вадим и опустил голову. — Я ведь того, решил с прошлым завязать окончательно. Так что на последнее дело иду. Может, оно мне как раз Богом за грехи-то и зачтётся, как мыслишь, Петрович?

— Не знаю, что там зачтётся, что не зачтётся, но грехи надо делами искупать, тут я согласен. А на Алтае места всем хватит, не сомневайся.

— Тогда мы с Филиным ждём вас здесь. Как прибудете, сани разгрузите, так и начнём действовать. Кое-какой план у меня у есть.

В четыре часа дня Кузьма Петрович вместе со своим товарищем Демьяном Михеичем были уже на территории городской больницы имени Пирогова. Только успели разгрузить сани у детского больничного корпуса, как к ним подошёл Вадим. Он был в строгом костюме и при галстуке, так что Кузьма Петрович его сразу и не признал.

— Ты чего так вырядился? — удивлённо спросил он.

— Вопросы здесь буду задавать я, гражданин Сапожников, — при этом Вадим сунул под нос совсем ошарашенному Кузьме Петровичу удостоверение. Тот успел прочесть: “Комитет Государственной Безопасности, лейтенант Козырев...” — дальше было закрыто пальцем Вадима.

— Это откуда?

— Ловкость рук и никакого мошенства, — сказал довольный произведённым эффектом Вадим и убрал удостоверение в карман.

В Пироговке профессора Нижегородского ждал неприятный сюрприз: бесследно исчезла его необычная пациентка. Расстроенный профессор тут же стал звонить капитану Плетнёву. Тот примчался через десять минут и начал расследование. Охранник не мог толком описать внешность лейтенанта госбезопасности и даже назвать его фамилию. На проходной обнаружили в журнале запись о проходе на режимный объект младшего лейтенанта Козырева. Тот был дома, на больничном, приходил в себя после стресса, полученного двадцатого января на Чкаловской.

Плетнёв срочно выехал к нему. Козырев клятвенно заверял, что никуда из дома не выходил, а когда капитан попросил показать удостоверение, то младший лейтенант так и не нашёл его, отчего впал в ещё большую депрессию.

Теперь всё для Плетнёва сложилось в логическую цепочку. У лейтенанта украли из кармана удостоверение и, воспользовавшись им, проникли

в больничный корпус, где находилась Карнаухова Зоя. Затем с помощью расконвоированного Каменева по кличке Валет и ещё одного неизвестного вынесли девушки через хоздвор. Плетнёв был на сто процентов уверен, что всё это проделал Умник. “Вот ведь, шельма, ловок!” — ухмыльнулся капитан и пошёл на доклад к полковнику Панину.

Тот выслушал доклад спокойно и сказал, довольно потирая руки:
— Если бы знать, что так будет, надо было помочь твоему Умнику.

Плетнёв с удивлением посмотрел на своего начальника.

— Да, да, капитан, не удивляйся. В этом деле пострадал только профессор. Он лишился своей подопытной. А нам теперь легче. Не надо на совесть свою ничего брать, на ней и так всего много. Рассуди сам. Куда прикажешь девать эту Зою и её мамашу? Судить-то их по закону не за что. А теперь они сбежали и чувствуют себя преступниками, которые вынуждены скрываться. Значит, забыются в какую-нибудь норку и будут молчать. Опять же этот твой Умник в воровской компании появиться не может — там он сразу засветится. А ведь он один из главных свидетелей этого так называемого чуда, да ещё его подруга Лариса, которая исчезла вместе с ним. Они тоже будут скрываться и молчать. Нам того и надо. Пусть всю жизнь оберегаются и молчат. Сверху нам дано указание всё дело о “стоянии” ликвидировать, как будто его и не было вовсе. Так что давай свою папочку сюда.

Капитан всё ещё в растерянности подал Панину папку. Несмотря на центральное отопление, у начальника отдела была в кабинете печка-голландка. Он подошёл к ней, отодвинул заслонку дымохода и открыл старинную чугунную дверцу.

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

НАД ГУСТЫМ ПЕСТРОТРАВЬЕМ...

* * *

Юрию, в Луганск, с пожеланием мира!

В огне войны, бессмысленной и жуткой,
Забыт на лавке плюшевый медведь.
Средь беженцев малыш вопит: “Мишутка!..”
Вернуться хочет, но кричат: “Не сметь!”

Всё дальше цокот маленьких сандалий.
К машине, до границы, а потом...
Когда-то так же Припять покидали,
Чтоб не вернуться никогда в свой дом.

Прочь от войны, что вдалеке грохочет,
Сбивая с веток жухлых листьев ржу.
И кажется, медведь воскликнуть хочет:
“Бегите, люди! Я их задержу”.

ТИХОНОВ Александр Александрович родился в 1990 году в посёлке Большеречье Омской области. Стихи и проза публиковались в различных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и других городов. Лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса “Хрустальный родник” (Орёл, 2015). За дебютную книгу стихов “Облачный парус” (Омск, 2014) удостоен звания лауреата Всероссийской литературной премии имени М. Ю. Лермонтова (2015) и Региональной литературной премии имени Ф. М. Достоевского (Омск, 2015). Живёт в г. Тара.

А тот малыш спасён. На белом свете
Случаются порою чудеса.
Когда-нибудь он в рацию ответит:
“Внимание, гражданских не бросать...”

* * *

Дети возвращаются домой.
Повзрослев, набив немало шишек.
Тихий материнский шёпот слышен —
Их совсем немного по прямой...
Дети возвращаются домой.

Оставляют где-то за плечами
Горести былые и печали,
Братьев, что пока ещё в начале
Долгого и трудного пути.

Чтоб до дома отчего дойти,
Нужно прежде к берегу причалить,
Где из мутной, межевой воды,
Копотью испачканы, разбиты,
Словно то старухино корыто,
Скалятся сожжёные мосты.

* * *

Люди без Родины. Куртки — с чужого плеча.
Преданы, проданы. Впору рыдать и кричать.
Можете тешиться мыслью, мол, “нам не грозит”.
Тысячи беженцев мрачно идут по Руси

От накрывающей “ридну Украину” тьмы.
Вздрогни же, знающи: это могли быть и мы.
Тяжко и горестно песни казачьи поют.
Где с нашей гордостью нам бы нашёлся приют?

К детскому лагерю где-то в сибирской глухи
“Пазик” залатанный узкой грунтовкой шуршит.
Плещет за окнами ясная звёздная высь.
Все разом вздрогнули...
— Здравствуйте! Как добрались?

* * *

Из густого тумана мечеть поднялась в полный рост,
В полумесице шпиля затеплились блики рассвета.
Эти первые всполохи, словно ответ на вопрос,
Долго ль ночь коротать, долго ль слушать стенания ветра?

Вдалеке, на холме, белокаменный высится храм,
Устремивший кресты в небеса золотыми ключами.
Это он отмывает над Тарой зарю по утрам.
Это в нём одиноко окошко мерцает ночами.

А меж ними мой город — обитель добра и греха,
Тьмы и света, легенд и холодных, бессмысленных будней.

Древний город, в котором так тесно мечтам и стихам,
Но усталым сердцам с каждым днём всё родней и уютней.

Отражение сущего, маленький ветхий мирок.
Тучи низко плывут, закричи — в небесах будет слышно!
Муэдзина с балкона мечети услышит пророк...
Колокольные звоны с рассветом услышит Всевышний...

Сколько вер и культур. Каждый житель находит своё
В этом малом мирке, что бывает то буен, то кроток.
Однаково тёплое к каждому, солнце встаёт
Над густым пестротравьем из разных, но дружных народов.

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

ГОРИТ ПШЕНИЦА У СЕЛА...

* * *

Горит пшеница у села,
горит пшеница,
гудят, звонят колокола
вблизи границы.
Не девять жизней у бойца —
в крови тряпица,
и нет на матери лица...
Горит пшеница.
Пришла пехота до села
набрать водицы,
плохие, граждане, дела —
горит пшеница.
Тут кто за славу, кто за честь,
кто поневоле,
а колосков считать — не счесть
в горящем поле.
Луганский пепел и песок
застрял в зенице,
расчёты целятся в лесок,
но жгут пшеницу.
Из-под колёс, из-под копыт,

ИВАНТЕР Алексей Ильич родился в 1961 году в Москве. Учился в МГПИ им. В. И. Ленина. Работал в геологических экспедициях на Дальнем Востоке. Во второй половине 1980-х и первой половине 1990-х — директор издательства "Постскриптум". Дальнейшая судьба долгое время была связана с самолётостроением. Постоянный автор и член редколлегии журнала "Сибирские огни".

из тьмы троянской,
из века в век она горит
в груди крестьянской.
Крестьянам сеять и пахать,
растить, чтоб крепла,
солдатам жечь и отряхать
берцы от пепла.
Лежать нам вместе осередь,
где лес и реки...
А ей пылать, пылать-гореть —
веков во веки...

* * *

Встала из дубовой домовины —
Никому, старуха, не нужна...
Липовой ногой до Украины
Стукает гражданская война.
Хромая, а выкинет коленца,
Спляшет казакам и морякам,
Русским ополченцам и чеченцам,
Западэнцам, вдовам, старицам.
Синая, идёт по полю боя —
Маловато полюшко по ней...
Стукнет деревянною ногою:
— Ну-ка, дать тачанку да коней!
Русская она наполовину,
На другую — липова она.
Покряхтит да ляжет в домовину
Старая гражданская война.
Крышку деревянную надвинет,
Снова одинёшенька-одна...
На войне ни крови, ни вины нет,
На войне какая уж вина...

* * *

Помню я: фуражные подводы, дебаркадер, праздничный народ,
Корчева, ушедшая под воду, смотрит на меня из чёрных вод...
Вязкий жар размякшего металла, напряженье самолётных крыл...
Лучше помню: бабочка летала, паучок свой невод мастерили.
А ещё я помню: у синая однорукий Осип говорил,
что земля литовская сырая у лесных шевелится могил,
что едим мы хлеб на дармовщину, зажрались и потеряли страх,
одного оставили мужчину на пяти окрестных хуторах.
Ловко левой зашивая брюки, мокрым кашлем надрывал нутро,
и доил корову однорукий в жестяное мятое ведро.
Что-то жизни снится мне начало, во первых является строки.
Как страна великая звучала! Как качала шкета на руках!

* * *

Если долго ехать за грибами
через перелески-пустыри,
родина железными зубами
улыбнётся около Твери.
Старые вагоны прицепные

по моей мотаются земле —
зубы несносимые стальные,
в трещинах ладони на столе.
А на юге — зубы золотые,
а в столицах — белые, как мел.
Ближе мне железные, простые,
техник что поставил, как умел.
Маковки на храмах золотые,
голубые маковки взакрут...
Тут меня положат под святыми,
за меня кирнут, меня ругнут.
Жили здесь мы, сталкивались лбами...
Сетуя, любя или гнобя...
Родина железными зубами
держит, не пускает от себя.

* * *

Старуху с банками в кошёлках, дедка с ведёрком чеснока
и парня в лагерных наколках несёт великая река.
Дымит паром, дедок шуткует, мотает бакены волной,
“КамАЗ” на пристани паркуют напротив бочки нефтяной.
И пахнет дымом и соляркой, и рыбу чистят на лотке
по виду старая доярка в посадском хлопковом платке...
На чёрном фоне или белом, в любом проведенном краю
углём кузнецким, курским мелом рисую родину мою...
Но у дощатого причала в краю мочала и кайла
она сама меня стачала, сковала, в воске отлила.
Причал. Тут пьют и расстаются, сидят до вязкой темноты...
И всё никак не удаются неуловимые черты.

* * *

Ни отца не жалко, ни Россию —
батя мёртв, а родина жива,
и трава над тёщей Евдокией
зелена, душиста, тылова.
Через рвы на торфоразработках,
трудфронты, подёнщину, барак —
в подработках и переработках,
с меленькой картошки на бурак
жизнь прошла, как будто не бывало,
как по лугу чиркнула коса.
Над собою вижу покрывало —
Евдокия держит в небесах.

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ИБО НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ

РАССКАЗ

В Чистый четверг на Страстной неделе на деревне никто не работал, все прибирались по дому, топили бани, а в огородах мужики и бабы жгли ботву. Ребятишки весело ворошили костры длинными палками, из-за чего снопы искр, как фейерверк, взлетали в воздух и к великой радости детей кружили в сумерках.

Сергей Звягин, студент четвёртого курса исторического факультета Тюменского государственного университета, в хорошем настроении шёл привычной дорогой, вдоль ограждённых штакетником палисадников, жадно вдыхал свежий воздух, сладко пахнущий дымком и сыростью талого снега, думал о Христе, мысленно повторяя Его подвиг. “Вот в такой же весенний месяц в Иерусалиме было холодно, — думал он, — как и сейчас, люди грелись у костра. А где-то недалеко, в претории, пытали Христа, издевались над Ним, мучили, надевали терновый венец на голову. Все ученики, кроме Петра, разбежались и оставили на истязание властям Мессию. Какую жертвенную Любовь к людям должен был испытывать Сын Человеческий, добровольно отдавая себя на распятие?! Какая нравственная сила! Какая Любовь к Истине и ко всему живому?!” И от подобных мыслей на душе у Сергея устанавливалаась та благодать Божья, какую обещал ученикам Христос.

“Нет выше подвига на земле, если кто положит душу свою за други своя”, — и он зrimо видел подвиг Иисуса Христа, который ради него и ему подобных шёл на Голгофу.

ЩЕРБАКОВ Александр Александрович родился в Казахстане. После службы в армии уехал на Север. Двадцать лет работал в экспедициях — полевых геологических партиях сейсморазведки. Публиковался в периодических изданиях, журналах “Москва”, “Наш современник”. В 2002 году вышла книга “Короткие рассказы”.

Сумерки уже синели, и, проходя мимо изгороди дома Петра Слепченко, он услышал весёлые звуки гармони, под которые почти мужским, прокуренным басом Тамара Волобуева выкрикивала похабную частушку: “Ехал на ярмарку Ванька холуй...” Сергею стало неловко, что в такой день на Страстной неделе оскверняется воздух, и в деревенской жизни к грехам, совершившимся отцами и дедами, добавляется это сквернословие. И как человек нравственный, сознательно принявший крещение, отчаянный и смелый, он, вежливо постучавшись, вошёл в избу.

— Здорово живёте, селяне! — произнёс он, закрывая за собой дверь.

Вместе с гармоны умолкли сидящие за столом гости и обернулись на голос Сергея с недовольным выражением лиц.

— Учёный пришёл! Вот те нате, а мы-то и не ждали, — сказал гармонист Гришка Ерохин.

— Ну, ждал ты меня или не ждал, об этом мы поговорим отдельно в другом месте, — жёстко одёрнул его Сергей. — А ты, Петро, не в тот день гульбу затеял. Слыханное ль дело, чтобы православный в Страстную неделю сквернословил и гульбища устраивал? Церковь вон стоит, — Сергей показал рукой в сторону недавно восстановленного храма. — Перед Великим постом всей деревней, всем миром приняли покаяние, чтобы очистить от скверны воздух греховный в нашем селе. А ты опять грехи собираешь...

— Ох-ох-ох, Иисусик Христосик ещё один выискался, — сказала бойкая Тамара и, жадно затянувшись сигаретой, выдохнула облако дыма в сторону нежданного гостя. — Старухи сказывали, что прадед твой первым комиссаром на деревне был, церковь развалил и всех верующих на Соловки сослал. А попа с попадьей в сани запряг и всю ночь на них ездил. А опосля, их, сердешных, донага раздел и ледяной водой поливал. Так они, горемычные, наутро и околели. Нечая было прадеду твому отымать у народа энту веру силком! Оно и, глядишь, праведного люда больше было бы, да и посовестливее нонешнего. Интересное дельце у вас, у Звягиных, получается. Прадед за веру убивал, в тюрьмах народ гноил, учения антихристовы насаждал, а правнук веру теперь возрождат! Чё эт у вас, семейный подряд али как? — спросила она с ехидцей.

Послышился смех и пьяные одобряющие голоса гостей: “Молодец, отбрила”, “Правильно, Томка, так его”, “Ишь, праведник...”

Он слышал эти кривотолки о прадеде и прежде, но никогда они так больно и прямо не задевали его сердце.

— Брёшь ты всё! — выкрикнул он отчаянно.

— Это я-то вру! — возмутилась Тамара. — Петро, скажи! Да скажи ты ему, не таись, — толкала она в плечо склонившего к столу голову хозяина дома.

— А что и говорить? Кто прошлое помянёт, тому глаз вон! — вдруг грозно обвёл взглядом Петро сидящих за столом. — Поизмывались над народом и красные, и белые, и Ленины, и Сталины, и Брежневы, и Ельцины! А Бог как был Един, так Единым и остался, милосердным и праведным. А что веру прогнали и дел антихристовых натворили, так за то и спросится с каждого на том свете! Ох, как спросится! Ты уж не серчай на нас, учёная твоя голова. Правильно ты разумеешь. Негоже православному в Страстную неделю бражничать и песни похабные петь. Только ничто уж в строгости наими не соблюдается, и нет в сердцах прежней веры, какая у дедов и отцов наших была.

— Петро, ты слышал, что она о прадеде моём!.. Врёт иль нет? Говори, без утайки, как оно есть! — и на скулах студента заиграли желваки.

— Гневаться в Страстную неделю тоже грех великий, — заметил с укором Петро. — Мой прадед у твоего помощником был, так мой твоего и не лучше.

У Сергея забилось сердце, и всё перепуталось в голове. Он что-то хотел крикнуть, возразить, отстоять свою правоту, но только сказал тихо и виновато:

— И так довольно согрешений на деревне. Не прибавляйте грехов к делам отцов наших. Не то скоро дышать будет нечем, — куда ни повернись, везде скверна... — и он медленно вышел, не попрощавшись.

Уже стемнело. На небе ярко мерцали крупные звёзды. Весенний воздух был по-прежнему бодрящим и свежим, но в душе уже не было прежнего чувства умиления и благодати. Он шёл медленно, размышая о жизни своих предков, которые натворили в мире столько зла! И, чтобы исправить их грехи, ему теперь надо будет сделать втрое больше доброго для людей. И от этих мыслей хотелось плакать: “Сколько в мире лживого, злого! — думал он, проходя мимо церковной ограды. — Не мог же мой прадед знать, что творит не-правду, не мог!” — отчаянно оправдывал он своего предка. Но внутри у Сергея что-то протестовало, говорило о великом сотворённом зле и правоте слов Тамары Волобуевой. И он вспомнил, как в детстве любил издеваться над бабушкой, как с ватагой босоногих мальчуганов они смеялись над верующими и кривлялись им вслед, когда небольшая горстка старушек с хоругвями и иконами шла через всю деревню к роднику просить Бога о дожде и урожае в за-сушливый год. И проливной дождь, с громом и молниями, пришёл на следующий день утром и орошал окрестные поля до полудня. Потом бабушка долго благодарила Бога, стоя на коленях перед иконой в передней комнате.

— Бабушка, смотри, лоб не разбей, — сказал Сергей, забегая в переднюю, чтобы взять модель аэроплана, которую он тогда склеил в школьном кружке “Юный авиатор”.

Но бабушка продолжала молиться, не обращая на него внимания. И у Сергея, неизвестно откуда, появилось неудержимое чувство злобы. Он взял в левую руку аэроплан, а правой рукой специально потянул с края комода нижний журнал, и огромная стопа толстых книг и журналов с грохотом полетела на пол. Но ни один мускул не дрогнул на лице бабушки, — она продолжала молиться. И от этого злость у Сергея только усилилась. Ему тогда хотелось изо всей силы толкнуть её, ударить, закричать, только бы помешать ей молиться. И он, не зная, что предпринять от злости, включил радиолу на полную громкость. Оглушительно зазвенела музыка, весело заорала певица песню про чёрного кота. И тут же Сергей получил подзатыльник от матери, которая подошла к нему незаметно и неожиданно сзади. Она выдернула шнур из розетки и, крепко схватив сына за ухо, увела его на кухню и поставила в угол. “Но как радовалась в злобе душа, когда падали книги и орала радиола! — вспоминал он. — Как ликовала и торжествовала злость в маленьком сердечке!” Он тогда не знал, откуда приходит чувство зла и как оно управляет человеком, затмевая рассудок. Должно быть, прадед испытывал те же чувства, когда разрушал храмы и ссылал верующих на Соловки, оправдывая себя учениями классовой борьбы и революцией, а по существу — служением антихристу.

Он не осуждал прадеда, а только, смиренно вздохнув, перекрестился в потёмках, и мысли Сергея потекли во времена, когда, в Иерусалиме, толпа, управляемая злобой, требовала смерти Христа у Понтия Пилата...

Он не заметил, как дошёл до дома и, открыв двери, увидел на кухне сидящую за столом мать. Она склонила голову над раскрытым Библией, внимательно дочитывая предложение, и на стук хлопнувшей двери обернулась не сразу.

У Сергея уже выработалась привычка каждое утро и вечер наугад открывать Библию и читать первое предложение, на которое падал взгляд. И всегда эти прочитанные слова оказывались меткими и нужными в момент начавшегося или прошедшего дня. Но на этот раз он решил довериться матери.

— Мам, прочти мне, что сейчас читала, — попросил он.

— Это Евангелие от Луки, — ласково улыбнулась мать. — Пока ты гулял, сынок, я картошку отварила. Поеши.

— Я не хочу есть. Прочитай, мам.

Она посмотрела на сына с чувством умиления и медленно перевела взгляд на открытую страницу: “И когда пришли на место, называемое Лобное, — начала мать, но вдруг умолкла и, немного подумав, начала читать снова уже громко и с выражением. — И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! Не вмени им в вину, ибо не ведают, что творят...”.

На последних словах голос матери задрожал, она всхлипнула и, устыдившись своих слёз, отвернула лицо к стене.

Сергею стало неловко, что мать стыдится своих чувств. Он тихо поднялся со стула и ушёл к себе в комнату. Долго в сумерках лежал на кровати, не раздеваясь. “Отче! Не вмени им в вину, ибо не ведают, что творят”, — повторились в мыслях слова из Евангелия. Он представил муки Христа, как ему вбивают гвозди в суставы рук и ног, а Он, от великой Любви к людям, просит Отца Небесного о прощении грехов своим палачам... Ибо не ведают, что творят...

— Учёный, выходи, падла! Ты мне при всех грозил отдельно поговорить! — раздался под окном голос Гришки Ерохина.

Сергей отдернул занавеску и в свете восходящей луны увидел группу толпившихся под окном подростков со штакетинами в руках, во главе с гармонистом.

— Не пущу! — отчаянно встала мать на пороге с испуганными глазами, готовая заплакать, когда Сергей собрался выходить, надевая телогрейку на плечи. — Хошь что делай, не пущу!..

— Мам, ради Христа отойди. Не то дом подожгут, — спокойно и тихо сказал Сергей. Последние слова внушительно подействовали на мать, и она нехотя уступила сыну, но часто стала крестить правой рукой воздух, а левой держала его за рукав телогрейки и причитала:

— Серёженька! Сынок, я очень тебя прошу! Ради Бога...

— Мам, не ходи! Все будет хорошо! — успокоил он её и закрыл перед матерью двери, ведущие в сенцы.

На улице подмораживало. Воздух по-прежнему был бодрящим. Гришка Ерохин комиссарил над выпившими подростками, ободряя их, и обернулся на звук хлопнувшей двери.

— Вышла тварь учёная поесть дерымо толчёное, — запел Гришка, растягивая каждое слово на блатной манер, и, храбро занеся над собой штакетину, двинулся на Сергея.

— Не маловато ли народу собрал, воин? — произнёс Сергей сдержанно, с насмешкой.

— Мало не покажется! — злобно огрызнулся Гришка, идя вразвалку к порогу дома. Выпившие подростки стояли в стороне, опершись на штакетины, ожидая развязки.

“Господи! Прости им, ибо не ведают, что творят!” — мысленно произнёс Сергей и пошёл навстречу гармонисту. Как только они сблизились на расстояние метра, Сергей, не дожидаясь удара, резко присел на одну ногу, а вытянутой второй, как клюкой, подсёк гармониста. Гришка, теряя равновесие и падая, выронил штакетину на лету и бросился к подросткам, размахивая трофеем оружием. От неожиданности выпившая ватага тут же кинулась враспынную, и только топот убегающих ног то здесь, то там подхватывало и разносчило гулкое эхо над опустевшей улицей деревни. Сергей уже было повернулся вполоборота к дому, как жёсткий кулак гармониста ударил его в челюсть и сбил с ног. Гармонист накинулся на Сергея и, сидя на поверженной жертве верхом, дыша перегаром, стал наносить удары в лицо и голову. Но Сергей резким ударом кулака сбил его и, держа за кучерявые волосы голову гармониста, дважды ударил её о землю затылком. Гришка обмяк, Сергей поднял его как мешок с картошкой, перевалил через плечо и вошёл в дом.

— Господи! Господи! Убил! Убил! — голосила мать.

— Мам, не причитай, принеси полотенце, — попросил Сергей, укладывая плененного воина на половике в кухне. Он свернулся телогрейку подушкой и подложил ему под голову. Гришка, чуть отлежавшись, открыл глаза и мутным, но уже протрезвевшим взглядом обвёл комнату.

— Это где я? — спросил он, шевеля окровавленными губами.

— В плenу! — жёстко сказал Сергей, не оборачиваясь от умывальника, смывая кровь с лица холодной водой и шмыгая носом. — Если дёрнешься, тварь, раздену догола, вымажу дёгтем и пущу по деревне!

Гришка понял, что он у врага в доме, и напугался не на шутку. Он знал, что Звягин не только здоров, но что его слово никогда с делом не расходилось. Его с юности прозвали железным Сержем за то, что он колхозному бригадиру ещё в десятом классе ночью надел мешок на голову, туда затянул его шнурком, а потом бедолагу на крыльце собственного дома отходил черенком от лопаты так, что тот пять дён на работу не показывался. А всё из-за того, что бригадир в горячке мать его шлюхой обозвал. «Но тогда-то он неверующим был, — думал гармонист. — А теперь за веру Христову, как фанат, чё го доброго и покалечить может! Смотри, как башкой о землю треснул, аж весь хмель из меня вон...».

— Серж, — сдавленно произнёс Гришка виноватым голосом.

— Что? — жёстко спросил Сергей.

— Может, это... я пойду?.. Ну, мало чё про меж мужиков-то, по пьянке, не заладится?

— Иди! Но только запомни, воин! Ещё раз малолеток соберёшь и напоишь — спуску не дам!

— Ишь, развоевался, горлан! Что тебе мой Серёжка сделал? — бойко ввязалась мать, держа полотенце в руке и радуясь в душе за победу сына. — Вот что он тебе сделал, я спрашиваю? — не унималась она.

— Мам, не встревай в мужские дела, — успокаивал её Сергей.

— Как это не встревай? Как не встревай? Он морду тебе расквасил, а я не встревай? Ишь какие синячища под глазами!

Гришка, кряхтя и ойкая, поднялся с полу, держась за разбитый затылок ладонью, и, не отвечая на слова матери Сергея, виновато пожаловался:

— Шибко больно. Болезнее, чем с похмелку, — и тихо направился к выходу.

На всенощную в церкви было много народа, и люди толпились за церковной оградой. Запах ладана, потрескивание горящих восковых свечей у иконостасов, дыхание прихожан должны были создать ту духоту, какая обычно бывает при скоплении народа в помещениях. Но душно не было. Церковь восстановили каменную, просторную и высокую, по образцу, какая была построена казаками ещё до революции на средства и пожертвования прихожан.

И потому церковь в деревне теперь стояла, как оплот, как вызов смутным временам атеизма, как возрождённая духовная крепость России, куда стекался народ на праздники не только со всей деревни, но даже из окрестных сёл и деревень.

“Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым”, — нараспив тянулся басом дьяк. И Сергей чувствовал душой Единого Творца, Вседержителя, создавшего невидимой энергией Святого Духа всё живое на земле — от незримых атомов, туфелек и инфузорий до творящегося в мире добра и зла человеческого.

По окончании службы, после крестного хода, освящения пасхальных куличей и яиц Сергей то ли волей случая, то ли промыслом Божиим столкнулся с Гришкой Ерохиным за церковной оградой, когда все прихожане ликовали, поздравляя друг друга с Воскресением. Гришка подошёл к Сергею первым и виновато сказал, склонив голову:

— Христос Воскрес, Сергей Данилович! Прости мне согрешения мои...

— Воистину Воскрес! — сказал Сергей, — Бог простит! — и как брата, по-христиански обычай трижды обнял и поцеловал гармониста...

Солнце пригревало, поднималось над горизонтом, и уже в свежем воздухе висело лёгкое марево над заливным лугом, над просторами вспаханных под зябь полей. А в школьном саду на тополиных ветках, подернутых лёгкой зеленоватой дымкой молодой листвы, весело распевали птицы. Тихий утренний ветерок пасхального Воскресения рябил озёрную гладь воды, приносил с берега крики гусей, кряканье уток, запах зелёной травы и распустившихся подснежников. И в каждой травинке, в листочке, лепестке цветка, и в каждом дыхании жизни — везде и во всём Сергей чувствовал присутствие Силы, Бездесущей и Животворящей.

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР МАСАЛОВ

РОССИЯ — ВЕЧНАЯ СТРАНА...

МАЛАЯ РОДИНА

Из многих, многих тысяч мест
Есть лишь одно родное место,
Как для России крепость Брест,
Как для души — нательный крест, —
Твой край, где проходило детство.

Там для тебя всегда весна,
Там ярче солнце в поднебесье,
Ты там плывёшь по волнам сна,
Там дни ушли во времена,
В дремучий лес сквозь мелколесье.

Там воздух слаще и светлей,
Там радость с грустью вперемежку,
Там яблони из детских дней
Тебя встречают у дверей,
Где ты играл в орла и решку.

МАСАЛОВ Владимир Иванович — поэт, автор 23 сборников стихов, секретарь Правления Союза писателей России, лауреат многих российских и международных премий. Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол России, работал на дипломатической работе в Бирме, Японии, Англии, Швеции, Уганда и Бангладеш. Один из немногих обладателей ордена Гавриила Державина за плодотворное служение отечественной литературе и творческие достижения. Его книги переведены на шведский, болгарский, испанский и английский языки.

Там руки бабушки твоей...
Она тебе погладит темя
Ладошкой ласковой своей.
Воспоминанья детских дней...
Они забылись лишь на время.
Ты там посеванное семя...

* * *

Старорусская равнина,
Новгородская земля...
То берёза, то осина
Метит ровные поля.

О тебе скажу без лести:
Ты душе моей — бальзам,
Колоколен дальних вести
Слышу сердцем здесь и там.

Богомольная Россия,
Не забыть тебя вовек,
Жизнь вливает в Ильмень синий
Пять десятков малых рек.

Пью тебя, как Ильмень реки,
И душою не напьюсь.
Не напьюсь тобой вовеки,
Очарованная Русь!

* * *

Всё в мире тлен, и кто об этом спорит?
Но есть Россия — вечная страна.
Чего в ней больше — счастья или горя, —
Не знаю, но не вычерпать до дна.

В ней столько тьмы и тихого терпенья,
В ней столько света льётся через край,
И красоты, и вечного горенья,
И чистоты лебяжьих в небе стай.

* * *

“Я так хочу”, — сказала темнота,
Закрыв глаза, и стало в мире тише.
Но почему она меня не слышит,
Но почему её душа пуста?

Она собой живое поглотила,
Обезобразила в саду цветы.
За что она закаты ослепила,
За что она развеяла мечты?

Но знаю: луч отчаянный прорвётся,
Чтоб осенить нас верой с высоты.
Не потому ль душа его смеётся,
Что этот лучик с Господом на “ты”?

РАЗГОВОР...

Где ты, родная? Не выпить ли чаю?
Чаю китайского, хочешь — налью?
И за тебя я себе отвечаю,
И наливаю в чашку твою.
И разговор в тишине потянулся.
Чай подливаю себе. Ты не пьёшь.
Вот уже месяц на небе проснулся,
Только ты чашку свою не берёшь.
В небе всё тихо, вокруг всё безмолвно.
Сверху звезда вдруг во тьму упадёт,
Фары скользят, словно жёлтые волны,
И обжигают смеющийся лёд.
Я рассказал тебе всё про Сегодня.
Что у тебя накопилось за дёнь?
Слышу молчание, будто кто отнял
Голос знакомый, оставив лишь тень.

ВЕРА

Ну что ж, Россия вытянет весь воз,
Хоть ею правят головы лихие.
В конюшнях Авгия был смыт навоз
Одной волной, одной волной стихии.

Один герой, конечно, не народ.
И всё ж один бывает в поле воин.
Он за собой потянет нищий род,
И значит, он из чести с волей скроен.

Ему поверят близкие в тоске,
Им эта жизнь до смерти надоела.
Слова писали в школе на доске,
Что до России жулику нет дела.

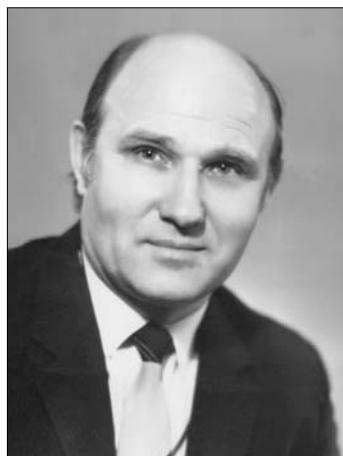
А их у нас в болезной развелось,
Как той заразы на нечистом теле.
Застряла в горле у России кость —
Бесчестье с воровством дуэтом спелись.

Ну, где ж конец пирам и сладкой лжи?
Ну, где ж конец в стране головотяпству?
Иль русскому в России уж не жить?
Иль русского опять толкают к рабству?

Ну, нет, постой, заря всегда встаёт,
И в день ненастный прорываясь смело.
Наш кочет — слышишь? — он уже поёт,
Хоть ночь пока что петь и не велела.

Ну что ж, Россия вытянет весь воз,
Свой дух и стать к борьбе сосредоточив.
Она, по сути, — мировая ось
Для всей Планеты нашей, между прочим.

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ЛЮБИТЬ И ВЕРИТЬ...

* * *

Я думал: умерла война
В том самом сорок пятом году,
Когда полынь, пьяней вина,
В слезах качалась в огороде.

Я думал: умерла война,
Когда пришёл сосед безногий,
И плакала его жена,
Обняв солдата на пороге.

Я думал: умерла война...
Но вот, с гнилого встав матраса,
Она взглянула из окна
В упор глазницами Донбасса.

Я думал: умерла война,
В крови солдатской утонула,
Зарылась в пепел... А она
Всего лишь только отдохнула.

РАЧКОВ Николай Борисович родился в Горьковской области. Там же начинал печататься как поэт. Автор более 10 стихотворных сборников. Ныне живёт в городе Тосно Ленинградской области. Член Союза писателей России.

ЧИТАЯ БИБЛИЮ

1

— Что в Вавилоне?..
— Торгуют, глумятся,
Пляшут, поют, в чужеземье стремятся,
Буйствует знать, торжествуют пороки,
Лживы вожди и продажны пророки,
Души открыты безверью и блуду...

— Я им потворствовать больше не буду.
Я утоплю их в крови и во пепле,
Сделаю так, чтоб оглохли, ослепли,
Чтоб до печёнок их всех прознобило!..

— Господи, это не раз уже было...

— К Небу приближу и храмы построю,
Новую, вечную жизнь им открою,
Дам я им Новое Слово Завета...

— Господи, разве поможет им это?..

2

Осенний ветер в роще колебродит.
Он золото разбрасывать горазд.
Любовь и дружба, жизнь и смерть проходит,
Проходит всё, сказал Экклезиаст.

Пройду, пройдут и радости, и муки,
И красота, и молодость, и труд.
И мы пройдём, не избежим разлуки,
Придут другие, и они пройдут...

* * *

Курган разрыли.
В глубине могильной
Лежит давно истлевшее копьё.
Наверно, воин славный был и сильный,
Но вот и он ушёл в небытиё.

Ни имени, ни звука...
У природы
Пропорция во всём соблюдена.
Так исчезают целые народы,
В безвестие нисходят племена.

И ныне друг на друга тем же скопом,
Тротил и атом — вот их реквизит...
Курган разроют, а на дне глубоком
Костей — и тех никто не разглядит.

* * *

В глубинах ночных океана
Есть тайный, есть внутренний свет.
В нём жизни, далёкой и странной,
Остался загадочный след.

Там долы и горные глыбы
На мрачном воздвигнуты дне.
Там ходят гигантские рыбы
В своей допотопной броне.

Там звёзды мерцают живые
В холодной, чудовищной мгле.
Там схватки свои, ножевые,
Такие же, как на земле.

Когда наверху урагана
Кипит боевая страда,
Не дрогнет в глуби океана
И не всколыхнётся вода.

В громадном и вечном покое
Подводных немыслимых стран
Есть что-то издревле такое,
Чего не отдаст океан...

В АКСАКОВСКОЙ УСАДЬБЕ

Я вижу в днях осенних так много знаков ясных,
Куда б пути-дороги меня ни привели.
В Аксаковской усадьбе в кистях багряно-красных
Рябины, как знамёна, склонились до земли.

И воздух здесь особый, в нём даже привкус винный,
И слышатся иные сквозь время голоса
В Аксаковской усадьбе, в Башкирии былинной,
Где Салават Юлаев взлетел под небеса.

И вспоминаешь чудо простых нетленных строчек
В Аксаковской усадьбе, где капал воск свечей,
Где над рекою Белой, как аленький цветочек,
Цветёт, сияет город — не отвести очей.

В Аксаковской усадьбе под шелест листопада,
Где хороводят листья у барского крыльца,
Поймёшь, как жить в России светло и свято надо,
Чтоб и любить, и верить, как в сказке — до конца.

Память

ВАДИМ ПАНЧЕНКО

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ВЕСНА

Крымская хроника*

7. Борьба за флот

2 марта в 9.30 утра мне позвонил командир первого взвода “Гвардии Севастополя” Стас Лавриненко и сообщил о том, что объявлен общий сбор возле КПП штаба ВМСУ (Военно-морских сил Украины), что расположен у Соловьевских складов. К тому времени, когда я прибыл на место, здесь уже находились около сотни самооборонцев и обычных горожан. Добровольцы “Гвардии Севастополя” перегородили доступ к проходной. Бойцы “Севастополя без фашизма” выстроились цепью перед воротами штаба. То тут, то там мелькали представители местной и российской прессы. Среди них выделялась могучая фигура специального корреспондента канала “Россия” Аркадия Мамонтова.

— Вчера премьер Крыма объявил о переподчинении себе всех расположенных на территории полуострова силовых структур и воинских частей, — сообщил командир отряда Виктор Мельников. — Штаб ВМСУ воспротивился этому решению. Наша задача — блокирование ворот КПП до тех пор, пока украинские военнослужащие либо признают законную крымскую власть, либо покинут территорию части и отправятся восвояси. Повторяю чёрным по белому: всех выпускать и никого не впускать!

— Кто сейчас у них командующий? Тенюх? — поинтересовался Аркадий Байбуртский.

— Какой Тенюх? У них уже давно Ильин, его Янек назначил, — сообщил Анатолий Пироженко.

— Отнюдь, Ильин неделю назад ушёл на повышение, — веско пояснил Сергей Заградский. — И вообще у них там такая чехарда, что они сами не знают, кто у них командующий.

— Вчера командующим ВМСУ был назначен контр-адмирал Денис Березовский, — прервал спор Мельников. — Сейчас с ним ведутся переговоры.

— Что делать с ним, если обнаружим? И как он выглядит?

— Откуда я знаю? Аркадий, не задавай глупых вопросов! Сказано — ведутся переговоры...

Украинские военнослужащие основательно подготовились к блокаде. Они перегородили въезд в часть бетонными блоками, оборудовали пулемётное гнездо напротив ворот, вывели во двор БТР и установили несколько постов на

* Окончание. Начало в №3.

гаражах вдоль периметра. За воротами постоянно маячила пара облачённых в бронежилеты и каски автоматчиков.

В течение первой половины дня несколько украинских офицеров попытались проникнуть в штаб. Однако все их попытки разбились о непреклонность самообороны. В частности, когда капитан первого ранга ВМСУ уверенным шагом направился к проходной, гвардейцы цепью перегородили ему дорогу.

— Как вы смеете? На каком основании? — возмутился каперанг, отталкивая самооборонцев.

— Только не надо горячиться. Нервные клетки, как известно, не восстанавливаются, — миролюбиво заметил Аркадий.

— Пропустите меня немедленно! Я — старший офицер флота!

— Извините, конечно. Я в ваших погонах, ей-богу, ничего не понимаю, — невозмутимо пояснил Илья Шаповаленко, заботливо поправляя офицеру шинель. — Я — человек гражданский. Но вас, пан лейтенант, при всём уважении я в штаб не пропущу.

В полдень неожиданно запахло палёным. И не в фигуральном смысле. Мы огляделись — в воздухе плыли клочки сгоревшей бумаги. Украинские военнослужащие периодически выносили упакованную в мешки документацию и методично сжигали её в урнах.

— Готовятся капитулировать, — небес坡ченно констатировали мы.

Тем временем неизвестные люди в военной форме проникли в трансформаторный пункт, расположенный у КПП на улице Руднева, и обесточили штаб. Действовали “зелёные человечки” деловито, спокойно и быстро, как на занятиях. Сделали дело и исчезли. Через некоторое время приехали специалисты из “Севастопольэнерго”, чтобы вернуть энергоснабжение украинским морякам, но самооборонцы не подпустили их к трансформаторному пункту. Потом сотрудники милиции попытались разобраться в ситуации, но безуспешно.

После полудня появились первые иностранные журналисты. Я сразу обратил внимание на их ангажированность. В отличие от россиян, представителей западной прессы не интересовало мнение самооборонцев, им нужны были ответы, которые укладывались бы в заранее составленные схемы. Интервью они вели таким образом, чтобы обвинить самооборону в нарушении законов и в нападении на мирных украинских военнослужащих. Западные корреспонденты, словно стервятники, кружили вокруг нас и выискивали добычу. На первый взгляд, самый простой выход из ситуации состоял в том, чтобы отогнать назойливых иностранцев. Однако простой путь не всегда является оптимальным. С представителями одной из древнейших профессий лучше действовать хитростью. Я решил вспомнить полученный во времена стояния под стенами Верховной Рады Украины весной 2007 года опыт общения с прессой и заодно попрактиковать свой английский. Я завязал общение с корреспондентами телеканала *Sky News* и газеты *Toronto National Post*. Понаблюдав за моими действиями, Полковник назначил меня офицером роты по связям с прессой.

Стандартный диалог с представителями западных СМИ выглядел следующим образом:

— Что вы здесь делаете?

— Мы охраняем штаб ВМСУ.

— В штабе находятся военные. Они вооружены и способны сами себя защитить. От кого вы их охраняете?

— Да, в штабе находятся военные. Да, они вооружены. Но, как показали события на Западной Украине, они, к сожалению, не всегда способны себя защитить. За последний месяц мятежниками там были захвачены несколько воинских частей и оружейных складов. Расхищены тысячи единиц огнестрельного оружия. Вот мы и охраняем военнослужащих от провокаторов и бандитов.

Пока мы, лишённые новостей, стояли у ворот штаба, среди нас множились разнообразные слухи. Одни из них подтверждались, другие — нет. Например, поступила информация о том, что все воинские подразделения на территории Крыма приведены в состояние повышенной боевой готовности и военнослужащим раздано оружие. Другой слух свидетельствовал о том, что, наоборот, все воинские подразделения перешли на нашу сторону. Порадовал слух о том, что в Бахчисарай на днях прибыли три “КамАЗы” с чеченами. Мол, бородатые, увешанные оружием башибузыки выгрузились на мостовые города. Они мирно прогулялись по улицам, заглянули в лавки и кафе, доброже-

латально пообщались с местным населением. После этого визита татары забыли о всяких попытках сопротивления крымчанам. Вообще поразительно, сколько слухов носилось в воздухе в те дни. Они подчас противоречили друг другу, возникали и лопались, словно мыльные пузыри.

Из вечерних выпусков новостей я узнал, как в течение последних суток развивались события вокруг Вооружённых Сил Украины. Хорошо вооружённые солдаты блокировали практически все воинские части на территории Крыма, а также взлётные полосы всех аэродромов. Украинские военнослужащие начали сдавать оружие и переходить на сторону крымчан. Ещё утром в штабе ЧФ состоялись переговоры между командующим ЧФ Александром Витко и командующим ВМСУ Денисом Березовским. Вскоре в воинских частях украинского флота приступили к сдаче оружия и боеприпасов в оружейные комнаты. В 36-й бригаде береговой обороны, наиболее боеспособном подразделении ВМСУ, размещённом в селе Перевальное Симферопольского района, была отменена полная боевая готовность.

Затем в штаб ЧФ прибыл председатель Совмина Крыма Сергей Аксёнов. Он вышел к прессе вместе с Березовским. Аксёнов зачитал приказ о том, что любые решения и распоряжения самопровозглашённых киевских властей не распространяются на военнослужащих ВМСУ. Денис Березовский принял присягу на верность жителям Крыма и Севастополя и тут же был назначен командующим Военно-морскими силами Республики Крым. Аксёнов торжественно объявил 2 марта днём рождения ВМС Крыма. Он также сообщил о том, что почти все воинские части и подразделения Вооружённых Сил Украины на полуострове перешли под контроль исполнительной власти Крыма.

Однако Военно-морские силы Украины во главе с Гайдуком, назначенным киевской хунтой на должность командующего, по-прежнему хранили верность вождям переворота. Штаб, которому подчинялись тысячи военнослужащих, являлся очагом угрозы не только для Севастополя, но и для всего Крыма. Следуя его примеру, отказались признать власть Республики воинские части в Феодосии, Перевальном, Новоозёрном, Бахчисарае и в ряде других населённых пунктах Крыма. Одной искры было достаточно, чтобы взорвать весь полуостров.

Степень угрозы продемонстрировали украинские лётчики, служившие на Бельбеке. Они с развёрнутыми "жовто-блакитными" знамёна колонной двинулись на территорию аэродрома, охраняемого "вежливыми людьми". Колонну сопровождали десятки западных журналистов. Расчёт провокаторов состоял в том, чтобы зафиксировать и распространить по всему миру "расстрел безоружных украинских военнослужащих" злодеями из крымской самообороны. С кличем "Америка с нами!" колонна вплотную приблизилась к оцеплению аэродрома. "Вежливые люди" ответили предупредительными выстрелами в воздух. В результате переговоров они допустили нескольких военнослужащих на аэродром. Провокация потерпела крах, и западная пресса осталась без ярких картинок.

Одновременно получила продолжение гонка вооружений в районе Перекопа, начатая с формирования первых ударных групп "правосеков" и их попыток прорыва. Вооружённые силы Украины принялись ускоренными темпами наращивать своё присутствие в Херсонской области. Украинские блокпости были усилены десантниками, началась концентрация бронетранспортёров и "Градов". Россия не оставила приготовления соседей без ответа. Вдоль Туремского вала началось оборудование фортификационных сооружений и развертывание ракетных систем залпового огня.

Президент России дал развёрнутое интервью в резиденции Ново-Огарёво.

Касаясь причин, которые привели к опасному развитию событий на Украине, президент России отметил чудовищные размеры обогащения и расслоения общества. Коррупция достигла немыслимых пределов. Уровень жизни населения резко снизился. Жители регионов не принимали никакого участия в формировании собственной региональной власти. Революционная ситуация начала складываться с первых дней независимости Украины. Народ хотел перемен, но нельзя поощрять незаконные перемены. На постсоветском пространстве, где до сих пор очень хрупкие политические конструкции и очень слабая экономика, нужно действовать исключительно конституционным путём.

Владимир Путин обратил внимание на погружение Украины в хаос, на разгул неонацистов, националистов и антисемитов. В этих условиях, как

чёрт из табакерки, может выскочить кто угодно. В своё время в условиях хаоса в Германии с помощью отрядов Рэма к власти пришёл Гитлер. Эти события вызывают беспокойство жителей восточных регионов страны. Президент отметил, что существует возможность введения российских войск на Украину, в том числе в связи с обращением Януковича. Владимир Путин пока не намерен этой возможностью пользоваться, но в случае поступления от жителей просьбы о помощи, Россия оставляет за собой право использовать средства по их защите.

Владимир Путин отметил, что крымские власти являются легитимными. Крымский парламент был сформирован в 2010 году, он состоит из 100 депутатов, там представлены 6 партий. После того как предыдущий премьер подал в отставку, Верховный Совет Крыма в соответствии с процедурами и законом на сессии избрал легитимного премьер-министра.

С минувшей ночи КПП штаба у Соловьёвских складов окончательно застолбили за собой “вежливые люди”. Соответственно наш отряд перебросили на КПП на улице Руднева. В качестве дополнительной нагрузки за “Гвардией Севастополя” осталась расположенная напротив здания ОАО “Севастопольгаз” калитка и прилегающий к ней забор. В 19.30 я прибыл на дежурство к калитке штаба. Здесь застал командира дозора Илью Шаповаленко.

– Что нового? – поинтересовался я.

– У нас всё спокойно. Зато через КПП пытались проникнуть внутрь несколько упакованных укровояк. Среди бела дня! В камуфляжах, с огромными рюкзаками. Прикинь, требовали пропустить их в штаб. Фантасты!

– А наши что?

– Естественно, отфутболили гостей.

Около двух часов ночи подъехал командир “Рубежа” Владимир Мельник. Он привёз новость о расформировании дружин самообороны:

– Вообще-то ещё в первые дни после своего избрания Чалый на совещании командиров дружин озвучил два возможных варианта развития событий. Вариант А – быстрый: приезд бандеровцев, кровавая баня на улицах города, вмешательство России и переход Севастополя в РФ. Вариант Б – медленный: без бандеровцев и кровавой бани, но и без прямого вмешательства России. Постепенный процесс отделения от Украины и интеграция в Россию, сроком до полугода, а то и более. Похоже, Чалый остановил выбор на варианте Б.

– Но это сдача позиций!

– Иногда, чтобы победить, надо отступить. Чалому наверху виднее. Но в любом случае, мы продолжим нашу борьбу.

Это известие, с одной стороны, несколько взбодрило нас, с другой стороны, повергло в уныние. Оно означало отступление с занятых позиций и прекращение поступательного движения вперёд. Время нашего дежурства давно истекло, сменщики не явились. Я доложил “вежливым людям”, что мы покидаем их.

– Жаль, вы хорошо стояли, – ответили на прощание “вежливые люди”.

5 марта в 13.00 у ТЦ “Апельсин” Стас Лавриненко собрал первый взвод, и мы направились к городскому военкомату, расположенному на улице Пролетарская. Здесь нас уже поджидали бойцы второго взвода, который с недавних пор возглавил Анатолий Пироженко. Мы окружили здание, заблокировали хозяйственные ворота, вывесили над входом российский триколор и вошли внутрь.

– Военком занят и никого не принимает... – сквозь окно регистрации казённым голосом произнёс дежурный офицер, но, увидев наши нарукавные повязки, осёкся.

– Спокойно, товарищ майор. Главное – не делайте лишних движений. Здание военкомата захвачено по приказу командира отряда самообороны “Гвардия Севастополя” Виктора Мельникова, – вежливо объяснил Лавриненко.

Заместитель командира отряда Сергей Заградский и Александр Каберник провели предварительные переговоры с военкомом, полковником Артуром Беспалым. По согласованию сторон, женщины, сотрудницы военкомата, покинули здание. Во избежание недоразумений в вестибюле была выставлена дежурная смена.

В ожидании Полковника мы травили анекдоты на злобу дня:

– Кумэ, а сколько дивизий у Путина на границе с Украиной?

- П'ять чи шість.
- А скільки в разі чого дойдэ до Києва?
- Сорок чи п'ятьдесят плюс ополчене...

Вскоре появился Полковник. Первым делом он решительно отмёл все слухи о роспуске самообороны:

– Организация сил народной обороны до сих пор оставляет желать лучшего. При передаче информации случаются сбои. Подобный сбой, видимо, произошёл вчера. Ещё раз повторяю: перепроверяйте всякую информацию дважды, а то и трижды. В наше нескучное время верить нельзя никому. Мне, правда, верить можно. И нужно. Самооборона сейчас востребована, как никогда. Отряды смежников в данный момент блокируют прокуратуру и штаб ВМСУ. Блокпости продолжают нести дежурство...

Вчерашиние страхи, навеянные ночным дежурством и усугублённые непогодой, рассеялись, словно кошмарный сон.

В тот же день Председатель Совмина Республики Крым Сергей Аксёнов выступил с обращением к военнослужащим Украины. Он охарактеризовал произошедшие в Киеве события как вооружённое свержение законно избранной власти. В сложившейся обстановке только одна сила может гарантировать мир и стабильность в Крыму – это создаваемые регулярные вооружённые силы, которые будут сформированы по образцу армий развитых стран. Аксёнов призвал военнослужащих беспрекословно выполнять указания Совета министров АРК, приказы и распоряжения командиров. Вместе с тем, он напомнил, что у каждого из них есть право на досрочное увольнение из рядов вооружённых сил. Аксёнов, как Верховный главнокомандующий вооружёнными силами АРК, гарантировал всем военнослужащим вооружённых сил Крыма сохранение полного пакета социальных гарантий. Он пообещал, что с 1 мая 2014 года размеры денежного довольствия военнослужащих будут увеличены до уровня армий европейских государств.

Битва за умы и сердца украинских военнослужащих продолжалась.

8. Неожиданный поворот событий

Утром 6 марта я находился на работе в Херсонесском музее. Около 11.00 услышал гул моторов со стороны моря. Выйдя из кабинета, увидел два вертолёта, которые кружились в парном танце над бухтой Омега. Они, двигаясь огромными кругами, то сходились друг с другом, то расходились, то угрожающе приближались к земле, то взмывали в небо.

Как оказалось, утром в Севастополь прилетел вертолёт Ми-8, принадлежащий МЧС Украины, с группой корреспондентов киевских телеканалов на борту. Он приземлился на территории вертолётного завода в Омеге. Сотрудники СБУ встретили журналистов и вывели за пределы завода. Потом прилетели два российских вертолёта Ми-35 и стали кружить над Ми-8, блокируя его взлёт. Одновременно на завод проникли “вежливые люди”. Они задержали экипаж, доставили его в РОВД и выставили охрану у вертолёта. По итогам разбора полётов незадачливых лётчиков отпустили, журналистов погрузили обратно в Ми-8 и благополучно отправили на историческую Родину. Чтобы незваные гости ненароком не заблудились, российские вертолёты Ми-35 любезно проводили их домой.

Произошло обострение ситуации в бухте Донузлав в северо-западном Крыму, где на протяжении последних дней эскадрой ЧФ во главе с крейсером “Москва” была заблокирована военно-морская база Украины. На базе располагались большой десантный корабль “Константин Ольшанский”, корветы и тральщики ВМСУ. Ночью на выходе из Донузлава неизвестными людьми был затоплен большой противолодочный корабль Черноморского флота “Очаков”. Корабль длиной 120 метров лёг на борт аккурат поперец выхода из бухты, возвышаясь на несколько метров над уровнем моря. Списанный БПК “Очаков” совершил переход к базе ВМСУ из Севастопольской бухты, где, начиная с 2008 года, он находился на отстое. Верный защитник рубежей России, он сослужил последнюю службу. Согласно неподтверждённым данным, рядом с “Очаковом” был затоплен спасательный буксир “Шахтёр” из состава ЧФ.

Днём состоялась сессия Верховного Совета Крыма. Парламент Республики совершенно справедливо перенёс сроки референдума с 30 на 16 марта.

В условиях нарастания давления со стороны непредсказуемых властей Украины назрела насущная необходимость ускорить процесс. ВС Крыма коренным образом изменил первоначальную формулировку вопроса референдума и в полном соответствии с принципами демократии добавил в него альтернативный пункт:

1) Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?

2) Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?

Наконец, депутаты приняли решение о вхождении Крыма в состав России. Все решения были приняты подавляющим большинством голосов.

Координационный Совет окончательно принял городской военкомат под свой контроль. “Гвардия Севастополя” сняла дежурство. Пустующее здание военкомата, расположенное на улице Маршала Крылова, было выделено Штабу народной обороны Севастополя.

— Спасибо за царский подарок, Виктор Григорьевич! Выбирай любое помещение под свой отряд, — на радостях предложил начальник штаба Олег Росляков.

— Вынужден отказаться. Ты знаешь, Олег Юрьевич, старое солдатское правило: подальше от начальства, поближе к кухне, — ответил Мельников. — Так вот, я уже нашёл место для размещения отряда...

К 18.00 все тротуары в районе горсовета и горадминистрации были заполнены тысячами севастопольцев. Повсюду пестрели российские флаги. Горожане прибыли, чтобы помочь депутатам горсовета принять правильное решение на внеочередном заседании сессии. После сенсационных постановлений парламента Крыма догадаться о результатах голосования не составляло особого труда. Некоторую интригу в действие вносило сегодняшнее приостановление окружным административным судом Севастополя решения горсовета о референдуме от 1 марта.

Местом сбора “Гвардии Севастополя” была определена Аллея городов-героев. К началу сессии собралось более сорока гвардейцев. Настроение у всех было приподнятое. Некоторых новобранцев я видел впервые. Среди прочих я с радостью узнал шашлычника Вараздата Асланяна из “Зелёной пирамиды”:

— Привет, Варо! Тыщу лет тебя не видел!

— Здравствуй, дарагой!

— До сих пор не могу забыть вкус твоего шашлыка, Варо. Куда ты пропал?

— Я теперь — хазяин кафе-бара “Платан” на улице Хрусталёва. Хочешь вспомнить вкус моего шашлыка — заходи. Не клиентом, гостем будешь!

С началом сессии сотни севастопольцев сплотились у входа в горсовет. Остальные разместились на противоположной стороне улицы Ленина. Автомобили, сбавляя скорость, аккуратно просачивались между двух людских озёр. Горожане сопровождали заседание депутатов массовым скандированием:

— Ре-фе-рен-дум! Ре-фе-рен-дум!

— Рос-си-я! Рос-си-я!

— Севастополь-Крым-Россия! Севастополь-Крым-Россия!

Заседание сессии горсовета, в котором принимали участие 50 из 75 депутатов, длилось недолго. Повестка дня состояла из единственного вопроса — об участии в проведении общекрымского референдума. Все выступающие поддержали проект решения: Плотников, Пархоменко, Басов. Решение было принято единогласно. Дмитрий Белик предложил дополнить документ ещё одним пунктом — городу Севастополю войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта Российской Федерации. Дополнение было принято без обсуждений и тоже единогласно. Алексей Чалый поблагодарил депутатов за принятное решение и предложил всем дружно выйти к народу.

— Дорогие севастопольцы! Сегодня горсоветом принято решение — Севастополь вошёл в состав Российской Федерации... — торжественно объявил в мегафон Дмитрий Белик на крыльце горсовета.

Его речь потонула в продолжительной буре восторга:

— Се-ва-сто-поль! Се-ва-сто-поль!

— ...в качестве субъекта Российской Федерации, — завершил свою мысль Белик.

— Рос-си-я! Рос-си-я!

— Дорогие друзья! Для того чтобы нам с крымчанами подтвердить своё право быть в России, мы 16 марта должны прийти на общекрымский референдум!

— Мы ждали этого 23 года! — эмоционально провозгласил Алексей Чалый. — Все на референдум!

Возбуждённые принятым решением севастопольцы выплеснулись на проезжую часть, размахивая триколорами. Одиночные маршрутки обречённо застряли посередине улицы. Густой людской поток направился вниз по улице Ленина и растёкся по площади Нахимова и Приморскому бульвару. На лицах горожан сиял непередаваемый восторг. Кто-то запел гимн города, остальные подхватили.

— Ну, как вам такой поворот, друзья? Офигеть можно! Скажите, хоть кто-нибудь из вас рассчитывал на то, что мы войдём в состав России? Только честно, — Михель обвёл нас вопросительным взглядом.

— Я всегда верил, что Россия заберёт нас, — ответил командир третьего взвода Василий Кудланов.

9. Решающие дни марта

Ситуация у штаба ВМСУ достигла патового состояния. Военнослужащие осаждённого штаба начали прибегать к разного рода “военным хитростям” с целью дискредитировать силы самообороны. Как показали недавние события на Майдане, “правосеки” и их западные благодетели существенно расширили арсенал провокаций. Севастопольцы противопоставили доморощенным провокаторам бдительность, стойкость и адекватную реакцию.

В основном, организаторы провокаций давили на жалость. Например, к стенам штаба приходила группа офицерских ён и требовала передать их якобы голодающим мужьям пакеты с едой. Самооборонцы пакеты передавали до тех пор, пока в них не начали обнаруживать водку. Или начальник медицинской службы ВМСУ пытался проникнуть на территорию штаба “с целью оказания помощи военнослужащим”. Севастопольцы резонно отвечали, что больные военнослужащие могут беспрепятственно покинуть штаб. 5 марта в шоу даже приняли участие гастролёры из Евросоюза — послы Латвии и Литвы в Украине. Они, размахивая дипломатическими документами, пытались проехать через КПП. Самооборона умерила их пыл и учтиво завернула обратно. Обязательным элементом провокаций являлось присутствие большого количества украинских и иностранных журналистов.

Однажды к проходной приблизилась группа женщин с детьми. Иностранные журналисты заблаговременно выстроились у КПП. Один из украинских военнослужащих с видеокамерой в руках занял удобную позицию на крыше ближайшей казармы. Женщины представились жёнами офицеров штаба ВМСУ и потребовали пропустить их к мужьям. Получив отказ, они принялись слёзно причитать. Дети словно по команде поддержали причитания мамаш хорошо поставленным рёвом. Две дамочки, картино взмахнув руками, грохнулись в обморок. Подъехала карета “скорой помощи”. Как рассказывали свидетели, “скорая помощь” свернула за угол, остановилась, и обе дамочки с довольным видом выскочили из машины. Они принялись с шутками и прибаутками обсуждать спектакль, который разыграли на камеру.

История с военкоматом, так своевременно перешедшим в руки властей Севастополя, получила продолжение. Председатель КС Алексей Чалый подписал распоряжение о создании на базе военкомата временного пункта воинского учёта и отправки. Для покидающих воинские части Украины военнослужащих были созданы комфортные условия. Военнослужащим по призыву, убывающим за пределы Севастополя, предоставлялся транспорт и компенсация на питание в размере 100 гривен в сутки. Военнослужащим по контракту и членам их семей, убывающим за пределы Севастополя, предоставлялся транспорт и единоразовая компенсация в размере 4000 гривен. Для военнослужащих по контракту, проживающих на территории Севастополя и желающих остаться на территории Севастополя, обеспечивалась постановка на учёт и выплата в течение трёх месяцев пособия в размере 2000 гривен в месяц.

СБУ оперативно отреагировала на вчерашнее решение горсовета Севастополя о вхождении города в состав РФ и возбудила уголовное производство

за посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины. Центризбирком Украины, в свою очередь, заблокировал доступ к базам данных Государственного реестра избирателей. Это серьёзно затруднило работу Севастопольской городской комиссии по проведению референдума. В результате властями Севастополя было принято решение воспользоваться списками избирателей парламентских выборов 2012 года.

8 марта, по сложившейся традиции, природа встретила Международный женский день дождём и общим похолоданием. Праздничный митинг-концерт начался в 15.30. В отличие от предыдущих мероприятий, таких как концерт Вики Цыгановой или выступление Кубанского казачьего хора, когда в воздухе витало напряжение острой борьбы, на этот раз кругом царила атмосфера праздника. Лица севастопольцев светились неподдельной радостью. Российские триколоры и андреевские флаги перемежались с букетами цветов. Основным лейтмотивом акции было грядущее возвращение домой, в Россию.

— Я хотел бы вас, севастопольцы, сегодня попросить: поддержите наш город, поддержите себя, поддержите Россию! — обратился к собравшимся Дмитрий Белик. — Мы не имеем права не прийти 16 марта и не проголосовать! И с этой трибуны я не могу не поблагодарить Президента России, Государственную Думу, Совет Федерации, которые в это сложное для Севастополя и Крыма время протянули нам руку помощи и сказали: они готовы нас взять в состав Российской Федерации. Только скажите на референдуме “Да”, и мы будем в России! Все на референдум 16 марта!

— Рос-си-я! Рос-си-я! — слова оратора утонули в многотысячном скандировании.

Сопровождаемая ансамблем, на сцену вышла Надежда Бабкина.

— Я приехала, чтобы ещё раз продемонстрировать традиции великого русского народа, великой России, — сказала певица, открывая своё выступление. — Россия многонациональна, традиции самые разные. Русская культура давно интегрировала в себя всё то, что находится на территории России. Этим Россия сильна, сильна своим самосознанием, и поэтому я приехала сюда, чтобы укрепить вашу веру в справедливость. Мы вместе!..

“Гвардия Севастополя” в полном соответствии с уже многократно отработанной схемой выставила оцепление вокруг сцены и организовала охрану наружного периметра вплоть до Памятника затопленным кораблям и Графской пристани включительно. Отдельные патрули по два-три человека рассеялись среди севастопольцев. Небольшая мобильная группа быстрого реагирования расположилась за сценой, готовая по первому сигналу выдвинуться в нужную точку.

Прибывший в очередной раз за последний месяц в Севастополь директор Института стран СНГ Константин Затулин прокомментировал в эфире НТС последние события вокруг Крыма. Вначале выразил мнение, что принятый 27 февраля первоначальный вопрос общекрымского референдума звучал довольно скромно: согласны ли вы с государственной самостоятельностью Крыма в составе Украины на основе договоров и соглашений? Эта формулировка допускала двусмысленное толкование ответов. Люди могли ответить “Нет, не согласны” по разным причинам: потому что не хотят быть в составе Украины или, например, потому что считают, что прежняя жизнь в Крыму была верхом совершенства и никаких новых полномочий, никаких договоров с Украиной не нужно. В результате мотивы разные, а ответ один. Поэтому неизбежно вопрос должен был редактироваться.

Затулин отметил, что за последнюю неделю власти в Киеве проявили полную недоговороспособность: “Вместо того чтобы предложить какие-то реформы или политический диалог Юго-Востоку Украины, Крыму и Севастополю, присыпают олигархов и “Правый сектор”. Вместо того чтобы подтвердить внеблочный статус Украины, вносят законопроект о вступлении в НАТО. Вместо того чтобы преодолеть всяческие сомнения в своих планах по отношению к русскому языку, создают комиссию по новой редакции языкового закона, куда входят пещерные русофобы”.

Российский политик признал, что в ответ неизбежно происходит радикализация взглядов в Севастополе и Крыму и понимание, что другим путём идти невозможно: “Если за отставку правительства Крыма проголосовали 50 с небольшим депутатов Республики, то последнее решение по референдуму поддержали 78 депутатов. В результате референдум передвинут на более ран-

ние сроки и установлены два вопроса. При этом первый пункт предлагает воссоединиться с Россией".

"Самое главное – вы принимаете своё решение, и Россия последует за этим решением со всеми вытекающими для неё последствиями, хорошими и плохими. Если решение будет принято, то Россия всеми возможными силами придёт на помощь и Севастополю и Крыму".

10. Разгром майдановцев

9 марта на Украине отмечался 200-летний юбилей Тараса Шевченко. Партия регионов, рискуя растерять авторитет среди местного населения, в первых рядах спешила засвидетельствовать своё почтение Кобзарю, чтобы её не заподозрили в антиукраинстве. На этот раз городское руководство, занятное подготовкой к историческому референдуму о воссоединении с Россией, оставил юбилей Шевченко без внимания. Оно ограничилось лишь тем, что согласовало проведение праздничного митинга. Деморализованные крушениемластной вертикали остатки Партии регионов также забыли о своей горячей любви к поэту. Координационный Совет и вслед за ним силы самообороны не придали значения мероприятию.

Командир первого взвода и по совместительству командир мобильной группы Стас Лавриненко с утра томился от безделья в стенах штаба роты.

– Палыч, съезжу по району – осмотрюсь. Надоело без дела сидеть, – сообщил он Заградскому и, запрыгнув в дежурную машину, отправился на объезд.

Ещё на подъезде к зданию Гагаринской райгосадминистрации его внимание привлекла многолюдная толпа под украинскими флагами у подножия памятника Шевченко. Это была разношёрстная публика, большинство которой составляли пенсионеры и студенты. Многие из них были увешаны ленточками, некоторые держали в руках фарисейские плакаты "Миру мир", "Едина краина", "Крым-Украина". Они исполнили гимн Украины, затем помянули "Небесную сотню". В глазах рябило от обилия представителей украинской и иностранной прессы. Корреспондент Би-Би-Си вёл репортаж в прямом эфире.

Особняком держалась группа молодчиков – около двадцати человек, среди них известный севастопольский провокатор Дмитрий Белоцерковец. В отличие от основной массы демонстрантов, у молодчиков не было ни ленточек, ни плакатов. Их головы были покрыты капюшонами или низко надвинутыми шапками. Они нервно переминались с ноги на ногу и напряжённо озирались по сторонам. По площади ходил пузатый мужик в вышиванке и собирая деньги для украинских военнослужащих. При этом он заговорщики приговаривал:

– Готовьтесь, добродии, щас вас будут бить. Готовьтесь, щас вас побьют!

Лавриненко позвонил в штаб "Гвардии Севастополя" и доложил Заградскому ситуацию:

– Палыч, здесь около двухсот человек с украинскими флагами и жёлто-голубыми лентами. Среди них группа молодчиков, есть местные, но большинство на местных не похожи. Копчёные какие-то, видать прямо с Майдана. Чую, дело пахнет грандиозным шухером.

Замкомроты поднял по тревоге дежурную группу. По прибытии он первым делом провёл тщательную разведку местности. Он выяснил, что, вопреки сообщению Лавриненко, на площади Неустроева и в её окрестностях находятся не одна, а шесть групп подозрительных молодых людей без опознавательных знаков. Группы располагались по периметру площади и вокруг здания райгосадминистрации на равных расстояниях друг от друга. Каждая группа действительно насчитывала около двадцати человек, итого – больше сотни бойцов. Часть из них являлись представителями севастопольских боксёрских клубов, которые чуть ли не в полном составе входили в промайданную партию Виталия Кличко "Удар". Остальные, как выяснилось позже, – бойцы Житомирской сотни Майдана.

Заградский позвонил Полковнику и в подробностях описал ситуацию. Тот объявил общий сбор личного состава роты у памятника Шевченко.

Тем временем собрание "любителей поэзии" вопреки своему изначальному смыслу превратилось в полноценный политический митинг. Ораторы страшно призывали бойкотировать референдум, гневно осуждали "агрессию Рос-

ции против мирной Украины”, настойчиво требовали дать отпор “наглым агрессорам”. Собравшиеся перемежали выступления ораторов скандированием антивоенных лозунгов.

Дюжина гвардейцев под руководством Лавриненко развернула российский флаг и демонстративно выстроилась напротив расположенной слева от памятника Шевченко группы молодчиков. Появление гвардейцев с георгиевскими ленточками на нарукавных повязках не осталось без внимания сотрудников милиции. К Заградскому подошёл замначальника Гагаринского РОВД:

— Давайте без провокаций.

— Не вопрос. Если со стороны этой публики не будет провокаций, пусть себе празднуют. Только сдаётся мне, что они сюда съехались не ради того, чтобы стихи друг другу почитать. Особенно боксёры. Кстати, товарищ начальник, я бы на вашем месте усилил охрану райгосадминистрации. На всякий случай.

— Мы свою работу знаем, — самоуверенно отозвался офицер и с озабоченным видом отправился к группе подчинённых.

Словно в подтверждение слов Заградского, к микрофону неожиданно вышел депутат Верховной Рады Украины Олесь Доний, непримиримый русофоб. На протяжении последних двадцати лет он являлся закопёрщиком всех основных киевских майданов.

— Патриоты Украины! Вы не побоялись сегодня собраться у памятника национального героя Украины Тараса Шевченко. Честь вам и хвала! — на чистом русском языке провозгласил Доний. — Великий Кобзарь в своих виршах воспевал Украину и призывал бороться за неё. Мы помним наших славных героев, которые погибли за неньку Украину, — гетмана Мазепу, Симона Петлюру, героев УПА. Мы не допустим, чтобы москали шматали нашу страну! Мы твёрдо ударим по рукам сепаратистам, которые хотят отколоть наш украинский Крым от единой Украины. При этом мы не имеем ничего против россиян. Если они любят Россию, то ради Бога — пусть собирают вещи и едут к себе на родину, в Россию. Долой сепаратизм! Бойкот референдуму! Слава Украине!

— Героям слава! — хором отозвался севастопольский майдан.

— Похоже, праздник перестаёт быть томным, — прокомментировал развитие событий Заградский.

— Угу, махача по-любому не миновать, — согласился Лавриненко, закатывая рукава.

Подъехал Полковник. Он мгновенно оценил обстановку, которая нагнеталась с каждой минутой. Видя, что многочисленные сотрудники милиции в ход событий не вмешиваются, он обратился к милицейскому патрулю:

— Товарищи милиционеры, а вы не желаете проверить документы у этих подозрительных личностей? — Полковник показал на молодчиков в капюшонах.

— У нас нет оснований.

— Сейчас будут, — пообещал Полковник.

Дальнейшие события напоминали хорошо отрежиссированный спектакль.

Пламенные речи ораторов и заунывные песнопения смолкли. На смену лицемерному лозунгу “Нет войне!” окончательно пришли бандеровские речёвки:

— Слава Бандере — смерть москалям!

— Бойкот референдуму!

Севастопольцы ответили им своим девизом:

— Севастополь-Крым-Россия!

Страсти накалялись. Умиленные лица “любителей поэзии” моментально превратились в перекошенные злобой физиономии. Молодчики угрожающе надвинулись на гвардейцев. Иностраные журналисты, как по команде, направили свои видеокамеры на зону конфликта.

— Эй, любезные! Уж больно вы не по-нашему чирикаете? Предъявите документы! — обратился к молодчикам Лавриненко.

Те ответили грязными оскорблениями. Из их рядов отделился местный боксёр Трофимов.

— Не надрывайтесь, уважаемые! Берегите нервы! — приблизившись к гвардейцам, произнёс он. — Всё уже решено — Кличко будет президентом. Майдан победит. И никуда вы не денетесь, всех москалей перережем.

— Тебя, козла, забыли спросить! — прорычал Лавриненко.

Драка вспыхнула мгновенно. Двадцать майдановцев навалились на дюжину гвардейцев. Саня Каберник дрался, как лев, впереди строя. Стас Лав-

риненко, Влад Бондарцев и остальные ловко отбивали удары, которые сыпались со всех сторон. Однако численное превосходство нападавших давало о себе знать, и гвардейцы попятились.

Когда казалось, что дело проиграно, к гвардейцам подоспела подмога: вызванные Полковником бойцы, несколько добровольцев из "Русского блока" и "Рубежа". Силы сторон сравнялись. Торжествовавшие было победу молодчики нерешительно остановились. Возникла напряженная пауза.

— За Севастополь! Бей майдановцев! — воскликнул Каберник и ринулся вперёд.

За ним устремились остальные бойцы. Они наносили удары один за другим, молодчики осторожно отбивались. Двое из них достали газовые баллончики и направили струи газа в самооборонцев. Однако газ не остановил напор севастопольцев.

Лавриненко уложил одного из майдановцев на асфальт и продолжал утюжить его, а тот в ответ лишь блаженно улыбался.

— Да они, как пить дать, обкотые! — определил Лавриненко. — Они, словно зомби, боли не чувствуют.

Дружинники "Рубежа" теснили майдановцев на правом фланге. Те достали биты и палки и отчаянно отбивались. Тем временем на площадь подтянулись бойцы "Бизона", "Соболя" и других отрядов, просто неравнодушные севастопольцы, привлечённые шабашем в центре района. Они с ходу вступили в сражение. Теперь численный перевес оказался на стороне севастопольцев.

В разгар схватки группа майдановцев, отступив с поля боя, приблизилась к белому микроавтобусу, припаркованному напротив здания райгосадминистрации. Оттуда выглянул Олесь Доний.

— Картишка удалась. Сваливаем отсюда! — объявил он.

Подручные Дония запрыгнули в салон, и микроавтобус, расталкивая окружающих его самооборонцев, рванул с парковки.

Остальные майдановцы, брошенные вождями на произвол судьбы, устремились к правому крылу здания райгосадминистрации. Здесь они попытались организовать сопротивление. Некоторые из них предприняли попытку проникнуть внутрь здания. Однако сотрудники милиции пресекли их намерения. Тогда майдановцы, бросая биты, кинулись врассыпную через клумбы к соседним дворам. Самооборонцы принялись ловить и лупить беглецов.

Уже после схватки внимание Сани Каберника привлёк припаркованный на автостоянке джип. В его салоне находился заторможенный парень с окровавленной головой.

— Как тебя угораздило, дружище? — удивился Каберник. — Давай помогу.

Приглядевшись, он обнаружил, что у раненого нет ни единой царапины, а кровь — это краска, густо размазанная по затылку и шее. Подбежавшие пенсионерки в жёлто-голубых лентах принялись было причитать: "Рятуйте, люди добрые! Убивают!" Они явно играли на публику и надеялись привлечь внимание представителей прессы. Однако увидев, что обман открылся, поспешили ретироваться. Мнимого раненого гвардейцы аккуратно передали сотрудникам милиции.

Части зачинщиков беспорядков удалось бежать. Их потом кропотливо отлавливали бойцы "Гвардии Севастополя" и других отрядов самообороны по всему Гагаринскому району. В течение дня они сдали сотрудникам милиции до тридцати человек. Судя по паспортам, большинство задержанных оказались выходцами из западной Украины: Житомира, Винницы, Тернополя. Севастопольцы были представлены студентами и членами боксёрских клубов. Некоторые из задержанных оказались бойцами "Правого сектора". Впоследствии милиция обнаружила у них несколько ножей и телефон с наклейкой "Сотник Майдана".

11. Гвардейские будни

11 марта после полудня меня вызвал Полковник. По приезде в штаб роты я обратил внимание на элементы армейской организации. У входа дежурил дневальный с повязкой на рукаве. При появлении чужака он в обязательном порядке спрашивал пароль. На информационном стенде висели графики дежурств и последние приказы Штаба народной обороны. В комнате отдыха я застал мобильную группу во главе с Анатолием Пироженко. Некоторые бой-

цы, откинувшись на спинки, дремали на кроватях, другие, расположившись за длинным столом, неторопливо потягивали чай и жевали бутерброды. Телевизор глухо вещал о последних событиях вокруг Крыма. Начштаба Молодцов за канцелярским столом уткнулся в папку с документами.

— Угощайся, дарагой, — предложил Вараздат Асланян.

— Спасибо, Варо, я только из дома. Кучеряво живёте: консервы, колбаса, сыр, масло.

— Это что! У нас на обед горячее подают. От ресторана армянской кухни, между прочим! — произнёс Пироженко, кивая головой в сторону Вараздата.

Пока мы дежурили под стенами штаба ВМСУ, Молодцов умудрился выбить у городского руководства несколько пакетов с продуктами, потом слабый ручеек центрального снабжения иссяк. За снабжение и организацию питания взялся зампотыл Давид Арташесян. Он развел бурную деятельность и оперативно наладил питание роты с помощью своих приятелей — частных предпринимателей. Они предоставляли продукты, Давид доставлял продукты в кафе-бар “Платан”, Вараздат и его команда готовили из них горячие блюда — борщ, супы, кашу с тушёнкой. В штаб готовые обеды привозил на своём микроавтобусе Александр Щебельский.

Часть неизбежных расходов возмещали Вараздат и Давид из своих денег, часть покрывал Полковник из трёх тысяч долларов, высланных ему питерскими однокашниками по Симферопольскому военному училищу. Однако основные издержки несли остальные участники цепочки снабжения, предоставляя продукты и оказывая услуги безвозмездно, то есть даром. Собственно, так действовал практически весь город: кто не мог встать в строй, тот вносил свою лепту иным способом. Лекарства роте, например, были предоставлены аптечным пунктом частной поликлиники “Олнил”, что на площади Восставших.

— Вадим, ознакомься с нашими полномочиями, — Молодцов протянул мне положение о полномочиях сил самообороны.

Правовой основой деятельности сил народной самообороны являлись Конституция Украины, законы Украины “О местном самоуправлении в Украине” и “О милиции”, Кодекс гражданской защиты Украины, нормативные акты, издаваемые Севастопольским горсоветом и Координационным Советом, Положение о добровольном народном формировании по обеспечению общественного порядка на территории Севастополя.

— В принципе, всё это мы делали и до того, — прокомментировал я по окончании чтения.

— Теперь мы это делаем на законных основаниях, — поправил Молодцов.
В комнату вошёл Полковник.

— Вадим, ты, естественно, в курсе, что по приказу единого штаба мы создали несколько мобильных групп. На днях за нами закрепили круглосуточную охрану инфопоста, — хриплым голосом произнёс он. — Нагрузка на роту возросла двукратно, а обеспечение безопасности городских мероприятий с нас никто не снимал. Нам спустили сверху график мероприятий — расписан каждый день с утра до вечера. Вон на завтра запланированы: днём — приём гумконвоя, вечером — концерт. Поэтому народа не хватает катастрофически.

— Я понял, нужны люди. Но чем я могу помочь?

— Съезди в музей. Поговори с народом.

В Херсонесе кипела работа. Ибо к текущей работе добавились нюансы, связанные с возможной сменой юрисдикции музея. Одни сотрудники изучали уставы российских музеев, другие составляли заявки на финансирование и оборудование, третьи оформляли плановые отчёты. На события вокруг Крыма среагировало ЮНЕСКО. Организация прислала администрации музея грамоту “Голубой щит”, которая означала, что мы находимся под охраной международных конвенций. Интересно, каким образом грамота сможет защитить музей от набега бандитов? Полковник со своей стороны пообещал руководству Херсонеса без всяких конвенций предоставить мобильную группу в случае нападения.

Пока крутился в музее, зашёл в интернет, ознакомился с последними новостями.

Верховный совет АРК и горсовет Севастополя приняли декларацию о независимости Крыма и г. Севастополя. В преамбуле депутаты сослались на Косовский прецедент. Декларация заявляла, что в случае, если в результате предстоящего волеизъявления будет принято решение о вхождении Крыма

в состав России, Крым после референдума будет объявлен независимым и суверенным государством с республиканской формой правления. Затем Республика Крым уже как независимое и суверенное государство обратится к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации.

Находящиеся в Севастополе корабли военно-морского флота Украины будут национализированы, заявил премьер Республики Крым Сергей Аксёнов. Он отметил: "Их корабли мы не собираемся выпускать, мы не только украинский флот там держим, мы и флоту "Черноморнефтегаза" закрыли выход". Чувствовалось, что Аксёнов вцепился в ВМСУ мёртвой хваткой.

Киевский военный эксперт Дмитрий Тымчук констатировал ухудшение морально-психологического состояния личного состава по всем частям и подразделениям ВС Украины в Крыму. "Не видя действий со стороны Киева, наши ребята всё чаще задаются вопросом: зачем и кому нужна их стойкость?" Он рассказал, что командование требует от военнослужащих "любой ценой продержаться до референдума". "Попытка наших войск сопротивляться с воздействием оружия или любая попытка Киева провести войсковую операцию в Крыму будет немедленно использована для "защиты" Крыма Россией от "бандеровских войск". И тогда Крым однозначно не наш". Тымчук заметил, что после 16 марта ситуация может кардинальным образом измениться: "тогда Украина сможет апеллировать к международному сообществу, указывая на нелегитимность референдума в Крыму".

Вечером на площади Нахимова состоялся концерт Юлии Чicherиной. Чicherина добиралась до Севастополя своей машиной в составе организованной "Ночными волками" автоколонны с гуманитарной помощью. Дорога выдалась нелёгкой – штурм, снег, ветер. Чтобы успеть вовремя, Чicherиной пришлось оторваться от автопоезда.

– В большой колонне было трудно переправиться, и пришлось чуть-чуть оторваться от груза. Но всё в порядке. Груз дойдёт. Он уже здесь, на полуострове. Идёт за нами вслед. Мы просто пошли вперёд. И ещё, нас уже на этой стороне подхватили байкеры. В общем, с ними доехали налегке, – рассказала Юлия Чicherина.

Чicherина открыла концерт знаменитой песней "Жара", которую севастопольцы, за затяжную зиму истосковавшиеся по лету, встретили с особым воодушевлением.

Бойцы "Гвардии Севастополя" коротали время в оцеплении за обсуждением последних событий.

– Слышали новость? В Балаклавском районе самооборона вместе с милицией задержала посылку с Украины с бронежилетами и щитами. Получатель – член партии "Удар" – тоже задержан...

– Опять бандерлоги готовят очередную провокацию. Видать, мало мы им накостиляли у памятника Шевченко.

– А может, они действительно эти щиты и броники для своих вояк завозят. Чтобы тем было чем защищаться от нас, и чтобы окончательно превратить собственных вояк в майдановцев. Заметьте: всё, чего эти упыри касаются, теряет свой первоначальный облик и превращается в гниль и мразь. Футбольным фанатам майдановцы промыли мозги и превратили их в штурмовиков. Центр Киева разгромили и превратили в разбойничий табор. Верховную Раду подмяли под себя и превратили из парламента в послушное орудие. Она теперь штампует людоедские законы: запретить, разогнать, подавить! У них просто талант царя Мидаса, только наоборот: тот обладал способностью при прикосновении превращать всё в золото, эти – в навоз. Теперь, вооружив вояк щитами, дубинками и коктейлями Молотова, майдановцы пытаются превратить их в себе подобных погромщиков...

На вечернем оцеплении речь зашла о новых провокациях свидомых.

– Теперь у свидомитов новое развлечение: они ходят по квартирам и рвут паспорта, чтобы севастопольцы не смогли проголосовать на референдуме, – рассказал Паша Усачёв. – Подобные случаи уже были замечены в Инкермане и в Гагаринском районе.

– Только непонятно, почему горожане открывают им двери, да ещё и предоставляют паспорта? – удивился Саня Каберник.

– Всё очень просто. Свидомиты представляются работниками избирательных комиссий и просят предоставить им паспорта якобы для уточнения

данных избирателей. Наши пенсионеры – народ доверчивый, вот и попадаются на эту удочку, – пояснил Усачёв.

– Это уже не новость. В окрестностях Симферополя какие-то упыри уже давно орудуют по такой же схеме, – вставил я.

– Уже не орудуют. Вчера сообщили, что крымские дружинники задержали нескольких бандерлогов, которые уничтожали паспорта, – сказал Серега Бартко. – Брали их жёстко. У задержанных морды были расквашены в кровь.

– Это наши киевляне их брали, – вмешался в разговор Игорь Друзь. – Пришлось применить оружие. Стреляли по машине, одного ранили. Когда поймали, сразу жёстко провели дознание. Задержанные оказались украинскими военнослужащими из воинской части, расквартированной в Перевальном. Хочу сказать, только не обижайтесь, – вы, крымчане, с бандеровцами миндальничаете. Дело в том, что вы с ними по-настоящему ещё не сталкивались.

Киевлянин Игорь Друзь знал, о чём говорит. В столице Украины он возглавлял православное русское движение “Народный собор Украины”, которое все последние годы активно боролось с националистами. “Народный собор” на протяжении Евромайдана поддерживал “Беркут”, проводил встречи с бойцами спецназа, оказывал им материальную помощь. С усугублением кризиса Игорь Друзь и его соратники осознали, что страна скатывается к гражданской войне, наняли опытных инструкторов и прошли военную подготовку. После прихода к власти штурмовики захватили офис “Народного собора”, выломав дверь. Но там уже было пусто. Игорь Друзь с семьёй и соратниками перебрался в Севастополь и уже 25 февраля вступил в “Гвардию Севастополя”. А часть его единомышленников из Киева переехала в Симферополь и вступила в отдельный отряд крымского ополчения под руководством Игоря Стрелкова. Отряд специализировался на выполнении особых заданий. Друзь, входя в состав “Гвардии Севастополя”, некоторые свои действия тоже согласовывал со Стрелковым.

– Уничтожение паспортов – это мелочь. Украина направила в Крым диверсантов. Они, переодевшись в российскую военную форму, должны нападать на украинские воинские части, – продолжил Друзь. – Цель провокации понятна – устроить кровопролитие и столкнуть военнослужащих Украины и России лбами.

– Испытанный бандеровский метод, – согласился я. – Переодетые в советскую форму бандеровцы после войны нападали на мирные села, чтобы направить возмущение селян против советской власти.

– У этих упырей фантазия на подлости неистощима, – добавил Каберник. – Склонность к провокациям сидит у них в крови.

12. Здравствуй, оружие!

Несмотря на то, что основное внимание жителей города было приковано к общегородскому референдуму, штаб ВМСУ и его деятельность не выпали из поля зрения сил самообороны. Продолжалось блокирование ворот, осуществлялся контроль над периметром штаба.

В руки комроты “Гвардия Севастополя” попала записка руководства ВМСУ от 11 марта “О принятии решений относительно военнослужащих, которые самовольно оставляют части или отказываются от прохождения воинской службы”. Подписанный Гайдуком документ предполагал суровые меры к таким военнослужащим: привлечение к дисциплинарной ответственности, проведение служебных расследований с подключением военной прокуратуры и запрет на выдачу им на руки личных дел.

В ответ на это “Гвардия Севастополя” силами мобильной группы провела профилактическое блокирование военной прокуратуры. В акции участвовало около двадцати человек.

Я в блокировании военной прокуратуры не принимал участия, поскольку в первой половине дня руководил дежурной сменой по охране инфопоста. Мы рассредоточились по площади Нахимова таким образом, чтобы находиться в пределах взаимной видимости.

Около полудня у Графской пристани и катерных причалов внезапно появились “вежливые люди”. Они запретили швартовку катеров на причалах. Мы приняли действия “вежливых людей” за превентивное блокирование, на-

правленное против проникновения майдановцев с Северной стороны. Однако вскоре катера принялись швартоваться на Графской пристани.

— Что случилось? — поинтересовался я у кубанских казаков, которые дежурили у входа в Морской порт. — Что значат эти странные маневры?

— Поступил сигнал о заминировании причалов, водолазы проверяют дно, — пояснили они. — “Вежливые люди” в целях безопасности перенаправили катера.

Мы разговорились с кубанцами. Несмотря на воинственный вид, они оказались общительными собеседниками. Рассказали, что всего их прибыло с Кубани 900 человек, все — добровольцы. Сейчас казачьи подразделения раскиданы по Крыму: Севастополь, Симферополь, Перекоп.

— Откуда сами? — поинтересовался я. — Кубань велика.

— Из станицы Славянской.

— Вот это да! У меня мама оттуда родом. Какие задачи на вас возложены?

— Такие же, как и на вас, — обеспечение безопасности. В Севастополе охраняем морской порт, вокзал, склад ГСМ и прочие стратегические узлы.

— А где ваш бравый атаман, который здесь на площади руководил построением и разводом? Он так лихо командовал — любо-дорого смотреть. Но вид у него слишком суровый.

— Сергей Савотин? Батя у нас строгий, но справедливый, — уважительно отозвался один из казаков. — Он сейчас в Симферополе.

На вечернее построение на площади Нахимова некоторые из бойцов явились в камуфляжах. Мы рассматривали счастливчиков с плохо скрываемой завистью.

— Ни для кого не секрет, что мы неоднократно обращались в штаб с просьбой обеспечить нашу роту оружием, амуницией и обмундированием, — пояснил Полковник. — Наконец-то штаб расщедрился и выделил десять камуфляжей и десять бронежилетов. Ещё десять камуфляжей, балаклавы и перчатки мы приобрели на средства моих питерских друзей. Я понимаю, что на девяносто человек списочного состава роты этого слишком мало. Поэтому обмундирование, в первую очередь, было предоставлено бойцам мобильных групп...

— А что насчёт автоматов?

— Автоматы АК-47 мы получили. Правда, гораздо меньше, чем заказывали. Они складированы в оружейной комнате под надёжной охраной. А теперь объясняю для непонятливых. Оружие — это не наша прихоть. После того, как Гайдук отдал приказ стрелять на поражение, ситуация вокруг штаба существенно усложнилась. Украинские воинские части продолжают оказывать сопротивление. В отдельных частях вспыхивают опасные инциденты, например, на Бельбеке и в Феодосии...

Вечером 14 марта на площади Нахимова в рамках общероссийской благотворительной акции “Солдатское сердце” состоялся очередной концерт. Хор Сретенского московского монастыря исполнил а капелла ряд патриотических песен. Севастопольцы с готовностью подпевали знакомые с детства песни. Следом выступил основатель группы “Ва-банк” Александр Скляр.

— В среде моих коллег-музыкантов сейчас появляется чувство подъёма, потому что мы всегда считали, что Севастополь — это город морской боевой доблести, русский город боевой славы, — сказал музыкант.

Мы обсудили последние задержания майдановских курьеров.

— И всё-таки я был прав. Спецсредства действительно предназначены для вояк ВМСУ, — заметил я. — Вожди переворота, видимо, решили их использовать в качестве ударной силы в борьбе с самообороной. Причём на первом этапе — без применения огнестрельного оружия.

— А у хунты другого варианта не осталось, кроме как опереться на военных моряков, — произнёс Игорь Друзь. — Обычно ударной силой хунты являются боевики. Они при молчаливом согласии милиции затевают беспорядки и уничтожают несогласных. Однако с Крымом эта стратегия не сработала. Блокпости на Перекопе и по периметру Севастополя в целом перекрыли пришлым бандерлогам доступ на полуостров и в город. 9 марта они, правда, попытались устроить бойню у памятника Шевченко. Возможно, даже планировали захватить райгосадминистрацию. Однако их вовремя остановили и задержали.

— Но я бы не расслаблялся. К сожалению, многим удалось уйти. Теперь они затаились до поры до времени, — заметил Саня Каберник. — Кстати,

городской штаб постоянно получает сигналы о проникновении в город подозрительных личностей, которые заселяются в частных квартирах.

— То, что в городе хватает бандеровской мрази, я не спорю. Но в целом удалось уменьшить до минимума приток новых бандерлогов. Я, к примеру, через старые связи по общественной деятельности раздобыл список номеров автомобилей одесского Автомайдана и передал его Игорю Стрелкову. Одесский Автомайдан собирался вторгнуться в Крым и устроить массовые беспорядки и диверсии.

— Ну, и как?

— Многих гастролёров, благодаря этой информации, удалось схватить на границе с Крымом. Часть автомайдановцев была различными способами нейтрализована прямо в Одессе.

13. Референдум

15 марта, накануне Референдума о судьбе Крыма, вечером по всем городским СМИ прошло обращение Алексея Чалого:

“Уважаемые севастопольцы!

Без сомнения, завтрашний день станет для Севастополя историческим. Он либо умножит славу нашего Великого Города, либо станет днём его позора.

Я не буду говорить о сопоставлении уровней зарплат и пенсий, социальных пособий и других приятностей, вытекающих из предстоящих вариантов выбора. Про это и так в последние дни сказано предостаточно.

С моей точки зрения, выбор, который нам предстоит сделать, гораздо масштабнее и глубже. Мы либо настоим на своём праве называться потомками тех, кто упокоен на Братском кладбище, и тех, чьи имена вписаны в трагические списки последних защитников 35-й батареи, либо признаем себя стадом овец, которым необходим европастух, чтобы довести нас до обещанной кормушки.

Причём, заметьте, чтобы отстоять своё право на историю, нам не нужно совершать ночные вылазки во вражеские траншеи или умирать от жажды под скалами мыса Херсонес. Нам всего лишь достаточно вырвать своё драгоценное тело из повседневных забот, прийти на участок для голосования и поставить галку в правильном месте.

Нам всего лишь достаточно показать всем майданам мира, что 23 года безвременья не заставили нас забыть простое и ёмкое русское слово “честь”.

Честь имею.

Алексей Чалый”.

Утром 16 марта выглянуло наружу и обомлел — за окном лил дождь... Небо до самого горизонта было плотно затянуто серыми тучами, что свидетельствовало о том, что дождь зарядил надолго. А значит, не видать нам высокой явки на референдуме, как своих ушей. Севастопольцы никогда не отличались политической активностью. Они находили тысячу отговорок, чтобы неходить на избирательные участки. Средняя явка на выборах обычно составляла 55-60 процентов. А здесь сама природа предоставила такой прекрасный повод никуда не ходить.

Председатель городской избирательной комиссии Валерий Медведев сообщил в “Новостях”, что все 192 избирательных участка открылись вовремя, каких-либо нарушений не зафиксировано. Голосование проходит очень активно, на многих участках даже образовались очереди.

Я отправился на свой избирательный участок в 10.30. К тому времени, к моей вящей радости, дождь прекратился, и сквозь тучи выглянуло солнце. Солнце надежды на высокую явку. В ворота Севастопольского городского гуманитарного университета, где располагался мой избирательный участок, нескончаемой вереницей тянулись людей. В вестибюле у столов, за которыми восседали члены избирательной комиссии, извивались очереди за бюллетенями. Большинство в очередях составляли представители старшего поколения, которые всегда голосуют первыми. Некоторые из них с трудом держались на ногах, но не стали дожидаться выездной urnы и явились лично принять участие в самом важном в их жизни голосовании. Один инвалид заехал в зал на инвалидной коляске. К моему удивлению, среди пенсионеров мелькало много

людей среднего возраста и даже молодёжи. Некоторые признавались, что десятки лет не посещали избирательные участки и сегодня пришли впервые. Никто не ворчал на неудобства, вызванные очередями. Напротив, в зале царила праздничная атмосфера. Лица севастопольцев светились радостью. Они шумно переговаривались, поздравляли друг друга с праздником. Никто не скрывал своего выбора, напротив, все подчёркивали, что они пришли на избирательный участок, чтобы вернуться в Россию.

Опустив бюллетень в урну, я вышел на крыльце СГГУ. Помимо обязательного при каждом голосовании милицейского патруля, здесь находились четверо самооборонцев. Оружия у них не было, но зато они были экипированы рациями. На моих глазах к ним присоединились несколько казаков.

В 11.30 мы с Серёгой Шакуро прибыли на площадь Нахимова. Тучи распались в стороны, освобождая простор для холодного мартаовского солнца. У палаток с чаем и российской символикой толпились возбуждённые участники в референдуме горожане.

Наша рота по решению единого штаба народной обороны не участвовала в охране избиркомов. На роту была возложена традиционная задача обеспечения безопасности массовых мероприятий в центре города. Полковник распределил личный состав роты по отработанной схеме: оцепление вокруг сцены, патрули, мобильная группа.

В полдень начался концертный марафон, в котором принимали участие музыканты, поддерживавшие Севастополь на протяжении последних трёх недель. В течение дня перед жителями города выступили Ансамбль песни и пляски Черноморского флота, группы "Земляне" и "Русские", Вика Цыганова. Севастопольцы встречали музыкантов, как старых друзей.

По площади Нахимова прошагала многочисленная колонна участников "Севастопольского ритуала". Каждый из участников шествия нёс российский флаг. На протяжении семи лет каждое воскресенье они совершали обход городского центра и воздавали почести героям Севастополя у их памятников. Сегодня согласно решению, принятому большинством голосов, "Севастопольский ритуал" совершил последний обход памятников.

Дежуривший на Ракушке патруль доложил о появлении на Приморском бульваре группы воинственно настроенной молодёжи с украинской символикой. Бойцы мобильной группы выдвинулись вглубь бульвара, но вскоре вернулись с озадаченными лицами.

— Это были какие-то майдановские придуры. Но, к сожалению, мы опоздали. Болельщики "Зенита" уже втолковали им, что такое хорошо и что такое плохо, — рассказал Сергей Заградский.

— Откуда в Севастополе взялись болельщики "Зенита"? Где мы и где Питер?

— Говорят, приехали с дружеским визитом, чтобы пообщаться с местными фанатами и предостеречь их от необдуманных действий. На вид очень позитивные ребята.

Около часа дня были обнародованы первые результаты по явке жителей Севастополя на избирательные участки. По состоянию на 12 часов явка составила 49 процентов от общего числа избирателей города. Отец по телефону сообщил о том, что к 13.30 на его участке проголосовало около 60 процентов. Я был вне себя от радости! Минимально необходимый порог явки в 50 процентов уже преодолён. По многолетнему опыту работы в избиркомах я знал, что далее должен последовать спад активности избирателей, но цифра в 70 и более процентов уже не казалась недостижимой.

— Не может быть! — удивился Петровский. — Давайте посмотрим Крым.

Он зашёл в интернет. Данные по Крыму оказались близкими к севастопольским — там проголосовало около 45 процентов. Я тем временем позвонил Андрею Тарану, жителю Партенита. Он сообщил мне, что Партенит уже проголосовал почти полностью. Крым явно старался не отставать от Севастополя.

Во второй половине дня на Графской пристани произошла небольшая стычка. Двое майдановцев принялись демонстративно скандировать свой лозунг: "Слава Бандере — Героям слава!" Возмущённые горожане оттеснили их к краю причала. Разгневанная севастополька нанесла дамской сумочкой меткий удар по голове одного из почитателей Бандеры. Потеряв равновесие, бедолага бултыхнулся в море. Второго задержали подбежавшие по сигналу

общественности гвардейцы. Саня Каберник провёл с задержанным разъяснительную беседу, после чего, минуя сотрудников милиции, сдал его напрямую медикам "Скорой помощи".

— Явно хлопцы приезжие. Местные в марте не купаются, — философски прокомментировал эпизод Сергей Заградский.

На 15.00 явка в Севастополе составила 61 процент официально зарегистрированных избирателей. Некоторый спад активности избирателей был связан с тем, что пенсионеры, относящиеся к наиболее дисциплинированной части избирателей, уже в основном проголосовали до полудня и теперь настал черед голосовать наименее политически активным слоям населения. Представители молодого и среднего поколения обычно игнорировали голосование. Те из них, кто посещал избирательные участки, как правило, голосовали во второй половине дня. Сегодня они вопреки обыкновению активно пошли на свои участки. В результате вторая волна избирателей, которая пришла на промежуток времени между пятнадцатью и восемнадцатью часами, привела к увеличению явки до 83 процентов в 18.00!

По мере приближения времени объявления итогов голосования севастопольцы прибывали в центр города. К 21.00 площадь Нахимова до краёв была заполнена многими тысячами горожан, повсюду пестрели российские триколоры и андреевские стяги. Лица сияют торжеством. Севастопольцев распирает предвкушение безмерного праздника, и они щедро делятся своей радостью с музыкантами, которые выступают вслед за уже выступившей группой "Любэ": Дмитрием Харатьяном, "Арабесками" и Рикардо Фолли.

В 22.15 под начальные аккорды гимна Севастополя на сцену поднялись представители Координационного Совета во главе с Алексеем Чалым и руководители города. Выстроившись в ряд, они хором подхватили слова песни. Одновременно запела вся площадь. Строки о легендарном Севастополе, не-проступном для врагов, разнеслись над центром города. Если 23 февраля гимн Севастополя звучал, как суровый призыв к ожесточённой борьбе, то теперь — как торжественная победная ода. По завершении песни тысячи горожан устремились к сцене. Звенящая тишина на мгновение воцарилась над площадью. Томительное ожидание застыло на лицах севастопольцев.

К микрофону подошёл председатель городской избирательной комиссии Валерий Медведев:

— По предварительным итогам городская комиссия может доложить, что на избирательные участки прибыло 89 с половиной...

Слова Медведева утонули в многотысячном победном рёве севастопольцев.

— ...процентов избирателей. За Россию проголосовало 93 процента! — завершил Медведев.

— Ну что, ребята? Мы это сделали! Именно мы это сделали! — провозгласил Алексей Чалый, прорываясь сквозь непрекращающийся шум площади. — Теперь нам предстоит строить новый город. Ничто нам не мешает. Только надо быть настолько же последовательными, как мы были эти три недели. С праздником вас!

— Севастополь, мы в России! Спасибо вам, дорогие! — торжественно заявил Дмитрий Белик. — Ведь только вашими усилиями мы сегодня в России, и никто оттуда нас уже не выгонит. Мы вернулись домой!

— Се-ва-сто-поль! Се-ва-сто-поль! Се-ва-сто-поль! — бесконечным тысячегласным скандированием отзывались граждане города.

Площадь погрузилась в неистовую эйфорию сродни бушующему океану. Прорвалось напряжение последних трёх недель. Горожане плакали и смеялись, они вскидывали кулаки к небу и размахивали флагами. Незнакомые люди обнимали и благодарили друг друга. Они впитывали ощущение победы и одновременно делились им с окружающими. Уровень счастья явно зашкаливал на улицах и площадях города. Севастополь в мгновение ока превратился в город абсолютно счастливых людей. Словно Новый год, День Победы и День Флота слились воедино в этот вечер.

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

“ТОНКОЕ СЧАСТЬЕ СОПРОВОЖДАЕТСЯ ГРУСТЬЮ...”

Беседа с критиком Маргаритой Синкевич

Маргарита СИНКЕВИЧ: Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за счастливое время, проведенное наедине с вашими книгами, а также за то, что согласились встретиться. Одна из моих любимых повестей — “На долгую память”. Расскажите об истории создания этого произведения.

Виктор ЛИХОНОСОВ: Меня удивляет, что “На долгую память” до сих пор упоминается как что-то значительное. Последние годы один раз в месяц я хожу в Пушкинскую библиотеку, куда впервые попал первокурсником в 1956 году. Тогда я искал статьи о Есенине, которого очень любил. Я взял какую-то старинную энциклопедию 20-х годов и увидел огромную цитату Бухарина — жуткую, уничтожающую. В этой же библиотеке я прочитал том дневников Пришвина, “На чужбине” Льва Дмитриевича Любимова.

Так вот. Не так давно я взял номер журнала “Знамя” с “Рабочими тетрадями” Твардовского за 68-й год. Он там пишет: встал в четыре с половиной часа утра и стал читать Лихоносова (то есть Твардовский читал повесть, уже опубликованную в “Новом мире” в сокращённом варианте, назвали её “На улице Широкой”). Меня удивил этот отзыв! “Стал читать Лихоносова и до конца не мог оторваться! Какой молодец! С любовью, с нежностью и болью пишет ту низовую окраинную жизнь, жизнь “с коровы”, с базара, с огорода, с пенсий, жизнь, которую не принято ни фотографировать, ни “отражать” в очерках, жизнь без “роли парторганизации”, без всего такого — саму по себе, со всеми отчаянными хлопотами, напряжением, муками, безысходностью — послевоенную жизнь миллионов”. Спустя 35 лет обнародовали его мнение, и я читал в пустом зале библиотеки притихши. За что так перехвалил Александр Трифоныч?

Когда я бываю в Сибири, на родной улице Озёрной, от которой ничего уже не осталось (там когда-то в черемухе вились майские жуки, теперь нет ни травки, ни домов с палисадниками), то думаю, как средненько я обо всём написал. Как много трогательного, существенного, истинно народного я не сумел выразить так, как это делали писатели-почвенники XIX века, в том числе и Александр Иванович Эртель, и Василий Иванович Белов уже позднее, в XX веке. Я сожалею, что недостаточно хорошо (в силу, может быть, неопытности, скорее всего, несобранности) описал эту дорогую мне послевоенную народную жизнь — время такой простоты, такой горечи и веры в скорое улучшение.

Это был другой народ: более терпеливый, непритязательный, чему удивляются сейчас эти наши несчастные либералы. Они просто не понимают России.

Когда я уехал из Новосибирска на Кубань (в землю совершенно другую, сейчас говорят, с другим менталитетом), то затосковал. Я помнил и любил свою матушку, всех соседей. Уличные мои герои, конечно, подлинные. Просто они недостаточно полно, по-толстовски глубоко изображены. Они гораздо интереснее и полноводнее в своём характере и в своей народной идее.

И сейчас мне хотелось бы дополнить повесть. Но я не посмею этого сделать... Это надо было сделать так, как поступил Астафьев со своим "Последним поклоном" вскоре после первой публикации: подправить, дописать. Но я не вернусь к этим образам. Я сейчас пишу "Одинокие вечера в Пересыпи". Первую часть я опубликовал в 98-м году в "Нашем современнике". Потом долго не писал, всё ждал чего-то, ждал, томился, перебирал в уме дни, месяцы с матерью, задерживал расставание, и нынче заканчиваю. В "Литературной газете" я напечатал главу "Плач у своего дома". О том, как я в третьем часу ночи пришёл на свою улицу к дому, в котором вырос. Жизнь прошла...

К старости тебе не хватает тех, с кем ты жил, не хватает родных, прежде всего тех, с кем ты жил в детстве. Пока ты молодой, ветреный, впечатлительный, романтичный, мечтающий, желающий вырваться из своего домашнего круга, ты стараешься оторваться от тех, с кем провёл всё своё раннее время. Они даже как-то тебе вроде надоели уже. Тебе хочется видеть других, каких-то изумительных людей, которыми многие, конечно, не являются.

Я, помню, ждал писем от матери. Иногда она передавала весточки от крёстной. И читал я это как-то бегло. Тут вот Юра Назаров прислал письмо из Щукинского театрального училища: театр, кино, умные лекции, Раджа Капура видел. А нынче все актёры мне скучны, дороже всего строки писем от матери. Я считаю (а так в жизни никогда не бывает), жить надо в родном, родственном по детскому твоему обитанию кругу. Ничего взамен равного ты не найдёшь, ничего... А что-то корневое, близкое нечаянно по молодости потерял, легко расстался с этим, увидел другое, неплохое, конечно, полезное для жизни, даже обогатившее тебя, но... но... Всё-таки самое близкое было там: крёстная, крёстный, мать, соседи... Я думаю, из этого чувства сожаления, из этих воспоминаний и выросла повесть "На долгую память".

М. С.: Духовная сила многих героев Ваших произведений вселяет гордость за наш народ, порождает желание хоть сколько-нибудь приблизиться к этой нравственной высоте, а иногда вызывает и стыд за собственную немощь. Особенно актуально звучат строки из романа "Наш маленький Париж": "Кому понять тоску старого казака, когда он видит на месте войскового храма гнилые чёрные доски?" Если бы сегодня России пришлось пройти испытания, подобные революции, коллективизации, голоду 30-х годов, Великой Отечественной войне, справились бы?

В. Л.: События 1991–1993-го годов показали, что в озлобленности своей, в ненависти друг к другу народ не меняется. Как и в семнадцатом году, народ озлобили, натравили друг на друга. Русский народ потерял очень много. Прежде всего, он потерял изумительно наивную, простодушную веру в царя, в Бога, в традиционный уклад жизни. Есть и то, что просто недоказуемо, о чём мне нельзя как-то убедительно сказать. Совершенно ясно, что люди могут быть разными: хорошиими и плохими, великими и посредственными. Но какими были, допустим, донские казаки, которых застал Шолохов, когда работал над "Тихим Доном"? Какими были кубанцы до революции? Какими были офицеры? Какими пребывали казаки, которые служили государю, Отечеству? Попробуйте, ответьте на эти вопросы. О домовитости, о семьях рассказывала мне Гликерия Прокофьевна Таран, казачка из станицы Пашковской.

Черты жизни были иными. Даже в житейской суете, хозяйственной торопливости люди были степеннее, достойнее. Над всем был Господь. Утром встали, пошли в церковь, помолились, пришли, пообедали, перед обедом опять помолились. А сейчас и в русском кругу, среди тех, кто хочет верить в Россию, хочет, чтобы она вернулась, наши милые ребята-писатели не соблюдают этого. Они не знают, что такое помолиться. Когда В. Кручинин молится, над ним смеются. Вот что изменилось. Когда молились государь с семьёй, великие князья, они становились на колени. Представьте себе нынешних губернаторов, падающих на колени... Разве в Пасхальное мгновение поцелуется губернатор со своим подчинённым? Начальники в церкви чувствуют себя всякий миг как-то неловко. Как будто они вынужденно уступают Богу в чём-то.

Изменилось и многое другое. Изменились лица. Посмотрите на старые фотографии. Изменилось чувство к своей земле. Мне трудно об этом говорить. Но я всё чувствую верно.

М. С.: По мнению Валентина Распутина, главный герой Вашего романа “Наш маленький Париж” – Память, по мнению Владимира Бондаренко – Любовь к людям. Как вы можете определить своего главного героя?

В. Л.: Они слишком обобщают. Главных героев я просто люблю и жалею. Я люблю Толстопята, Шкуропатскую, Попсуйшапку. Я потому и выбрал их и, представьте себе, не расстаюсь с ними тридцать лет спустя. Попсуйшапку (в романе) я встретил в его древнюю пору – ему было за 90. Он очаровал меня Екатеринодаром, этакой далёкой сказкой, чудесным призраком утерянного бытия.

После 1956 года русские казаки вернулись на Родину. Когда один из них принёс стихи, редактор журнала (знаменитый кубанский стихоплёт) провокационно, почти как работник КГБ, спросил: “Что? “Беленькое” нам принесли?” Казаки понимали, куда приехали. Они были совершенно не похожи на новых, незнакомых им жителей города. Меня, помню, поражали киоскёры: как они подавали газету, щепетильно клали сдачу, протяжно отвечали на вопросы. Казалось, что они откуда-то спустились к нам. Ну да! Они вернулись домой из Парижа, вернулись туда, где никого уже из заветных екатеринодарцев не было. Жили люди не лучше и, может, не хуже, но... другие. Старозаветная Кубань исчезла. О повседневной старой императорской России мало кто имел чёткое представление. В печати, в кино старая, великая, чудная Россия, где были понятия о добре, о честности, о порядочности, о благородстве, портилась всеми средствами.

Как-то мы поехали с Георгием Георгиевичем Степановым, который написал роман “Закат в крови” (роман, конечно, такой надёрганный раскачиваемыми ситуациями и чужими абзацами) в станицу Северскую, узнали, что там живёт стариk, вернувшийся через полвека из Парижа, году в 72–73-м. Фока Савельевич Гетало, казак станицы Васюринской, был в Белой армии, жена осталась здесь, она отказалась от него. Он вернулся, нашёл её, она не захотела его видеть. И мы заявились к нему. Первое, что меня поразило, – его стол. Не знаю, это французский порядок или старомодный русский порядок, или это порядок человека, который должен был выживать в чужих условиях. И поразили его руки, ногти, лицо.

Совершенно почему-то холёная, белая-белая кожа. Это кубанец, который пережил не меньше, чем наши здесь. Всё было: гражданская война, голод, выживание в Париже и прочие тяжёлые условия, гитлеровская оккупация Франции, экономические трудности... И вот поздний казак перед нами, такой изумительный Фока Савельевич Гетало. Такая старая Россия. Залюбувшись им! Речь какая-то мягкая. Хочется пожить с ним рядом. Таким же был герой моего романа Толстопят. Вот почему я и написал роман. Я просто любил этих, как говорил Герцен, “благородных прошедших”. Я любил их руки, я любил их речь, интонацию.

В начале 60-х Юрий Павлович Казаков, великий писатель, мой учитель и друг, привёз из Парижа магнитофонные “колеса” с записями разговоров с писателями русского изгнания – Борисом Константиновичем Зайцевым и Георгием Викторовичем Адамовичем. Боже мой, как они говорили! Эта старая русская “допотопная” речь... Другая, напевная интонация. Особенно у Адамовича: петербургская. А мы уже не говорим, а гавкаем.

Изменилась не только Россия, весь мир изменился, даже внешне. В Англии был благородного вида Гарольд Макмиллан. И после этого какой-то Тони Блэр. В Америке был Ричард Никсон, и вспомните плейбоя Клинтона. Очевидно, постепенно исчезала в мире порода. И остатки этой породы очаровывают. Когда я смотрел прощание с Чавесом, я влюбился в Мадуро. Как он прощался! Какой он красивый! Как он говорил! А он всего-навсего был шоффером, не с высшим образованием, не колумбийский университет заканчивал. Всё это имеет значение для народа. Дело в том, что писатель, вообще человек иногда восторгается не тем, чем надо. Но светлая душа всё равно грязью не восторгается.

Писателю полезна влюблённость. Без этого русский человек, русский писатель не может создавать вдохновенные поэтические произведения. Солженицын проложил тропу такой костяной ненависти. На самом деле, нужно на-

чинять с восторга. Влюблённость, очарование, сожаление побудили меня написать роман “Наш маленький Париж”.

М. С.: Юрий Селезнёв писал о повестях “Люблю тебя светло” и “Осень в Тамани”: “Перед нами встаёт Отечество в органическом единстве прошлого и настоящего”. Тема единства прошлого и настоящего – одна из ведущих и в романе “Наш маленький Париж”: каждое слово, каждый поступок, каждое событие герои оценивают в контексте родовой памяти, в контексте истории России. Слово “деды”, так часто звучащее на страницах произведения, концентрирует в себе эти смыслы. Но потом – пропасть. Почти у всех главных героев нет детей, нет прямых потомков, с родственниками они связи практически не поддерживают. Все их мысли обращены к прошлому, к собственным переживаниям. Получается, они-то теми самыми “дедами” ни для кого не стали?

В. Л.: Я не знаю, думал ли я об этом. Просто я чувствовал что-то. Я всё время горевал, когда писал, когда ходил по людям. Горевал, что исчезли ценные роды кубанские, не мелькнут фамилии Толстопят, Поночёвный, Рашиль, Свидин и др.

Когда я работал над романом, уже ничего не было. Какая-то, может быть, фамилия блеснёт, и та уже миллион раз переродилась. Как это случилось? Одни эмигрировали и умерли за границей. Или здесь окончили свою жизнь – в голодовку, были сосланы или убиты.

В Тамани иду по кладбищу, читаю: Лисевицкие (однофамильцы жили и в Старотиторовской, в Ахтанизовской, в Брюховецкой). Род староказачий, офицерский. Всё искоренено. Потому, когда казачество стало возрождаться, то возрождаться оказалось не на чем. Даже милые чудесные казаки показались плебеями, людьми, потерявшими или не осознающими своих корней. И поэтому они начали с поминования реликтовых героев, воевавших с горцами. Это всё хорошо: Кавказская война и прочее. Но надо было начинать с того, что ушли в 1920 году и не вернулись кровные казаки, бившиеся за Кубань не хуже прежних.

Атаману надо было позаботиться об этом. Ощущение русской родовитости – великое благо. В Калифорнии ко мне подошёл Тизенгаузен. Я аж встрепенулся! Тизенгаузены так связаны с Пушкиным, с дочкой Кутузова.

Сейчас, когда я пишу про матушку (она у меня из Воронежской губернии, Россосанского уезда Бутурлиновской волости, села Елизаветино), то ради настроения лягу и почитаю в “Биографическом словаре” Половцова, в воспоминаниях потомка Бутурлиных, как любимец царицы Елизаветы граф Александр Бутурлин перевёз хохлов из Чернигова или из Черкасс в Воронежскую губернию, и основалась Бутурлиновка. И в 14 верстах от неё завелись все мои деды и бабушки, а потом родилась и моя матушка Татьяна Андреевна. Эта прославленная фамилия покончилась лишь в литературе. Целое кружево старинных русских родов, которые должны были бы согревать, по крайней мере, душу писателя, распустила революция. И живём без родовитого слоя – огромного накопленного веками пласта родовитости самой России! А родовитость крестьянская, купеческая – всё кануло. Назаров мне говорит: “Что ты все плачешь по дворянам, ты же крестьянин?” Вырождение меня печалит. Посмотрите на Никиту Михалкова. Казалось бы, он и должен был снимать фильмы о русской породе, чтобы мы с вами вздыхали о вековой России. Зачем нам “Сибирский цирюльник”?

М. С.: В советское время поклонники “заваливали” Вас письмами. Чувствуете ли Вы сегодня связь со своими читателями?

В. Л.: Кто вам сказал, что меня “заваливали” письмами? Такого никогда не было. Просто у меня есть читатели. Я давно их знаю. Недавно мне написала одна поклонница, что до сих пор держит мою книгу на полке, периодически её снимает... Это очень важно. Таких читателей немного. Их не может быть миллионы, как у Анатолия Рыбакова после “Детей Арбата”. Его читатели побывли и ушли. Они уже забыли, что он им когда-то нравился.

Смысл самого существования литературы – в накоплении любимых читателей, которые все вместе поддерживают своим восторгом культуру слова, значимость литературы для души народной. Как я любил “Тихий Дон” Шолохова! Всё с Шолохова и началось. Как мы с Назаровым разговаривали о Шолохове – это только мы с ним знаем. Назаров ездил в Вёшенскую, а потом и я. Я был одарён признанием читателей, которые (так писали мне) меня перечитывали. Мне достаточно. Если кто-то в армии носил мою книжку

“Осень в Тамани” под пряжкой, спасибо ему. Засыпать с книгой, класть под подушку – такое влияние на читателя полезно. Но коварное соблазнение души привнесено в литературу в поздние советские годы. Задача была не воодушевить на доброе, а разложить.

М. С.: За свою жизнь вы общались с такими разными и выдающимися главными редакторами, как Александр Твардовский, Сергей Викулов, Станислав Куняев, Леонид Бородин. Кто из названных главных редакторов был наиболее созвучен вам как человек и профессионал?

В. Л.: Твардовский был слишком высок и далёк для меня. Я всё время вспоминаю себя студентом провинциального пединститута, караулившим раз в неделю “Литературную газету” и “Литературу и жизнь”. Как я читал “Литературную газету” и “Литературу и жизнь”! Там какие-то редкие люди, они пишут... А кто я? Это смущение осталось во мне до сих пор. Возле Пушкинской библиотеки на стенде крепилась свежая “Литературка”, иногда “Правда”. Прохожу мимо... Что там такое? “За далью – даль”. Новые главы Твардовского. Или В. Солоухин, статья об убийстве в Подмосковье поэта Дмитрия Кедрина. Его же “Письма из русского музея” в журнале. Даже художника Илью Глазунова читал и что-то выписывал – “Дорога к другу” в журнале “Молодая гвардия”. Какие поднебесные таланты! А я? Студент, будущий сельский учитель. Но чуток я был ко всему остро или таинственно русскому.

И вдруг я взлетаю в Москву. Вроде только что читал в “Литературе и жизни” статьи Сергея Антонова о мастерстве писателя, а он уже рядом, за столиком в ЦДЛ. Я до сих пор удивляюсь: как это Господь меня пожалел?! Или... Только что вышла моя вторая книжка в Москве с предисловием Юрия Казакова – “Голоса в тишине”. Еду из Новосибирска, захожу в ЦДЛ, в “предбаннике” сидит Казаков. “Ну, старичок! Ты скоро будешь, старик, знаменитее меня. Видел подвал в “Комсомолке”?” А Сергей Петрович Антонов, приглашая сесть рядом, говорит мне: “Спасибо, прочёл “Женские слёзы”. Вы прямо как Толстой пишете, поворачиваете характеры”. Ну, хоть стой, хоть падай! Уже думаешь: как бы дальше-то не опозориться. Уже вроде и писать не о чем. А похвалой душа поражена нас kvоз!

Или приезжаю в Москву в январе 1965 года, захожу в “Новый мир”, где я уже печатался. Спускается сверху заместитель Твардовского, автор учебника по литературе, Александр Григорьевич Дементьев. Я говорю: “Александра Трифоновича увидеть можно?” Он бурчит: “Ну, а чего ж... У нас же не контора. Конечно, поднимайтесь”. Я вскочил по ступенькам на второй этаж. Из кабинета выходит Борис Германович Закс, второй зам, он потом умер в Германии. За ним Твардовский, уже одетый. Я назвался. А мне тёща купила темно-зелёное пальто, китайское, непомерно большое. Да, представляюсь. И Твардовский разворачивается и приглашает войти в кабинет. Скидывает своё пальто на диван и по-свойски советует: “Снимайте и бросайте на моё”. Сразу стало так легко и хорошо! Второй раз я его видел на съезде писателей в Колонном зале Дома Союзов в 1970 году. Вот и всё общение. Я иногда думаю: “Да как это я напечатался в “Новом мире”?! Господь пожалел анапского учителя”...

Когда “Новый мир” (Ефим Дорош) отверг “Люблю тебя светло”, я ушёл к Викулову в “Наш современник”. Я, дурак, говорю: “Сергей Васильевич, ну, что-то интеллигентности в вашем журнале мало. Про интеллигенцию надо писать”. Для него это – нож в сердце (смеётся. – **М. С.**). И вот он не напечатал “Когда же мы встретимся”, как раз про интеллигенцию. Когда я получил Государственную премию за “Наш маленький Париж”, Викулов, который был в комиссии, меня поздравил. Он, наверное, пожалел, что не напечатал...

Станислав Куняев добрый, весь раскрытый человек. С ним легко. Мы вместе летали к Шукшину на Алтай. В Америке с ним был. Как-то мне с ним необычайно тепло и просто. Про него пишут не то. Он совершенно незлобный человек. Он пишет искренне. Я очень огорчён, что его именем хотят запугать. Да, он жёсткий в отстаивании своих позиций...

“Наш современник” – не хуже, чем при Викулове. Время, конечно, другое. Сегодня нет в журнале той прозы, которая писалась при Викулове. Но её нет и в литературном обиходе. А направление, идейная глубина сохраняются железно: русскость в самом хорошем смысле слова, верность своей почве. Народ это понимает. Народ столько лет держит журнал на своих плечах помощью и подпиской. Сорос ему не помогал. А среди журналов тираж самый большой.

М. С.: Виктор Иванович, одну из лучших статей о Вашем творчестве написал Юрий Селезнёв. Статья с названием, на мой взгляд, очень тонко и точно отразившим особенность вашего творчества, вашего мироощущения – “В одно сердце с людьми”. И Вы ему ответили добрым словом, но уже, к сожалению, посмертным. Расскажите о Ю. Селезнёве: что это был за человек, что вас связывало?

В. Л.: Очень хорошие статьи писал обо мне Олег Михайлов. Он очень тонкий человек, чувствовал художество очень хорошо. У Олега есть такие строки, абзацы, которые звучат просто как музыка, как проза. Хотя некоторые вещи, некоторые строки я бы не то, что оспорил, я бы вычеркнул, поскольку чувствуется легкомыслие человека, который был молод. Юра писал угрюмо-серъёзно. Он был серьёзнее, трудолюбивее, основательнее, нежели знакомые мне московские гении, которые допускали тогда такую лёгкость в оценке произведений, когда думали одно, а писали другое. Юра этого почти не допускал. Он был обуреваем страстью к литературе (не без тщеславия, может быть, порой, не без жажды самоутверждения). Его упорство превращалось, в конце концов, в плодотворное служение литературе.

Юра очень быстро рос, очень много работал. Он добровольно сгорал, хотя любил жизнь так же, как мои чудесные приятели-москвичи. Но Юра был гораздо жертвеннее. Эта жертвенность и привела его к ранней гибели. И мы часто думали с Сашей Федорченко, его кубанским другом: вот грянули после смерти Селезнёва такие исторические события, и он, если бы не погиб где-нибудь под Останкино или у “Белого дома”, играл бы одну из самых значительных ролей в патриотическом русском движении. Может быть, возглавил что-то общественное, какое-то издание, журнал... Такова была, очевидно, его природная миссия. Для этого, наверное, родился.

Селезнёв был настойчив, редкостно последователен в своём призвании, которое он почувствовал ещё в студенческие годы. Юра беспрерывно читал. Он старался везде успевать. Москва его немножко затянула в нехорошую сторону, в суету какую-то, но всё это постепенно преодолелось. И его смерть – потеря огромная! Можно сказать, что это потеря, равная потере Николая Рубцова, Василия Шукшина... Они бы развивались постоянно, росли, не останавливаясь на достигнутом.. Что бы написал Шукшин?! Какой это был светлый, нежный, грустный гений! А Рубцов... Селезнёв в эти годы был весь в борьбе. Он написал бы, наверно, о Лермонтове.

Уже после интервью о смерти Юрия Селезнёва как о величайшей потере для России и русских говорили в разных контекстах критики, писатели, историки. Так, например, в газете “Завтра” один из лучших историков современности Андрей Фурсов написал: “При этом почвенников очень сильно давил КГБ. Те, кого Андропов называл русистами, получали значительно более длительные сроки, чем диссиденты, которых частенько просто гладили по головке. И целый ряд людей, которые могли бы стать лидерами патриотического поколения в Советском Союзе, странным образом погибали – это и Василий Шукшин, и Юрий Селезнёв, и Константин Васильев” (Завтра. – 2016. – № 8. – С. 6) – **М. С.**.

М. С.: По вашим словам, Вы стали редактором журнала, чтобы “воскресить для казаков их же жизнь, жизнь их предков”. А как сами казаки относятся к журналу и к Вам?

В. Л.: К сожалению, те, кто читает и подписывается, нам почти не известны. Известно только, что там где-то читают и плачут, как говорится. Все остальные казаки ничего не читают. Причём это не я теряю что-то, а они теряют. Если бы я говорил, что они не читают меня, – это одно. Но они не читают своих родичей. Такие были хорошие воспоминания! Даже я, сибиряк, и то не могу равнодушно всё это читать. И они многое потеряли. Атаманы историческому наследию не придали того значения, которое надо было придать. С воспоминаний надо было начать своё возрождение. И тогда бы им открылось всё: какая была жизнь, какие были офицеры, какие были полки, как вели себя люди, как вели себя казаки, как казак, возвращаясь с германского фронта после плена, подъезжая к станице, не знал, что делать. Ему было стыдно, что он был в плену. Как вёл себя офицер в театре. Как вёл себя Бурсак, предводитель дворянства. Возродиться невежественными нельзя. А вы вооружены только декоративным кинжалом.

Не так давно суд в городке Славянск-на-Кубани вынес постановление: снять мемориальную доску на доме, который 120 лет числится у краеведов как дом семьи генерала В. Г. Науменко. Вернувшись из Америки регалии сберёг именно Науменко. Во время войны постарался переправить их из Германии в Америку. Когда умерла его дочь, наши нынешние казаки не выразили соболезнования, не дали телеграмму, ни слова не сказали по телевидению и в кубанских газетах. Они, мол, предатели. Зачем же забрали регалии, которые "предатели" спасли? Дочь изо всех сил помогала возвращению регалий домой. А в 1996 году, когда крепили памятную доску к дому Науменко в станице Петровской, речь произносил атаман, который в комитете Законодательного собрания края ведёт дела казачества. Почему-то громкого слова не вымолвил.

М. С.: Сегодня многие говорят о ненужности Союза писателей России как творческой организации. Что вы думаете по этому поводу?

В. Л.: Москвичам, может, он и не нужен. У них есть куда пойти. А мы, когда приезжаем в Москву, прежде всего, идём в наш Союз писателей на Комсомольском проспекте.

М. С.: В декабре 2012 года ушёл из жизни Василий Иванович Белов. Вы – лауреат премии им. В. Белова "Всё впереди". Вы не одно десятилетие знали Василия Ивановича. Как вы оцениваете место Белова в истории русской литературы XX века?

В. Л.: Это был человек крестьянского рода, который нёс в себе тысячелетнее русское чувство. Когда он умер, многое всего говорилось. Я позвонил Крупину: "Ты чего говоришь-то?" А он в "Русском вестнике" напечатал: с одной стороны, мы горюем, что Белова нет, с другой стороны, мы радуемся: его творчество останется на века. Он имел в виду, конечно, то, что нужно радоваться за всех, кто уходит к Богу. Наверно, это правильно. Это так. Но даже плач вдовы Дмитрия Донского – это такая скорбь! Я думаю, что она веровала в Бога больше, чем Крупин. Тем не менее, так горевала, но не радовалась. Анечка, дочка Василия Ивановича, сказала лучше всех писателей: папа так и не смог уйти из мира деревни. Он там так и остался. Белов повидал Италию, Францию, Москву, Петербург, а весь-весь пребывал в своей деревне, со своими понятиями, любовью, привычками. Он нигде не хотел жить, кроме дома. Он даже Вологдой томился. Вот это тысячелетний русский человек! Вот таким его северная Русь создала, и таким он сберёгся в своем творчестве. Он великий гражданин России, такой, какими были Хомяков, Аксаков, Леонтьев, Розанов, Меньшиков. Василий Белов – патриот этого ряда.

Как он себя сохранил? Мы-то помним, как легко было поддаться (особенно часто посещая Москву и ЦДЛ) влиянию московской интеллигенции, как легко было забыть этих бабушек, эту простоту деревенскую... Ничто на него не подействовало.

Был Шукшин. Его не объяснишь. Зайдёшь к нему в комнату, в которой он жил, приезжая к матери. Господи, это вот так вот я к своей матери приезжал: этот дом, эта изба – всё такое родное, знакомое. И только так познаётся Россия, познаётся наш мир. Познаётся чувством.

М. С.: Вы являетесь обладателем многих премий: Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1988) – за роман "Наш маленький Париж"; литературная премия имени М. А. Шолохова; премия "Ясная Поляна" им. Л. Толстого (2003). Какая награда наиболее дорога Вам?

В. Л.: С точки зрения жизненной важности, Государственная. А для души – им. Шолохова, им. Толстого, им. Белова, конечно.

М. С.: Человек и писатель Виктор Иванович Лихоносов может назвать себя счастливым? Что такое, по-Вашему, счастье? Какие свои достижения, человеческие и творческие, Вы цените больше всего?

В. Л.: В старости понимаешь, что счастье – это быть с родными рядом. Когда оглянешься: того нет, того нет... Понимаешь, что счастье, когда рядом дорогие тебе люди.

Счастье такая простая мудрость. Мне не хватает тех близких, с кем я жил и думал, что так будет вечно. Частенько, как только тронется поезд, потом протянется верст сто, коснётся Средней России, вспоминаю писателя Евгения Ивановича Носова. В советские времена еду, бывало, через Курск, пишу что-нибудь игривое на открытке, во время стоянки перебегаю пути, бросаю в почтовый ящик – привет Носову. А его нет уже 15 лет. Нет Фёдора Абрамова. Счастье – когда нет потерь. Близкая душа, может, ещё и найдётся. Иногда грустно оттого, что душа эта где-то в Сибири, далеко. Вообще тонкое счастье сопровождается грустью...

ЖОРЕС АЛФЁРОВ

Академик РАН, лауреат Нобелевской премии

О ПРОШЛОМ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Сегодня наступило необычайно чёрное время для всей нашей планеты. Сегодня на нашей планете, — к сожалению, об этом можно говорить с очень большой долей достоверности, — наступило время фашизма в самых разных формах. С моей точки зрения, это происходит потому, что нет такого могучего сдерживающего фактора, каким был Советский Союз.

Я неоднократно рассказывал об одном эпизоде на своих лекциях. Когда ваш покорный слуга получал в 2000 году Нобелевскую премию по физике, лауреат Нобелевской премии по экономике, американский профессор из Чикаго Дж. Хекман отметил, что научно-технический прогресс во второй половине XX века полностью определялся соревнованием СССР и США. И как он тогда сказал: “Очень жаль, что это соревнование закончилось”. Соревнование Советского Союза и Соединенных Штатов Америки играло огромную и благотворную роль не только в развитии науки и новых технологий, оно было огромным сдерживающим фактором в системе очень мощной эксплуатации трудящихся.

Недавно во Франции большую популярность получил экономист Т. Пикетти, который опубликовал книгу под названием “Капитал в начале XXI века”. Есть фотография, где он держит свою книгу, на которой слово “капитал” изображено очень крупными буквами, а “в начале XXI века” — значительно мельче, и поэтому толстый том “Капитала” выглядит так же, как первое издание “Капитала” К. Маркса. В своей книге французский экономист подчёркивает, что практически с рождения капитализма как такового происходило постоянное обнищание трудящихся и концентрация основных богатств во всём более узкой группе населения, группе капиталистов. Этот процесс замедлился в XX веке, когда существовал Советский Союз. При Советском Союзе процесс концентрации капитала и создания богатства в узкой группе замедлился, и эта концентрация упала по той простой причине — и Т. Пикетти это отмечает, — что Советский Союз был огромным сдерживающим фактором, и капиталисты понимали, что возможны социальные взрывы.

Мне часто вспоминается разговор с отцом моего старого друга, профессора Н. Холоньяка, который состоялся много лет назад, в 1971 году. Мы приехали к нему в небольшой, уже заброшенный шахтёрский городок с неработающей шахтой около Сент-Луиса в США. Основным населением этого городка были шахтёры, вышедшие на пенсию. Отец Ника Холоньяка приехал мальчишкой из Закарпатья, когда эта территория принадлежала Австро-Венгрии. И он подчёркивал, что он эмигрировал в США не из России, а из Австро-Венгрии. Я привёз с собой бутылку “Столичной”, мама Ника накрыла нам стол, мы сели, стали обсуждать разные проблемы, и он мне сказал: “Жорес Иванович,

если вы будете мне говорить, что русские рабочие живут лучше, чем американские, я вам не поверю". Я ему сказал, что я не буду этого говорить. "Но я скажу вам, – продолжил он, – то, что вы редко сможете услышать в Соединенных Штатах. Когда я приехал сюда в начале XX века и начал работать на шахте, мы работали по 10–12 часов, мы жили в бараке, мы получали очень низкую зарплату, и жизнь была ужасной. Потом русские рабочие устроили революцию, и наши буржуи испугались и изменили свою социальную политику. Вот так, американские рабочие живут хорошо благодаря Великой Октябрьской социалистической революции". И это известные факты, это признанные факты.

* * *

Сегодня история Второй мировой войны постоянно обсуждается, и многое искажается. Но по-честному нужно понимать: Красная армия не просто разбила немецкую армию. Когда началась наша Отечественная война, Германия практически покорила всю Европу, Германия практически использовала весь промышленный потенциал всех европейских стран. Страшным моментом была оккупация Чехословакии в 1939 году. Вот тогда предательство Англии и Франции поставило нашу страну, в том числе и руководство страны, перед необходимостью пересмотра внешней политики.

Я тогда был ещё мальчиком, но мы прекрасно понимали, что договор Риббентропа – Молотова был заключен для того, чтобы тянуть время, чтобы использовать его для лучшей подготовки к войне. Население нашей страны было уверено, что война с фашистской Германией неизбежна. И этот пакт – не изменение политики нашей страны по отношению к фашистской Германии, это тактический договор, который даёт нам возможность выиграть время. Это стало ясно после оккупации Чехословакии, потому что мы не смогли оказать ей помощь в соответствии с нашим договором, что было обусловлено одновременным участием в этом договоре Франции. Мы не смогли оказать реально никакой помощи, поскольку Польша отказалась пропускать наши войска, а мы не имели непосредственной границы с Чехословакией. Нужно сказать, что чешская компания "Шкода" и чешская промышленность с нашим договором работала на вооружение Красной армии, и когда Чехословакия была оккупирована, мы потеряли промышленный потенциал Чехословакии для вооружения, а фашистская Германия его приобрела.

На самом деле Красная армия в Великой Отечественной войне разбила не только немецко-фашистскую армию, она практически принесла свободу всем странам Европы и разбила объединённые вооружённые силы Европы. Часто у нас не задумываются, что у многих стран число участников вооружённых сил, воевавших против Красной армии, было больше, чем число тех, кто участвовал в сопротивлении против фашистов. У нас не было другого выхода, кроме как использовать все тактические методы, и сила советского, в том числе экономического, строя была продемонстрирована во время Второй мировой войны, когда, фактически потеряв большую часть европейской части Советского Союза, мы смогли наладить промышленное производство вооружений, так что в 1944 году по всем основным типам вооружений Советский Союз производил его больше, чем объединённая Европа во главе с фашистской Германией.

* * *

Если просто говорить о необходимости, например, колLECTIVизации, то это совершенно очевидная вещь: иначе мы не смогли бы накормить свою страну во время Второй мировой войны. Можно спорить и говорить о том, какие методы были применены, это нужно было сделать другими средствами, скажем, на широкой основе добровольности. Но необходимость и колLECTIVизации, и индустриализации была совершенно очевидна.

Если мы победили в Великой Октябрьской социалистической революции и решили строить новую систему социального равенства и государство социальной справедливости, мы прекрасно понимали, что на нас обрушится весь капиталистический мир, и прежде всего его лидер в Европе – фашистская Германия. Поэтому мы вынуждены были готовиться к войне.

Крупнейшие завоевания нашего социального строя – это, прежде всего, общественная собственность на землю, на орудия и средства производства и создание высокотехнологичных отраслей промышленности, которые вполне по тем временам конкурировали с созданной в течение столетия западной промышленностью.

Кроме того, это, конечно, наука и образование. Бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, развитие научных исследований – это, безусловно, социальная база нашей страны. Не зря многими историками, в том числе и противниками СССР, отмечалось, что победу в Великой Отечественной войне нашей стране принёс наш школьный учитель, победу нашей стране принесли десятиклассники, те, кто окончил школу в 1937–1941 годах. Именно эти молодые ребята, бесконечно преданные своей стране, получившие образование у себя в стране, и стали костяком Красной армии, они вместе со всем народом победили в Великой Отечественной войне.

Когда после войны нам нужно было восстанавливать страну, а почти вся европейская часть лежала в руинах, нам одновременно нужно было решать и проблему создания атомного оружия. После бомбардировок Хиросимы и Нагасаки политическое руководство страны отчётливо понимало, что итоги Второй мировой войны, в результате которой Советский Союз вошёл в число великих держав мира и получил мировое признание, могут быть утеряны, поскольку появилось новое, невиданное до этого времени, ужасное оружие – атомная бомба, и появился монополист этого атомного оружия, который не постесняется и не побоится его применить, который продемонстрировал это, когда в этом уже не было военной необходимости, – в случае с бомбардировкой японских городов. И здесь, безусловно, наша наука и физическая школа, выращенная А. Ф. Иоффе, сыграла свою решающую роль. И именно советская атомная школа позволила ликвидировать в кратчайшие сроки атомную монополию США, и в это же время была восстановлена вся европейская часть страны и заново построены десятки и сотни городов.

* * *

Во время Великой Отечественной войны, особенно во второй половине, начиная с 1943 года, когда победа Красной армии становилась всё более очевидной для европейских стран, происходило мощное объединение славянских народов в борьбе с фашизмом. Основу его, конечно, составлял великий союз трёх славянских республик СССР – России, Украины и Белоруссии (в сущности, единого народа) – и самой крупной славянской страны на Балканах – Югославии. Всё чаще наши бойцы шли в атаку на фашистов с лозунгом “Вперёд, славяне!” При всём моём атеистическом воспитании, я с большим уважением относился к Русской Православной Церкви, прежде всего потому, что она служила объединению славянских народов.

В 90-е годы прошлого века произошёл разгром Югославии. Только слепая ненависть, умноженная на страх возрождения славянского единства (и, кто знает, не приведёт ли это к возрождению СССР?) могла толкнуть политическое руководство США на варварские обстрелы югославских городов, включая Белград, к созданию атмосферы вражды между дружными до этого народами Югославии и в результате привести к её развалу. В статье 1996 года Генри Киссинджер утверждает: “Ни в коем случае Россия, Украина и Белоруссия не должны быть вместе! Иначе возрождение СССР станет реальностью, а этого нельзя допустить!”

Украинские события последнего времени показали, что власти США на всё готовы пойти, чтобы только не допустить этого. Каким ханжеством звучит речь президента США Б. Обамы, когда он призывает оказывать военную помощь бандеровскому режиму Украины, утверждая, что несёт демократию украинскому народу... И какую роль США при этом сыграли в приходе этого режима к власти?..

В своё время В. И. Ленин, прекрасно понимая, что двигателем всегда является борьба и соревнование систем, в очень тяжёлых условиях по окончании гражданской войны поддержал создание и проведение новой экономической политики, допускавшей и частный капитал во владении орудиями и средствами производства, и аренду предприятий частником. В одном из последних своих выступлений он сказал, что мы перейдём от России нэповской к России социалистической. Ясное дело: создавая преимущества для государственного

и социалистического сектора, мы вместе с тем заставляем государственный и социалистический сектор соревноваться, бороться с частным сектором. Затем в силу, прежде всего, внешней обстановки и неизбежности войны мы отказались от новой экономической политики и перешли к политике государственной индустриализации и коллективизации, тем самым создав реальные предпосылки для победы в войне.

Я отношусь с огромным уважением к США, к этой передовой в экономическом отношении стране. Соревнование СССР и США играло огромную роль для развития всей планеты, соревнование и сотрудничество американских и советских, а ныне американских и российских научных работников играет стимулирующую роль. И талантливый предпримчивый американский народ у меня всегда вызывал и вызывает огромные симпатии, это была действительно передовая демократическая страна на протяжении многих десятилетий.

В значительной степени благодаря созданным в СССР и в США основным принципам информационных технологий, позволяющих электронными средствами молниеносно проводить финансовые операции, главным источником развития США стали финансово-денежные спекуляции. Вследствие этого США стали утрачивать технологическое, а в какой-то мере и научное лидерство.

* * *

У К. Маркса есть замечательное выражение, что насилие есть повивальная бабка истории. Этим выражением К. Маркс подчёркивает, что только политическая революция и насильтственное свержение предыдущего правящего класса приводят к появлению нового социального строя. Так было во времена Великой французской революции, так было во времена Великой Октябрьской социалистической революции.

Ведь что произошло с нашей страной за это время? Сам по себе развал СССР – это ужасная вещь, это подрыв всей экономической системы страны, независимо от её политической и социальной структуры. Мы уничтожили высокотехнологичные отрасли промышленности, страна развивается за счёт продажи естественных ресурсов, прежде всего нефти и газа. В каком-то отношении Россия стала страной рантье, когда миллионы людей живут за счёт того, что мы продаём наши естественные ресурсы, не внося никакого реального вклада в развитие, в том числе и этих отраслей промышленности.

От ликвидации высокотехнологичных отраслей промышленности жестоко пострадал многомиллионный рабочий и инженерный класс России. Достижением, внушающим надежду на возрождение страны, явилось создание Г. А. Зюгановым и его соратниками Коммунистической партии Российской Федерации, борющейся за интересы трудящихся. Рабочий класс был и всегда остаётся тем слоем населения, который готов идти на защиту своих интересов наиболее решительным образом. Согласно новым российским законам, любые призывы к революции являются преступлением, и меня за такие призывы можно было бы по определённой статье судить и вынести приговор. Но я бы хотел сказать следующее: даже если бы мы сегодня решили, что так нужно делать, это не имело бы шансов на успех. Успех новой пролетарской революции в стране возможен, только если есть пролетариат и сложилась революционная ситуация.

Но, безусловно, мы должны создавать новую экономику. Как-то, обсуждая эти проблемы с президентом В. В. Путиным, с которым иногда удаётся встретиться и поговорить, я сказал ему, что выдвинутый им лозунг создания к 2020 году 25 миллионов рабочих мест в высокотехнологичном секторе экономики является не только, как он определил, задачей бизнеса, это одновременно задача науки и образования, потому что реальное создание многомиллионных рабочих мест требует другого отношения к развитию науки и образования в нашей стране. Развитие мировой цивилизации происходило благодаря развитию научных исследований и созданию новых технологий.

* * *

Современные информационные технологии базируются на двух материальных компонентах – кремниевых чипах и полупроводниковых гетероструктурах. Именно гетероструктуры – “кристаллы, сделанные человеком”, по образ-

ному выражению японского физика Лео Эсаки, — определили возникновение и прогресс сотовой телефонии и спутниковой связи, оптоволоконной связи и светодиодного освещения. Вся современная фотоника, быстрая электроника, в значительной степени “солнечная энергетика” и эффективное энергосбережение основаны на их использовании. В отличие от чипов, в этой области пионерами и создателями научного фундамента и основ технологии были, прежде всего, мы, а не американцы. Первое опытное промышленное производство лазеров, светодиодов, солнечных батарей на гетероструктурах у нас было раньше, чем за рубежом.

Основа этого безусловного успеха лежала в традициях нашей академической науки, в том, что Академия наук СССР была мощной организацией с разветвлённой сетью собственных лабораторий, в которых учёные имели свободу выбора и возможность вести фундаментальные работы независимо от временной конъюнктуры.

Однако расцвет практического и широкомасштабного промышленного применения гетероструктур пришёлся уже на годы “реформ”, то есть раз渲ла СССР и всех его высокотехнологичных отраслей экономики.

В новых условиях образование, конечно, нуждается в серьёзных изменениях, и эти процессы идут в ведущих вузах страны, и задача бюрократов — вовремя их поддержать. Один из императивов современного образования состоит в том, что в своей учебной и научной деятельности университет должен ориентироваться на решение важнейших технологических задач и широко развивать междисциплинарные учебные и исследовательские программы. Для решения этих задач в мире возникли новые университеты, заметно изменились многие старые известные вузы. Первым в России стал Санкт-Петербургский академический университет Российской академии наук.

Успех может быть достигнут, если руководство страны осознает, что “наука необходима для страны. Каждая держава завоевывает свою независимость тем, что нового, своего приносит она в общую сокровищницу цивилизации. Если этого не происходит, она подвергается колонизации” — так сказал в своей юбилейной лекции в Коллеж де Франс 5 мая 1950 года великий учёный и гражданин, коммунист Фредерик Жолио-Кюри. Успех может быть достигнут в результате самого тесного и, наверное, вначале весьма болезненного симбиоза науки и рождающихся высокотехнологичных бизнес-компаний. Современной научной молодёжи, и не только ей, я хотел бы напомнить сказанные в той же лекции слова Фредерика Жолио-Кюри: “Учёный должен из чувства патриотизма развивать свои идеи и просвещать сограждан в отношении роли науки, которая должна служить освобождению человека, а не накоплению личных прибылей”. Утрата этого великого принципа ведёт к деградации науки и общества.

Важнейшая задача, которая стоит перед нами, — сделать науку востребованной. Без этого её не вывести из нынешнего бедственного положения. Когда наука востребована, всегда появляются средства на реализацию научных разработок. Такие условия и нужно создать в нашей стране сегодня. Одним из реальных инструментов решения этой задачи должна быть Российская академия наук, конечно, нуждавшаяся в реорганизации и возрождении многих утраченных ею за годы перестройки и “реформ” качеств. Этот процесс должны были осуществлять сами учёные при поддержке власти. Вместо этого в 2013 году был принят новый закон, практически уничтоживший Российскую академию наук, превратив её в клуб учёных. Настоящее возрождение Академии наук сегодня — очень сложная, почти невыполнимая задача, но мы должны это делать, и для этого требуется совсем другой подход и власти, и Академии.

* * *

Министр энергетики Саудовской Аравии недавно сказал такие слова: “Каменный век закончился не потому, что наступил дефицит камня, и нефтяной век закончится не потому, что наступит дефицит нефти”. Каменный век сменился бронзовым благодаря созданию новых технологий, и нефтяной век закончится — я в этом абсолютно уверен — благодаря развитию и успешному осуществлению новых технологий, в том числе фотоэлектрического метода преобразования солнечной энергии, который практически полностью решит все электроэнергетические проблемы человечества.

Мы на самом деле очень близки к решению этой проблемы, речь идет о 30-х годах нашего столетия, когда именно этот метод станет и экономически выгодным, и основным. Ведь он на многие столетия практически решает проблему электроэнергетики для всей нашей планеты. Если принять, что развитие человечества и развитие нашей цивилизации определяется, прежде всего, благодаря развитию науки и созданию новых технологий на основе научных исследований, то, я думаю, здесь появляется – можно меня упрекать в некоем политическом идеализме – мирный способ развития человечества и перехода к значительно более эффективному способу удовлетворения основных потребностей населения, которое живёт на нашей планете. И, прежде всего, я говорю о нашей стране, потому что в этом случае мы развиваем новые высокие технологии. Развитие новых высоких технологий может происходить только при реализации стратегического планирования по основным направлениям производства. При этом частный сектор весьма ограниченно может существовать, но в области высоких технологий он, в первую очередь, будет участвовать в рождении стартап-компаний, основанных на новых научных исследованиях. Эффективное развитие крупной промышленности невозможно на основе частного сектора, поэтому на самом деле будет происходить постепенное изменение социальной структуры общества, ведущее к рождению квалифицированного рабочего класса и научно-технической интеллигенции. Что чрезвычайно важно, для нашей страны только реализация этого способа производства может привести к тому, что миллионы людей будут заниматься не просто работой, а будут заниматься интересной работой, которая будет приносить им и хороший заработок, и удовлетворение самим процессом своей работы. Эту идеологию Коммунистическая партия Российской Федерации и её фракция в Государственной думе формулирует и развивает, основываясь все эти годы антисоветских "реформ" на формуле К. Маркса: "Наука – производительная сила общества". Сегодня возрождение высокотехнологической промышленности необходимо для сохранения России, и это начинают понимать многие партии, но знамя и сила этого движения должны быть у КПРФ.

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

член Совета Федерации

ОТ ПРОГРАММЫ УПАДКА — К ПРОГРАММЕ РАЗВИТИЯ

“Сырьевая экспортно ориентированная структура экономики России исчерпала себя”. Это утверждение стало общим местом в выступлениях политиков и публицистов, учёных и предпринимателей, да и просто в размышлениях граждан – достаточно посмотреть газеты и интернет. Так думают и говорят люди самых разных, порой диаметрально противоположных политических убеждений и экономических воззрений. Тогда возникает вопрос: разве четверть века назад мы изначально собирались строить именно такую рыночную экономику, а она вот почему-то себя исчерпала? Ответ будет отрицательный: нет, не собирались. Ведь об этом не было сказано ни в одном из посланий всех трёх сменивших друг друга президентов России, не стояло это в программах ни одной партии, хоть оппозиционных, хоть правящих. Таких устремлений не провозглашалось ни в одной концепции или стратегии развития страны, которые принимались правительством. Наоборот, хотели построить экономику эффективную, многоотраслевую, находящуюся на передовых рубежах научно-технического прогресса, занимающую достойное место в мире. Тогда почему же всё выходит по-иному?

В тисках ложных рецептов

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что капитализм как общественно-экономическая формация, имеющая строго определённые универсальные черты, является сугубо научной абстракцией и живёт только

ШТЫРОВ Вячеслав Анатольевич — член Совета Федерации, президент Республики Саха (Якутия) в 2002–2010 годах, до того — глава крупнейшей в мире алмазной компании “АЛРОСА”. В журнале “Наш современник” публикуется не впервые.

в головах и трудах политэкономов. В реальной жизни он имеет разные формы, которые складываются исторически под влиянием экономико-географических, природно-климатических, политических, ментальных и иных обстоятельств, характерных для той или иной группы стран. Ведь недаром говорят, что существуют англо-саксонская, европейская континентальная, азиатская (применительно к Японии и другим “азиатским тиграм”) модели капитализма. Они отличаются друг от друга хозяйственным механизмом, регулирующим внутреннюю экономическую жизнь и способ включения страны в мирохозяйственные связи.

А что же в России? Создали ли мы свою модель, соответствующую, хотя бы в принципе, одной из трёх названных? Ведь они признаны успешными, обеспечили устойчивое развитие и выход на передовые технологические рубежи целого ряда стран в разных частях света.

К сожалению, нет. За четверть века у нас создана модель, которая смею может быть названа компрадорской. Главными её чертами являются упор на торговлю сырьём, а не на создание каких-либо производств; приоритет экспортно-импортных операций над целенаправленным формированием внутреннего рынка; ориентация не на накопление капитала за счёт собственных источников, а проедание их и внешние заимствования. В результате происходит всё более прогрессирующая примитивизация экономики. Гипертрофированно увеличивается в её структуре значение нескольких сырьевых отраслей, продукцию которых можно куда-то пристроить на экспорт, а другие отрасли попросту исчезают. Ну, чем не компрадорский Китай XIX века?!

В основе любой модели капитализма лежит определённый хозяйствственный механизм, который состоит из отдельных элементов: денежно-кредитной политики, структурной, антимонопольной, таможенной, ценовой, систем регулирования труда, доходов и расходов населения, аккумуляции сбережений и их трансформации в накопления, организации пенсионного и социального обеспечения и ряда других. Если судить по постоянным намерениям правительства России что-нибудь реформировать, можно подумать, что наш хозяйственный механизм всё ещё находится в стадии формирования. Однако это не так. Он уже сформирован, и его главные элементы приобрели вполне выраженные черты. Это и полная свобода трансграничного движения капиталов; и максимальная либерализация внешней торговли товарами и услугами на условиях ВТО; и привязка объёмов денежной эмиссии к золотовалютным резервам; и использование ставки рефинансирования исключительно в целях борьбы с инфляцией; и отказ от поддержки прорывных технологий; и постоянное изъятие денег из экономики в различные фонды; и ориентация на иностранный капитал и технологии; и поэтапное доведение цен на продукцию естественных монополий на внутреннем рынке до уровня мировых; и всё большая коммерциализация бюджетной сферы. Каждое по отдельности и совокупное действие всех этих элементов хозяйственного механизма служат и основанием, и инструментом автоматического воспроизведения нашей компрадорской модели капитализма. А сам он является продуктом особого типа макроэкономической политики, имя которой – Вашингтонский консенсус. В фантик с таким незамысловатым названием завёрнут набор псевдонаучных либеральных рецептов по выходу из кризисов для испытывающих финансовые или экономические затруднения развивающихся стран. Международный валютный фонд и Всемирный банк, находящиеся, как известно, под полным контролем Соединённых Штатов Америки, объявили, что любые формы взаимодействия с такими странами они будут осуществлять только на условиях полного соблюдения правил Вашингтонского консенсуса. А это, как следует из экономической теории и как показала практика, довольно быстро приводит развивающиеся государства к потере своей экономической и политической самостоятельности, фактически превращая их в своеобразные колонии.

В тиски упомянутого консенсуса попала и Россия. Но важно понимать, что действующий у нас хозяйственный механизм сложился не спонтанно под влиянием каких-то объективных обстоятельств. Он был сознательно и целенаправленно сконструирован за четверть века наших реформ. Его идеальным основанием послужил неолиберализм, который был господствующим течением мировой научной мысли в годы старта российских реформ. Как и любая другая теоретическая конструкция, неолиберализм, безусловно, содержит в себе ряд позитивных идей, полезных к применению на практике.

Кто же, к примеру, будет оспаривать необходимость максимально возможного раскрепощения рыночных сил и развития конкуренции на внутреннем рынке? Но в то же время ряд его ошибочных положений был принят совершенно бездумно. Прежде всего, это касается порядка и условий нашего включения в мирохозяйственные связи.

Основанные на идеях либерализма экономические теории требуют ликвидации любых барьеров между странами на пути свободного движения товаров, услуг и капиталов. Их апологеты утверждают, что это должно привести не только к всеобщему процветанию, но и к выравниванию уровня развития различных государств за счёт их специализации на определённых эффективных видах деятельности, углубления международного разделения и кооперации труда. Однако во все времена, когда те или иные разновидности либерализма главенствовали в мировой экономической мысли, а самое главное – получали практическое воплощение в политике ведущих мировых держав или их союзов, происходило как раз обратное. Разрыв между богатыми индустриальными и бедными сырьевыми странами не сокращался, а только увеличивался, порой достигая размеров пропасти. Почему это так, давным-давно нашло своё объяснение в трудах учёных разных стран и поколений. Они убедительно показали, что по сути своей либерализм является не чем иным, как теорией чисто торговых отношений. Он попросту игнорирует главную часть экономики – труд и производство. А ведь труд может быть простым или сложным, создающим в единицу времени дополнительную добавленную стоимость. Производство может быть ручным или высокотехнологичным, порождающим интеллектуальную ренту. Разница в произведённой добавленной стоимости, наличие интеллектуальной ренты обуславливают так называемый “неэквивалентный обмен” в торговле между странами, что, в свою очередь, выступает причиной ускоренного развития одних из них и отсталости других. А свобода перемещения капиталов, товаров и услуг служит мощнейшим катализатором этого процесса, давая возможность беспрепятственно вытеснить внешними поставками внутреннее производство любых более или менее сложных товаров в отсталых странах. В наднациональных масштабах неумолимо начинает действовать известная функция ничем не ограниченной рыночной конкуренции – дифференциация товаропроизводителей. В замкнутых границах отдельных государств её результатом становятся изменения в положении предприятий: рост масштабов деятельности одних и ухудшение позиций, а то и разорение других. А вот в международных масштабах происходит накопление капитала, специализация на научёмких и высокотехнологичных производствах, рост благосостояния в одних странах и утечка капиталов, примитивизация структуры экономики, относительное или абсолютное снижение уровня жизни – в других.

Где место современной России в этой системе? Очевидно, что во втором эшелоне. Достаточно посмотреть, что происходит в стране в последние четверть века. С каждым новым экономическим циклом, как угодно его можно считать – по финансовым годам или от кризиса к кризису, – отраслевая структура нашего народного хозяйства всё более и более деградирует. Всё меньше остаётся не только высокотехнологичных, но и стандартизованных обрабатывающих производств. Могут возразить, что в последние годы созданы сотни новых современных предприятий. Но не надо забывать, что за это же время прекратили существовать тысячи. Всё правильно, всё идёт в строгом соответствии с теорией, которую мы взяли на вооружение и усердно реализуем на практике. Потому деградация и дальше будет продолжаться. Наша страна методично отдаётся на периферию от развитых и богатых мировых центров экономической жизни, одновременно становясь всё более зависимой от них.

Какие надо выучить уроки

Можно ли было предвидеть в начале наших реформ такой печальный исход радикально открытого входления страны в мировой рынок, безо всякой подготовки, как говорится, с места в карьер? Конечно, можно. Повторяю, всё, что происходит с нами – далеко не новость. Достаточно посмотреть на экономическую историю разных государств. Там найдутся полные аналоги нашей сегодняшней ситуации. Но найдётся и позитивный опыт включения в мирохозяйственные связи целого ряда стран. Он был успешен тогда, когда осу-

ществлялась всемерная поддержка экспорта продукции отраслей с высокой добавленной стоимостью, а поставки на мировой рынок сырья ограничивались, если не прямо, то косвенно, как это было в Южной Корее. Одновременно внутренний рынок защищался сознательно создаваемыми барьерами, которые иногда носили и неявный характер. Например, в Японии никогда официально не вводилось ограничений на импорт потребительских товаров длительного пользования, но в массе своей они не могли пробиться к покупателю сквозь традиционные многоступенчатые торговые сети этой страны. Снятие торговых барьеров и открытие внутренних рынков успешных стран проходило по мере выхода ключевых отраслей их хозяйства на конкурентный по международным меркам уровень. Следует заметить, что этот выход достигался в том числе и за счёт тщательно культивируемой конкуренции национальных производителей на внутренних рынках.

Кто-то может сказать, что для нас не было необходимости использовать подобный опыт, поскольку к началу рыночных реформ Россия располагала вполне конкурентоспособными производствами во многих отраслях, доставшихся в наследство от Советского Союза. Но надо вспомнить, что именно в это время развернулась массовая приватизация, в ходе которой подавляющее большинство лучших предприятий страны было буквально раздербанено на части. Разве могли теперь отдельные цеха или даже участки бывших производственных объединений законченного цикла обеспечить выпуск хоть какой-то высокотехнологичной продукции? В том-то и дело, что к полной либерализации внешнеэкономической деятельности мы подошли только с сырьевыми товарами. А разгромленная обрабатывающая промышленность даже на внутреннем рынке быстро была вытеснена иностранными товаропроизводителями. Началась нарастающая деиндустриализация страны.

А вот главный апологет современного либерализма – Соединённые Штаты Америки в своё время сполна использовали весь арсенал протекционистских мер для защиты от международной конкуренции своей развивающейся промышленности. Собственно говоря, глубинным содержанием не только экономической, но и политической истории первых полутора веков существования этой страны была борьба североамериканского протекционизма с английским либерализмом в мировой торговле. И велась она на всех фронтах: и на страницах учёных фолиантов, газет и журналов, и в правительственные решениях, и даже на полях кровопролитных сражений. Ведь суть и войны с Англией за независимость в XVIII веке, и гражданской войны в Соединённых Штатах в XIX веке была вовсе не борьба за политическое самоопределение американских колонистов или гражданские права негров, а за возможность для Америки развивать под сенью протекций собственную промышленность и перестать быть британским сырьевым придатком. Эта линия выдерживалась на протяжении многих десятилетий в собственной экономической политике США, а по мере усиления их роли на международной арене стала трактоваться как носящая универсальный характер для мировой экономики. Так, в 1941 году Рузвельт обуславливал перед Черчиллем вступление Штатов во вторую мировую войну на стороне Англии демонтажом основанной на либеральной идеологии системы торговых отношений внутри Британской империи. В этой системе он видел причину углубляющегося разрыва в уровнях развития между промышленной метрополией империи и её сырьевыми сателлитами, которые, несмотря на все усилия, стремительно погружались в нищету. По его мнению, правильный путь лежит через индустриализацию развивающихся стран, создание в них многоотраслевой экономики. Только тогда возможен и нужен их открытый выход на мировые рынки в режиме свободной конкуренции на благо всеобщего процветания. Такой подход во многом был реализован на практике в знаменитом плане Маршалла для восстановления послевоенной Европы.

Но вот прошло несколько десятилетий, и Соединённые Штаты вместе со своими союзниками радикально поменяли курс. Что же для этого послужило причиной? Сработала старая, хорошо известная истина: бытие определяет сознание. Попав в жёсткие тиски мирового экономического кризиса 1970-х – начала 1980-х годов, промышленно развитые страны Запада нашли выход из него в глобализации мировой экономики. Для этого потребовалось взломать все экономические границы и барьеры и обеспечить свободное движение товаров и услуг западных компаний на внутренние рынки развивающихся стран,

одновременно получив доступ к их сырьевым ресурсам. Для идеологического обоснования стратегии экспансии была выбита пыль из старых теорий бывших оппонентов и сконструирован современный неолиберализм. В рамках свойственной Соединённым Штатам Америки – этой современной империи лжи – политики двойных стандартов неолиберальные доктрины используются в двух форматах. В развитых странах они применяются прагматично и выборочно, с пользой для экономики страны. Для развивающихся же государств сформированы в виде обязательных к исполнению принципов Вашингтонского консенсуса. Понятно, что принятие этих принципов для многих стран – приговор к вечной отсталости и второсортности, но их обязательность обеспечивается политическим, а то и военным принуждением либо через деятельность международных финансовых организаций, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Теперь сравним дюжину пунктов Вашингтонского консенсуса и главные элементы нашего действующего хозяйственного механизма, о которых говорилось выше. Они находятся в полном соответствии друг с другом.

Конечно, возникает вопрос: есть страны, которые в силу тех или иных обстоятельств исторически были слаборазвитыми, но мы-то почему покорно приняли идеологию Вашингтонского консенсуса и прямо-таки по пунктам его принципов выстроили компрадорскую модель экономики? Мы же не находились под дулами английских, французских или американских канонерок, как Китай во время “опиумных” войн или Япония во времена бандитствующего яники, адмирала Перри, когда они силой заставили эти великие страны раскрыть свою экономику. Да, это так, но условия Вашингтонского консенсуса в начале 1990-х годов нам тоже были навязаны Западом. И навязаны благодаря слабой, непрофессиональной команде, оказавшейся тогда во главе страны. Главными причинами уступок, судя по всему, стали две. Во-первых, тогдашнее руководство страны готово было на всё ради признания его легитимности на международной арене после преступного и незаконного разрушения Советского Союза. Во-вторых, нужда во всей новых кредитах, как для расплаты по старым долгам, так и для проведения рыночных реформ.

Сегодня ситуация иная качественно. На основе новой формы своей государственности Россия приобрела внутреннюю устойчивость и весомый международный авторитет, легитимность всех ветвей её власти никем не оспаривается, снято тяжкое бремя государственных долгов. Пришло время освобождаться от пут навязанной нам извне модели экономики, конструировать новую, нацеленную на передовые мировые рубежи.

Но дело не только в объективно созревших для этого условиях. Просто время уже не ждёт: мы у края обрыва, на котором можно немного постоять, но дальше пути не будет. Только падение. Это особенно ясно в условиях резкого снижения цен на сырьё, санкций и контрсанкций, беспрецедентного политического и идеологического давления на нашу страну со всех сторон. Союзников и бескорыстных подсказчиков, к сожалению, у нас нет. Самим надо всё решать. Наверное, осознание этого приходит ко всем. Вот почему появилось так много разных идей и концепций, что делать дальше.

Либеральный консерватизм

Как и должно ожидать, первую скрипку в дискуссиях задают “экономические гуру” последних лет. Как правило, это люди из властных или привластных, или, на худой конец, околовластных кругов. К примеру, Улюкаев, Греф и Кудрин. Их рекомендации на первый взгляд кажутся разными, но по сути дела дают одни и те же рецепты: приватизация, демонополизация, снятие административных барьеров, защита прав собственности, коммерциализация социальной сферы, реформа правоохранительной системы и прочая, прочая тотальная либерализация.

Конечно, сразу возникает вопрос: а чем же мы занимались четверть века? Разве не этим? Можно ведь даже ретроспективный график, когда и как всё делали, привести. Представить тонны исписанных “дорожных карт” и отчётов об их исполнении. А результат реализации идей двадцатипятилетней давности налицо: деградация экономики только продолжается.

Сами либеральные экономисты заявляют, что все наши проблемы якобы от незавершённости начатых реформ. Надо, мол, довести их до конца, до-

шлифовать до полного блеска все элементы созданного хозяйственного механизма. И он заработает надёжно, как швейцарские часы.

Да, заработает. Только будет в ещё более ускоренном темпе воспроизводить то, к чему уже привела политика Вашингтонского консенсуса. Это ком-прадорская модель капитализма, примитивизация структуры экономики с гипертрофированным развитием сырьевых отраслей. Можно дальше продолжить цепь причинно-следственных связей: сырьевая экономика – место в числе отсталых стран – второстепенная роль в мировой политике – угрозы национальной безопасности – частичная или полная потеря государственного суверенитета. Реально ли такое развитие событий? Вспомним собственную нашу историю. Конец XIX – начало XX веков, недовольство революционеров всех мастей незавершённостью реформ Александра II и их требование: надо больше буржуазной демократии, больше и больше! Конец XX века, недовольство Горбачёва и кучки окружающих его клевретов итогами семидесятилетнего государственного строительства в СССР и их требование: надо больше социализма, больше и больше! В обоих случаях радикализм привёл Россию к государственной катастрофе. А не путь ли к тому же – нынешняя ситуация, когда современные либеральные радикалы требуют: надо больше либерализма, больше и больше?

Где исток этих идей? Он в том, что в начале 1990-х годов нам были навязаны к исполнению не только определённого сорта экономическая политика, основанная на принципах Вашингтонского консенсуса, но и команда проводников её в жизнь. Не думаю, что Ельцин был рад Гайдару во главе правительства России. У него были свои фавориты. Это решение, скорее, было вынужденным.

Гайдара уже нет, но его соратники, воспитанники, последователи и просто конъюнктурно примкнувшие к ним люди и сегодня остаются на вершинах властных, научных и идеологических структур. Им объективно трудно отказаться от своих идей и дел, даже если они осознают, что были проводниками чужих интересов и ложных концепций. Срабатывает известный философский гносеологический закон: общественное бытие всегда опережает общественное сознание. Жизнь идёт вперёд, а люди, как правило, остаются в пленах однажды сформировавшихся взглядов. Практика уже доказала, что неолиберализм, может быть, и был полезен Западу в определённый исторический период, но сегодня сам является источником многих глобальных мировых проблем. Потому уходит в прошлое и сама эта теория, и её практическое применение. Но отечественные либералы, взгляды которых сформировались три десятилетия назад, когда неолиберализм был господствующим течением мировой экономической мысли, до сих пор остаются в пленах его иллюзий. В этом смысле их, в том числе самого Грефа, можно назвать его же термином – дауншифтерами.

Куда идти

Вместе с тем, помимо либеральных концепций выдвигаются и другие предложения по созданию новой модели экономики.

Во всём их разнообразии можно увидеть сходство точек зрения относительно ближайших стратегических экономических целей. Это, **во-первых**, замена в качестве основного источника самого существования и развития страны сырьевой ренты на интеллектуально-технологическую; **во-вторых**, снятие всех инфраструктурных ограничений для любых видов хозяйственной деятельности; **в-третьих**, оптимизация систем территориального размещения производительных сил и расселения. Казалось бы, эти цели слишком разновекторны, чтобы ставить задачу их одновременного достижения. Но на самом деле, они взаимоусловлены: одно невозможно без другого. А самое главное, именно в своей совокупности они обеспечивают и экономическое развитие, и политическое единство, и безопасность страны от внешних geopolитических угроз.

Возможно, нам повезло, что, как говорят специалисты, мир переживает очередную смену глобального технологического уклада. Именно такие времена наиболее благоприятны для выхода на мировые рынки с новыми продуктами, материалами, оборудованием и технологиями. Это создаёт хорошие предпосылки для достижения первой стратегической цели. Тем более, что,

как считают учёные, по трети из 50 наиболее значимых мировых достижений в нано- и биотехнологиях, генной инженерии, интегрированных информационных системах мы занимаем передовые позиции, а по ряду других сохраняем все возможности догнать лидеров. Но надо спешить: многие в этом мире при разработке новейших технологий двигаются быстрее нас. Вот почему **фундаментальные и прикладные исследования, отрасли и производства, находящиеся на острие научно-технического прогресса, должны сполна получить первоочередную государственную поддержку, не только финансовую, но и организационную**. Имеется в виду создание целого ряда специальных внедренческих структур, находящихся на стыке науки и прикладного использования её достижений.

Целый арсенал разнообразных форм государственной поддержки необходимо использовать и для стимулирования восстановления и развития высокотехнологичных отраслей действующего уклада, в первую очередь, всех видов машиностроения, а также извечных базовых секторов народного хозяйства, таких как агропромышленный комплекс. А вот другие виды деятельности должны развиваться самостоятельно, ориентируясь исключительно на текущую и долгосрочную рыночную конъюнктуру, находясь в режиме жёсткой конкуренции не только с отечественными товаропроизводителями, но и с зарубежными. Их поддержка может иметь какой-то смысл только в рамках разумного импортозамещения. Необходима концентрация внимания и ресурсов на главных приоритетах, обеспечивающих и технологическую самодостаточность страны, и эффективный выход на мировые рынки. Только так можно остановить постоянный отток капитала, обусловленный "неэквивалентным" обменом при торговле сырьём и полуфабрикатами. Только так создаётся канал его притока и накопления.

Концентрация средств необходима и в ходе достижения второй стратегической цели – снятия всяких инфраструктурных ограничений для всех отраслей народного хозяйства. На первом этапе надо отодвинуть в сторону разного рода местечковые проекты – плоды всевозможных лоббистских усилий – и сосредоточиться на решении общенациональных вопросов, обеспечивающих экономическое, социальное, культурное, мобилизационное и, в конечном итоге, политическое единство страны. Речь идёт о завершении создания объединённой энергосистемы страны, единых общегосударственных систем магистральных нефте- и газопроводов, тотальной газификации населённых пунктов; окончании реконструкции БАМа и Транссиба; строительстве Северо-Сибирской, Трансуральской, Амуро-Якутской железных дорог, Белкомура и Северного широтного железнодорожного хода; прокладке автодорог на Чукотку и Камчатку; восстановлении Северного морского пути и меридиональных подходов к нему. Причём внимание должно быть уделено не только линейным сооружениям, но и крупным транспортным узлам, объектам логистики. В первостепенности этого вопроса можно убедиться на примере импортозамещения рыбной продукции. Предполагалось, что значительная часть её импорта из европейских стран будет заменена на нашем внутреннем рынке на отечественную дальневосточную. Но этого не произошло, хотя по ходу пущены 2015 года такие возможности были. Причиной послужил крайний недостаток мощностей по приёмке и переработке рыбы в российских портах Дальнего Востока. А вот у наших восточных соседей с этим всё в порядке. В одном только южнокорейском порту Пусан ёмкость рыбных холодильников почти в тридцать раз больше, чем на всём Тихоокеанском побережье России. Поэтому и уплыла наша рыба на чужие столы.

По третьему направлению необходимо продолжить работу по созданию особых условий хозяйственной деятельности и организации социальной сферы в депрессивных макрорегионах, таких, как Дальний Восток, Северный Кавказ, Крайний Север востока страны.

Это главные цели с позиций сегодняшнего дня, а завтра появятся новые.

Целеполагание: от имитации – к конструированию будущего

Задача определения и чёткого формулирования стратегических целей развития страны чрезвычайно сложна. Обусловлено это не линейным, а скорее скачкообразным, со множеством непредвиденных эффектов ходом научно-

технического прогресса. Сложности добавляет и то, что сами социально-экономические процессы носят вероятностный характер, поскольку в их основе лежат не только объективные закономерности общественного развития, но и субъективная человеческая деятельность. Тем не менее, во многих успешных государствах созданы системы стратегического прогнозирования, целеполагания и планирования. Пока писалась эта статья, индузы, китайцы и японцы выполняли свои очередные пятилетние индикативные планы, немцы были заняты практической реализацией долгосрочных федеральных программ выравнивания уровней развития земель, по заранее заданной траектории движется военно-промышленный комплекс США, увлекая за собой мощнейшую национальную науку и высокие технологии.

А куда движется Россия? Формальный ответ может быть таким: наши цели заданы разработанной ещё в 2008 году "Стратегией 2020". Но над этим документом сейчас почти в открытую посмеиваются сами его разработчики. Да, дескать, был грех, творили что-то, не ведая ничего про будущие катаклизмы с нефтью и Крымом, а сейчас всё это устарело и не нужно. Но ведь даже и кризисные сценарии должны были быть учтены в главном стратегическом документе, подготовлены на этот случай планы действий. Сейчас бы они и пригодились. А может быть, дело не в непредвиденных катаклизмах, а самом подходе к прогнозированию и целеполаганию?

Для того чтобы проверить это, вернёмся в 2008 год. Тогда кроме обще-государственной "Стратегии 2020" был принят и целый ряд других. К примеру, Энергетическая стратегия России до 2030 года. Даже если просто посмотреть на принятые в этих двух документах горизонты планирования, то можно сделать вывод, что энергетика первична. До 2020 года она ведёт за собой экономику страны, дальше отпускает её идти в каком хочешь направлении, а сама движется к собственным целям. Но ведь должно же быть ровным счётом наоборот. И это не единичный случай. Это типичная ситуация: достаточно проанализировать все принятые к настоящему времени документы стратегического планирования. В них собственные цели развития отраслей и макрорегионов вовсе не вытекают из общегосударственных.

"Ничего страшного нет, ведь всё это только бумажные планы", – скажут некоторые. Это не так. Давайте заглянем в ту же Энергетическую стратегию России до 2030 года. В ней прямо декларируется идея, что топливно-энергетический комплекс – это самоценный "локомотив", который ведёт страну в инновационное будущее. Именно в этой парадигме он и развивается до сих пор, всё более отрываясь от других отраслей и сфер деятельности, становясь "вещью в себе" с замкнутым денежно-ресурсным оборотом: продажа сырья на экспорт – закупка импортных технологий и оборудования, и далее по этому же кругу. А в соответствии с законом убывающей производительности недр, ТЭК требует всё больше средств, ресурсов, льгот, преференций, внимания и всё меньше от него общая народнохозяйственная отдача. Пожалуй, не осталось на планете не то что страны, а даже маленько островка в океане, куда бы мы не пытались привести газовую трубу или пригнать танкер с нефтью. А в это же время 40 процентов территории России не имеет газа, жители тысяч населённых пунктов топят дома дровами и кизяком, как в XIX веке. При наличии пока ещё богатейших ресурсов и относительно низких затратах на добычу углеводородов цены на рынке первичных энергоносителей внутри страны подошли к пределу платежеспособного спроса со стороны промышленности и населения. В эмбриональном состоянии находится нефтегазохимия. А ведь эта отрасль могла бы во многом сдемптировать негативные последствия падения мировых цен на углеводороды, как это происходит в тех же США и Катаре. В чём причина происходящего? В неверно сформулированных стратегических целях. Ни с точки зрения народнохозяйственных интересов, ни по природе своей не может быть топливно-энергетический комплекс "локомотивом" развития экономики. Эта важная, но обычная инфраструктурная отрасль, задача которой – обеспечить жизнедеятельность населения и бесперебойную работу других отраслей народного хозяйства. Всё остальное – по возможности и в крайнем случае. Так бы оно и было, если бы в стратегическом планировании, как говорится, телега не ставилась впереди лошади, и цели ТЭКа были бы определены из интересов всей страны, а не самого этого комплекса.

Казалось бы, ситуация должна была радикально поменяться с принятием в 2014 году федеральных законов о стратегическом планировании и о промы-

шленной политике в Российской Федерации. Однако нет, ничуть не бывало. До настоящего времени правительством не разработаны нормативно-правовые акты, определяющие технологию и порядок выполнения положений этих законов. Более того, всю эту работу оно, по-видимому, намеревается и во-все свернуть. А как же иначе понимать недавно принятое решение об упразднении департамента стратегического планирования в составе Министерства экономического развития России? Или прошлогоднюю ликвидацию Совета по изучению производительных сил – старейшего в стране института, занимавшегося вопросами программирования социально-экономического развития. Созданный ещё при императоре Николае II, он сто лет служил государству при самых разных властях и правителях, а вот теперь стал не нужен. Но **какие бы ни были причины упорного неприятия стратегического планирования – за-цикленность ли на идеологических догмах либерализма или некомпетентность и недальновидность – жизнь всё равно заставит его налаживать.** Потому что будущее не приходит само, оно сознательно конструируется, пусть и со многими поправками и корректировками по мере развития событий. Если этим не заниматься, придётся стать в строй подчинённых в новой реальности, которую создадут наши конкуренты, а не мы.

Как конкретно должна быть выстроена система стратегического прогнозирования, целеполагания и планирования – это предмет отдельных самостоятельных исследований и решений. Сегодня, опираясь на наш собственный богатейший опыт и практику успешных зарубежных государств, можно выделить только некоторые желательные её черты. Важно, чтобы органы стратегического целеполагания структурно были выведены за рамки правительства и подчинены непосредственно президенту России. Их состав необходимо формировать из числа руководителей и учёных РАН; ведущих конструкторов, инженеров и технологов разных отраслей народного хозяйства; представителей объединений работодателей и профсоюзов; известных в стране общественных деятелей, представляющих, прежде всего, субъекты федерации. Постоянно действующие исполнительные подразделения этих органов должны иметь право как привлекать для исследований и проектировок российские организации на основе специально разработанных долгосрочных контрактов, так и создавать собственные нужного профиля.

Планам и госпрограммам – инструментарий выполнения

Понятно, что сформулированные в самом общем виде стратегические цели разбиваются на отдельные задачи с поэтапным их решением. Эти задачи могут меняться во времени в зависимости от конкретных обстоятельств. В этой связи, направленная на их выполнение система государственных планов должна иметь долгосрочный и среднесрочный горизонты планирования с постоянной их корректировкой по результатам годовых или двухлетних периодов.

В условиях рыночной экономики никакой государственный план не может быть директивой. Для субъектов рынка он даёт только ориентиры на общественно важные цели и индикаторы их достижения. Вот почему важнейшим условием выполнения планов является их тщательное согласование со всеми заинтересованными сторонами уже в процессе разработки. Это хорошо видно на примере Японии. В ходе переговоров с участием правительства страны японские профсоюзы, как правило, соглашались умерить социальные требования в обмен на обязательства работодателей направлять всю заработанную прибыль на развитие производств в новых отраслях, названных приоритетными в государственных планах. Да и сами частные корпорации, даже флагманы мировой экономики, часто годами терпели низкую норму прибыли на капитал в высокотехнологичных отраслях, считая для себя важным действовать в русле национальных приоритетов. Позитивный опыт согласования интересов, целей и планов по горизонтам и по вертикали был накоплен и в нашей стране в советское время. Он должен быть переосмыслен с точки зрения новых реалий и найти применение в современной практике.

Достижение стратегических целей и индикаторов планов развития страны должно осуществлять правительство посредством долгосрочных и среднесрочных государственных программ. В последние полтора десятилетия подготовлена достаточно обширная методическая база их разработки. Но значимых результатов от исполнения утверждённых программ, в большинстве своём, нет.

Этому есть несколько причин. Во-первых, госпрограмм только на федеральном уровне принято сотни. Такое большое их число означает, что нечётко определены стратегические цели и нет выделенных приоритетов в развитии страны. Отсутствует и возможность сформулировать критерии оценки результативности госпрограмм. Всё это только подчёркивает то плачевное состояние стратегического прогнозирования и целеполагания в стране, о котором говорилось выше. Во-вторых, наметилась упрощенческая тенденция в самом подходе к формированию госпрограмм для отраслей бюджетной сферы. По сути своей это не программы, дающие новое качество развития той или иной отрасли, а поддержание их обычной жизнедеятельности. Такой подход не совершенствует программно-целевой метод управления, а только дискредитирует его. Но третий, самый главный недостаток действующей системы планирования, выявляется при подведении итогов исполнения госпрограмм. В подавляющем большинстве случаев та их часть, ответственность за которую возложено на государство, выполняется в значительно большей степени, чем другая, где предполагалось участие бизнеса. Это системный недостаток всех госпрограмм. Отсюда можно сделать вывод: **мало определить стратегические цели развития страны и разработать государственные планы и программы как средство их достижения. Необходимо сконструировать такой хозяйствственный механизм, который содержал бы в себе набор экономических, финансовых, фискальных, организационных инструментов, побуждающих, направляющих, стимулирующих и заставляющих частный бизнес и каждого человека участвовать в их выполнении для достижения общенациональных целей.**

Средства для развития

Одним из ключевых элементов этого механизма должна быть система мобилизации средств и направления их в качестве инвестиций в предусмотренные госпрограммами проекты развития приоритетных отраслей и направлений. Прежде всего, встаёт вопрос: где брать деньги?

По некоторым подсчётам, более 15 трлн рублей может быть получено за счёт домонетизации экономики. Эта сумма исчисляется как разница между общей массой денег, необходимой для нормального функционирования экономики при сложившихся объёме ВВП и скорости оборота денег, и фактическим их наличием в обращении. Сейчас она составляет около 40 процентов от необходимого. Остальное теми или иными способами изъято из экономики по требованию Международного валютного фонда о привязке денежной эмиссии к золотовалютным резервам Центрального банка России. Требование это, как мы помним, является одним из условий Вашингтонского консенсуса, и наша страна продолжает его покорно исполнять. От такой привязки надо отказаться, тем более в условиях санкционного режима. Лучше это сделать сейчас и направить средства на инвестиции. При этом можно использовать целый арсенал движения этих средств: прямые государственные капитальные вложения, покупка казной ценных бумаг предприятий под их проекты, предоставление им инвестиционных кредитов по базовой ставке Центробанка, государственно-частное партнёрство. Надо aproбировать и такой путь, когда проектирование и строительство новых производств ведётся за счёт государства, а потом они сдаются в аренду. Это особенно может быть полезным для практического воплощения совершенно новых идей и технологий, рождённых в лабораториях учёных.

Могут быть и другие формы, но всегда надо иметь в виду, что все они хороши, если ведут к достижению стратегических целей. Прямая государственная поддержка должна оказываться только таким проектам, которые строжайшим образом соответствуют именно заранее выделенным приоритетам. Вынужден акцентировать на этом внимание потому, что сейчас сложилась иная практика. Под каким-либо лозунгом, к примеру, необходимости инноваций, создаётся специальный фонд, выступающий буквально зазывалом для каких угодно инициатив. После глубокомысленной и дорогостоящей их экспертизы начинается финансирование всякой всячины под видом новизны: от выращивания экзотических креветок для олигархов до двухоперационной сборки импортной рухляди. Всё это должно быть ликвидировано и забыто. Основной поток инвестиций необходимо направить исключительно на главные

приоритеты. Это высокие технологии пятого и шестого укладов, любая экспортная продукция, кроме сырья, разумное импортозамещение, инфраструктура, выравнивание уровней развития депрессивных регионов.

Некоторые финансисты категорически заявят, что домонетизация экономики недопустима, поскольку дополнительная эмиссия приведёт к всплеску инфляции. Тогда давайте вспомним, что во времена деятельности правительства Примакова менее, чем за год, монетизация экономики возросла в 10 раз, а инфляция одновременно снизилась вдвое. Необходимо лишь установить контроль за тем, чтобы дополнительные средства были строго направлены на инвестиционные цели, а не выброшены на денежный рынок через коммерческие банки. Можно ли это сделать? И наш, и зарубежный опыт свидетельствуют, что можно. Образцом, например, может быть работа Промстройбанка СССР, который доводил любую копейку до строго заданных адресатов и целей. В Японии в своё время были учреждены специализированные банки, которые кредитовали инвестиционную деятельность только избранных правительством предприятий приоритетных отраслей. Таких примеров можно привести множество. Да и в нашей современной практике скоро появится нужный опыт, поскольку вступил в действие федеральный закон о порядке финансирования оборонного заказа, предусматривающий жёсткий контроль за целевым использованием средств.

Таким образом, домонетизация – это первый путь получения денег для осуществления стратегических целей. Кроме того, **порядка 20 триллионов рублей находится на счетах населения в коммерческих банках, плюс иностранная валюта на руках, эквивалентная 30 млрд долларов**. Общая сумма больше доходной части годового федерального бюджета. Значит, **надо создать систему привлечения хотя бы части этих денег в инвестиции через ценные бумаги или гарантии государства**. Уж это-то явно не эмиссионный источник!

Особая задача – остановить отток средств за рубеж. Едва ли сбудутся сладкие мечты либерально мыслящих экономистов, что этот отток остановится сам собой в ходе шлифовки их реформ. Даже если мы гордо и с большим отрывом займём самое первое место в известном мировом рейтинге условий ведения бизнеса, он не остановится при наличии открытого валютного рынка. В доказательство достаточно спросить, куда подевалась значительная часть валютных резервов нашего Центрального банка после недавнего набега валютных спекулянтов? Не для того нас принуждали к принятию правил Вашингтонского консенсуса, чтобы доллары или евро скапливались в России. Плавающий курс рубля в чём-то поможет, но в критический час плотину на пути оттока капитала не создаст. Надо вводить жёсткий валютный контроль: продажу полного объёма валютной выручки экспортёров Центральному банку (вот и источник для домонетизации экономики), ограничение переводов средств из страны юридическими лицами только текущими торговыми и платёжными по возврату кредитов операциями. Все остальные их денежные трансферты должны облагаться весомым налогом. Что касается физических лиц, то их переводы средств за границу должны иметь разрешительный характер при наличии деклараций об источниках доходов.

Возможно, это и не чисто рыночный подход. Но давайте обратимся к практике других стран. В период послевоенной реиндустриализации в целом ряде европейских стран десятилетиями существовал запрет не только на вывоз валюты, но и на покупку иностранных потребительских товаров длительного пользования. В Южной Корее даже обучающимся за границей студентам родители могли перевести строго определённую сумму в год. Японцы строго придерживались стратегии: “Мы экспортствуем товары и связанные с этим услуги, а не капиталы”. Это ли не примеры для нас? Разве это не рыночные страны, а мы разве не нуждаемся остро в реиндустриализации?

Вопрос об ограничении движения капитала из страны имеет и другой аспект. Это находящаяся у всех на слуху деофшоризация. Меры, предпринимаемые правительством в этом направлении, правильны, но явно не достаточны. К пряникам в виде амнистий возвращающихся капиталов надо добавить и кнут. Либо выход предприятия из оффшоров, либо жёсткое ограничение его деятельности в России. Речь идёт о полном запрете на участие в государственных подрядах, покупках земельных участков, акций и других активов любых российских предприятий, лишении доступа к недрам. Понятно, что эти

меры затронут интересы многих влиятельных лиц. Но надо же на практике посмотреть, как будут действовать в России подходы знаменитого и широко ныне цитируемого нашими управленцами сингапурского лидера Ли Куан Ю, который, как известно, не жалел своих друзей-товарищей.

Тарифы развития вместо тарифов удушения

Накопление денежных средств, их трансформация в инвестиции обеспечивают будущее нашей страны. Но и сегодня, и завтра реальный сектор экономики должен работать в максимально комфортных условиях, не быть обременённым необоснованными затратами. В этой связи **особенно важны справедливые цены и тарифы на товары и услуги естественных монополий**. Прежде всего, это касается производителей первичных энергоносителей – нефти, газа и угля. Сегодня господствует подход, предусматривающий поэтапное доведение цен на них внутри страны до мирового уровня за минусом транспортных затрат на экспорт. Это так называемый принцип равнодоходности при работе на внешнем и внутреннем рынках. Но даже при том, что он освящён на самом высшем властном уровне, такой подход принципиально неверен. Его можно воспринимать только как апофеоз принципов Вашингтонского консенсуса, не соответствующий ни экономической теории, ни реальной практике других государств. Цены на первичные энергоносители должны быть максимально приближены к их действительной стоимости. Этого можно добиться либо тотальной демонополизацией нефтяной и газовой промышленности, включая трубопроводные системы, и созданием на этой основе рынка с совершенной конкуренцией, либо государственным регулированием цен. Первый путь труднореализуем, да и не нужен, учитывая все негативные последствия для развития имеющего исключительно важное значение для нашей страны нефтегазового комплекса. На втором же пути надо жёстко придерживаться политэкономической формулы “цены производства”, которая требует учёта не индивидуальных, а общественно-необходимых затрат на производство продукции монополистов, не расчётной, а средней по народному хозяйству нормы прибыли. А это означает, что монополисты должны расщепляться с выходящими за все нормы прилиния сверхвысокими окладами и бонусами управленческого персонала, футбольными и хоккейными клубами, персональными самолётами и прочими загульными корпоративами. Цены на первичные энергоносители на внутреннем рынке могут и должны быть существенно снижены.

Сейчас вошло в моду ссылаться на труды крупнейшего авторитета по принципам формирования железнодорожных тарифов графа Витте. Его книги издаются большими тиражами, цитируются к месту и не к месту. Причём особенно любит это делать наше высокое железнодорожное начальство. Не буду вдаваться в подробности сложнейшего тарифного дела, но отмечу, что в настоящее время осуществлены на практике именно те подходы, которые граф нещадно критиковал, отвергал и радикально переформатировал. Если бы его принципы действительно были реализованы в наши дни, то не возникло бы проблемы пригородных электричек, не отступал бы железнодорожный транспорт в конкуренции с автомобильным на дальних грузовых перевозках, не уходили бы пассажиры с междугородних поездов на автобусы. Все эти на самом деле рукотворные проблемы настолько остры и для народного хозяйства, и для жизни людей, что требуют немедленных решений.

Но дело не только в этом. Важно, что Витте считал вопросы пространственного развития и системы тарифов железных дорог равнозначными с налоговой и таможенной политикой по своему влиянию на экономику страны. Поэтому он и соотносил интересы отрасли с общегосударственными. Отсюда и применяемые им методы: перекрёстное субсидирование перевозок одних грузов за счёт других; уменьшение удельных грузовых тарифов пропорционально расстояниям; их резкий перелом в отдельных узловых точках. За счёт одного из таких переломов, например, была ликвидирована конкуренция западных и восточных областей России на мировых рынках зерна, а Сибирь превратилась в одного из крупнейших на планете производителей животноводческой продукции. Скажи кто-нибудь сейчас о необходимости применения этих инструментов регулирования тарифов, и тут же будешь заклеймён как антирыночник. Почему? Ведь Витте был рыночником покруче нынешних. По-

другому он видел и пути реформирования отрасли. Вместо разделения её по видам деятельности, предлагал из общей сети выделить в качестве самостоятельных рыночных единиц группы железных дорог по географическому принципу. В те уже далёкие времена железные дороги в России принадлежали и частному капиталу, и государству, но успешно управлялись, как единое целое. Сеть дорог была одной из лучших в мире в техническом, организационном и финансовом отношении. Почему же не был использован собственный позитивный опыт в ходе современных реформ в отрасли? Может быть, потому, что хвалебные предисловия к новым изданиям старых книг подписывались, но сами они не читались? А и в самом деле, зачем? Ведь есть готовые иностранные рецепты и чужой, якобы успешный опыт. Вот и получили мы 9 километров в час средней скорости движения грузов по железным дорогам России, их деградирующую сеть и неподъёмные тарифы. Надо возвращаться к самым истокам реформ отрасли и многое делать заново.

В последнее время несколько поутих споров вокруг принятой в середине 2000-х годов схемы реформирования электроэнергетики. Оно и понятно, первые итоги реформ принесли всё-таки некоторые положительные моменты. К их числу можно отнести возможность для крупных потребителей выбирать ценные и технические условия поставок электроэнергии, несколько большую, чем раньше, гибкость и прозрачность ценообразования. Своевременно были ликвидированы и ошибки в структурном построении электросетевого хозяйства. Но в то же время не сбылись многие ожидания, прежде всего, в отношении тарифов на саму электроэнергию и услуги, связанные с её поставками.

Во многом это обусловлено техническим состоянием отрасли. По таким важнейшим показателям, как производительность труда, удельные расходы топлива на выработку полезной продукции, потери в сетях, электроэнергетика опустилась до уровня середины 1970-х годов. Крайне велика степень износа её основных фондов. Так, проведёнными после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС обследованиями выявлено, что состояние паровых и газовых турбин электростанций удовлетворительно только в одном федеральном округе из семи, а гидротурбин – в двух из семи объединённых энергосистем. Техническая отсталость электроэнергетики сегодня служит причиной снижения её надёжности и высоких тарифов, а завтра будет лимитирующим фактором даже для умеренного роста экономики. Вот почему эта отрасль, пожалуй, как никакая другая, требует инвестиций в модернизацию действующих и создание новых мощностей. До сих пор механизмы их привлечения были рассчитаны в основном на аккумуляцию средств потребителей электроэнергии. В сетевом хозяйстве вводилась плата за присоединение к мощностям, долговременные тарифы на передачу электроэнергии с включённой в них инвестиционной надбавкой. Эти механизмы и в дальнейшем могут быть использованы. Необходимо только усовершенствовать их с точки зрения дополнительных стимулов для участия потребителей в развитии энергетики. Например, передавать им ценные бумаги энергокомпаний в объёмах, эквивалентных абсолютным величинам инвестиционных надбавок. Необходимо также встроить механизмы стимулирования инвестиций в хозяйственную деятельность предприятий,рабатывающих электроэнергию. Это возможно сделать через нормирование их затрат. Сверхнормативные расходы на труд и топливо должны облагаться специальными налогами на превышение фонда потребления и дополнительное загрязнение окружающей среды. И, напротив, всякую экономию затрат, расходуемую или накапливаемую на инвестиции, следует освободить от налогообложения.

Было бы целесообразным разработать и специальную систему рентных платежей в электроэнергетике. Речь идёт об изъятии части сверхприбыли некоторых генерирующих станций, если она не направляется на обновление или создание новых мощностей. Эта сверхприбыль образуется, как правило, за счёт не зависящих от работы предприятий факторов: либо за счёт более эффективного топлива, либо за счёт местоположения относительно его источников. Потому и она может быть безболезненно и справедливо изъята в случае использования не в целях развития производства. Помимо стимулов, направленных на аккумуляцию собственных средств для инвестиций в основные фонды, электроэнергетика нуждается и в различных формах государственно-частного партнёрства. Прежде всего, это касается гидростроительства. Развитые страны уже давно задействовали энергетический потенциал своих рек

практически полностью. В восточной же части России от Байкала до Чукотки действует или строится всего восемь гидроэлектростанций, хотя для сооружения новых выбрано ещё более трёх десятков створов. Гидроэнергетика заведомо более экологична и экономична, чем любая другая, включая солнечную и ветровую. Тем более на востоке страны, где нет угрозы затопления пахотных земель. Но слишком дорого строительство её станций для частных инвесторов. Привлечь их можно было бы, профинансировав часть затрат, допустим, на плотины и схемы выдачи мощности, за счёт государственных источников. Таким способом можно создать целые каскады гидроэлектростанций, решив параллельно множество общегосударственных задач: борьбы с паводками, накопления запасов пресных вод, выработки дешевой электроэнергии для собственных нужд и на экспорт.

Ценообразование на энергоносители и услуги всевозможных монополий имеют для нашей страны особо важное значение. Какие бы мы ни принимали меры по повышению энергоэффективности промышленности и сельского хозяйства, оптимизации маршрутов перевозок их продукции, сами климатические и географические условия Российской Федерации объективно предопределяют повышенный по сравнению с другими странами уровень затрат на них. Именно поэтому надо добиться их оптимального регулирования, чтобы снять хотя бы часть нагрузки на реальный сектор экономики.

Налог как инструмент достижения целей

Существует точка зрения, что действующая в Российской Федерации налоговая система чрезмерно обременительна для бизнеса. Однако объективные показатели свидетельствуют, что это не совсем верно. Удельный вес в валовом внутреннем продукте средств, распределяемых через налоговую систему, доля налогов в структуре выручки предприятий от реализации их продукции и услуг имеют в России умеренные значения относительно других стран. В то же время есть целый ряд вопросов, которые требуют новых решений.

Прежде всего, уже перезрел отказ от плоской шкалы налогообложения доходов физических лиц. Его дифференциация позволила бы и несколько снизить градус социальной напряжённости за счёт выравнивания уровня жизни разных категорий населения, и частично покрыть хронические дефициты местных бюджетов. Уже в ближайшее время надо заменить налог на добавленную стоимость налогом с оборота с его разбивкой по группам товаров. С одной стороны, это было бы определённым антиинфляционным мероприятием, а с другой – позволило бы снизить управленические издержки для предприятий, поскольку расчёты по НДС очень трудоёмки. По некоторым данным, в целом по стране они составляет до 1 млн человеко-лет (!). Здесь огромный резерв для высвобождения рабочей силы, которую можно использовать в решении других производственных задач.

Требует более тонкой настройки и система сбора природоресурсных налогов. Главное направление здесь – разделение дифференциальной и абсолютной рент, которые сейчас взимаются в рамках единого налога. Это способствовало бы более эффективному использованию бедных и труднодоступных месторождений полезных ископаемых.

Реализация этих и других предложений экономистов и производственников позволила бы облегчить и жизнь предприятий, и администрирование налогов. Но **ещё более важно сделать налоговую систему инструментом экономической политики. Имеется в виду создание режимов налоговой поддержки высокотехнологичных отраслей и полный отказ от каких-либо льгот и преференций предприятиям устаревших технологических укладов. Настоятельно необходима и дифференциация величины и порядка сбора налогов по макрорегионам страны.** Когда так ставится вопрос, то звучит стандартное возражение, что в этом случае разные отрасли и макрорегионы окажутся в неравных условиях. Да, с формальной точки зрения это так. Но ведь при действующих стандартах одни уже находятся в заведомо худших условиях, чем другие: новейшие отрасли – по причине высоких рисков и повышенных затрат на создание самой своей технологической основы, а некоторые макрорегионы – из-за присущих им сложных климатических, транспортных или демографических обстоятельств. Поэтому и будет способствовать

выравниванию стартовых условий для них нормативно установленное налоговое неравенство. Это диалектика, требующая детальных расчётов и взвешенных подходов. Но решения, какими бы они не были сложными, надо принимать. Иначе не создать нужного векторного поля для движения инвестиций.

Государственное управление: не числом, а умением

Уже на протяжении многих лет под общим лозунгом “Не надо кошмарить бизнес!” в стране пытаются убрать так называемые административные барьера для предпринимательства. Это действительно важная работа, и много уже сделано. Но несмотря на кажущиеся успехи, проблема по-прежнему остаётся актуальной и острой. Во всяком случае, по мнению всех без исключения предпринимательских объединений и сообществ.

Одной из главных причин этого являются неудачно проведённые в середине 2000-х годов административная и муниципальная реформы. В ходе административной реформы на месте почти каждого федерального министерства возникло по три органа управления: собственно министерство, профильные агентство и служба. А в некоторых случаях число непосредственно подконтрольных министерствам структур стало больше, чем две. Каждая из них создала свои отделения в субъектах Федерации. А там и без того было достаточно собственных ведомств региональных властей. В результате число управлеченческих госструктур в стране возросло многократно. Увеличилось и количество органов местного самоуправления и их служб в ходе муниципальной реформы. В результате за первое десятилетие XXI века численность гражданских государственных и муниципальных служащих выросла в 1,9 раза и достигла рекордных величин за всю тысячелетнюю историю Российского государства.

Количество не могло не перейти в качество. Для бизнеса в данном случае – в отрицательное. Ведь надо же такому числу служб и служащих, чтобы оправдать своё существование, чем-то заниматься: запрашивать, согласовывать, разрешать, проверять, запрещать, требовать отчётности. Сократив их не на 5–10 процентов, как того требует ежегодно президент страны, а обдуманно и радикально, можно существенно снизить административный нажим на предпринимательство.

Начать эту работы необходимо с регионального уровня. Именно здесь наибольшее нагромождение всевозможных структур и средоточие чиновничьей власти: и местной, и центральной. Вот и следовало бы слить **федеральные органы государственной власти регионального уровня с министерствами и ведомствами субъектов Федерации соответствующего профиля, а объединённые и существенно сокращённые новые управлочные структуры перевести в двойное федерально-региональное подчинение**. Конституция Российской Федерации этого не запрещает, да и опыт подобный у нас есть. И не только советский, но уже и недавнего постсоветского времени.

Необходимо пересмотреть и систему построения муниципалитетов. Полная автономность их разных уровней должна быть заменена соподчинённостью поселенческих и районных звеньев. В её рамках возможно такое перераспределение полномочий, которое позволит и ресурсы региональнее использовать, и численность служащих существенно сократить, и общественное самоуправление сделать более действенным.

Конечно, существенное сокращение числа управлеченческих структур и многочисленной армии чиновников сыграет свою позитивную роль в улучшении делового климата в стране. Но только одного этого недостаточно. Надо продолжить работу по упрощению самих административных процедур, по организации систем технической, имущественной и финансовой поддержки предпринимательства, по совершенствованию рынка государственных и муниципальных заказов, по ряду других направлений. Это особенно важно для малого и среднего бизнеса, который наиболее чувствителен ко всякого рода препятствиям на пути своего развития.

В то же время представляется, что **среди управлеченцев и экономистов, да и в широком общественном сознании, сформировались завышенные ожидания относительно роли малого предпринимательства в экономике страны**. В настоящее время его доля в валовом внутреннем продукте России составляет около 20 процентов. Считается, что при создании благоприятного делового климата она может быстро достигнуть 60 процентов. Основанием

для такого суждения служат примеры целого ряда развитых стран. Однако это неверные оценки. На самом деле, малый бизнес в нашей стране развит достаточно хорошо. Он уверенно занял все возможные ниши, где только есть платежеспособный спрос, даже в теневом секторе. Надо заниматься и дальше созданием для него максимально комфортных условий. Но дадут они, все вместе взятые, ещё не более 5–10 процентов прибавки в структуре ВВП. А почему не значительно больше, как в развитых странах? Потому что там малое предпринимательство работает не только на население и домохозяйства, но и на крупный и средний бизнес. Любую более или менее заметную западную или азиатскую компанию можно представить в виде кометы. В её ядре находятся собственные производства, а в шлейфе – тысячи мелких самостоятельных подрядчиков. В результате деградации нашей экономики в России такие компании остались только в топливно-энергетическом, горнодобывающем и химико-металлургическом комплексах. Но эти отрасли не требуют большого числа внешних контрагентов. Вот и **негде приложить усилия малому бизнесу**. Отсюда вывод: он тогда будет быстро развиваться, когда в ходе новой индустриализации появятся крупные и средние предприятия в трудоёмких отраслях народного хозяйства. А это напрямую зависит от экономической стратегии и структурной политики государства, которых сейчас в нашей стране, к сожалению, просто нет.

Уже почти двадцатилетняя постприватизационная история российской экономики не дала никаких доказательств более эффективной работы частных предприятий относительно государственных. Достоверно лишь то, что федеральное правительство самоустранилось от управления предприятиями, имеющими стратегическое значение для страны. Об этом свидетельствует отсутствие всякой системы целеполагания для них и отчётности об их деятельности. Особенно красноречив тот факт, что до недавнего времени в советы директоров подведомственных предприятий представители органов государственной власти вообще не направлялись. Вместо них туда вводились так называемые “независимые директора”, фактически случайные люди, не имеющие нужных знаний и профильного образования. Ну, они и “руководили”, как Бог на душу положит, ни от кого не завися. По сути дела, сегодня мало кто может судить достоверно о том, что происходит внутри крупных государственных компаний. Потому и возникают сомнения в эффективности их работы, потому и создаётся мнение, что необходима их приватизация. Может быть в исключительных случаях и необходима. Но в отношении большинства было бы правильным просто наладить систему управления и использовать их потенциал как раз для прорыва в новые технологии.

* * *

В одной журнальной публикации трудно охватить всю проблематику перестройки сложившегося у нас хозяйственного механизма, прямо ведущего страну к углублению, а не преодолению отсталости. Остались за кадром многие важнейшие вопросы: таможенная политика, конкретные формы поддержки бизнеса и государственно-частного партнёрства, организация работы отраслей бюджетной сферы и целый ряд других.

Но, думаю, и сказанного достаточно для того, чтобы понять, куда нас привели бездумно воспринятые в начале реформ и продолжающие действовать до сих пор идеи Вашингтонского консенсуса. На край пропасти. И если не принять самых срочных, откровенно говоря, радикальных мер для изменения действующей модели и курса, будущее великой России окажется совсем не великим.

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

В редакцию журнала не перестают приходить письма читателей с откликами на книгу Станислава Юрьевича Куняева “Нет на свете печальней измены...” и на его статью “Скатертью дорога” (“НС”, № 9, 2014), посвящённые одной теме — событиям на Украине... Чудовищный разлом между двумя братскими славянскими народами принёс нам всем огромную душевную боль и поселял смуту в общественном сознании и русских, и украинцев. Потому и столь разноречивы отклики читателей на те кровоточащие, в полном смысле этого слова, факты, что приводятся на страницах обсуждаемых произведений. Читатели высказывают свои мнения по этому вопросу, а автор произведений отвечает им с большой заинтересованностью и вниманием к позиции своих оппонентов. Так рождается интереснейший диалог, достойный самого пристального внимания.

НАША ОБЩАЯ С УКРАИНОЙ БЕДА

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ И ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

Так бы я охарактеризовал новую книгу Станислава Куняева

Книга небольшого формата, в ней чуть больше двухсот страниц. Но читаешь её, и кажется, что она разрастается в объёме, на глазах ширится, развивается, дополняется. И формат будто раздвигается, словно перед тобой возникает распахнутое на дальние дали окно. А всё почему? Да потому, что речь в ней идёт о родном, близком, а теперь — увы! — отрезанном. Очередной сюжет, поворот книги дополняется твоими собственными воспоминаниями, сердечными заметками или памятными наблюдениями, деталями. Эта перекличка, это ауканье разрастаются в пространстве и во времени, возвращаясь эхом недавней и далёкой истории, будоража сердце и душу. И возникает диалог.

Я ведь тоже, Станислав Юрьевич, “любовался Киевской Софией, глядывался в Оранту — Нерушимую стену, вчитывался в древнерусские священные тексты, выложенные золотой смальтой на стенах Владимира собора, расписанного Васнецовым... А как не вспомнить постепенного погружения в полутьму, в прохладу подземелей Киево-Печерской лавры, где тускло мерцают свечи, освещдающие стены и потолки, вырубленные в днепровском известняке руками нескольких поколений монастырской братии...” Не будь погружения в эти подземные чертоги, я едва ли “погрузился” бы в историю и судьбу князя Владимира — крестителя Руси — и написал бы повесть “Красно Солнышко”. Тут прямая связь.

Чернигов и мне запомнился “своими белокаменными храмами домонгольской архитектуры”. А в сельском храме на Черниговщине я впервые ощутил, что такое благодать, когда крестили моих маленьких детей, дочку и сына.

Ваши харьковские страницы унесли мою память аж на полвека назад. Тогда, в 1964 году я сдавал экзамены в Харьковский политех, где скромной лаборанткой работала моя тётя. На её помошь и уповали мои родители, когда направили меня туда. Экзамены я благополучно завалил, ибо моё гуманитарное начало перевешивало техническое. Но с благодарностью вспоминаю прогулки по Харькову, в которых вожатым был мой двоюродный брат и ровесник

Виктор, по отцу украинец. Те давние впечатления оживил памятник Богдану Хмельницкому на обложке книги – это ведь бронзовый гетман на пару с медным всадником мчат из истории в неведомое наше – русское и украинское – будущее.

Вы вспоминаете, что на военную переподготовку Вас дважды отправляли на Украину. А я с украинскими хлопцами служил на просторах России: сначала – в учебке, а потом – в боевой части. Жизнерадостные, общительные ребята, они ничем не выделялись и не отделялись от нас, русаков. Больше того, с одним из хохлов, Мишой Франчуком, мы подружились. По виду – де Голь, такой же голенастый и носатый, он состоял в нашей полуроте на должности фельдшера. В моей повести “Служивый” ему отведено немало страниц.

Ещё одно место, где довелось тесно общаться с украинцами, – Высшая комсомольская школа (ВКШ), куда на профессиональную переподготовку собрали ответственных секретарей молодёжных газет. Было это в начале 1980-х. Помню дружеские застолья, откровенные беседы, в которых мы, русские и украинцы, дружно ругали цензуру. Цензура у коллег-украинцев, в том числе “западнцев”, была свирепее, судя по их суховатым газетам, они с явной зависимостью разглядывали наши издания. Может, потому десять лет спустя с особым ожесточением сбивали эти “колодки”, ругая при этом “москалей”, словно не свои же, “самостийные” цензоры зажимали их где надо и не надо.

Читаю страницы о Западной Украине. Вы, Станислав Юрьевич, добром вспоминаете поездку туда: “Везде нас принимали радушно, нигде мы не чувствовали себя ни “москалями”, ни “оккупантами” – ни в городах, ни в горных сёлах, ни в карпатских гостиницах и турбазах, открывавших свои двери в любое время нашего долгого, утомительного, но прекрасного путешествия”.

Мои впечатления не столь радужны, однако и не мрачны. 1984 год. Я – в Трускавце, снимаю комнату в частном секторе. Неприязни вроде нет, но натянутость в отношениях с хозяевами чувствуется. Карбованцы за постой они принимают охотно, однако предпочли бы при этом не видеть меня, хотя я и так нешибко докучаю. С утра ухожу пить целебную воду нафтуся, на процедуры в местную лечебницу, гуляю по городку. А потом сижу взаперти, работая над рукописью книжки о походах по местам боёв в Карелии, где, к слову сказать, плечом к плечу сражались русские и украинцы, да включая тихо пластинку Аллы Баяновой, которую приобрёл в местном магазине грамзаписи. “Я тоскую по Родине, по родной стороне моей...” – задушевно выводит Алла, разделяя мою печаль. Алла ещё на чужбине, не в России, но пластинка румынского Electrecord с её записями уже пересекла границу СССР.

Читаю книгу, сопоставляю с собственными представлениями, размышляю. Нет, если взвешивать все за и против, не было меж русскими и украинцами непреодолимых противоречий. Недопонимание в чём-то – да, но принципиальных поводов, чтобы во имя них развалить великую державу, и в помине не было. Автор с разных сторон осмысливает нашу общую с Украиной беду. Какие напрашиваются выводы? Видимо, подвело благодушие русских и украинцев – это с одной стороны; а с другой – сказалось вероломство, коварство, нахрапистость, тотальная ложь наших недругов-разлучников, которые говорились с тогдашними нашими руководителями-временщиками. Разве могли мы, русские и украинцы, представить, что так быстро пойдут трещины по зданию нашего общего дома! А теперь, спустя четверть века, кажется, и возврата нет к прежнему общежительству, а сейчас особенно скорбно и убого выглядит УкРуна...

Вспоминаются первые приметы беды. 1994 год. Глубинка Черниговщины. Заскорузлые от вечного копания в земле руки тёщи... Она как робила и десять, и сорок лет назад, так и робит, уходя на свекловичное поле на рассвете и возвращаясь на закате. В руках её обновка – красные наволочки, часть из них с серпом и молотом. Союзные флаги отменяются, по дешёвке распродаваясь в сельмаге, а на смену появляются тут и там жовто-блакитные. А на столике у тестя – толстенная книга о “героях УПА”, её привёз из Львова “продвинутый” родственник.

Обращаясь к детству, Вы, Станислав Юрьевич, говорите о Конотопе, где пришлось жить и учиться в школе. Вот уже лет пятнадцать в Конотопе стоит украинская таможня, на которой “свидомые хлопцы” внимательно пронизывают тебя взглядом, прикидывая, нельзя ли с этого “москаля” чего-нибудь содрать. А киевское радио на перроне вовсю трубит о некоей Конотопской

битве, где “великие укры” наголову разбили несметные полчища “клятых москалей”. Что тут скажешь?! “Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...” Мир помнит Полтавскую битву, где хохлы и москали наголову разбили самую сильную по тем временам шведскую армию. Все знают о героической обороне Крыма в середине XIX века, когда русские и украинцы плечом к плечу отстаивали Севастополь от наседающих англичан и французов. Но Конотопская битва – это плод больного воображения мифических укротов. Она, естественно, не войдёт ни в европейскую, ни – тем более – в мировую историю. Зато навсегда останется в общей нашей памяти горе Чернобыля. Мой харьковский брат Виктор, будучи командиром взвода химзащиты, получил там запредельную дозу радиации. Рядом с ним боролись с ядерным пожаром спецбойцы из Архангельска и Северодвинска... Это была общая наша беда – беда русских, украинцев и белорусов.

Финал книги совсем неожиданный – диалог с Мариной Струковой. В юности ярая русская националистка, воспитанница “Нашего современника”, она спустя двадцать лет обратилась в защитницу украинской хунты. Произошло это не вдруг. Вы, Станислав Юрьевич, по-отечески остерегали Марину от крайностей. Я помню ту статью в журнале. Но кто бы мог подумать, что из одной крайности эта особа кинется в другую!

Человек пишущий вечно рефлексирует. И публицист, и прозаик, и особенно поэт. Думы о Родине, о государстве, о бедах народных, о своей собственной судьбе и творчестве – от этого никуда не деться. Но зачем при этом впадать в национальный мазохизм?! Ладно, если ты расковыриваешь свои собственные болячки, путаясь в комплексах, страстиах и обидах, вместо того, чтобы кинуться в храм да помолиться, да покаяться в своих грехах. Но кто тебе дал право обвинять свой собственный народ, что он, видите ли, не так себя ведёт в окружающем мире? Русский народ перенёс столько страданий во имя человечества, что критиканам всех расцветок лучше бы помолчать. А уж доморощенным – тем более. От их смердяковщины душу воротит. Они, шельмцы и шельмователи, не заслужили такой Родины, которой гордится русский народ. Но горько, что в тот стан, где кучкуются Макаревич, Лия Моджадеевна, Альбац и прочая, перешла талантливый поэт Марина Струкова.

Это перерождение произошло не сразу. Динамику его можно отследить по её публицистике, многочисленным выступлениям на различных сайтах. Но итог – вот он: петлистая тропа Андрия...

Читаю эти страницы, Станислав Юрьевич, с болью и недоумением. А ещё, как ни странно, с профессиональным удовлетворением: это надо же какая концовка! Ведь судьба Марины, проецируясь на беду Украины, обнажает самую суть перерождения. Когда русский по природе человек (Марина – Украина) замыкается в маленьком мирке, волей или неволей отвергая большой русский мир, он обращается в инфантильного подростка, неспособного сфокусировать свой взгляд на предмете, и совершает нелепые поступки. И тут одно из двух: либо взрослый, обретай твёрдый взгляд на окружающий мир, в котором звучит голос бессмертного Тараса Бульбы: “Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищ...” Либо сиди на задворках истории, где пребывают все отщепенцы, начиная с Мазепы. Третьего не дано.

Спасибо за книгу, Станислав Юрьевич! Прозорливости Вам не занимать, к ней бы ещё ясного зрения Вашим глазам и здоровья. Вот этого Вам и желаю.

Искренне Ваш
Михаил Попов
г. Архангельск

ДОЛОЙ КИТЕЖ, ДАЁШЬ НАБАТ!

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Ваша статья “Скатертью дорога” подтолкнула меня к размышлению о том, чем является современная патриотическая интеллигенция. Нельзя не заметить, что её показная “русскость” – всего лишь тога, прикрывающая истинного её бога – государство.

Писатели-патриоты пишут книги, издают сборники рассказов и стихов, чем удовлетворяют собственные амбиции, но глубинной связи с русским народом у них нет. Их мейнстрим – обслуживание государства, ибо только оно по-настоящему может их увидеть, приблизить, возвысить, но не народ.

Русская интеллигенция в своей трусливости даже сблизилась и в чём-то сроднилась с еврейской либеральной интеллигенцией, признав её если не правоту, то силу.

Где живёт эта русская интеллигенция? Она в Москве и Петербурге, но с границ Петергофа и МКАДа не слышно и не видно того ужаса, в который впал настоящий русский народ. Он мутировал под зомбированием Останкино, под его лучевым всепроникающим засильем. Это излучение сделала Россия практически копией так ненавидимых российско-патриотической тусовкой американцев.

Где национализм русской интеллигенции? Где это воплощение любви к своему народу?.. Где солидарность с его унижением, бедами, вымиранием, алкоголизацией и дебилизацией?.. **Где протест, набат русской интеллигенции?**

Вся литературная блажь русских патриотов писателей и публицистов фокусируется около Китежа – мессианского города счастья и благородства. Вера в чудо и просветление масс без насилия, революций и потрясений – ещё один признак инфантилизма.

На страницах своей прессы писатели-патриоты горячо и нежно любили братскую Украину и украинский народ, но в хищнической войне Кремля против Украины в 2014 году мало того, что не осуждали, – стали первыми кликушами террора против “жовто-блакитных”..

Крым и Донбасс показали подлинное лицо русского народа, это отражение того воспитания, которое проводилось режимом Путина и его карманной оппозицией на протяжении последних пятнадцати лет. Это итоги. Так Вам ли и Вашим ли коллегам по перу, господин Куняев, претендовать на роль цензоров русской совести?!..

Григорий Кузнецов
(адрес не указан)

МОЙ ОТВЕТ ГОСПОДИНУ КУЗНЕЦОВУ

В отличие от Вас, я лично и наш журнал делаем всё возможное сегодня, чтобы “литературное пространство” России дышало и жило творческой жизнью, чтобы русские писатели “купались” в нём и слышали голоса своих соратников, живущих не “в границах МКАДа”, а по всей великой стране. Вы, как я понял из Вашего письма, наш журнал либо не знаете, либо ненавидите из идеологических соображений. А потому незаслуженно и высокомерно поучаете меня и моих друзей – известных писателей всей России. “Наш современник” был и остаётся журналом Валентина Распутина и Юрия Кузнецова, Николая Рубцова и Вадима Кожинова, Василия Белова и Георгия Свиридова, а также живущих пишущих ныне Андрея Убогого, Глеба Горбовского, Альберта Лиханова, Юрия Лошица, Виктора Лихоносова, Владимира Крупина и многих других выдающихся национальных писателей Всех Руси.

Езжайте же лучше на Украину к Саакашвили, который, глядишь, и подыщет Вам в Одессе какую-нибудь русофобскую должность. Вы этого будете достойны.

Станислав Куняев
г. Москва

НЕ ВМЕРЛА ЛИ УКРАИНА?

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за Вашу книгу “Нет на свете печальней измены...” или “Ще не вмерла Украина”. Я внимательно её прочитала. Что ж, попробую по-

размышлять. К сожалению, официальная информация, поступающая с той и с другой стороны, слишком тенденциозна, чтобы слепо ей доверять. Другое дело – письма очевидцев, положенные в основу Вашей книги: несомненно, они искренние и честные.

Согласна, что национализм на Украине приобрёл крайне, экстремистские формы, пагубные не только для русских, но и для этнических украинцев. Это огромная беда всего народа, населяющего Украину. Беда. Но чья вина? Вот здесь не хотелось бы рубить сплеча.

Я никогда не была на Украине и знатоком её быть не могу. Хотя в детстве очень мечтала там побывать и даже самостоятельно изучала украинский язык. Было мне лет десять, когда в нашу вятскую глушь откуда-то залетели три номера украинского детского журнала, и мы с младшей сестрой принялись читать их вдоль и поперёк, заучивая наизусть стихи и рассказы. Украинский язык нас очаровал, потому что мы уже начитались “Вечеров на хуторе близ Диканьки” и “Тараса Бульбы”. Роскошные гоголевские картины, как живые, стояли перед нашими глазами, и украинский язык был так ограничен всему, что Гоголь передал по-русски!.. Это завораживало. Возможно, тут была просто детская наивность. Но вследствии мне довелось познакомиться с одним русским поэтом, который выучил украинский только за то, что им разговаривал Бульба.

Вы вправе сказать: “Эх, Сырнева, жила бы ты на Украине, может, по-другому бы запела”. Как знать. Мне довелось выслушать немало рассказов о том, как украинский литературный язык “портил жизнь и аттестаты” тех, кто учился в школах на Украине. “Мы всем классом ненавидели украинский, – сорок лет назад признавалась студентка Кировского пединститута, приехавшая из Феодосии. – Мы отказывались его изучать, срывали уроки и пытались доказать учителям, что он нам совершенно не нужен”. Полагаю, что в этом бунтарском классе учились не только русские, но также и генетические украинцы.

Но принадлежность к этносу определяется не только генетическими признаками, а, в первую очередь, языком человека и его национальным самосознанием. Иными словами, если украинец (белорус, калмык и т. д.) говорит по-русски и ощущает себя русским, то он русский и есть. Это хорошо выразил Олесь Бузина, слова которого Вы цитируете в книге: “До 13 лет все меня уверяли в советской школе, что я – украинец, а я чувствовал какой-то подвох... Как только ты понимаешь, что украинец – это всего лишь такой русский, на тебя, не побоюсь этого слова, нисходит благодать”. Не ощущал себя Олесь Бузина украинцем, было у него русское самосознание. Перешёл в другой этнос, но сам себе в этом признаться не хотел, утешал себя и другим пытался доказать: “Украинец – это всего лишь такой русский”.

Но, по моему мнению, ошибался Олесь: украинцы и русские – два разных, хотя и очень близких этноса. Но в двадцатом веке от украинского этноса отпали и влились в русский этнос сотни тысяч, если не миллионы людей. И, кстати, они внесли немалый вклад в русскую культуру, русскую литературу и журналистику – посмотрите, сколько у нас знаменитостей с украинскими фамилиями!

Но есть ещё своеобразный “синдром новобранца”: переходя в другой этнос, многие люди усиленно, а то и ожесточённо отмежёвываются от своих генетических корней. Вот один пример. Работая на Крайнем Севере, мой муж подружился с уроженцем Донецкой области (назовём его В.). В. родился и рос в греческом селе (сегодня оно на территории Украины), но по менталитету был русским. Позже с В. познакомилась и я – он заезжал к нам во время отпуска по дороге с Севера на родину. Это был во всём положительный советский парень: рассудительный, надёжный, верный друг на все времена. Украинцев он не любил и всегда подчёркивал, что он – грек. В начале 90-х годов В. явился к нам убеждённым демократом. Его кумирами стали Ельцин, Гайдар, Чубайс. Помню ожесточённые споры, в которых В. стремился и нас с мужем перековать в свою веру. Уехал он разочарованный и появился снова лишь в середине нулевых годов – убедиться, что мы так и “не перековались”. Дружба дала трещину. В. исчез и больше не давал о себе знать. “Где-то он сейчас? – гадали мы. – Наверняка топчется, шумит на Майдане”. Ничего подобного! В прошлом году получаем от него письмо: “Живу в России. В своё село вернусь только на русском танке”. Неужто поступился принципами демократии?! Стали выяснять – нет, не поступился. Всё тот же пантеон демокра-

тических богов. А на танк лезет из ненависти к украинцам: она оказалась сильнее политических пристрастий.

В свою очередь, многие этнические украинцы невольно воспринимают "русских украинцев" как предателей. Рост национализма в украинском этносе, начавшийся в конце 80-х годов, значительно усилился с возникновением украинской государственности и выплеснулся в ненависть к русским. Крым, Донецк и Луганск устроили эту ненависть.

Вмешательство Запада во внутренние дела Украины, о котором так много пишут Ваши корреспонденты, очевидно. Но справедливости ради надо сказать, что и Россия не сидела сложа руки. Таково уж геополитическое положение Украины – на стыке Востока и Запада, – что она и впредь будет претерпевать сильнейшие влияния с обеих сторон. Думаю, что "власть переменится" там ещё не раз.

В 2006 году лично знакомые мне журналисты, пиарщики и политологи из России работали в Харькове по продвижению группы "Добкин-Кернес", и их усилия увенчались успехом: Добкин стал мэром Харькова, а впоследствии передал бразды правления Кернесу. Россия усилила своё влияние на Украине, продвигая к власти "лояльных" людей. А чуть позже в поезде "Вятка" молодая украинка рассказывала на весь плацкартный вагон о том, как она целый месяц жила в палатке на Майдане, и за это ей платили по 10 долларов в сутки. По мнению простодушной женщины, это было очень удачное трудоустройство, "но доллары у них кончились". И вот приходится ехать на заработки в Россию. Можно возмутиться беспричинностью дивчины, но наши журналисты тоже ведь трудились не бесплатно.

Теперь о Крыме. Ликование русских естественно: Крым – наша национальная гордость, он овеян русской славой. Правда, его пришлось присоединить к России в нарушение международных норм. Ну, а как быть?! Не оставлять же бандеровцам стратегически важную территорию с её базами флота – не только надводного, но и с уникальной базой для атомных подводных лодок в Балаклаве! Надо думать, именно это обстоятельство и явилось главной побудительной причиной присоединения Крыма. А вот "оккупированных русских", которые пишут Вам горькие письма из Харькова, из Одессы и Полтавщины, "русские танки" освобождать не торопятся. Под жернова такой политики попали миллионы ни в чём не повинных русских и украинцев.

Пока Запад и Россия на территории Украины будут "грассе политик махен", письма тревоги и отчаяния в Ваш почтовый ящик обеспечены.

И в этом смысле совсем ли уж не права поэтесса Марина Струкова, которую Вы в порыве возмущения (так и напрашивается классическое: "Я тебя породил – я же тебя и убью!") смешали с бандеровцами, с маргинальными ма-каревичами и машами гайдар? Струкова по-своему вступилась за Украину; может быть, сделала это не очень умело, но в её поведении нет никакого противоречия, я не вижу тут "измены себе самому". Она много лет взывала к национальному самосознанию русских; но она же, как следует идейной националистке, приветствует и рост национального самосознания у других народов.

Всплеск национализма у украинцев очевиден. И ничто не способствует национальной сплочённости так, как война. Да, повторюсь, украинский национализм принял опасный, антигуманный облик, под вопль: "Ще не вмерла Украина!" И крест на ней ставить рано.

Замечательные слова сказал Вам мудрый Василий Бабанский: "Украина всё же есть, и, как поётся в гимне, "Ще не вмерла". Иное дело – какая она сегодня? На неё опустилась густая Вальпургиева ночь, готовая вот-вот перерости в "ночь длинных ножей". Надеюсь, Бог так управит, что этого не случится". Выходит, есть в Украине настоящие патриоты своей страны, и таких, как Бабанский, много. Почему же и нам не верить в лучшее?..

Летом 2014 года в нашей дачной деревне работала бригада строителей, приехавших из-под Львова. Троє молодых ребят, все не старше 30 лет. Советского Союза они помнить не могли. По-русски более или менее сносно из них говорил только бригадир Иван. Про себя он рассказал, что на родине тоже строит дом для своей семьи (как раз в это время у него родился сын). "Чтобы свой дом построить, мне надо сначала денег заработать – построить много домов в России". Сначала парни держались обособленно и замкнуто: ёщё бы, ведь телевизор 24 часа в сутки твердил о бандеровцах. Однажды к ним подошёл сосед Сергей: "Слыши, ребята, вы не по-нашему говорите;

откуда будете?" — "С Беларуси", — осторожно ответили строители. — "Врите кому угодно, только не мне! Я везде бывал, и у вас на родине — тоже. Вы не с Беларуси, вы — западэнцы!.. Вечерком заходите ко мне в гости: бутылочку разопьём, потолкуем". И вечером все трое потянулись во двор к Сергею.

Постепенно с ребятами познакомилась вся деревня. Работали они хорошо, на совесть, и к концу лета построили дом. А в самом начале, когда они ломали старый дом, нашли в нём пожелтевшую фотографию военного времени: советский лётчик на фоне своего штурмовика. Фотографию они могли порвать, выбросить — никто бы об этом не узнал. Но парни бережно завернули её в газетную бумагу и молча отдали хозяину.

Ведь где-то научили же их — или в украинской школе, или родители так воспитали: пусть для тебя это не ценность, зато для другого человека — святое; так ты ценности другого человека уважай, — хоть и думаешь иначе, чем он.

А в соседнем районе строители из западной Украины спасли от смерти местного мужика. Утром он ушёл из дома и не вернулся. Жена только к ночи спохватилась, побежала по деревне — не выпивает ли где. Не нашла. Пока деревенские мужики хихикали: мол, к утру явится; пока кумекали, где его искаль, украинцы завели трактор с тележкой и поехали колесить по окрестным дорогам. И нашли бедолагу лежащим на земле. Пошёл он в соседнее село и в результате несчастного случая потерял сознание, упал. Мог бы замёрзнуть. Эту историю мне рассказал вятский писатель Олег Шатков, включивший её в одну из своих повестей.

Вот, пожалуй, и всё из моего личного опыта, что связано с Украиной. Сегодня Украина — полигон, где сталкиваются разнонаправленные корыстные интересы сильных мира сего, реализуются неуёмные политические амбиции, зарабатываются звёзды на погоны и, может быть, даже катятся пробные шары на самонадеянном пути к мировому господству. Не буду называть фамилий — среди них есть и русские. Жаль, что в этой ситуации у Вас крайней оказалась Марина Струкова... С Вашим-то умением, дорогой Станислав Юрьевич, с Вашими талантами и осведомлённостью можно бы стрелять и не по воробьям.

Через несколько дней от Светланы Сырневой (автора этого письма) пришло ещё одно коротенько письмецо.

Дорогой Станислав Юрьевич! Уже после того, как я отправила Вам свой отклик, я более подробно познакомилась с нынешним мировоззрением Марины Струковой. Приношу Вам свои извинения! С Вашей точкой зрения нельзя не согласиться. Искренне жаль, что в сознании Марины произошёл такой печальный для всех нас переворот. Беру свои слова обратно.

Крепкого Вам здоровья, новых книг, верных друзей!

Всегда Ваша
Светлана Сырнева
г. Киров

"ЭХ, СЛАВЯНСКОЕ ЖИТЬЁ..."

Дорогой Станислав Юрьевич!

Благодарю за бесценный подарок — Вашу новую книгу "Нет на свете печальной измены..." или "Ще не вмерла Украина". Читали и перечитывали её в Рождественские дни с мужем вместе, и сердца наши плакали.

Ещё бы нам не плакать! На Украине живут самые близкие, самые родные нам люди: внучка моя, единственная дочь погибшего сына моего, Николая, офицера Советской армии, два родных брата моего мужа: один — в Бердянске, другой — в Запорожье со своими детьми и внуками, в Харькове живёт моя двоюродная сестра, дочь пропавшего без вести на Великой Отечественной дяди моего Андриана, её дети и внуки, и ещё множество родни в Сумах, Ромнах, Донецке, Киеве и других малых и больших городах Украины. Мы как-то пытались всех пересчитать, сбивались, вспоминали, а потом поняли, что не перечтём всех, потому что всех уже и не знаем, так как многие внуки народились

уже в последние годы, когда связь из-за безумной своей дороговизны и разобщения наших государств стала непреодолимым препятствием для постоянного родственного общения.

Муж мой родом из старинного города Ромны Сумской области, это рядом с Путивлем и Конотопом, хорошо известным Вам городом, в котором прошли Ваши детские годы. Когда живы были его родители, мои свекор и свекровь, мы часто ездили в Ромны на машине через Конотоп и Путивль: на майские праздники, летом – обязательно в отпуск, и на ноябрьские праздники, уж так было заведено. Помимо этого, иногда вырывались на пару-тройку дней и в Рождество, на Пасху или Троицу.

Сидели в родном саду под раскидистыми грецкими орехами – три дерева посадил отец, когда рождались сыны, – такими огромными, что маленькая хатка, всегда у мамы, моей свекрови, выбеленная и чистенькая с красной, регулярно обновляемой, крашенной охрой крышей под этими орехами казалась сказочным белым боровиком. На Пасху в саду цвели вишни и тульпаны, абрикосы и груши, сад утопал в цвету. И соседние сады кипели разноцветием.

Мы богато привозили из Беларуси наши подарки и гостинцы, мать доставала разносолы домашние. За столом в саду собиралась большая семья. Приходили соседи, завязывались долгие дружеские разговоры.

“А как у вас? Хороший трикотаж в Белоруссии, нам нравится всё, что тут на рынок привозят от вас! Обувь белорусская хороша, “Бельвест”, “Марко”, ловкая, добротная. Телевизоры “Горизонт”, “Витязь”, у нас за ними очередь. Лучше, чем наш “Львов”, надёжнее...”

“Да у вас тоже много чего хорошего. На рынок ходили. Богатый приезд. Всего вдоволь. Мёда выбор богатый, сала, орехов... Часы купили красивые...”

“Слава Богу! Теперь всё есть...”

Снова пили, угождались домашними пельменями, колбасками, потом заводили песню. С особой любовью пели украинские песни. Вы же помните, мы с мужем дуэтом давно пойм и неплохо, я и теперь слышу, как льются-переливаются среди украинских домиков, утопающих в вишнёвом цвету, наши молодые и сильные голоса:

*Ніч яка місячна, Господі, зорена!
Видно, хоть голкі сбірай,
Выйди, коханая, працею зморена,
Хоч на хвілиночку в гай.*

*Сядемо вкупочці тут під калиною.
І над панами я — пан,
Глянь, моя рібонько, срібною хвілею
Стелеться полем туман...*

Пели:

“Дивлюсь я на небо”, “Ой ві очи, волошкові...”, “Гой, дивчина, шуміт гай...”

Потом мы заводили белорусские: “Касів Ясь канюшіну...”, “Александрина”, “А у полі вярба...”, ритмичную и резвую песню “Цячевада у Ярок...”

Потом всё застолье дружно переключалось на любимые всеми русские песни: “Катюшу”, “Подмосковные вечера”, и “Ой, мороз, мороз, не морозь меня...”, “Если б знали вы, как мне дороги Подмосковные вечера...”

Пение становилось мягкое, душевнее, спокойнее, и никто даже думать тогда не мог, что слово “подмосковные” когда-нибудь станет ненавистным на “рідной Украине”...

А завершалось застолье под наш запев чудной белорусской песней:

*Дзе ніедзем, дзе нійдзем,
Карчмы не мінаем.
Як на працы, то ні п'єм,
А у гасцях гуляем...*

*Эх, славянскае жыццё,
Стрэчы ды растварні,
Пасля чарки забыццё,
Потым — пакаянне...*

Никто тогда и подумать не мог, что наступят такие горькие времена и нагрянут немыслимые морозы, которые остыдают, выстудят всё тепло, всю любовь таких родных, близких кровно, душевно и духовно людей, многолетние родственные, дружеские и соседские связи...

Помню холодный декабрь, когда умерла любимая моя мудрая и многотерпеливая, крепко державшая весь дом и весь род свекровь. Похороны были в солнечный, но холодный день — на Николу Зимнего, снег лежал до крыши. И уже после похорон, на девятый день, после поминок сидели за семейным столом, оставшись уже одни, только свои, три брата с жёнами. Беседовали о том, о сём.

Вдруг, казалось бы ни с того, ни с сего, невестка из Бердянска заметила, опять же, как бы между прочим: “Надоело кормить Москву. Украина — житница. Мы богаче жили бы, если бы не москали”...

Помню, как мы с мужем горячо отреагировали, возмутились, стали объяснять, доказывать ей, что глупость она сморозила, что, мол, откуда у тебя завелась гниль такая в башке... На что была реакция, неожиданно для нас, очень агрессивная, даже злобная, и расстались мы тогда, почти пересорившись, если не сказать больше. Так и уехали с горечью в душе. Это был 1994 год...

Нынче на дворе 2016-й. С тех пор мы с младшей нашей невесткой из Бердянска то мирились, то снова заводились, спорили горячо, до настоящей ссоры со слезами, упрёками, историческими доводами, а теперь уже, ни мало, ни много, а 15 лет как не разговариваем даже. Ни в какие праздничные даты. О встречах и речи нет. Не ездим. Общаемся только с братом. По телефону. В великие праздники и дни рождения. Вот так...

На примере одной только нашей семьи многое можно было бы рассказать. Но разве нынче расскажешь ярче и больнее, чем то, что произошло уже на примере целого государства, и не одного, поскольку мы же теперь живём каждый в своей “незалётной” стране.

А ведь в сердечных песнях, любимых и певаемых нами не однажды, мы не замечали, что стояли рядом со строчками “Я прігорну тебе до свого сердечка, а воно палке, як жар” такие строки “і над панами — я пан...”.

Желание и стремление “быть паном над панами” всегда подспудно жило в том герое старинной песни — украинском мужичке, так и не впитавшем в кровь евангельских заповедей кротости и, особенно, наиглавнейшей: “Возлюби ближнего своего...” И то сказать: а за что ему было любить пана? Он с детства был угнетаем паном и ненавидел его, мечтая стать паном над угнетателем. Но как случилось, что образ пана увидел вдруг обычный украинский мужик, трудяга, в своём таком же нищем труженике — русском крестьянине? Всяк русский стал — “москалём”...

В канун Нового года, 23 декабря, в Минске проходило расширенное заседание Правления Союза писателей Беларуси. Во время своего выступления я показала залу Вашу новую книгу со словами: “Вот новая книга Станислава Юрьевича Куняева, нашего друга, участника съездов Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства, лауреата премии Союзного государства, всем Вам хорошо известного и любимого нами поэта и публициста, главного редактора самого уважаемого, самого патриотичного и самого читаемого литературного журнала на постсоветском пространстве “Наш современник”, объединяющего нас, литераторов бывшей большой страны и по сей день. И в ней красной нитью идёт тема объединения, единства литератур славянских народов и их писателей во что бы то ни стало. Книга называется “Нет на свете печальней измены...” или “Ще не вмерла Украина”, но в ней есть страницы, посвящённые воспоминаниям о нашем Съезде Союза писателей Беларуси, на котором выступили со страстными горячими речами и Станислав Юрьевич, и солдат Великой Отечественной, украинский писатель Александр Сазоненко. Они оба восхищались дружеской обстановкой, торжеством и единством, царящими на нашем съезде Союза писателей Беларуси, и уже тем мы вошли в историю, что запомнились Союзом писателей, в котором

нет войны, а есть взаимопонимание, взаимоуважение, независимо от того, на каком языке мы пишем.

Далее я говорила о том, что накануне выступала на Международной конференции в Брянске, посвящённой теме “Русский язык как важнейшее средство межнационального общения народов” с докладом, о том, как отзывался зал на представленные мною переводы русской поэзии на белорусский язык, и наоборот, как вспыхнуло спонтанное чтение стихов Толстого и Тютчева, потом Купалы и Богдановича.

Говорила с трибуны Пленума о той любви, которой окружены белорусские люди, приезжающие в любой город России. О том, что нынче так важно беречь и восстанавливать то, что ещё не успели разрушить: наше единство, добромыслие, чистоту и любовь наших народов – не все ведь ещё отравлены телевидением! Для того мы, писатели, и живём, и работаем, в общем-то, как правило, бесплатно, чтобы ещё постоять “за веру и Отечество” на том небольшом островке, окружённом отнюдь не любовью, помощью и дружелюбием, называемом литературой.

Что будет у нас в Беларуси? И может ли быть аналогичное тому, что происходит на Украине? Думаю, что нет. Нет, потому что белорусы – народ очень честный, очень мудрый, трудолюбивый, мягкий, добросердечный. Белорус всегда разделит боль и беду соседа, чужой беды для него не бывает. Но в Беларуси ведь живут разные люди. Много есть таких людей, которые считают себя “литвинами” и категорически не хотят признавать ни белорусский герб, ни флаг, ни гимн, ни идентичность свою со славянскими корнями... Это долгий и сложный разговор. Да и на страницах “НН” этой сложнейшей теме уделяется достаточно внимания. Но, как сказал мой любимый поэт Александр Твардовский, “но – всё же, всё же, всё же...”.

Всё начинается с малого. Большое предательство – с малой усмешки, большая кровь и война – с единого выстрела... А главное – с непонимания. С нежелания понять друг друга. С убеждения, что ты – лучше, ты достойнее, что у тебя есть право, а у соседа нёмае...

Ваша новая книга, дорогой Станислав Юрьевич, – это ещё одна, очередная горячая попытка раскрыть глаза на происходящее, обратить внимание, разбудить, наконец, достучаться до сознания тех, кто считает, что он живёт далеко от войны, что его это не касается. Но не бывает чужой беды. И чужой боли...

С глубочайшим уважением

Тамара Краснова-Гусаченко,
Председатель Витебского областного отделения
Союза писателей Беларуси
г. Витебск, Беларусь

ВЛАДИМИР ОСИПОВ

АГОНИЯ ЗАПАДА

Была популярной некогда в уголовной среде песенка про “скорый поезд Воркута–Ленинград”, про дерзкий побег из зоны со светлой надеждой: “Мы добрались с тобой до норвежской границы, нам осталось последний рубеж перейти...” Вот уже брезжит свободная и сытая Норвегия... Когда-то и небезызвестного Солженицына тоже звали в Норвегию: “Живите у нас и ничего не бойтесь, а если рано утром услышите стук в дверь, не переживайте: это не КГБ, это пришла молочница со свежим молочком”.

Но вот кончилась прежняя Норвегия. Её больше нет. Есть чудовище, монстр, тоталитарный гомосексуальный режим, одобряемый испорченным или запуганным населением. Происходит, как и в ряде других стран Запада, стремительная суперреволюция, перед которой бледнеют все предыдущие перевороты. Незримая крепко сколоченная организация уничтожает человечество физически и духовно. Незримая власть уничтожает семью, материнство, отцовство, сердечные отношения родителей и детей, и даже пол. Это же надо додуматься: ликвидировать понятие пола, смыть из языка и сознания народа образы мужчины и женщины, заменив их абраcadаброй – неким “гендером” в 6 или 7 разновидностях.

Представительство Русской Православной Церкви при Совете Европы сообщило о летней сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в Страсбурге, проходившей с 24 по 28 июня 2013 года: “В некоторых европейских странах активно развиваются новые подходы к пониманию половой идентичности человека. Их суть состоит в утверждении того, что человек свободен в выборе половой самоидентификации и половой ориентации. При этом отрицается наличие объективных физиологических и психологических различий между мужчинами и женщинами”. Против опасных тенденций ПАСЕ выступил депутат от Италии Лука Волонте, рассказавший о введении во французских школах, начиная с нового учебного года, обязательного сексуального образования, основанного на новой гендерной теории. Новые стандарты будут вводиться как в государственных, так и в частных школах, начиная с 6-летнего возраста. 4 января 2013 года министр образования Франции заявил, что цель школы состоит в том, чтобы “избавить учеников от всех форм детерминизма семейного, этнического, социального или интеллектуального”. При этом изгоняются из обращения слова “мальчик” и “девочка”, заменяемые – “друзья” и “дети”. А с 9 сентября 2013 года в школах Франции начинается гей-образование. Депутат Волонте считает, что подобные эксперименты нарушают права родителей и не соответствуют интересам детей. А сама по себе гендерная теория не находит бесспорного научного обоснования.

Особенно резко Ассамблея осудила единогласное одобрение Государственной Думой России закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. К сожалению, члены россий-

ской делегации (36 депутатов) вели себя пассивно, только трое из них участвовали в голосовании. Остальные уклонились от обсуждения. Их не волнует демонтаж традиционных ценностей?.. Наши парламентарии, в том числе госпожа Борзова, не сознают величайшей опасности, исходящей от Запада, для нравственного суверенитета страны. Отечественные СМИ и руководство делегации России на летней сессии ПАСЕ проигнорировали проблему пресловутой “борьбы” ПАСЕ против дискриминации по признаку социальной ориентации и гендерной идентичности, никак не среагировав на факты наглого давления на нашу страну в связи с принятием оборонительного закона о запрете пропаганды содомии и иных извращений.

24 июня 2013 года совет министров иностранных дел ЕС принял директивы в защиту так называемого “ЛГБТ-сообщества”, определяющие извращенцев как “уязвимое меньшинство”. Совмин ЕС утверждает, что “культурные, традиционные или религиозные ценности не могут служить оправданием для любой формы дискриминации, включая дискриминацию в отношении ЛГБТ”. Как отмечает политолог Ольга Четверикова: “ЕС готовит институционализацию карательных мер против всех, кто выступает в защиту традиционных ценностей, которые, по планам содомитов, должны быть объявлены под запретом”.

С 4 сентября 2013 года слова “мать” и “отец” официально выводятся из употребления в Италии, так как они “полностью устарели” (!), по мнению министра Кьянге.

“Устаревшие” понятия заменяются на: “родитель 1” и “родитель 2”. Всё делается в интересах содомитов. Согласно старым энциклопедиям, число гомосексуалистов, больных от рождения, в мире составляло примерно 2% населения. Вот во имя этих двух процентов и разворачивается неслыханная суперреволюция.

Германия с 9 сентября 2013 года запретила указывать пол в свидетельствах о рождении. Дескать, свой пол новорождённый ребёнок сам определит в 18 лет после того, как его обработают в духе почтения и преклонения перед извращенцами разных видов. Графа “пол” будет пустой. Австралия, Новая Зеландия, Непал, Таиланд уже отменили мальчиков и девочек. Детей сознательно толкают к тому, чтобы к 18 годам они определили себя “гэями”, “лесбиянками”, “бисексуалами” или “транссексуалами”. Нормальных мужчин и женщин будет, по-видимому, меньшинство. И это будет травимое и репрессируемое меньшинство.

Бывший глава министерства по делам детей и равноправия Норвегии Эудун Лисбаккен основал фонд пропаганды сексуального разнообразия среди младенцев, который финансируется норвежским правительством.

Идёт тотальное целенаправленное разрушение обычной традиционной семьи. Под предлогом “защиты прав детей” и приоритета прав детей над правами родителей власти изымают малышей и подростков из семьи под любым предлогом. Например, отец прикрикнул на сына, или власти узнают, что родители “принуждают” ребёнка делать уроки, – этого достаточно, чтобы ювенальная служба совместно с обычной полицией явились в дом и отобрали ребёнка от родителей **навсегда**. Ребёнок поступает в государственный приют или на усыновление извращенцам. Даже если усыновители сами не извращенцы, всё равно они обязаны будут обучать захваченного малютку раннему сексу и сексуальному разнообразию. О религиозном воспитании тут уже вообще нет речи. **В Норвегии уже украдены у родителей 200 тысяч детей, или 1\5 всех несовершеннолетних. В Швеции отобрано у родителей 300 тысяч детей. В Финляндии – 250 тысяч, столько же в Германии и Израиле**, идущими в ногу с генеральной линией международного масонства. В детских садах изымаются обычные сказки типа “Золушки” или “Красной шапочки” и навязывается гомолитература с описанием содомитских и лесбиянских извращений. На Западе легализовано, как минимум, 30 видов нетрадиционного брака. Авангардисты-извращенцы в Швеции уже требуют права на венчание родителей с детьми! Канадский парламент 2 марта 2011 года почти единогласно проголосовал за педофилию как равноправную сексориентацию всего с одним голосом против.

С февраля 2011 года в документах Госдепартамента США выводят из официального оборота слова “мама” и “папа”. При подаче заявлений на оформление официальных документов, в анкетах теперь значится “родитель номер 1” и “родитель номер 2”.

Есть такой документ – Европейская социальная Хартия, подписанная в Турине 18 октября 1961 года, вступившая в силу 26 февраля 1965 года и дополненная (уже после победоносной сексуальной революции) 3 мая 1996 года. Правительство Российской Федерации 14 сентября 2000 года подписало Хартию. Но её надо ещё ратифицировать. 24 февраля 2009 года правительство РФ одобрило Хартию и представило её Президенту, чтобы он внёс её на ратификацию в Госдуму. Россия является одной из 49 стран-участниц в Совете Европы, хотя в 2007 году членство обошлось России в 25 млн евро из 180 общего бюджета ЕС, то есть Россия заплатила **седьмую часть бюджета ЕС**. Часть положений Хартии, их содержание противоречат традиционной культуре народов России и религиозным установкам основных религиозных конфессий и не соответствуют Конституции РФ. Особенно это касается положений Хартии относительно социальных гарантий в области здоровья (ст. 11) и прав детей и молодёжи на социальную, юридическую и экономическую защиту (ст. 17), которые затрагивают преимущественное право родителей на воспитание своих детей в избранной ими системе нравственных и религиозных ценностей, путём введения **ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ** в образовательных учреждениях (садах и школах) и **РЕАЛИЗАЦИЮ** в России системы **ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ**, которая направлена на **ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ РОДИТЕЛЕЙ** в отношении своих детей и ведёт к **РАСПАДУ СЕМЬИ**.

Наши либералы уже добились внедрения элементов полового просвещения в предметы: биология, основы безопасности жизнедеятельности и ряд других дисциплин и программ. Государственная Дума в 1997 году запретила реализацию программ полового просвещения в школе. Зато сексуальное просвещение в России реализуется через систему учреждений дополнительного образования и учреждений здравоохранения, таких как государственные службы планирования семьи. Различные неправительственные организации типа РАПС показывают мультфильмы и видеоролики, полученные из международных организаций, содержащие откровенно циничные физиологические сцены, пропагандирующие беспорядочные половые отношения под предлогом обучения детей “безопасному сексу”.

Ратификация Хартии придаст программам сексуального просвещения обязательный характер и лишит родителей возможности выбора системы воспитания, верующих родителей и детей лишит прав на свободу совести и вероисповедания. Само подписание представителями РФ 14 сентября 2000 года этой зловещей Хартии – это не просто ошибка. **Это – преступление перед русским народом, другими народами России, перед нашей цивилизацией.**

Система ювенальной юстиции, реализуемая в странах ЕС, противоречит российскому законодательству, противоречит укреплению семейных устоев, укреплению детско-родительских отношений, ведёт к разрушению традиционной для России системы воспитания, основанной на авторитете родителей. Ратификация Хартии приведёт к нарушению конституционных прав граждан России, разрушению традиционных нравственных устоев, вмешательству государства в дела семьи.

В интернете появилось исследование Катерины Беккер, переведённое с венгерского языка: “Гендер-фашизм – официальная идеология гомо-Европы для слома бинарного кода человечества”. Автор определяет слом бинарного кода человечества как Гендерный мейнстрим. “Это генеральная стратегия социального конструирования (социальной инженерии) нового человека ПУТЬЮ СЛОМА БИНАРНОГО КОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИРОВОМ МАШТАБЕ”. Я лично не стал бы называть это явление фашизмом, ибо это ХУЖЕ фашизма. Фашизм всё-таки не замахивался на ликвидацию мужчин и женщин. Данное явление, инспирируемое мировым масонством, похлеще фашизма.

Первая мировая война привела к победе международного масонства и ликвидации трёх реальных монархий в Европе и – самое главное! – к ликвидации русской православной монархии, удерживавшей зло в мире. И зло хлынуло по всей планете. В XX веке свершилось несколько отнюдь не стихийных революций: сексуальная, наркотическая, революция в области морали. Чёрное стало белым и наоборот. Но всё равно христианство выжило, уцелело. И вот теперь на Западе реализуется гигантский план уничтожения бинарного кода человечества, план уничтожения мужского и женского пола и превращения бывших мужчин и женщин в “оно”, поистине – в животных.

Пресловутый Гендерный мейнстрим декларирует, что “женственность” и “мужественность” существуют якобы только благодаря структуризации общества. И “всё, что связано с различием полов, должно быть стёрто и уничтожено: родительство, семья, брак, деторождение, материнство, отцовство – абсолютно всё”. Тотальный нигилизм. Эта тоталитарная идеология и диктатура распространяются незаметно, исподволь, точечно, квантово, но повсеместно и с огромной скоростью.

“Эта фантомная идеология Гендерного мейнстрима по сути пытается... создать человека нового типа, который сможет сам выбирать пол и сексуальную ориентацию (у извращенцев сейчас 6 или 7 ориентаций. – Авт.). То есть эта стратегия насаждает идею, что человек рождается без какой бы то ни было идентичности, без принадлежности к какой бы то ни было НАЦИИ, РОДУ или СЕМЬЕ”.

Этот фантомный гендерный тоталитарный подход к свободе и сексуальности с подачи ООН и Европейского Союза давит на правительства отдельных государств и ОБЯЗАН ВВОДИТЬСЯ, начиная с яслей, чтобы активно влиять на детей и быстро переделывать новое поколение из обычных мужчин и женщин в лишённых бинарного кода особей Нового мирового порядка.

Поворотным моментом явилась Всемирная конференция феминисток и лесбиянок в Пекине в 1995 году. Им удалось добиться, чтобы в официальных документах слово “пол” заменили на слово “гендер”. Слова и символы правят миром. Когда-то массовые преступные беспорядки нигилисты и радикалы назвали словом “революция”, и этот ярлык как бы санкционировал и одобрил погромы и массовые убийства. Теперь “пол” заменяют “гендером” и дают добро на пороки, растление, злодеяния и войну с христианством. Новые супер-революционеры, уничтожая семью, брак, материнство, всячески поддерживаая любые сексуальные извращения, вводят как норму ранний юношеский и детский секс.

16 апреля 2008 года Европейский Парламент решил, что все 47 государств должны принудительно обеспечить каждой женщине право на аборт (для увеличения числа абортов в разы). Тот же Европарламент зорко следит за отменой смертной казни, но массовое убийство младенцев во чреве матери считает нормой. Все государства обязывают вводить обязательное раннее сексуальное обучение детей. “Опыт Северной Европы по демонтажу бинарного кода у детей с рождения принудительно распространяется сегодня по детскими и образовательным учреждениям других стран Европы и мира... Сего дня Гендерный мейнстрим – это основная линия и красная нить поведения большинства правительств”.

Главное кредо этой суперреволюции нацелено против религий, которые не хотят двигаться в указанном гендерном генеральном направлении, такие религии должны быть подвергнуты осмеянию и ЛИКВИДИРОВАНЫ. Ликвидация христианства запрограммирована под предлогом дискриминации содомии, скотоложства и иных извращений.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

ПОСТИЖЕНИЕ ВЕРЫ

Путевые заметки о паломничестве в Иерусалим

Прибытие в Иерусалим – это вдох воздуха, в котором густо замешаны цветочные и пальмовые ароматы, это проникновенный голос гида: “Здравствуйте, православные, вот вы и на Святой земле!” Переносишься в новый для тебя, совершенно особый мир, которого ты не знал, но чувствовал, читая Евангелие. Вещественные принадлежности этого древнего, но всегда живого мира большей частью засыпаны, застроены, закрыты другими сооружениями. Но даже оставшийся уголок здания или каменной плиты времён первого века нашей эры излучает невидимую благодатную энергию. Идёшь мимо многолюдных торговых лавок, и словно слышишь упрёк Спасителя: “Что же вы, земные братья мои – такие слабые? Ведь и чудеса вам являл, и мёртвых воскрешал. Отчего так мало почитаете Бога своего? Отчего так мало у вас добрых дел во имя Веры?”

Кажется, шум от лавок такой же, как и две тысячи лет тому назад: торговая жизнь по своей сути мало изменилась. Все двадцать веков после явления нашего Спасителя улицы меняли свои очертания, чаще всего их заваливало камнями от разрушенных строений в результате многочисленных войн. По этой причине улицы “подрастили” вверх, а тем временем небольшой холм – место казни Иисуса Христа, – названный Голгофой (лобным местом), становился всё меньше, всё ниже, пока, наконец, его не закрыли своды храма. Это христиане разных стран по камешку, по отбитому осколку разбирали и увозили к себе домой память о Голгофе, чтобы сделать их предметами для поклонения. Христиане, задумав строительство храма на месте холма, стали продавать богатым паломникам камни Голгофы. Вес продаваемого камня полностью приравнивался к весу золота, который за него надо было заплатить. По сути, это была не покупка камня, а пожертвование на строительство храма Гроба Господня.

Живое, одухотворённое лицо гида Михаила Николаевича сразу заставляет вспомнить облик наших замечательных философов прошлого: Ильина и Бердяева... Святая Земля напитала его Святым Духом намоленных храмов и монастырей. Он ощущал руками прохладу камней многих монашеских пещер, часовен... Исходил все известные пути святых отцов и великомучеников, пил воду из тех же родников, изучал, записывал, рассказывал паломникам...

Михаил Николаевич уже давно житель Иерусалима, свободно говорит на иврите и на арабском языке. У него квартира на Масличной горе. А всё за Россию переживает как за свою настоящую родину. В маленьком дворе монастыря подсаживается ко мне, отдыхающему на скамейке среди цветов и диковинных растений.

– Как там, в России? – спрашивает он.

— Да как вам сказать? — вздыхаю я. — В основном, все пользуются тем, что даёт нефтяная и газовая труба и другие полезные ископаемые. Думаю, многие не верят в прочность того общества, которое создали, соблазнившись речами западных “искусителей”. Да с чего бы и верить! Бывший советский человек в немца-коммерсанта не переродился, к нему другой подход нужен! Его натура никак в рыночную бессовестность не вписывается, плохо ей там, душно, оттого и в делах от малых неурядиц вспышки гнева, ссоры и отчуждение! Все самые тонкие струны его души может задеть только православная вера, справедливая власть, впечатляющие планы созидания!

— М-м-да! — вздыхает Михаил Николаевич. — Но, по вашему ощущению, — спрашивает он, — что-то исконно-русское в нынешних русских осталось?

— Да, конечно! Наша духовная основа неистребима, но пока она словно в спящем состоянии. В последнее время духовный голод в соотечественниках постепенно пробуждается. Кто-то поставит хороший спектакль, кто-то издаёт умную книгу! И, глядишь, зрители и читатели встрепенулись! Верующих стало заметно больше. В храмах появилась молодёжь....

— Слава Богу! — вздохнул Михаил Николаевич.

Нас сопровождает игумен Георгий — москвич. Ему чуть больше сорока. Духовная академия, где он учился, дала ему не только знания. Его отличает истинная благочестивость духовного наставника. Многие паломницы нашей группы сразу потянулись к нему. Если игумен начинал петь псалмы или слова молитвы, они тут же дружно подхватывали хором. Выходило всё очень красиво и слаженно. Игумен хорошо понимал, какое значение имеет для женской души образ Богоматери, и часто подолгу останавливался возле икон, запечатлевших её образ, и долго рассказывал о Ней!

Отец Георгий поведал паломникам историю из своей жизни. Это было вначале двухтысячных годов. Его молодая соседка по дому в Москве долго не могла родить и уже отчаялась. Игумен посоветовал ей посетить святые места в Израиле, помолиться иконам Божьей Матери. Она согласилась, и он взял её в очередную паломническую поездку. Долго молилась соседка, но поозвращении домой её ждала не беременность, а беда. Известный теракт в московском метро. Она ехала в поезде вместе с мужем. Их достала взрывная волна. Раненые, в изорванной одежде, вдвоём они кое-как добрали по тоннелю метро до ближайшей станции.

После этого случая, обидевшись на весь мир и на веру, соседка перестала здороваться с отцом Георгием. Уже лет через пять, случайно встретив его, соседка долго извинялась. Потом сообщила, что ждёт рождения уже третьего ребёнка, и они с мужем счастливы. Перекрестил её отец Георгий, простили и просили всегда и во всём доверять Богу, и свято верить в торжество его милости в любой беде. Значит, так угодно было Богоматери и сыну ей Иисусу, чтобы прошла будущая мать через суровые испытания. Видимо, от пережитого стресса включились в работу все функции её организма... Паломницы в туго завязанных платках и сереньких кофтах, склонив головы, слушают рассказ священника, молятся и целуют икону за иконой. Они-то понимают, какую ответственность возложил на них Господь. Всё зависит от женщин: счастье детей, семьи, моральное состояние общества!

Мы подъезжаем на автобусе к воротам ещё одного монастыря, который принадлежит Русской Православной Церкви. Монастырь находится в городе Иерихоне. Немногочисленные торговцы-арабы с любопытством глядят на нас. Древний Иерихон удивил малым количеством прохожих и непривычной тишиной. Огороженные камнями участки земли где-то заросли травой, где-то завалены мусором. Палестинцы не слишком стремились изменить древний облик оград и стен.

Обитатели монастыря привыкли жить бдительно и осторожно в замкнутом, не совсем дружелюбном арабском окружении. Гид стучит в калитку крепких железных ворот, а потом обращается к нам и разводит руками: “Не открывают! Ну, что ж, православные, — говорит он, — обратимся с молитвой, глядишь, и откроют”.

Он начинает читать нараспев: “Отче наш, Иже еси на Небесех...” Вся группа подхватывает, и хор голосов заполняет всю улицу, весь город, и эхо летит дальше, ввысь. Кажется, хор слышно и на горе Искушения, очертания которой вырисовываются на западе. Там, на вершине горы Христос постился и молился сорок дней.

Как только хор умолкает, калитка тихо открывается, и монах впускает нас. Какая это чудная картинка православного мира! Группа паломников представляет собой церковную общину, а в ней мы, как одно тело Христово, мгновенно подхватываем слова молитвы, и нам откликаются соратья!

Всё в нас и вокруг нас осмысленно, одухотворено и торжественно: камни под ногами, древние стены среди пальм! А вот и смоковница, на которую забрался человек маленького роста по имени Закхей, чтобы взглянуть на Иисуса, “потому что Ему надлежало проходить мимо неё”, как говорится в Евангелии от Луки. Смоковница выглядит древней только внизу, ближе к корням, а ветви этого древнего дерева зеленеют вечной зеленью.

Я в Вере, я погружен в неё всем своим существом, и жизнь странным образом устраивается вокруг меня, как чуткая медсестра перед постелью больного: всё доставит, всегда поможет, а то и чудом одарит. Собрался я посмотреть то место, куда Дева Мария семь дней носила воду, чтобы крестить мальчика, будущего Иоанна Крестителя. Спускаюсь по крутое лестнице, а на встречу мне идёт монахиня Горненского монастыря. И несёт большую икону Богоматери неописуемой красоты. Поравнявшись со мной, приближает ко мне икону, чтобы я прикоснулся губами. Но я так рад и так благодарен, что не просто прикасаюсь, а целую икону несколько раз.

— О, как вам повезло, — говорит монахиня.

А я и не удивляюсь, я уверен, что так и должно быть. Вот только бы знать, за что мне, грешнику, Божья милость. Может, даёт мне знак Матерь Божья, что одобряет моё паломничество.

После яркого солнечного дня, белого песка, сияющего розоватого камня церквей и часовен нам предстоит ночная служба в храме Гроба Господня. Полная луна висит прямо над храмом. Мы с гидом ждём, когда соберётся вся группа паломников. Здесь я случайно вспоминаю о великом Гоголе, который был в Иерусалиме ровно за сто лет до моего рождения.

— Да, представьте, что в 1848 году Гоголь прибыл сюда из Бейрута в качестве паломника. — оживился гид. — Ещё в молодости в одном из писем он написал: “Грешу я, право, перед Богом: нужно, давно б нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже под старость совсем пора туда”!

Aх, как был прав Николай Васильевич! В 60 лет в этом убеждаешься совершенно! Иерусалим. Неземная теплота и излучение Духа Святого действует здесь непосредственно и глубоко. В мирской жизни душу свою трудно открыть до конца и постичь самому. А здесь, под сводами храма Гроба Господня душа открыта настежь: вся жизнь стоит перед ней, как прекрасная панорама, и всё в ней важно, всё значительно, всё ценимо Богом и дано не зря!

Высоко вверху, под сводами храма, соседнего с кувуклией, есть слуховое окно или ниша, куда хочется забраться и жить там, не считая дней и лет, никуда не двигаясь, слушая голоса греческих монахов, поющих псалмы...

На ночное бдение прибыли польские католики и в полночь включили запись органной музыки. Мелодия очень красавая, но громкая и заглушает голоса греческих священников, начинающих Божественную Литургию. Католики верны себе. Знают, что православные ничего не скажут и не возразят. Только не понимаю, зачем музыкой подменять живой человеческий голос? Тихий шепот искренней молитвы долетит до высоких сводов и больше расскажет о каждом верующем, чем кем-то сочинённая музыка.

В кувуклии — в этом маленьком помещении, куда каждый год на Пасху сходит благодатный огонь, — царит метафизическая тишина. В ней нет времени, нет смерти. Все эти явления имеют место быть только за её стенами и то мыслятся, как отрывки дурного сна... Вход в кувуклию — это возвращение домой, в окончательную точку пребывания своей души! Отсюда уже никуда не хочется перемещаться в поисках счастья! Всё теперь здесь, и ничего искальвать больше не надо!

После Причастия святых Тайн мы долго находимся в необычном состоянии, описать которое ближе всего можно словом “блаженство”! В автобусе я снова оказываюсь рядом с гидом. Михаил Николаевич опять вспоминает Гоголя: “Я перечитал все его письма о путешествии в Иерусалим, — говорит он. — На своё паломничество Гоголь смотрел как на важнейшее событие своей жизни. Надеялся здесь найти духовную опору для своих писаний. И вот Гоголь проходит по местам земной жизни Спасителя, говоит и приобщается Святых Таин в этом Храме, а также молится за всю Россию, подобно своему

далёкому предшественнику, игумену Даниилу, первому русскому паломнику, который в начале XII века принёс к Святому Гробу лампаду “от всей земли Русской”. Гоголевское описание Литургии у Гроба Господня исполнено высокого воодушевления и тёплого чувства: “Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленя и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленя не в силах бы угнаться за нею...”

“Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искушитель! Страшусь всего, видя ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово “любовь”. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде...” (из письма к Жуковскому из Бейрута от 6 апреля 1848 года).

Лучше не скажешь! Подобные чувства испытывал и я, простой паломник, во время всенощного бдения. Ноги мои после долгого стояния онемели, и пришлось сесть на стул, который я нашёл в углу за перегородкой между кувуклией и храмом Воскресения. Но примерно через час мимо меня сквозь толпу пронесли чащу причащения, и я поднялся и пошёл вслед за священником, не ощущая своего тела, не чувствуя ничего, кроме тихого восторга. С глотком вина и кусочком просфоры я принял в себя неведомое ранее умиrottворение, не покидавшее меня все последующие дни пребывания в Иерусалиме. Во время проскомидии – поминания живых и мёртвых – все мои родные, ушедшие из жизни, представлялись мне незримо присутствующими в храме и слушающими молитвы. В эти редкие минуты между нами не было привычной глухой преграды материального мира!

А потом опять была поездка в горы. Пещера Иоанна Дамаскина. Грубое ложе из камня, высеченное в скале, рядом – углубление для того, чтобы поставить чашу с водой и свечу – вот и всё, что нужно было этому человеку для земной жизни в вере. Вспомнил я о явлении Богородицы в келье нашего русского святителя Серафима Саровского. По свидетельству монахини, которая была в это время рядом с отцом Серафимом, стены маленькой кельи при появлении Богородицы широко раздвинулись, и келья стала подобием храма. Не было ли здесь, в пещере Иоанна похожего явления? Скорее всего, что-то подобное испытал и святитель Дамаскин, мужественно прошедший все муки затворничества. Ещё вопрос: было ли это затворничество мукой, когда перед глазами исчез лёгкий флёр земного бытия и предстал перед святым отшельником мир неземной?! Может, жил он тогда одной душой и не замечал страданий... Как-то добывал хлеб и воду и не обращал внимания на остальное...

Кое-как пробрались мы сюда с паломником – грузным мужчиной, который стонал от боли в ногах. Пробрались и встали в молчании. Как-то стыдно стало нам за себя в намоленной пещере Иоанна! Удостоился чести великий мученик – видел то, о чём нам, грешным, и подумать нельзя. А мы! Так плохо и бездумно жили, так худо и беззаберно живём, что наш удел – в темноте биться головой о низкий потолок прохода, спускаясь в пещеру. Никогда эти камни перед нами не раздвинутся и не превратятся в небесный храм. Мечтаем о райских кущах, а в земной жизни ничем для этого жертвовать не хотим. В пещере, слева от ложа есть маленький уголок, и в нём висит икона. Я целовал её и просил: “Прости меня, Иоанн, за маловерие! За то, что так нерадив в вере!”

Намоленный дух пещеры долго не отпускал от себя и напоминал о себе даже в ясный солнечный день на берегу Генисаретского озера, где мы бродили по кромке воды, трогали камни древнего причала с углублением для швартовых столбиков. В своей книге “Жизнь Иисуса” Э. Ренан справедливо заметил, что север Израиля создал христианство. Север дал миру Деву Марию, Марию Магдалину, доброго воспитателя Иосифа. Описать красоту Галилеи с её горами и Генисаретским озером вряд ли возможно даже приблизительно, для этого нужно перо гоголевской силы.

Нас, паломников, Христос привязал к себе так, что мы ощущаем этот цветущий край как свою родную землю. И к камню, на котором трапезничали и вели беседы рыбаки со своим Учителем, прикасаемся, как к порогу родного дома. Веру нельзя выдумать, веру нельзя превратить в занимательную

историю. И напрасно “рационалист”, а по сути – атеист Эрнест Ренан пробовал описать жизнь Иисуса как деятельность гениального, но земного человека-проповедника. Для нас, христиан, самое главное в том, что через Иисуса как Своего Сына с нами говорил Сам Господь, и мы должны следовать всему, что передал нам Бог-Отец и чему учил Его Сын! Только это даёт возможность перейти в совершенно новое духовное состояние, где возможны чудеса и откровения. Только там и возможны. Попытки всё это объяснить с точки зрения здравого смысла заведомо обречены на провал. Маловеры и атеисты не учитывают главного: самые невероятные чудеса и явления становятся реальностью только в душах, которых коснулся своим неземным теплом Дух Святой. В таком состоянии могут стать видимыми и демоны, и дьявол, и вся “закулисная” сторона земной жизни.

Галилею заливают моря цветов и самой разнообразной ярко зелёной растительности. Сейчас март – самое время цветения! Здесь ещё раз убеждаешься, что своеобразие природы накладывает на каждый народ свой неизгладимый отпечаток, определяет стиль его жизни, даже образ мыслей. Наиболее живые начинания в вопросах веры шли всегда отсюда, из Галилеи.

Иерусалим скуп на растительность, хотя жители и стараются украсить его цветами и пальмами. Там строгие правила иудаизма, чёрные одеяния верующих. По вечерам, когда мало автомобилей, становится совсем тихо. Во дворах – слабый свет, а мимо, негромко переговариваясь, горожане идут в одном направлении – в Синагогу. Да и разве может быть иначе в местности с каменистыми холмами, редким кустарником, где воды единственной речки Кедрона спрятаны под землю, в трубу!

Здесь, в Галилее, озеро и горы устроили для людей настоящий праздник! Пробуждаясь ото сна, каждый житель видит мир красочный, даже торжествующий! Ни на что не похожая красота его была бы невозможна без вмешательства Высших Небесных Сил...

...Ясно как день, что я снова приеду сюда! Буду долго ходить по берегу озера, снова помолюсь в каждой храме, в каждом монастыре, который мне удастся посетить.

Я весь переполнен благодатью! Батюшка, который благословлял меня на паломничество, это почувствовал, когда я пришёл к нему после возвращения домой! Он тоже радуется и молится: “Дай Бог, чтобы эта благодать сохранилась в тебе до конца жизни!”

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

КТО ВЫ, mr. GORBACHEV?

*Главы из книги**

Он ничего не знает, а думает, что знает всё: ему на роду написано быть политиком.

Бернард Шоу

Чем ночь темней, тем ярче звёзды

Известно выражение “Короля делает его свита”. Это ярко проявилось в ситуации с М. Горбачёвым. Не вызывает сомнений, что решающую роль в развале Союза сыграло окружение Генсека ЦК КПСС и президента СССР, одна часть которого активно претворяла в жизнь губительные решения Горбачёва, а другая – молча наблюдала, как предательство разъедает устои и единство страны.

В этой связи постараюсь показать, как кадровое окружение в течение шести с лишним лет создавало Михаилу Сергеевичу условия для его разрушительной деятельности. Самовлюблённые дилетанты вроде Горбачёва, прорвавшись во власть, заботятся только о своём имидже. Они обставляются не личностями, а удобными людьми, чтобы на их фоне выглядеть “гениями”.

Суть своей кадровой политики Михаил Сергеевич сформулировал ещё в бытность первым секретарём Ставропольского крайкома партии. Как-то в ответ на дружескую критику его кадровых подходов Горбачёв произнёс загадочную фразу: “Чем ночь темней, тем ярче звёзды”. Не вызывает сомнений, что себя на кадровом небосводе он видел звездой первой величины. Поэтому всегда без устали тасовал кадровую колоду, подбирая не просто удобных и послушливых, но “серых” исполнителей.

К моменту избрания Горбачёва Генсеком Егор Кузьмич Лигачёв, тогдашний заведующий Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, сумел заменить большинство секретарей крайкомов и обкомов партии, поставив “своих проверенных” людей, готовых выполнить любое его указание.

С приходом Михаила Сергеевича кадровые замены приобрели более широкий размах. За три года (1985–1988) состав ЦК КПСС был обновлён на 85%, что намного превышало показатели 1934–1939 годов. Тогда они составили около 77%. В 1988 году Горбачёв начал “омоложение” аппарата ЦК КПСС. На все ключевые посты были поставлены “горбачёвцы”.

Тем не менее, несмотря на бесконечную кадровую чехарду, Горбачёв до сих пор считает, что ЕГО ПЕРЕСТРОЙКУ торпедировал консервативный аппа-

* Продолжение. Начало в №3 за 2016 год.

рат. В мемуарах “Жизнь и реформы” он пишет, что “после XXVII съезда (1986) трижды сменился состав райкомов и горкомов, практически полностью обновились советские органы. После январского Пленума ЦК 1987 года произошла смена первых секретарей на альтернативных выборах, многие “старожилы” ушли на пенсию. У руля становилась вторая, третья или даже четвёртая “команда”, а дело шло по старинке. Так сильна была закваска. Так прочно вбивались в головы догмы марксизма в упрощённой сталинской интерпретации”.

Трудно представить себе большего непонимания ситуации. Абсолютно ясно, что в 1988–1989 году к руководству большинства парторганизаций в КПСС пришли люди, **весьма далёкие и от марксизма, и от социализма**. В итоге перестройка социализма превратилась в уход от него. По этой же причине в августе 1991 года КПСС тихо скончалась, так как самостоятельно мыслящее политическое ядро в партии отсутствовало.

Кадровые тандемы Горбачёва

Основным кредо кадровой политики Горбачёва являлась расстановка на ключевых постах доверенных и управляемых сторонников, создавая своеобразные кадровые тандемы. Продавливая назначение своих людей, Михаил Сергеевич демонстрировал поистине “стальные зубы”, о которых как-то сказал патриарх Политбюро ЦК КПСС Андрей Андreeевич Громыко.

Яркое свидетельство этому – ситуация с назначением министром иностранных дел СССР косноязычного и плохо говорящего по-русски Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе (1 июля 1985). Однако в мемуарах “Жизнь и реформы” Горбачёв без тени смущения утверждает, что “Эдуард Шеварднадзе – личность, несомненно, незаурядная, сформировавшийся политик, образован, эрудирован”.

Главное, что определило создание кадрового тандема Горбачёв–Шеварднадзе, была уверенность Михаила Сергеевича в том, что он и Эдуард Амвросиевич – “два сапога – пара”. Некоторые исследователи утверждают, что Горбачёва и Шеварднадзе ещё со ставропольского периода отличали неформальные отношения, касающиеся не совсем благовидных дел.

В этой связи заслуживает внимания версия, которую излагают в книге “Кремлёвские заговоры” известные “кремлеведы” Владимир Соловьёв и Елена Клепикова. Они утверждают, что Горбачёв и Шеварднадзе сблизились в 70-х годах после конфликта из-за грузинских цеховиков-теневиков, спасавшихся в Ставрополе от гонений Шеварднадзе.

Для Горбачёва как первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС грузинские цеховики были важным материальным ресурсом, обеспечивающим дорогие приёмы высоких столичных гостей. Определённые виды на них имел и первый секретарь ЦК КП Грузии Шеварднадзе. Но в Ставрополе его интересы столкнулись с горбачёвскими.

Известно, что бывший министр внутренних дел Грузии Э. Шеварднадзе в 1972 году по протекции всемогущего шефа КГБ Ю. Андропова занял пост первого секретаря ЦК Компартии Грузии. Кумовство, взяточничество, подкуп, “покупка” высоких должностей (включая министерские), теневая промышленность тогда в республике приняли фантастический размах. Грузинские воры в законе составляли треть всех советских воров в законе. Новый первый секретарь должен был покончить с этим.

В первые же дни Шеварднадзе объявил, что “прочистит капиталистический свинарник”, образовавшийся в Грузии, и срёт Кавказские горы, если они будут мешать расцвету русско-грузинской дружбы. Не менее жёстко он взялся за теневую экономику. Хотя на самом деле, как затем выяснилось, вместо одних теневиков пришли другие, но “свои” для батона Шеварднадзе.

Многим прежним владельцам грузинских подпольных частных ювелирных мастерских, ресторанов и шашлычных, а также цехов по производству фруктовых соков пришлось в срочном порядке перебазироваться в соседний Ставропольский край. Там они успешно продолжали делать свой “бизнес”, помогая первому секретарю крайкома партии “достойно” принимать московских гостей.

“Рука” Шеварднадзе со временем попыталась дотянуться и до них. Но на защиту грузинских “цеховиков” встал Михаил Сергеевич. По утверждению В. Соловьёва и Е. Клепиковой, телефонный звонок Шеварднадзе Горбачёву проблему не решил. Последний стоял на своём. Горбачёва поддержал Андро-

пов, который предложил Шеварднадзе “дружить” с “первым” Ставрополья. Тот согласился и не прогадал.

Видимо, ситуация с “теневиками” позволила Михаилу и Эдуарду создать атмосферу сверхдоверительности в отношениях, хотя каждый из них стоил другого. Шеварднадзе за хитрость получил кличку “Белый лис”, а о двуличности и жадности Горбачёва ходили легенды. Горбачёв видел в Шеварднадзе человека, которому можно доверить выполнение любых его решений. Добавлю, что Шеварднадзе, став в постсоветский период президентом Грузии, превратил её в личную вотчину, в которой его семья “правила бал”. Горбачёв аналогичным образом вёл себя в годы перестройки. Одним словом, “такой нашёл такого”.

О том, какой урон нанёс кадровый тандем Горбачёв – Шеварднадзе Советскому Союзу и, соответственно, России, лучше всего свидетельствует цитата из воспоминаний бывшего президента США Дж. Буша-старшего: “Мы сами не понимали такой политики советского руководства. Мы готовы были дать гарантии, что страны Восточной Европы никогда не вступят в НАТО, и простить многие миллиарды долларов долгов, однако Шеварднадзе даже не торговался и со всем согласился без предварительных условий. То же по границе с Аляской (речь идёт о разграничении морских пространств в Беринговом и Чукотском морях), где мы ни на что не рассчитывали. Это был **дар Божий**”.

Особо следует сказать о кадровом тандеме Горбачёв–Яковлев. Его создал не Горбачёв, а Яковлев в период пребывания Михаила Сергеевича с официальным визитом в Канаде в 1983 году. В предыдущей части я рассказал, что важнейшие идеи гибельной перестройки Михаилу Сергеевичу внушил Александр Николаевич Яковлев. Не случайно его за глаза называли архитектором перестройки. Именно Яковлев сумел убедить Горбачёва, что социализм бесперспективен. Он также подкинул Горбачёву идею о приоритете так называемых общечеловеческих ценностей.

Именно Яковлев сумел обеспечить “нужную” антисоциалистическую тональность гласности и перестройки. 5 июля 1985 года он был назначен заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС, а в марте 1986 года Яковлев стал секретарём ЦК КПСС, курирующим идеологические вопросы.

По инициативе Александра Николаевича в том же году были заменены большинство руководителей центральных журналов и газет. Вместо них были назначены сторонники “десталинизации” страны. Так на базе советских периодических изданий были сформированы “перестроочные” газеты “Московские новости”, “Советская культура”, “Известия”; журналы “Огонёк”, “Знамя”, “Новый мир”…

Ослабление контроля партии за печатью получило название политики «гласности», и оно увенчалось к 1990 году принятием Закона о печати, по которому государственная цензура вообще упразднялась. Ну, а далее открылись “шлюзы”, из которых полились потоки лжи и измышлений о социализме. Это было не мудрено. Ведь главный идеолог КПСС был убеждённым антикоммунистом.

Но не только этим отличился Александр Николаевич. Не меньший ущерб Союзу он нанёс, помогая Михаилу Сергеевичу обставлять себя “нужными людьми”. Известно, что Яковлев был тем, кто настоял на назначении министром обороны СССР Дмитрия Тимофеевича Язова, а Председателем КГБ СССР – Владимира Александровича Крючкова. Яковлев был хорошим психологом и чувствовал, что, при всех положительных характеристиках, исполнительность этих двоих будет всегда преобладать над инициативностью и самостоятельностью. Это впоследствии сыграло для судьбы СССР роковую роль.

О реальном вкладе Яковleva в крушение СССР проговорилась в интервью “Независимой газете” (10.10.1998) бывший советник Р. Рейгана по обороне и внешней разведке Джинн Киркпатрик. Она на вопрос о роли личностей в истории и политике XX века наряду с такими фигурами, как Черчилль, Муссолини, Гитлер, Мао Цзэдун, Трумэн, Сталин, назвала Яковleva. Удивленный журналист спросил: “Почему Яковлев? Встречались ли вы с ним?” Последовал неоднозначный ответ: “Пару раз. Я думаю, что он очень интересный человек и сыграл огромную и важную роль. Я надеюсь, что он знает, что я так считаю”. Комментарии излишни для тех, кто знает биографию А. Яковleva.

Особо следует сказать о тандеме Горбачёв–Рыжков. Председатель Совмина СССР Николай Иванович Рыжков – опытный производственник и не ме-

нее опытный политик. При этом он человек с повышенным чувством порядочности и ответственности, что не позволяло ему должным образом противостоять Горбачёву. О Рыжкове как о политическом лидере заговорили в июле 1989 года, когда на совещании первых секретарей ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии в Кремле он заявил: “Партия в опасности!” Поэтому, когда на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР (март 1990) встал вопрос об избрании президента СССР, ряд депутатов обратились к Николаю Ивановичу с просьбой выдвинуть его кандидатуру.

Вот как эту ситуацию описывает председатель Совмина РСФСР Виталий Иванович Воротников: “Ситуация складывалась таким образом, что не сними премьер свою кандидатуру, Горбачёв при нормальном голосовании, несомненно, потерпел бы поражение. Однако, как известно, Николай Иванович так и не нашёл в себе мужества переступить невидимую черту, отделяющую самого высокопоставленного из чиновников от настоящего партийного лидера. Тем самым он подарил Горбачёву пост президента СССР”.

Хочу уточнить. На мой взгляд, а я немало общался с Николаем Ивановичем, главную роль в отказе Рыжкова баллотироваться на пост президента сыграло не отсутствие мужества, а та порядочность, о которой я упоминал выше. Рыжков считал непорядочным подставлять ногу коллеге, который выдвинул его. Горбачёв на это и рассчитывал.

Но не только позиция Рыжкова подарила Горбачёву пост президента. Решающую роль здесь сыграл тандем Горбачёв–Лукьянов. Анатолий Иванович Лукьянов, друг Горбачёва по Московскому университету, вел заседание III Съезда народных депутатов СССР. На этом Съезде было принято дополнение в Конституцию СССР об учреждении поста президента СССР, который должен был избираться гражданами СССР путём прямого и тайного голосования. Но уже в тот период было ясно, что шансов у Горбачёва быть всенародно избранным крайне мало.

Лукьянов сумел добиться решения с ничтожным перевесом в 46 голосов о том, чтобы первые выборы президента СССР, в порядке исключения, были проведены не всенародно, а Съездом народных депутатов. Кандидатами были выдвинуты М. Горбачёв, Н. Рыжков и В. Бакатин. Однако последние два кандидата взяли самоотвод. В результате Горбачёв был избран первым президентом СССР. Вот что значит поставить на нужную должность нужного человека. Этого умения у Горбачёва нельзя было отнять. Тем не менее, подобное избрание его президентом СССР позволяет ставить вопрос о легитимности президентства Горбачёва.

Михаил Сергеевич отличался особым умением в подборе личностей, которые не могли составить ему конкуренцию на политическом поле. К числу таких относился Григорий Иванович Янаев, бывший Председатель ВЦСПС, а затем секретарь ЦК КПСС. Он не отличался впечатляющей внешностью и не был оратором. Но именно такой человек был нужен Горбачёву.

Посол США в СССР (1987–1991) Джек Мэтлок так охарактеризовал кадровую политику Горбачёва: “Горбачёв не желал делиться огнями рампы с талантливым коллегой. Он чувствовал себя уютно только рядом с молчаливыми или серыми помощниками, и это одно из обстоятельств, объясняющих горбачёвский подбор персонала вообще, как и его поражение в борьбе с Ельциным”.

Именно это определило, что на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990) Горбачёв на пару с Лукьяновым сумели добиться избрания Янаева вице-президентом СССР. В итоге Михаил Сергеевич создал крайне нужный для себя кадровый тандем Горбачёв–Янаев. Он полагал, что с таким вице-президентом можно быть спокойным за своё кресло. Однако он просчитался. Но об этом позже.

Помимо вышеперечисленных, Михаил Сергеевич сумел создать важные для него кадровые тандемы: Горбачёв–Разумовский, Горбачёв–Бакатин, Горбачёв–Язов, Горбачёв–Крючков.

Несколько слов о Разумовском. Георгий Петрович в мае 1985 года возглавил Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС, сменив на этом посту Лигачёва. Через год он обрёл статус секретаря ЦК КПСС, курировавшего партийные дела. Регламентация и показушность в работе партийных организаций страны при Разумовском существенно возросла.

Именно он ответственен за сепаратистские настроения, которые появились в Литве в 1988 году. Дело в том, что накануне XIX Всесоюзной парткон-

ференции Горбачёв призывал развивать внутрипартийную демократию и гласность. Но в это же время из орготдела ЦК КПСС, которым руководил Разумовский, ушла на места, в том числе и в Компартию Литвы, жёсткая разнарядка, кто должен быть избран делегатом на XIX партконференцию согласно предложенному из Москвы качественному составу. Это вызвало волну возмущения не только в Компартии Литвы, но и в республике.

Протестные настроения коммунистов Литвы во многом способствовали созданию и становлению "Саюдиса" в рядах Компартии Литвы. В начале 1989 года ситуацию в Компартии Литвы обострило полное игнорирование Орготделом ЦК КПСС критических замечаний, высказанных литовскими коммунистами в ходе отчётно-выборной кампании 1988 года. В результате в январе 1989 года пленум Вильнюсского горкома партии был вынужден повторно обратиться к секретарю ЦК КПСС Разумовскому по поводу молчания в ответ на критические замечания коммунистов, направленные в ЦК КПСС. Однако ответа и на этот раз не последовало.

Тогда на повестку дня в литовских СМИ выдвинулась тема самостоятельности Компартии Литвы. В результате этой дискуссии, на которую ЦК КПСС также не отреагировал, XX съезд Компартии Литвы (декабрь 1989) объявил о выходе партии из КПСС. Ну, а 11 марта 1990 года Литва заявила о выходе из СССР.

В этой связи напомню о том, что Горбачёв постоянно твердил о старом партийном бюрократическом аппарате, который якобы, словно "плотина", стоял на пути перестройки. Ясно, что это было словоблудие, потому что на самом деле такой "плотиной" в КПСС был тандем Горбачёв–Разумовский и их окружение.

Серьёзный урон стране нанесла связка Горбачёв–Бакатин. Вадим Викторович Бакатин, бывший первый секретарь Кемеровского обкома партии, был назначен министром внутренних дел СССР в октябре 1988 года. Казалось бы, перемена для МВД СССР была незначительной. Бывшего первого секретаря Ростовского обкома КПСС Власова на посту министра ВД СССР сменил первый секретарь другого обкома Бакатин. Но это только на первый взгляд.

Бакатина, как правило, связывают с разгромом КГБ СССР. Однако там его роль была невелика. КГБ в августе 1991 года был уже обречен, и Бакатин лишь выполнял указания по его "добиванию". Единственное, что заслуживает упоминания, это сдача Бакатиным советских секретных электронных закладок в новом здании посольства США в Москве. Но Бакатин сделал это в одностороннем порядке. А это было уже явное предательство государственных интересов СССР.

Значительно больший интерес представляет роль Вадима Викторовича в развале МВД СССР. Предлагая Бакатину пост министра внутренних дел, Горбачёв подчеркнул: "Мне не нужны министры-милиционеры. Мне нужны политики". Бакатин "блестяще" справился с ролью политика от милиции. За два года работы он нанёс советской милиции непоправимый ущерб.

Министр издал приказ, по которому сотрудники милиции получили право работать по совместительству в других организациях. В итоге это привело не только к коррупции и срашиванию правоохранительных органов с криминогенным контингентом, но и к уходу основного профессионального ядра МВД в коммерческие структуры. Это стало началом развала советской правоохранительной системы.

Не менее болезненный удар этой системе нанёс и другой приказ Бакатина – о ликвидации агентурного милиционерского аппарата. Полицейские всего мира считали и считают агентуру своими глазами и ушами в криминальном мире. Это известно даже дилетантам. Последствия вышеназванных приказов Бакатина Россия переживает до сих пор. Под занавес своего правления Вадим Викторович нанёс советской правоохранительной системе ещё один смертельный удар. Он подготовил её фактическое расчленение на пятнадцать национальных республиканских ведомств.

Что же касается тандема Горбачёв–Язов, то он позволил Михаилу Сергеевичу беспрепятственно пойти на односторонние и болезненные для обороноспособности Союза уступки в стратегическом военном потенциале. На любые предложения Горбачёва в этом плане Дмитрий Тимофеевич, как верный служака, лишь брал под козырёк.

Тандем Горбачёв–Крючков оказался не менее важным, чем тандем Горбачёв–Яковлев. Первую проверку Владимир Александрович прошёл в мае

1987 года, будучи начальником Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). Тогда он по указанию Генсека ЦК КПСС обеспечил пролёт над территорией СССР немца Матиаса Руста. Подробнее об этом ниже.

Известно также, что КГБ СССР по указанию Горбачёва и Яковлева в 1988 году организовал на территории СССР народные движения в поддержку перестройки, которые вскоре приобрели националистический и сепаратистский характер. В частности, группу "Саюдис" (в переводе "Движение") в Литве организовывали сотрудники КГБ. В этих целях для курирования "Саюдиса" в аппарате КГБ Литовской ССР был создан специальный отдел под руководством подполковника Пядраса Вожбутаса (R. Vožbutas) в составе 5-го управления (по борьбе с идеологическими диверсиями).

Сегодня известны факты предательской деятельности КГБ СССР, когда он совместно с ЦК КПСС прикрывал сепаратистов, запрещая республиканским КГБ реагировать на их преступные действия. Так было в Литве и в Грузии.

Также выяснилось, что Комитет госбезопасности принимал активное участие в подготовке кадров, которые должны были обеспечивать в СССР внедрение капиталистической экономики. В телепрограмме "Момент истины", показанной по 5-му российскому каналу 05 октября 2015 года, прозвучало сенсационное заявление Михаила Полторанина, бывшего министра печати и заместителя Председателя Правительства России при Б. Ельцине.

Полторанин сообщил, что главные реформаторы России Анатолий Чубайс и Егор Гайдар в советский период были направлены в Венскую школу экономики 5-м управлением КГБ СССР, занимавшимся борьбой с идеологическими диверсиями. Они должны были освоить технологии перевода СССР на капиталистические рельсы, а точнее – технологии уничтожения советской державы.

А как расценивать, что КГБ СССР допустил массовое предательство людей, входивших в высшие эшелоны власти СССР? Об этом свидетельствует так называемый "Список Крючкова", насчитывавший 2200 советских общественно-политических деятелей, являвшихся агентами влияния Запада.

Но главную услугу Горбачёву глава КГБ оказал тем, что не предал гласности факты его предательского поведения на встречах с президентами США Р. Рейганом в Рейкьявике (октябрь 1986) и Дж. Бушем-старшим на Мальте (декабрь 1989). Только в 2001 году Владимир Александрович в интервью корреспонденту "Литературной газеты" Дм. Беловецкому заявил, что Горбачёв на этих встречах обсуждал вопросы изменения политического строя в СССР, пересмотря отношений СССР с западными странами, включения ГДР в состав ФРГ и выхода Советской Прибалтики из Союза (см. "Десять лет, которые потрясли..." М., "Вагриус", 2002. С. 36). Как известно, Горбачёв не только обсуждал, но и реализовывал достигнутые договорённости.

Всё это было известно главе КГБ СССР ещё в 1989–1990 годах. Достаточно было Крючкову озвучить эту информацию в декабре 1990 года на IV съезде народных депутатов СССР, поддержав тем самым предложение С. Умалатовой об отрешении Горбачёва от должности президента СССР, и мы сегодня жили бы в обновленном СССР. Но...

Кремлёвские встречи

Волею судеб мне пришлось беседовать с некоторыми персонажами, упомянутыми в предыдущей главе. Прежде всего, расскажу о беседе с секретарём ЦК КПСС А. Яковлевым.

В декабре 1989 года, феврале и марте 1990 года на Пленумах ЦК КПСС обсуждались вопросы судьбы литовских коммунистов и Литвы как союзной республики в целом. Мне как второму секретарю ЦК Компартии Литвы/КПСС и депутату Верховного Совета Литвы приходилось выступать на всех этих Пленумах ЦК КПСС, чтобы довести до сведения членов Пленума истинную ситуацию, сложившуюся в республике.

На февральском (1990 года) Пленуме ЦК КПСС я заявил, что А. Яковлев сыграл неблаговидную роль в развитии ситуации в Прибалтике. Он, будучи в августе 1988 года в Литве на совещании партийного актива республики и активистов "Саюдиса", заявил, что "в СССР не было социализма, не было и советской власти. Тот в партии, кто не поддерживает горбачёвские перемены, должен уйти". Тем самым Яковлев как секретарь и член Политбюро ЦК КПСС

дал идеино-теоретическое обоснование отрицанию советской власти.

Литовские сепаратисты получили право, ссылаясь на Яковлева, огульно чернить советское прошлое и занимать ключевые позиции в партийном и советском аппаратах, а также в СМИ.

На XXVIII съезде (июль–август 1990) я планировал ещё раз поставить вопрос о “странной” позиции главного идеолога КПСС, секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС А. Яковлева, своими заявлениями внесшего раскол и дезорганизацию в ряды Компартии Литвы. Но не прост был Александр Николаевич. Видимо, в Колумбийском университете американские советологи вооружили его не только методологией и тактикой дезорганизации КПСС и советского государства, но и нейтрализации политических оппонентов.

Не случайно кремлёвский биограф Фёдор Бурлацкий в своей книге “Русские государи” так охарактеризовал Александра Николаевича: “Яковлев – самая сложная из всех политических фигур эпохи перестройки. Выглядит просто-вато, а умудрён, как библейский змий, соблазнивший Еву...” Нейтрализовал он меня простым, но эффективным способом.

В один из первых дней съезда Яковлев подошёл ко мне в обеденный перерыв и сумел добиться, чтобы я лично ему высказал все претензии. Только потом я понял, насколько это был умный тактический ход, рассчитанный на мою политическую наивность. Яковлев выслушал мои замечания в свой адрес и адрес Секретариата ЦК. В основном согласился, но очень аргументировано (так мне тогда показалось, информацией Крючкова о нём я тогда не располагал) объяснил свою позицию и позицию Горбачёва. Я, конечно, поверил.

В итоге мне пришлось в срочном порядке исключить почти половину моего выступления на съезде, так как она касалась Яковлева. Неудобно как-то с трибуны повторно критиковать человека, особенно после “доброго, конструктивного” разговора. Только потом я выяснил, что подобные беседы Александр Николаевич провёл со многими из тех, кто мог бы критиковать его на съезде.

После этого мне стало понятно внимание Горбачёва, которое он уделял мне на Пленумах ЦК КПСС. В перерывах Генсек всегда подходил ко мне и расспрашивал о ситуации в Литве. Тем самым Михаил Сергеевич давал мне возможность высказать ему лично то, что он не хотел бы услышать с трибуны Пленума. Так сказать, выпускал из меня пар. Просто и эффективно.

А теперь расскажу о других моих встречах с “сильными мира сего”. Первой была встреча Г. Разумовским. Она состоялась в декабре 1989 года. Тогда на Пленум ЦК КПСС, обсуждавший решение XX съезда Компартии Литвы о выходе из КПСС, пригласили секретарей Временного ЦК Компартии Литвы/КПСС, в том числе и меня. Я привёз с собой 260-страничный сборник материалов из литовской прессы, который я назвал “Литва 1988–1989 гг.”. Обзорный материал сборника свидетельствовал, что основной целью “Саюдиса” является вывод Литвы из Советского Союза.

Этот материал я готовил в течение двух лет в связи с тем, что в союзной прессе события в Литве преподносились не как сепаратистские, а как демократические. Да и в ЦК КПСС, как мне казалось, недооценивали возможность выхода Литвы из СССР. Ведь тогда я не знал, что 3 декабря 1989 года Горбачёв на Мальте, встречаясь с Дж. Бушем-старшим, согласился на выход Прибалтики, в том числе и Литвы, из СССР.

Я наивно полагал, что материал будет полезен членам Политбюро ЦК КПСС и Генеральному секретарю, и с этой целью направился в кабинет Разумовского. Георгий Петрович встретил меня, внимательно рассматривая свои полированные ногти. Он производил странное впечатление. Человека, сидящего напротив, Разумовский вроде бы слушал, а вроде бы и нет. Особого интереса к представленному мною обзору он не проявил. Я уверен, что материал Разумовский передал в архив и больше его никто не увидел.

Но не ко всему Георгий Петрович относился так равнодушно. По утверждению российской журналистки Евгении Альбац, бывший кандидат в члены ПБ ЦК КПСС Разумовский как минимум до 2001 года получал от структур Михаила Ходорковского ежемесячную зарплату. Видимо, было за что.

Встречался я и с министром внутренних дел СССР Вадимом Викторовичем Бакатиным (по его инициативе) в здании МВД на Октябрьской площади. Встреча состоялась вечером 12 марта 1990 года. Прошли сутки после объявления Литвой независимости. Беседовали мы часа два. Бакатина интересо-

вали перспективы развития ситуации в республике. Я высказал мнение, что Центр упустил время и ситуация в Литве практически необратима.

Однако ещё существовала возможность заставить Верховный Совет Литвы действовать в рамках Конституции СССР и придать процессу выхода Литвы из Союза цивилизованный характер, обеспечивая права граждан СССР в республике. Для этого было достаточно правовых мер, предусмотренных советским законодательством, хотя бы в плане уголовного преследования сепаратистов.

Однако Бакатина интересовало только моё отношение к национальной милиции. Он считал, что ничего страшного не произойдёт, если таковая будет создана в Литве. Министр в тот далёкий мартовский вечер 1990 года долго и нудно убеждал меня, что сейчас не 1941 год, когда в Литве вооружённые отряды националистов истребляли инозычных, и что именно национальная милиция будет гарантом безопасности русскоязычного населения. Он утверждал, что не следует мешать её становлению.

Тогда я не знал, что этот вопрос Бакатин для себя давно решил. И, вероятно, не без согласия Горбачёва. Любую самодеятельность подчинённых Михаил Сергеевич **пресекал "на корню". Все его заявления, что многое в Союзе делалось помимо воли Генсека и президента, не более чем камуфляж с целью уйти от ответственности.**

Наивность и инфантильность (так мне тогда казалось) министра Бакатина меня поразили. С Бакатиным мы расстались каждый при своём мнении, но он успешно реализовал свои планы. Известно, что после объявления Литвой независимости республиканское МВД не только не подчинялось союзному министерству, но и занимало враждебные позиции при разрешении спорных вопросов.

Тем не менее, Бакатин дал личное указание о том, чтобы МВД СССР финансировало МВД независимой Литвы, снабжало его современной техникой и помогло создать в Вильнюсе полицейскую академию, которая, кстати, воспитывала кадры в антисоветском и антирусском духе. Это Бакатин считал "конструктивным шагом" в отношениях СССР и независимой Литвы.

Благодаря поддержке Бакатина литовские военизированные формирования, по данным союзного "Правительственного вестника" от 18 апреля 1991 года, насчитывали около 20 тысяч человек. Они располагали 78 тысячами единиц огнестрельного оружия. У них было изъято более 10 тысяч единиц оружия и 4 миллиона штук боеприпасов. Такой арсенал не мог быть накоплен, если бы Бакатин как министр МВД СССР должным образом выполнял свои служебные обязанности.

Попутно замечу, что, общаясь с приезжавшими в Литву представителями Центра, я поражался их невежеству в вопросах межнациональных отношений. У большинства московских гостей было убеждение: **если мы уважаем и любим литовцев, то они просто обязаны платить русским той же монетой.**

Особо следует рассказать о моих встречах с Председателем Совета Министров СССР Николаем Ивановичем Рыжковым. Они происходили после объявления Литвой независимости. В отличие от многих в Москве, Рыжков пытался понять глубинные причины конфликта между союзным правительством и Верховным Советом Литвы, провозгласившим независимость. Его поражала наглость В. Ландсбергиса, требовавшего от Совмина Союза продолжать обеспечивать Литву сырьём и материалами на условиях союзной республики.

Рыжков не мог понять, чем она была обусловлена. И он, и я тогда не знали, что Горбачёв в декабре 1989 года на Мальте пообещал Дж. Бушу-старшему отпустить Прибалтику из Союза. Ландсбергис об этом знал и вёл себя соответственно. Я в силу своих знаний и возможностей старался помочь Николаю Ивановичу уяснить специфику Литвы. Он тогда сидел на втором этаже здания Совмина в Кремле, в бывшем кабинете Сталина.

Представьте волнение, с которым я входил в этот кабинет. В годы войны в нём вершилась судьба человечества. Как я понял, Николай Иванович в этом кабинете ничего не менял. Его стол находился в дальнем правом углу. Слева – длинный стол под зелёным сукном для заседаний.

Обычно Николай Иванович беседовал со мной, сидя за длинным столом. Там у него были телефонные аппараты, чтобы, не прерывая встречи, отвечать на звонки. При мне Рыжкову два раза звонил Горбачёв. Меня поразил

их диалог. На многословие Михаила Сергеевича Николай Иванович отвечал однозначно:

- Да, Михаил Сергеевич!
- Хорошо!
- Подумаем!
- Сделаем!

На этом разговор кончался. После второго такого разговора я не выдержал и попытался поговорить с Рыжковым по поводу процессов, происходящих в Союзе, и о том, что в КПСС возлагают большие надежды на Николая Ивановича. Однако он замял этот разговор.

Весной 1990 года, решая вопросы закрепления позиций ЦК Компартии Литвы/КПСС в ЦК КПСС, мне довелось встретиться с рядом членов Политбюро. В этих встречах меня поразило одно. В ответ на многие поставленные мною вопросы, как правило, звучал один ответ: "Мы не против, но главное — как решит Генеральный".

Что же было основой такого всевластия Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем и президента СССР? Тайну приоткрыл В. Болдин в книге "Крушение пьедестала...". Он описал систему привилегий, которыми пользовались представители высшего эшелона власти в СССР. Речь шла о зарплатах, бесплатном питании и таких же продуктах для дома, приобретении дефицитных импортных товаров, медицинском обслуживании, автотранспорте и транспорте вообще и, конечно, о жилье и дачах.

Это был мощнейший рычаг воздействия Генсека на своё окружение. Человек, пошедший против его воли, мог в одночасье лишиться всех этих благ. А у него семья, которая быстро привыкает к хорошему. Не случайно Ю. Андропов, попав осенью 1983 года в больницу, из которой он уже не вышел, позвонил Н. Рыжкову, тогда секретарю ЦК КПСС, и спросил: "Николай Иванович, если я уйду на пенсию, какое материальное обеспечение вы мне сохраните?" (Зенкович. Самые закрытые люди). Вот так!

В этой связи отмечу, что позиция Рыжкова в отношении Горбачёва не была обусловлена боязнью потерять привилегии Председателя Совмина. Насколько мне известно, Рыжков ими пользовался минимально. Он даже дачу не поменял, став премьером. Мне в 1994 году довелось побывать там. Это было обычное деревянное здание ещё сталинского периода. Обставлена дача была скромно, но со вкусом. Меня поразило обилие книг и радущие жены Николая Ивановича, Людмилы Сергеевны. Это при том, что в горбачёвский период некоторые члены Политбюро сумели "отовариться по полной".

Не могу не вспомнить встречи с Григорием Ивановичем Янаевым. Он как-то по-особому относился ко мне и, когда я бывал у Николая Ивановича, всегда приглашал к себе. Янаев как вице-президент СССР занимал кабинет в здании Совмина, рядом с кабинетом Рыжкова. В этом кабинете когда-то сидел всесильный нарком НКВД Лаврентий Берия. Меня поразила красота резных дубовых панелей, украшавших стены.

У Григория Ивановича была деликатная проблема: постоянно дрожали руки. Я сразу обратил внимание на то, как он дрожащими руками брал со стола сигареты и закуривал. В кабинете мы были одни, и волноваться у Янаева не было оснований. Так что дрожащие якобы от страха руки вице-президента на пресс-конференции 19 августа 1991 года — миф журналистов. В разговоре Григорий Иванович демонстрировал недюжинный ум политика и здравые оценки происходящего в Союзе. Помимо этого, он был порядочным и добрым человеком, напрочь лишенным кремлёвской чиновничьей фанаберии, но, к сожалению, не вице-президентом, что подтвердили события августа 1991 года.

Мне запомнилась одна наша беседа. Она проходила в начале лета 1991 года после известного апрельского (1991) Пленума ЦК КПСС, на котором Горбачёв заявил о своей отставке. Поэтому разговор с Григорием Ивановичем затронул президента СССР. Я спросил, сколько будет продолжаться политика сдачи позиций СССР в Литве? Ответ Янаева был неожиданным. Он сказал, что скоро "это" закончится, и добавил, что ещё в апреле 1991 года планировалось "отодвинуть" Горбачёва, когда тот летал с официальным визитом в Японию, но пришлось отложить. Встав на прощание из-за стола, Григорий Иванович пожал мне руку и сказал, что ждать осталось недолго. Ну, а в августе 1991 года случился так называемый путч.

Политбюро по-горбачёвски

Особо следует сказать о роли Политбюро ЦК КПСС (ПБ) при Горбачёве. Оно было призвано обеспечить коллективное руководство партией и страной, однако превратилось в подручный инструмент для благословления губительных решений нового Генсека.

Решая эту задачу, Михаил Сергеевич уже в апреле 1985 года начал менять соотношение сил в ПБ. Прежде всего, из Политбюро были удалены все оппоненты Горбачёва: Г. Романов, Н. Тихонов, В. Щербицкий, В. Гришин, А. Кунаев, Г. Алиев. На их место первыми пришли те, кто принял активное участие в операции по избранию его Генсеком: Е. Лигачёв, В. Чебриков.

Всего же за время своего властствования Горбачёв сменил три состава ПБ, причём каждый был гораздо слабее предыдущего. В ПБ Горбачёв, по словам Валерия Бодина, сразу же почувствовал себя хозяином, директивы которого должны безропотно приниматься членами Политбюро.

Первым ПБ, на котором новый Генсек одобрил тактику директивной поддержки своих решений, явилось заседание, принявшее 7 мая 1985 года постановление “О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения”. И хотя принятие постановления было продиктовано самой жизнью, его реализация показала, что все перестроочные начинания Горбачёва соответствовали старой народной мудрости “Заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибёт!”

Прежде всего, не был учтён мировой опыт введения “сухого закона” и не просчитаны последствия его введения в СССР. Контроль за исполнением постановления был поручен секретарю ЦК КПСС Егору Кузьмичу Лигачёву и председателю Комитета партийного контроля Михаилу Сергеевичу Соломенцеву. Они в своей обычной манере взялись за дело с неуёмным рвением и, как впоследствии выразился Горбачёв, “довели всё до абсурда”. В итоге огульное внедрение лозунга “Трезвость – норма жизни”, обеспечив некоторые положительные результаты в области сокращения смертности населения и увеличения рождаемости, породило ряд новых проблем. Горбачёв молча наблюдал за всем этим безобразием.

Прежде всего, урон для бюджета СССР от антиалкогольной компании оказался неожиданно велик. За 1985–1986 годы он, по официальным подсчётам, составил около 50 млрд рублей, что привело к фактическому обрушению бюджета в конце 1986 года. Помимо этого, был нанесён невосполнимый ущерб посадкам элитных сортов винограда, а также производственной базе винодельческой и спиртоводочной промышленности.

Решение “отрезвить” страну, принятое без должной исторической и экономической проработки, без учёта психологии советского потребителя, вызвало недовольство широких слоёв населения. Казалось бы, Генсек должен был, учитывая ход антиалкогольной кампании, незамедлительно принять меры по возвращению доверия людей. Но не тут-то было. 24 декабря 1987 года на Политбюро обсуждалась записка Председателя Совмина РСФСР В. Воротникова “О последствиях антиалкогольной кампании в РСФСР”. Факты в ней приводились убийственные. Но Горбачёв даже не пытался принять меры по исправлению ситуации. Он заявлял: “Решение было правильное. Принципиальную позицию менять не будем”.

Николай Рыжков пытался переубедить Генсека в отношении антиалкогольной кампании, но, как он пишет: “Мои многократные устные обращения к Горбачёву... оставались без внимания. Он соглашался со мной, что надо вносить корректировки, обещал собрать Политбюро, но проходило время – и всё оставалось по-старому. Я чувствовал, что с ним кто-то серьёзно “работал””. Известно, что Горбачёв неоднократно усугублял ситуацию, сложившуюся по тем или иным вопросам перестройки в Союзе. Почему?

Секрет раскрыл другой бывший премьер-министр СССР – Валентин Павлов. Он усмотрел в действиях Горбачёва скрытый умысел. “Удар был рассчитан точно. Мировой опыт попыток ввести “сухой закон” учит, что запреты для прививки трезвости населению бесполезны, но зато исключительно благоприятны для создания мафиозных структур и их обогащения. Результаты кампании в СССР не заставили себя ждать в точном соответствии с мировым опытом. Горбачёв и Яковлев не могли не знать об этом опыте, но решали другую задачу и за её успешное решение готовы были, видимо, заплатить любую цену”.

Не вызывает сомнения, что “отцы перестройки” спешили создать в СССР социальную базу для реставрации капитализма. Этой базой стал теневой мафиозно-криминальный бизнес, который неизбежно возникает при введении в стране “сухого закона”. По разным подсчётам, советское государство в ходе борьбы с алкоголизмом потеряло до 200 миллиардов рублей. Львиную долю этой суммы “теневики” положили себе в карман. А с “теневиками” Михаил Сергеевич дружил ещё со ставропольских времён.

Но Горбачёв не был бы Горбачёвым, если не пытался возложить ответственность за содеянное на других. В мемуарах “Жизнь и реформы” одну главу он назвал “Антиалкогольная кампания: благородный замысел, плачевный итог”. В ней стрелки ответственности за провал антиалкогольной кампании Михаил Сергеевич перевёл на ранее упомянутых Е. Лигачёва и М. Соломенцева.

Особо следует рассказать о заседании ПБ, на котором Горбачёв расправился с советским генералитетом. К 1987 году Горбачёв понял, что его односторонней “миротворческой” политике мешают военные во главе с неуступчивым министром обороны, кандидатом в члены ПБ Маршалом Советского Союза Сергеем Леонидовичем Соколовым. Известно, что министр и его окружение были противниками планов Горбачёва по ликвидации Организации Варшавского Договора, поспешному выводу советских войск из стран Восточной Европы, одностороннему сокращению стратегического военного потенциала СССР и подписанию Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД).

Тогда и была задумана грандиозная акция по обновлению советского генералитета. В качестве примера был использован инцидент, произошедший в мае 1941 года. Тогда германский военно-транспортный самолёт “Юнкерс-52”, проверяя советскую систему ПВО, беспрепятственно пролетев свыше 1200 километров, приземлился на Тушинском аэродроме в Москве. В итоге советское военное командование и, прежде всего, военно-воздушные силы накрыла волна репрессий, и оно было практически всё заменено.

28 мая 1987 года на Васильевском спуске Красной площади приземлился спортивный самолет, за штурвалом которого сидел немецкий лётчик Матиас Руст. 30 мая в Кремле состоялось заседание ПБ по поводу пролёта Руста, на котором была предпринята тотальная чистка советского генералитета. Вооружённые силы СССР были фактически обезглавлены. Но главное – Горбачёв убрал неугодного министра обороны СССР С. Соколова.

В нашем случае интерес представляет не столько полёт Руста, сколько события, предшествовавшие этому полёту. Генерал-полковник Леонид Ивашов 8 января 2009 года сообщил мне, что в феврале 1987 года министр обороны Сергей Соколов был вызван к Горбачёву с двумя картами противовоздушной обороны северо-западного направления СССР. После встречи Генсек ЦК КПСС попросил оставить ему эти карты.

После истечения разумных сроков хранения Генсеком карт, как рассказывал Л. Ивашов, ответственный в 1987 году за сохранность секретных документов, в том числе и карт, в Генштабе МО СССР пришлось создать специальную комиссию, официально подтвердившую факт передачи сверхсекретных карт М. С. Горбачёву. Акт этой комиссии должен храниться в архиве МО РФ. Второй экземпляр должен был находиться в бывшем архиве ЦК КПСС, а ныне Архиве президента РФ.

Об этом можно было бы не вспоминать, если бы не выяснилось, что Руст летел так, будто ему было досконально известно расположение советских станций радиолокационного слежения на северо-западе СССР. Но на ПБ об этом никто даже не заикнулся.

Странно, что на заседании ПБ по пролёту Руста, состоявшемся 30 мая 1987 года, никто также не вспомнил о том, что после скандальной ситуации в сентябре 1983 году с гибелью южнокорейского “Боинга” СССР подписал дополнение к Конвенции о международной гражданской авиации, категорически запрещавшее сбивать гражданские самолёты.

На заседании Политбюро все послушно озвучили лишь то, что было нужно Генсеку Горбачёву. Так, член ПБ, Председатель КГБ СССР В. Чебриков на заседании ни словом не обмолвился о том, что перед посадкой Руста на Большом Москворецком мосту по неустановленной причине были срезаны троллейбусные провода, а на Красной площади КГБ установило профессиональные телевизионные камеры!

Никто из членов ПБ также не поинтересовался, почему при подлёте Руста к столице на командный пункт Московского округа ПВО вдруг поступило указание о внеплановом отключении АСУ РЛС для проведения профилактических работ.

Не было выяснено, почему самолёт Руста после пересечения границы СССР на 3 часа 20 минут пропал с экранов радиолокаторов и приземлился с достаточно полными баками, чего не могло быть в случае беспосадочного перелёта. Впоследствии утверждалось, что Руст совершил посадку в районе Старой Руссы, где его ожидали сотрудники Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка, начальник В. А. Крючков), обеспечившие за-правку топливом самолёта.

Генерал-майор Сергей Мельников, дежуривший в день пролёта Руста на Центральном командном пункте ПВО, давая интервью тележурналисту Андрею Карапулову ("Момент истины", 15.08.2011), утверждал, что В. Крючков в доверительном разговоре сообщил, что он по указанию Горбачёва обеспечивал операцию пролёта Руста.

Через полгода после заседания ПБ по Русту, 8 декабря 1987 года, как говорилось, М. Горбачёв и Р. Рейган в Вашингтоне подписали Договор РСМД, который сегодня считается фактической капитуляцией СССР перед США. Члены Политбюро это восприняли как должное.

Особого рассказа заслуживает заседание ПБ, на котором обсуждалось письмо преподавателя Ленинградского технологического института Нины Андреевой "Не могу поступиться принципами". Оно было опубликовано 13 марта 1988 года в газете "Советская Россия". Сегодня, с высоты прошедших лет ясно, что Андреева правильно ставила вопрос о том, что перестройка превращалась в "катастройку".

У членов ПБ в ходе обсуждения этой статьи была возможность поставить на место потерявшего чувство реальности Генсека. Ведь первоначально значительная часть членов ПБ была склонна поддержать письмо Андреевой. Но Горбачёв, почувствовав неладное, решил дать бой несогласным с его линией и внёс письмо Андреевой на рассмотрение ПБ.

Обсуждение продолжалось два дня, 24 и 25 марта. Это заседание вновь продемонстрировало конформистскую позицию членов ПБ. В первый день Лигачёв хоть и поддержал письмо, но виновато отметил, что он к нему не имеет никакого отношения. Громыко озвучил что-то невнятное, "ни нашим, ни вашим". Воротников стал оправдываться за то, что поначалу поддержал статью. А. Яковлев на фоне этого смятения высказался однозначно – письмо Андреевой является "манифестом антиперестройки".

На следующий день первым выступил Председатель СМ СССР Н. Рыжков. Он, видимо, по просьбе Горбачёва, резко осудил письмо. Его поддержали министр иностранных дел Э. Шеварднадзе и секретари ЦК КПСС В. Медведев, Н. Слюньков, Г. Разумовский, а также председатель Госплана Ю. Маслюков. К ним присоединился министр обороны Д. Язов. В защиту письма и позиции Лигачёва выступили только М. Соломенцев, В. Никонов и А. Лукьянов.

Но в итоге ПБ приняло единодушное решение: **осудить письмо Андреевой**. Вот так высший партийный орган КПСС дал зелёный свет предательским действиям Горбачёва по дальнейшему навязыванию стране его перестройки. Это при том, что СССР действительно нуждался в Перестройке, но подлинной.

Окончательно члены Политбюро ЦК КПСС капитулировали перед Генсеком ЦК КПСС на заседании, посвящённом итогам поездки Горбачёва в Нью-Йорк и его заявлению в ООН, состоявшемся 27–28 декабря 1988 года. Напомню, что 7 декабря 1988 года на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Горбачёв **без согласования с Политбюро, Министерством обороны и КГБ СССР** заявил, что в "рамках политики нового мышления" СССР пойдёт на одностороннее сокращение стратегических вооружений на 50% и армии – на 500 тысяч человек и 10.000 танков.

Начиная обсуждение на Политбюро своих международных "инициатив", Горбачёв как бы между прочим упомянул о рекомендациях, подготовленных экспертами американского исследовательского центра "Heritage Foundation" ("Фонд наследия") для вновь избранного президента США Дж. Буша-старшего, называемых "Мандат на руководство-3". В этой связи Генсек задал вопрос недавно назначенному Председателем КГБ СССР В. Крючкову о том, сколько

времени, по мнению западных СМИ, продержится нынешнее советское руководство и, прежде всего, он сам?

Крючков ответил уклончиво: “Говорят по-разному”, – хотя был информирован о содержании “Мандата” для Буша. В этой связи следует рассказать об этом документе. Он предписывал Бушу и его Администрации “разработку долгосрочной стратегии относительно деколонизации советских национальных республик”, то есть **стратегию развала СССР**.

Эта стратегия должна была продолжать реализацию целей, поставленных в трёх директивах по национальной безопасности (National Security Decision Directive) – “NSDD-32”, “NSDD-66” и “NSDD-75”, – подписанных Рейганом в марте–мае 1982-го и январе 1983 года соответственно. В них заявлялось, что целями политики США в отношении СССР является “нейтрализация” советского влияния в Восточной Европе, подрыв советской экономики методом атаки на её “стратегическую триаду”, то есть на базовые отрасли советского народного хозяйства и достижение “фундаментальных изменений советской системы”, то есть отказ СССР от социализма.

Но Горбачёв счёл лишним обременять членов ПБ обсуждением американских планов, которые представляли реальную угрозу для СССР. Он предположил, чтобы ПБ оценило его “прорывное” заявление в Нью-Йорке. Члены ПБ не возражали и высоко “оценили” вклад Генсека в дело мира.

Секретарь ЦК КПСС В. Медведев заявил, что “выступление Михаила Сергеевича на Генеральной Ассамблее – это крупнейший акт в области внешней политики”. Идеолог А. Яковлев утверждал, что теперь “Буш в основном и главном пойдёт по линии перемен, деваться ему, собственно, некуда”. Он также отметил, что главное достижение Горбачёва – “это исчезновение у американцев образа врага” в отношении СССР. Министр обороны СССР Д. Язов, опережая вопрос Горбачёва, бодро доложил, что “уже разработаны планы вывода войск из ГДР, ЧССР, ВНР и ПНР”. Он также сообщил, что в группе советских войск, дислоцированных на территории стран Варшавского Договора, все с одобрением отнеслись к этому. Язов при этом умолчал, что вывод 6 тысяч танков полностью менял структуру вооружения всей группировки советских войск в Восточной Европе, и СССР лишился своего основного преимущества. Министра также не беспокоило, куда будут выводиться войска из Восточной Европы.

Сегодня известно, что уже в конце 1991 года, то есть на три года раньше срока, из ГДР **была выведена треть советского воинского контингента**, который был выброшен в палаточные городки, наспех развёрнутые в полях. Те, кто пережил это предательство, рассказывали, что если бы собрать слёзы жён и детей офицеров, замерзавших в палатках, то их хватило бы для того, чтобы утопить Горбачёва и Язова. Кстати, никто на Западе не настаивал на мгновенном выводе советских войск. **Этот процесс мог длиться и 20 лет.**

Вероятно, в администрации президента Буша от души порадовались, читая протокол заседания Политбюро от 27–28 декабря 1988 года. Насущные политические вопросы, а точнее – вопросы выживания СССР, членов ПБ интересовали значительно меньше, нежели желание понравиться Генсеку. Буш мог надеяться на беспрепятственную реализацию “Мандата на руководство-3”.

Вот так решались судьбоносные для СССР вопросы на ПБ. В дальнейшем члены ПБ без особых возражений поддержали решения Генсека о сдаче ГДР, о распуске Варшавского блока, о согласии на вступление объединённой ФРГ в НАТО, о поспешном выводе советских войск из стран Восточной Европы, о развале социалистического содружества и т. д. и т. п.

При такой ситуации Генсек счёл возможным вообще не советоваться с членами ПБ. Известно, что весной 1991 года Политбюро не собиралось три месяца. В 1991 году Горбачёв обладал поистине диктаторскими полномочиями, которыми его наделил IV Съезд народных депутатов СССР в декабре 1990 года и в рамках которых места для Политбюро не предусматривалось. Подробнее об этом расскажу позже.

От латентного агента Запада до антикоммуниста

Возникает вопрос: почему Генсек ЦК КПСС доводил все свои перестроечные начинания до краха и шёл на безоглядную сдачу позиций СССР? Ведь не был же он настолько глуп? Дело в том, что Горбачёв к приходу в ЦК КПСС уже

являлся **латентным** (на подсознательном уровне) **агентом** Запада, точнее западного образа жизни. Напомню страстное желание Горбачёвых устроить так, чтобы в СССР жили, как во Франции, о котором я писал.

После общения Горбачёва с А. Яковлевым и Э. Трюдо в Канаде (1983), с М. Тэтчер в Англии (1984), с Р. Рейганом в Женеве (1985) и Рейкьявике (1986), Михаил Сергеевич стал убеждённым сторонником капиталистического ведения хозяйства. Сам он это скрывал, но духовный наставник Горбачёва А. Яковлев в постсоветский период рассказал об этом.

При этом Александр Николаевич сослался на свою записку Горбачёву, написанную в декабре 1985 года, то есть накануне перестройки (интервью “Независимой газете”, 02.12.2003): “В ней всё было расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать, и удовлетворился бы ликвидацией наиболее очевидных несуразностей. Не знаю. Но факт, что, в конце концов, нам пришлось выполнить практически всё, что было в той записке”.

Следует признать, что, критикуя советский социализм, Яковлев, как умный враг, во многом был прав. Замечу лишь, что следует иметь в виду и то, что социализм в СССР строился в условиях враждебного окружения. Поэтому он существенно отличался от социализма, о котором писали и мечтали К. Маркс и Ф. Энгельс. Помимо этого, абсолютизация и догматизация основных марксистских постулатов, произошедшая в СССР, привела к извращению их сути. Например, диктатура пролетариата выродилась в диктатуру партийного аппарата, равенство превратилось в уравниловку и т. д.

Поэтому Яковлеву трудно возражать, когда он в том же интервью вспоминал: “В Канаде, например, я по-настоящему узнал, что такое фермерская система. Мне стало ясно, что фермер работает больше и лучше, чем наш колхозник. И живёт тоже лучше. Я с удовольствием изучал, как работает канадская судебная система, и, естественно, сравнивал с нашей. Более всего меня поразила там степень защищенности человека. Я вырос в государстве, где гражданин был априори виновен во всём и перед всеми – перед милиционером, перед домоуправом, перед партийным бюро...”

Единственное, о чём Яковлев предпочёл забыть в своём интервью, это то, что суть капитализма не только во власти капитала и частной собственности, но, прежде всего, в получении прибыли любым путём и любыми средствами. За постсоветские 25 лет россияне убедились в этом на собственном опыте.

Можно привести грубый пример. Известно, что для получения дорогого и прибыльного мраморного мяса, откармливаемых бычков поят пивом и ежедневно делают им массаж. Но, в конечном итоге, бычок всё равно оказывается на бойне. Так и капитализм. Он стремится создать нормальные условия для воспроизводства рабочей силы, так как средства, затраченные на это, возвращаются к нему через товары и услуги.

Однако стоит начаться кризису или возникнуть угрозе потерять прибыль, капитализм без колебаний жертвует миллионами людей. Их выбрасывают на улицу. Весной 2009 года в прессе появилось сообщение, что в Калифорнии, одном из самых благополучных штатов Америки, за неуплату кредита ежедневно на улицу из своих домов выгоняли по 500 человек. Многие из них на последние деньги сумели купить себе лишь одноместные палатки. От всего, что было нажито за долгую жизнь, пришлось избавиться, что-то было продано, часть вещей просто раздавалась всем желающим.

Между тем социализм предполагает народовластие и равенство людей в полном смысле этих понятий. Ведь по Марксу и Энгельсу коммунизм – это “ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития ВСЕХ”. Другое дело, что в СССР при наличии элементов социально-политического равенства социализм оставлял желать лучшего. И в этом нет ничего удивительного. Ведь не случайно в Библии говорится: “Благими намерениями дорога в ад вымощена”. И так бывало не только с социализмом.

Но вернусь к Горбачёву. Ему для перевода СССР на капиталистические рельсы требовалось доказать неэффективность социалистического способа хозяйствования. Поэтому все горбачёвские попытки “реформирования” социалистической экономики и системы управления были направлены на то, чтобы

потерпеть крах. В результате многие советские люди пришли к выводу: **советская система себя изжила, и от неё надо отказаться**. Этим впоследствии воспользовались Ельцин, Чубайс и Гайдар, внедрив в России бандитский капитализм.

Что же касается односторонних уступок Горбачёва Западу, то это было обусловлено следующим. В ходе активного общения Михаила Сергеевича с лидерами капиталистических держав ему сумели внушить идею-фикс о возможности вхождения **обновлённого, мирного и капитализированного Советского Союза в Общий Европейский дом**. Фактически это стало для Горбачёва своего рода “морковкой”. Известно, что упрямый осёл хорошо бежит за подвешенной к его морде морковкой. Вот за такой “морковкой” и бежал Горбачёв, сдавая позиции СССР.

Обновлённый Союз понимался Горбачёвым как Союз, избавившийся от дотационных и обременительных для союзного бюджета прибалтийских и закавказских республик. Известно свидетельство Георгия Корнеевича Крючкова, первого секретаря Одесского обкома КПУ, которому Генсек ЦК КПСС осенью 1988 года заявил, что Россия, Украина и Белоруссия должны быть вместе, а “без этих прибалтов, закавказцев мы обойдёмся...” Я могу засвидетельствовать, что в аппарате ЦК КПСС сторонников этой идеи было немало.

Горбачёв ожидал, что разоружившийся и капитализированный Советский Союз будет с распостёртыми объятиями принят в Евросоюз. Но не тут-то было. В июле 1991 года, когда СССР отчаянно нуждался в 15 млрд долларов кредита, президент СССР направился в Лондон на встречу с главами стран, входящих в “Большую семерку”. Однако те ограничились лишь дежурными заявлениями о поддержке курса Горбачёва. Запад тогда уже сделал ставку на Ельцина.

Хорошо известно, чем закончился курс президента РФ Б. Ельцина на ублаготворение западных “партнёров”. Они лишь высасывали из России ресурсы и финансы, взамен отделяясь малозначащими обещаниями. Напомню знаменитую “атомную сделку” Гора–Черномырдина 1993 года. По ней Россия “продала” Соединённым Штатам Америки 500 тонн оружейного урана за смертоносную цену в 11,9 млрд долл. США. **По нефтяному эквиваленту эти 500 тонн стоили 8 триллионов долларов, то есть в 670 раз дороже**. Такую прибыль получали лишь средневековые торговцы, выменивая у туземцев золотые изделия за грошевые побряушки и зеркала.

Вся многовековая история взаимоотношений России (царской и советской) с Западом свидетельствует лишь об одном: **Западу доверять и верить на слово нельзя**. Он считается только сильными партнёрами.

В этой связи следует сделать ещё один вывод. Историю взаимоотношений России и Запада надо изучать и делать правильные выводы. Горбачёвский и ельцинский периоды в этом плане заслуживают особого внимания, так как тогда Россия едва не утратила свою государственность.

“Горбачёва из членов КПСС исключить”

Я уже говорил о роли Политбюро в организации и проведении Горбачёвской перестройки. Но в КПСС был ещё и Центральный Комитет, насчитывавший четыре сотни членов, который в ходе перестройки имел полное право в любой момент заменить правящую партийную верхушку во главе с Генсеком. К сожалению, мне известен лишь один член ЦК, первым посмевший на Пленуме ЦК дать заслуженную оценку политике Генсека и Политбюро. Это был посол СССР в Народной Польше Владимир Игнатьевич Бровиков.

Он был одним из когорты партийных работников, выпестованных первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии Петром Мироновичем Машеровым. По его рекомендации Бровиков был избран вторым секретарём ЦК КП Белоруссии. В 1983 году он стал Председателем СМ БССР.

Именно Владимир Игнатьевич претворял в жизнь озвученные Машеровым **принципы социалистической инициативы и предпринимчивости**. Социально-экономические достижения Белоруссии в этот период были впечатляющими. Но в 1986 году Горбачёв, спеша избавиться от “машеровца” Бровикова, направил его послом в Польшу, оставив, правда, членом ЦК КПСС.

К 1990 году Бровиков хорошо осознал значение движения “Солидарность”, которая командовала антисоветским и русофобским парадом в Польше. Страшным для него оказался вывод, что польская ситуация стала один

в один повторяться в СССР. Поэтому 5 февраля 1990 года Владимир Игнатьевич решил выступить на Пленуме ЦК КПСС, обсуждавшем платформу партии “К гуманному, демократическому социализму”.

В своём выступлении Бровиков поставил вопрос о перестройке, “которая за неполных пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела к черте, у которой мы лицом к лицу встретились с разгулом анархии, деградацией экономики, гримасой всеобщей разрухи и падением нравов”. При этом Владимир Игнатьевич прямо назвал виновников – это руководители партии и государства и их личные ошибки.

Бровиков в своём выступлении заявил, что большинство принятых в период перестройки законов дали противоположный эффект. В качестве примера он привёл антиалкогольное законодательство, законы о кооперации, о государственных предприятиях, об индивидуальной трудовой деятельности.

С горечью Владимир Игнатьевич констатировал: “Мы все мечемся и ищем панацею от всех бед, надеясь, что возведённая в абсолют демократия всё расставит по своим местам в политической сфере, а рынок – в экономике... Но в итоге страну из державы, которой восхищались в мире, превратили в государство с ошибочным прошлым, безрадостным настоящим и неопределенным будущим. И всё это на потеху Западу, который, славословя в наш адрес, умилённо улюлюкает по поводу краха “колосса на глиняных ногах”, гибели коммунизма и мирового социализма”.

В заключение Бровиков предложил убрать из обсуждаемой Платформы “предложения о президенте страны, председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть дела”, а в том, как будет действовать партия.

Выступление Бровикова членами Пленума было встречено одобрительно, но и только. Выступивший на следующий день Председатель КГБ СССР В. Крючков о нём даже не обмолвился. Он лишь посетовал на то, что в стране ведется “целенаправленная дискредитация партии, органов власти, вооружённых сил, правоохранительных органов”. Однако о главном виновнике подобного положения – Горбачёве – Крючков промолчал. Вот так работал tandem Горбачёв–Крючков.

На мартовском 1990 года Пленуме ЦК КПСС Бровиков выступил ещё более резко и аргументированно. Говоря о предложениях Пленума по статьям 6 и 7 Конституции СССР (о роли партии в советском обществе) для внесения на внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР, Владимир Игнатьевич отметил: “Вместо ускорения социально-экономического развития (а именно в этом состояла квинтэссенция XXVII съезда) идёт его замедление. Вместо повышения уровня жизни людей труда наблюдается его снижение. Вместо реформирования системы государственного и хозяйственного управления во многом происходит её деформирование. ... Словом, весь наш реформаторский пар уходит в гудок, в лозунги и бесконечные дебаты в этом зале и в смежных с ним.

В крайне тяжёлом положении оказалась сама партия, и мы это все понимаем. Её носят самыми последними словами... Создаётся впечатление, что наши руководители спешат поставить крест на партии, как ведущей силе общества, а функции ликвидируемого Политбюро передать президенту. Но надо ли так спешить? ... Но где, товарищи, гарантия, что президентская власть спасёт от свалившихся на нашу голову бед?

...Считаю, что за кризис в стране и партии обязаны лично отвечать не только товарищ **Лигачёв**, которого здесь называли, но и товарищи **Горбачёв**, **Медведев**, **Слюнёков**, **Яковлев**, **Лукьянов**. Они, мне кажется, не совсем оправдали оказанное им доверие и не полностью справились с порученными участками работы”.

После выступления в ходе обмена репликами с Горбачёвым стоящий на трибуне Бровиков добавил, что “было бы нелишне, если бы члены Политбюро, каждый по своей компетенции, отчитались за те провалы, которые допущены после XXVI съезда”.

Горбачёв крайне болезненно воспринял выступление Владимира Игнатьевича. Но он негодовал бы ещё больше, если бы знал, что концовка того выступления должна была быть следующей: “Во имя спасения Родины предлагаю: **за измену интересам советского народа и предательство партии Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва М. С. из членов КПСС исключить**. Партийной группе КПСС на Съезде народных депутатов СССР

солидарно выступить за освобождение Горбачёва М. С. от должности президента СССР. Политбюро ЦК КПСС в нынешнем его составе распустить”.

Но перед своим выступлением Бровиков прозондировал настроение членов Пленума и понял, что его поддержит максимум третья, а то и меньше. Так впоследствии и произошло на апрельском (1991) Пленуме ЦК КПСС, когда рассматривался вопрос отставки Горбачёва. И свою концовку Владимир Игнатьевич не озвучил.

Но даже в усечённом виде выступление Бровикова было впечатляющим. Оно произвело эффект разорвавшейся бомбы и было одобрено шквалом аплодисментов. Как писал советский классик Максим Горький: “Безумству храбрых поём мы песню...” Но тогда большинство в ЦК КПСС предпочли отсидеться в окопах. К сожалению, тогда промолчал и я. Политически был ещё молод (высокой политикой занимался лишь три года, до этого основной сферой моего внимания была экономика) и не сумел до конца осознать правоту Владимира Игнатьевича.

Горбачёв весьма оперативно решил вопрос с Бровиковым. Его в том же 1990 году отправили на пенсию и вывели из состава ЦК КПСС.

Генсек кровавый

Горбачёва “Генсеком кровавым” первым назвал В. Легостаев, бывший помощник секретаря ЦК КПСС Е. Лигачёва. Он в 2001 году опубликовал в газете “Завтра” статью под таким названием. Я продолжу тему Легостаева, так как трагические кровавые события, которые произошли в период правления Горбачёва, наиболее ярко показали предательскую и подстрекательскую суть его политики в национальных регионах и её способствование нарастанию сепаратистских настроений.

Михаил Сергеевич упорно отрицает свою причастность к этим событиям. Однако к настоящему времени выявлено достаточно доказательств, что это не так. Более того, выясняется, что именно его позиция как главы государства и партии во многом обуславливала трагическое развитие ряда ситуаций.

Одними из первых массовые публичные волнения в СССР на национальной почве произошли в декабре 1986 года в Алма-Ате. Тогда по официальным данным погибли три человека, десятки были ранены, а 99 человек были осуждены и приговорены к различным срокам заключения. Эти волнения были вызваны назначением первым секретарём ЦК Компартии Казахстана русского Геннадия Васильевича Колбина вместо отправленного в отставку казаха Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Якобы Колбин приобрёл опыт руководства национальной республикой, проработав несколько лет “вторым” в Грузии.

Эта ситуация ярчайшим образом показала никчёмность кадровой политики Горбачёва. Как можно было навязывать в национальной республике “первого” секретаря русского! Это был дилетантизм, граничащий с провокацией. Да, такие случаи были в сталинский период. Но тогда это было совершенно другое время. А в период перестройки это привело к массовым волнениям.

О том, что национальные отношения для Горбачёва были “терра инкогнита”, писал бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок: “Горбачёв казался почти слепым в отношении реальных сил, стоявших за этнической и национальной агитацией... Либо он не знал, либо не хотел знать о проявлениях национальных чувств – русских и нерусских”. А может быть, Михаил Сергеевич и его советчики хорошо знали, как инспирировать националистические волнения? Возможно и то, что тогда кто-то с помощью Горбачёва пытался создать на территории СССР ситуацию “управляемого хаоса”.

Сумгаит-1988

Крупные массовые беспорядки на национальной почве с человеческими жертвами произошли 27–29 февраля 1988 года в городе Сумгаит Азербайджанской ССР (25 км от Баку). Фактически это было массовое избиение армян. Поводом для него послужило обращение армянских депутатов Нагорно-Карабахской автономной области к Верховным Советам Азербайджанской и Армянской ССР о выходе из состава Азербайджана и присоединении к Армении, принятное 20 февраля 1988 года.

Обращение породило в Азербайджане слухи о том, что в Нагорном Карабахе армяне массово убивают и изгоняют азербайджанцев. Распространением этих слухов, как потом было установлено, занимались провокаторы. Но Горбачёв в этой взрывоопасной ситуации ограничился лишь дежурным Обращением к народам Азербайджана и Армении, озвученным 26 февраля 1988 года.

В ответ на это обращение в Сумгаите начался митинг азербайджанцев, на котором звучали призывы отомстить армянам. К вечеру 27 февраля выступления переросли в действия. Сотни митингующих, подогретые митинговыми призывами и спиртными напитками, раздаваемыми бесплатно с грузовиков, начали громить квартиры армян и убивать их хозяев, адресами которых они странным образом располагали.

Москва хранила молчание. Более того, вечером 28 февраля, то есть через сутки после начала погрома программа новостей "Время" сообщила, что армянские рабочие в Сумгаите якобы решили сверхурочно поработать, чтобы компенсировать производственные потери за время забастовки на предыдущей неделе.

Только 29 февраля полк внутренних войск МВД СССР и курсанты Бакинского общевойскового училища сумели приостановить вакханалию убийств в Сумгаите. Однако полностью ситуацию в городе удалось взять под контроль лишь после введения туда морских пехотинцев и десантников. О серьёзности ситуации свидетельствует то, что в ходе наведения порядка в Сумгаите ранения получили 270 военнослужащих.

Всего же за три дня беспорядков в Сумгаите было разгромлено свыше двухсот квартир армян, десятки человек были убиты, значительная часть из которых были заживо сожжены после избиений и пыток, сотни ранены (реальные цифры жертв неизвестны до сих пор).

29 февраля 1988 года Политбюро ЦК КПСС признало, что массовые погромы и убийства в Сумгаите осуществлялись по национальному признаку. Но 18 июля того же года на заседании Президиума Верховного Совета СССР Горбачёв предпочёл обойти тему межнациональной розни. Попутно он снял с себя ответственность за сумгaitскую трагедию, заявив, что её не было бы, если бы войска не опоздали на три часа. Одним словом, виновата армия, а не **Горбачёв, который почти двое суток предпочитал не замечать развитие ситуации в Сумгаите**. Вот так!

Соответственно, объединённая следственная группа прокуратуры СССР основными мотивами преступлений в Сумгаите назвала не межнациональную рознь, а "хулиганские побуждения". Сумгaitские события были представлены советской общественности как некие нарушения общественного порядка. Не вызывает сомнений, что изменение оценки сумгaitской трагедии, первоначально данной на заседании Политбюро, прокуроры могли осуществить только по согласованию с Горбачёвым.

Такой подход следствия исключил возможность выявления подлинных организаторов сумгaitской трагедии. Единого общего судебного процесса по этим событиям не проводилось. Дело было разбито на 80 эпизодов и рассматривалось в судах различных городов Союза. Настоящие виновники кровавых событий так и остались не наказанными.

Это породило у националистов разных мастей уверенность в том, что насилие является эффективным средством решения межнациональных вопросов, что и показало дальнейшее развитие ситуации в Союзе. Ответственность за это лежит на Михаиле Сергеевиче.

Известно, что за погромом в Сумгаите уже в ноябре 1988 года последовали погромы в Кировабаде и Баку. А в январе 1990 года погромы начались в Баку и других частях Азербайджана. Все они проходили по той же схеме, что и в Сумгаите. Это заставляет предположить, что эти акты насилия были организованными, а не спонтанными проявлениями межнациональной розни. Но этот аспект тогда замалчивался.

Тбилиси-1989

Спустя год после Сумгаита критическая ситуация назрела в Грузии. Известно, что история грузинского антисоветского национализма восходит к 25 февраля 1921 года, когда Грузия якобы была "оккупирована большевистскими силами России". В 1988–1989 годах грузинские сепаратисты активизи-

ровались. В феврале 1989 года ряд из них был арестован. Но из Москвы пришло указание освободить “борцов за независимость”. Получив такой карт-бланш, сепаратисты перешли к публичным акциям.

5 апреля 1989 года они организовали митинг у Дома правительства в Тбилиси. Через сутки там митинговало уже свыше 5 тысяч человек. На митинге было принято обращение к президенту и Конгрессу США, к странам НАТО, в котором предлагалось рассмотреть вопрос Грузии в ООН, признать советскую оккупацию Грузии и оказать ей помощь в выходе из СССР. Митингующие сформировали отряды из бывших воинов-“афганцев”, спортсменов и физически крепких мужчин, которые вооружились металлическими прутьями и цепями.

Создалась реальная угроза захвата митингующими Дома правительства и власти в республике. 7 апреля руководство ЦК Компартии Грузии обратилось в ЦК КПСС с просьбой направить в Тбилиси дополнительные силы МВД и Минобороны СССР. Прилетевший поздно вечером 7 апреля из зарубежной поездки Генсек Горбачёв прямо в аэропорт Внуково дал поручение бывшему первому секретарю ЦК КП Грузии, а в то время – министру иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и секретарю ЦК КПСС Г. Разумовскому немедленно вылететь в Тбилиси.

Между тем ситуация в Тбилиси продолжала накаляться. Вечером 8 апреля к митингующим обратился патриарх Грузии Илия с просьбой: “Братья и сестры, покиньте площадь, не доводите дело до применения силы”. Но будущий президент независимой Грузии Звиад Гамсахурдия вырвал у него из рук микрофон и закричал: “Пусть прольется кровь!” Толпа в ответ заревела: “Пусть прольётся кровь!”

Вечером 8 апреля командующий войсками Закавказского военного округа Игорь Николаевич Родионов получил письменный приказ от министра обороны Дмитрия Тимофеевича Язова к утру 9 апреля очистить от митингующих проспект Руставели и взять под охрану государственные объекты.

После событий Горбачёв утверждал, что Язов отдал приказ на применение военной силы в Тбилиси по собственной инициативе. Но в 1999 году не задолго до своей смерти бывший глава КГБ СССР, а позднее секретарь ЦК КПСС, курировавший силовые структуры, В. Чебриков раскрыл тайну. В своём последнем интервью корреспонденту Евгению Жирнову Виктор Михайлович рассказал, что он лично “докладывал Горбачёву обстановку и запрашивал санкцию на применение войск в Тбилиси” (“Трибуна”, 27.07.2001). Горбачёв дал “добро”, а потом разыграл святое неведение.

В Тбилиси к вечеру 8 апреля ситуация стала взрывоопасной. Причём руководители митинга постоянно получали секретную информацию о том, какие меры в отношении них планирует предпринять Москва. Узнав, что готовится силовая акция, они заблокировали все подходы и подъезды к проспекту Руставели “КамАЗами”, гружёными щебнем, со спущенными шинами.

В результате, когда в 4 часа утра 9 апреля 1989 года войска попытались вытеснить митингующих с проспекта Руставели, возникла страшная давка, в которой от механической асфиксии (вывод судебно-медицинской экспертизы) погибли 18 человек, из них 16 женщин. Ситуацию усугубили боевики Гамсахурдии, вооружённые дубинками и арматурой, которые повсеместно устраивали рукопашные схватки с солдатами.

Однако виновными за гибель людей сделали советских десантников, которые сапёрными лопатками якобы рубили женщин и душили народ газами. С этим “диагнозом” в 10 часов утра 9 апреля в Тбилиси появились упомянутые ранее Шеварднадзе и Разумовский. Где они были до той поры почти 1,5 суток, так и осталось тайной.

Первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков возразил против утверждения Шеварднадзе, сославшись на кинофильм, снятый операторами КГБ на площади у Дома правительства. Кинофильм свидетельствовал, что сапёрными лопатками солдаты лишь защищали головы от летящих из толпы камней и бутылок.

Однако на заседании ВС Союза ССР тема сапёрных лопаток прозвучала, как истина. Советской Армии, КГБ и советской власти был нанесён первый удар. Без сомнения, правда о тбилисских событиях была известна Горбачёву. Как тогда расценивать его молчание на Политбюро и Верховном Совете СССР, когда шельмовали армию и КГБ?

Ясно одно: Горбачёв сознательно шёл на действия, подрывавшие авторитет советской власти, армии и КГБ. А в его окружении не нашлось тех, кто обнародовал бы предательскую позицию главы партии. Ну, а то, что гибель людей в Тбилиси во многом была следствием выжидающей позиции Горбачёва, не вызывает сомнений.

Отмечу лишь, что при рассмотрении на Политбюро ЦК КПСС тбилисских событий (20.04.1989) Горбачёв заявил Крючкову и Язову: “Я на тебя смотрю, Владимир Александрович! (Крючков)... Дмитрий Тимофеевич (Язов)! Запомни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения Политбюро армии в гражданских делах запрещаю участвовать”.

Баку—1990

После сумгaitского погрома отношения между азербайджанцами и армянами стали крайне напряжёнными. К началу 1990 года в Баку осталось всего около 30–40 тысяч армян, в основном, женщины и пенсионеры. В это время на границе между Армянской и Азербайджанской ССР начались бои с применением артиллерии. Масла в огонь подлило заявление представителей Народного фронта Азербайджана, сделанное по бакинскому телевидению 12 января 1990 года о том, что Баку заполнен бездомными азербайджанскими беженцами из Карабаха, а тысячи армян живут в комфортных квартирах.

На следующий день в Баку на площади Ленина Народный фронт Азербайджана собрал многотысячный митинг, на нём звучали лозунги “Слава героям Сумгаита!”, “Да здравствует Баку без армян!” К вечеру часть митингующих начала семидневный антиармянский погром. Как и в Сумгаите, погромщики целенаправленно шли по городу, прекрасно ориентируясь, в каких квартирах проживали армяне.

Действия погромщиков, как и в Сумгаите, отличались изощрённой жестокостью. Однако расквартированные в городе войска МВД СССР и части Советской Армии получили указание из Москвы не вмешиваться в происходящее, ограничиваясь только охраной правительственные объектов.

17 января сторонники Народного фронта Азербайджана начали непрерывный митинг перед зданием ЦК, перекрыв к нему все подходы. Опасаясь силовой акции Центра, активисты Народного фронта начали блокаду военных казарм, находящихся в Баку. К этому времени Народный фронт де-факто контролировал ряд регионов Азербайджана. **Фактически в Азербайджане шло антисоветское восстание.**

19 января 1990 года Указом Президиума ВС СССР в Баку было введено чрезвычайное положение. В ночь с 19 на 20 января Москва дала согласие на ввод в Баку частей СА и КГБ СССР. В ходе уличных боёв военнослужащих с боевиками Народного фронта погибло 134 и было ранено более 700 жителей Баку.

Несколько слов по поводу заявлений о несоразмерности силовых действий советских военнослужащих в Баку. Хорошо рассуждать на эту тему, сидя в кабинете. А теперь представьте себе молодых ребят, по приказу ночью вступающих в незнакомый город, в котором у них пытаются отнять оружие или поджечь бронетранспортёр?! Их реакция вполне предсказуема.

Силовая операция стала трагедией для русских, живших в Азербайджане. Баку в январе 1990 году кипел ненавистью к “русским оккупантам”. На многих домах появились надписи: “Русские – оккупанты!”, “Русские – свиньи!” В течение 1990 года русских стали повально выселять из квартир. Суды на их обращения не реагировали.

А что же наш Генсек? Он вновь остался в стороне, заявив, что войска в Баку вошли по приказу Язова и Крючкова, как бы забыв при этом, что **Указ о введении чрезвычайного положения в Баку подписывал он сам.**

Тем не менее, после Баку никаких оргвыводов в отношении повторных “самовольщиков” не последовало. Более того, через три месяца, 28 апреля 1990 года президент **Горбачёв своим Указом присвоил Язову звание Маршала Советского Союза!** Абсолютно ясно, что Язов и Крючков в Баку выполняли указания Горбачёва.

Далее кровавое колесо межнационального насилия покатилось по Союзу. Но по указанию Горбачёва правда о межнациональных разборках скрывалась. Они не стали предметом серьёзного разговора и на XVIII съезде КПСС, состоявшемся в июне-июле 1990 года. Уголовные дела на эту тему, как правило,

“спускали на тормозах”. В результате националисты уверовали в свою безнаказанность. Это особенно ярко проявилось в Литовской ССР.

Вильнюс-1991

Создав в июне 1988 года с подачи Кремля и КГБ СССР Литовское Движение за перестройку (“Саюдис”), литовские сепаратисты буквально в течение нескольких месяцев подмяли под себя все властные структуры республики. Отчёто-выборную осеннюю кампанию 1988 года в первичных, городских и районных партийных организациях также выиграли представители “Саюдиса”.

После этого Компартия стала инструментом сепаратистов в решении вопросов обретения Литвой независимости. Уже с октября 1988 года на 90% коммунистический Верховный Совет Литовской ССР стал послушно принимать декларации и законы, формировавшие правовое поле для выхода Литвы из СССР.

ЦК КПСС и Горбачёв бесстрастно наблюдали за процессами укрепления позиций сепаратистов в Литве. Налицо явная аналогия с развитием ситуации в Грузии и Азербайджане, что свидетельствует об осознанной тактике Горбачёва и его окружения. Победив в феврале-марте 1989 года на выборах в Верховный Совет Литовской ССР, саюдисты на первом же заседании провозгласили восстановление независимого Литовского государства. Хорошо изучив за годы перестройки соглашательскую тактику Горбачёва, глава Верховного Совета Литвы Витаутас Ландсбергис в отношениях с Кремлём занял твердокаменную позицию: “Переговоры только при условии признания независимости Литвы”.

Помимо противостояния с Центром, новые власти сделали ставку на разжигание межнациональной розни в республике, так как это способствовало сплочению литовской нации. К январю 1991 года межнациональная ситуация в многонациональном Вильнюсе стала критической. Тогда в Москве решили взять под контроль Дом печати, материально обеспечивающий деятельность республиканских печатных изданий, а также республиканское радио и телевидение, разжигающие межнациональную рознь.

Планы Москвы так же, как это было в Грузии и Азербайджане, моментально становились известны литовским сепаратистам. И в Литве Центр, а точнее – Горбачёв вновь допустил доведение ситуации до критической. Только в ночь с 12 на 13 января 1991 года, когда стратегические объекты в Вильнюсе были окружены многотысячными толпами митингующих, из Москвы последовал приказ на силовую акцию.

И, что характерно, в Тбилиси уже после событий, с 1,5-суточным опозданием прилетели представители президента СССР Шеварднадзе и Разумовский. В Вильнюс комиссия ВС СССР, возглавляемая заместителем Председателя Верховного Совета СССР Николаем Ивановичем Дементеем, “летела” 20 часов, хотя лёту было 1 час 20 минут. Странное повторение, наводящее на грустные размышления.

Причину странной задержки делегации мне рассказал В. Севрук. Он сообщил, что Н. Дементея перед вылетом в Вильнюс Горбачёв неожиданно задержал в своём кабинете. Уже в московском аэропорту Дементей вдруг убедил членов делегации Олейника и Тер-Петросяна в том, что надо сделать посадку в Минске. Якобы ему было необходимо передать какие-то документы в канцелярию ВС Белоруссии. Ну, а утром, по его словам, делегация через 15 минут будет в Вильнюсе.

Не вызывает сомнений, что Дементей посадил самолёт в Минске по просьбе Горбачёва. Возможно, Михаил Сергеевич даже вручил ему какие-то документы для Белоруссии. Всё это позволяет утверждать, что **Горбачёв был инициатором задержки в Минске делегации Верховного Совета СССР**. Президент СССР плотно контролировал и направлял развитие ситуации в Литве в нужном для него направлении.

Провал силовой акции в Вильнюсе нужен был Горбачёву для нанесения завершающего удара по авторитету КГБ и СА и по сторонникам единого Союза в Литве. В этом случае в КГБ и армии никто не рискнул бы выступать против выхода из СССР республик Прибалтики и Закавказья.

Изначально провальная силовая акция состоялась в Вильнюсе в ночь на 13 января 1991 года. Делегация Совета Федерации СССР, которая могла бы предотвратить эту акцию, прилетела в Вильнюс лишь утром 13 января. К этому времени Ландсбергис и его команда сделали своё кровавое дело, переве-

дя стрелки ответственности на КГБ и СА. Но Михаил Сергеевич в очередной раз разыграл неведение.

Для тех, кто яро утверждает, что литовские сепаратисты не могли пойти на жертвы среди литовцев, сообщу следующее. Как известно, у телебашни и зданий Литовского радио и телевидение погибло 14 человек. Но при этом главные организаторы и виновники январских кровавых событий – глава Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис и глава Департамента охраны края А. Буткявичюс – были готовы принести в жертву не десяток, а тысячи жизней для того, чтобы “доказать зверства советских оккупантов”.

Известно, что В. Ландсбергис дал согласие на акцию “Сожжём Верховный Совет, но защитим независимость!” Реализовывал эту акцию А. Буткявичюс. В этих целях здание ВС было подготовлено к грандиозному пожару. Помимо массы горючих жидкостей, налитых в различные ёмкости, в здание из Литовской киностудии было доставлено специальное пиротехническое оборудование, которое должно было усугубить этот апокалипсис.

Впервые о том, что Верховный Совет должен был гореть, Буткявичюс сообщил в 1999 году на суде по делу литовских коммунистов М. Бурокявичюса, Ю. Ермолавичюса. Но о главных подробностях пожара он проболтался в интервью газете *Lietuvos rytas* (“Утро Литвы”). 13.01.2014). Буткявичюс в этом интервью заявил, что “нам нужна была эта красавая картина: горит демократия Литвы! Только так мы могли убедить иностранных политиков поддержать нас”.

Помимо этого, провокатор Буткявичюс сообщил, что в ночь на 13 января в здании ВС находилось около 3,5 тысячи человек. Последний раз перед январскими событиями я как депутат ВС был там 10 января 1991 года. Уже тогда выходы, а их было всего четыре, были прикрыты мешками с песком, что мешало проходу людей. Туалеты ВС были набиты ёмкостями с бензином. Добавлю, что ряд помещений ВС связан сравнительно узкими переходами. Большинство лестниц позволяли разойтись лишь двоим.

А теперь представьте, что произошло бы во время штурма Верховного Совета. Никто не стал ожидать организованной эвакуации людей. Стрельба, настоящие и бутафорские взрывы, горящие “коктейли Молотова”, дым... Ситуация, которую усугубила бы пиротехника с киностудии. Весь персонал и защитники ВС рванулись бы к выходам и заблокировали их массой тел. В считанные минуты здание ВС превратилось бы в огромную братскую могилу. Счёт жертв пошёл бы на тысячи.

В. Ландсбергис планировал покинуть здание на плечах спортсменов, через секретный подземный туннель. С ним ушло бы только его ближайшее окружение, в том числе и А. Буткявичюс. А тысячи людей так и остались бы в огненном пекле. Мир содрогнулся бы от “зверств безжалостных советских убийц”, которые были бы засняты многочисленными видеокамерами, подготовленными организаторами пожара заранее. К счастью, штурм Верховного Совета так и не случился. Однако о преступных намерениях Ландсбергиса и Буткявичюса в Литве предпочитают умалчивать.

Кстати, при проведении силовой акции в Вильнюсе, в отличие от Тбилиси, КГБ не обеспечил её видеосъёмку. Также не была уточнена реальная ситуация возле объектов, которые следовало взять под охрану.

Литовские сепаратисты в Вильнюсе подготовились отменно. Стрелки, размещённые на крышах домов, окружающих телебашню и на самой телебашне, после появления военной колонны с десантниками открыли огонь по толпе митингующих и военнослужащим. Жертвами наездов танков были представлены люди, погибшие в городских автокатастрофах, или участники постановочных наездов танков, которые обеспечивали специальные бригады боевиков Буткявичюса.

В итоге военнослужащие Советской армии и спецгруппы КГБ СССР “А” уже рано утром 13 января 1991 года были обвинены в гибели 14 и ранении 48 жителей республики. Вскоре стало ясно, что вильнюсская трагедия нанесла сокрушительный удар по авторитету Советской армии и КГБ. Серьёзно был поколеблен и авторитет Горбачёва.

Не виноватый он?

Литовское “правосудие” 25 лет вело “расследование”, а точнее – формировало “нужные” доказательства вины военнослужащих СА и КГБ СССР в январских событиях в Вильнюсе. В 2010 году события у вильнюсской телебаш-

ни литовская Фемида переквалифицировала в военные преступления, не имеющие срока давности.

В настоящее время в Литве с 27 января 2016 года идёт заочный судебный процесс по делу о трагических событиях у вильнюсской телебашни в январе 1991 года. Обвиняемыми по этому делу числятся 60 граждан России, якобы совершившие военные преступления на территории Литвы. Всем им грозит пожизненное заключение, что подтверждает абсурдное обвинение против российского полковника Ю. Меля. Его “военное преступление”, по мнению литовских прокуроров, состоит в том, что он, будучи 22-летним лейтенантом и командиром танка, произвёл три холостых выстрела из танковой пушки в воздух у вильнюсской телебашни.

Заочный процесс в Вильнюсе должен стать “Нюрнбергом-2” в деле признания СССР “агрессором, совершившим в январе 1991 года нападение на независимую Литву”. Расплачиваться за это преступление, в том числе и финансово, предстоит России как правопреемнику СССР.

Особо отмечу, что основные данные об участниках силовой акции и их действиях в Вильнюсе в январе 1991 года Генпрокуратура Литвы почерпнула из 37 томов уголовного дела № 18/5918-91 о событиях, имевших место в Вильнюсе, следствие по которому провела Прокуратура СССР. 26 сентября 1991 года все 37 томов (оригиналы!) **Прокуратура СССР передала Генпрокуратуре Литвы**. Без сомнения, Генпрокурор СССР Трубин мог осуществить такое только по указанию президента СССР. Оценку степени подлости и предательства Горбачёва в этой ситуации я затрудняюсь дать.

Отмечу, что бывший президент СССР М. Горбачёв, давший указание о проведении силовой операции в Литве, в числе обвиняемых не числится. Видимо, это плата за его содействие выходу Литвы из СССР и за передачу вышеизложенных 37 томов уголовного дела о вильнюсских событиях.

Произвольно трактуя переданные Генпрокуратурой СССР материалы, литовские прокуроры сформулировали версию, согласно которой возвратить Литву в состав СССР **самовольно решила группа**, якобы организованная бывшим министром обороны СССР Д. Язовым в составе В. Крючкова, Б. Пуго и О. Шенина. И это в тоталитарном, как считают в Литве, Союзе ССР?

Между тем, имеется достаточно свидетельств, подтверждающих, что Горбачёв не только знал о силовой операции в Вильнюсе, но и контролировал её ход. Первым публично об этом заявил бывший заместитель министра обороны СССР, ныне покойный Владислав Алексеевич Ачалов, руководившей силовой операцией в Вильнюсе.

Об указаниях Горбачёва применить силу в Литве для наведения конституционного порядка писал в своей книге “Личное дело” бывший председатель КГБ СССР В. Крючков (т. 2. С. 30–31). В феврале 2012 года в интервью “Комсомольской правде” это же подтвердил бывший министр обороны СССР Д. Язов.

Дмитрий Тимофеевич, в течение 21 года не упоминавший Горбачёва, даже в ситуации, когда тот его и Крючкова назвал “сволотой”, сообщил корреспондентам “КП” Г. Сапожниковой и В. Баранцу: “Без Горбачёва никто ничего сделать не мог. И насчёт Тбилиси он лично мнеставил задачу, и насчёт Баку, и насчёт Вильнюса. Мы ничего без ведома Верховного главнокомандующего делать не могли” (“КП”, 23.02.2012).

Заявление о том, что штаб силовой операции в Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января 1991 года регулярно докладывал в Москву о ситуации и получал оттуда указания, сделал в интервью корреспонденту газеты “Комсомольская правда” (“КП”, 13.01.2012) полковник КГБ СССР Михаил Васильевич Головатов, руководивший бойцами “Альфы” в Вильнюсе. Это же подтвердил и Язов в вышеуказанном интервью.

Заслуживает внимания свидетельство бывшего главы ВС Литвы Витаутаса Ландсбергиса. В 2011 году он, поддерживая требование бывшего советского диссидента Владимира Буковского о привлечении Горбачёва к уголовной ответственности за гибель людей в Тбилиси, Баку и Вильнюсе, направил в Вестминстерский суд Лондона заявление.

В нём Ландсбергис сообщил, что в январскую ночь 1991 года, не сумев дозвониться Горбачёву, он позвонил тогдашнему президенту России Борису Ельцину. Тому удалось связаться с Горбачёвым, который, по словам Ельцина, в ночь на 13 января 1991 года бодрствовал и весьма внимательно следил

за событиями в Вильнюсе. Эту информацию Ельцин передал Ландсбергису непосредственно после январских событий, а потом повторил её во время личной встречи с Ландсбергисом в Риге в 2006 году.

Добавлю своё свидетельство и я. 10 января 1991 года по ВЧ мне в Вильнюс позвонил секретарь ЦК КПСС Олег Семёнович Шенин и сказал, что сейчас со мной будут разговаривать. С удивлением (почему надо было звонить через Шенина) я услышал в трубке голос Горбачёва, который поинтересовался, пойду ли я на заседание Верховного Совета Литвы (я был единственным депутатом, избранным от Компартии Литвы на платформе КПСС). Я ответил утвердительно. Тогда Михаил Сергеевич сказал, что я должен передать ВС Литвы требование руководства СССР о немедленном возвращении в Литве действия Конституции СССР и добавил, что **в противном случае** “мы пойдём в отношении Литвы на самые жёсткие меры”.

Я подумал, что Горбачёв имеет в виду или арест сепаратистов, или переход в экономических отношениях с Литвой на мировые цены, так как бряцание оружием, как это было в Тбилиси и Баку, дало обратный эффект. Но всё оказалось гораздо хуже...

О том, что Горбачёву было известно о предстоящей силовой акции в Вильнюсе, заявила в мае 2011 года бывший премьер-министр Литвы Казимира Прунскене. Она в телепередаче в рамках проекта “НТВшники” рассказала о последних минутах своего разговора, состоявшегося с Горбачёвым в Кремле 8 января 1991 года. Уходя, Прунскене спросила президента СССР, будет ли в отношении Литвы применено насилие? Горбачёв предложил ей обратиться за ответом к министру обороны СССР Д. Язову.

Не секрет, что, когда лукавый руководитель планирует переложить ответственность за возможный или запланированный провал своей акции, он изначально подставляет подчинённого, который затем должен стать “козлом отпущения”. Этот подход известен со времён Римской империи.

Вышеизложенное неопровергимо свидетельствует, что трагическое развитие событий, имевших место в СССР в период “перестройки”, во многом **было обусловлено позицией и действиями президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва и его окружения**. Именно это обусловило распад Союза ССР. Об этом поговорим в следующей части.

(Окончание следует)